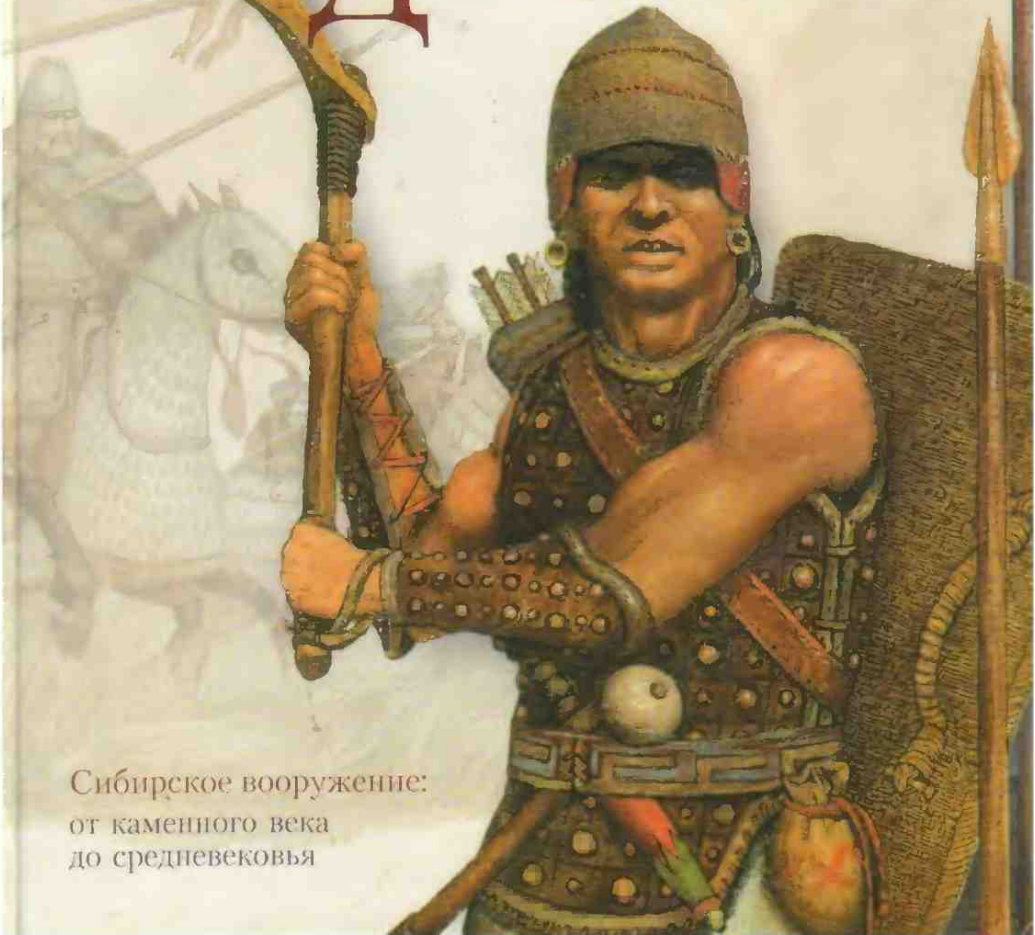

А. И. Соловьев

Оружие и ДОСПЕХИ

Сибирское вооружение:
от каменного века
до средневековья

Моим родителям

Александр Соловьев — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Автор и соавтор свыше пятидесяти научных статей и восьми монографий, в область научных интересов входит изучение традиционных представлений коренного населения Западной Сибири: верований, искусства, культовой и погребальной практики, этно- и культурогенеза. Александр Соловьев около 20 лет занимался археологическими исследованиями древних намятников на Алтае, в степях Минусинской котловины, в западно-сибирской тайге и лесостепи. Работы Л. Соловьева отличает стремление к комплексному подходу в решении научных проблем, когда археологические материалы сочетаются с этнографическими наблюдениями, дополняются фольклорными источниками и данными естественных наук.

Научный редактор академик В. И. Молodin

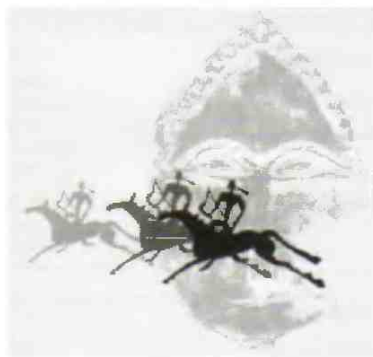
Федеральная программа книгоиздания России

А. И. Соловьев

Оружие и ДОСПЕХИ

Сибирское вооружение:
от каменного века
до средневековья

Художник М. А. Лобырев

Оглавление

	СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ	8
Глава 1	ОТ КАМЕННОГО ВЕКА К ЭПОХЕ БРОНЗЫ	12
	Неолит и переходное к бронзовому веку время (<i>VII - III тыс. до н. э.</i>)	16
Глава 2	В ЭПОХУ ЗВОНКОГО МЕТАЛЛА	22
	Сейминско-турбинские конейщники (<i>эпоха развитой бронзы</i>)	27
	Древние андроновцы (<i>эпоха развитой бронзы</i>)	42
	Ирменская и карасукская культуры (<i>эпоха поздней бронзы</i>)	44
	Культура оленных камней (<i>переходное время к эпохе раннего железа</i>)	48
Глава 3	ПАЗЫРЫКЦЫ, ТАГАРЦЫ И ДРУГИЕ	52
	Назырьская культура (<i>эпоха раннего железного века</i>)	52
	Большереченская культура (<i>эпоха раннего железного века</i>)	66
	Тагарская культура (<i>эпоха раннего железного века</i>)	72
	Саргатская культура (<i>эпоха раннего железного века</i>)	85
	Кулайская культура (<i>эпоха раннего железного века</i>)	89
Глава 4	ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ПАРОВ	96
	Таштыкская культура (<i>II в. до н. э. — V в. н. э.</i>)	106
	Кулайская культура в гунно-сарматское время (<i>II в. до н. э. — V в. н. э.</i>)	112
Глава 5	ПОТОМКИ СЕРОЙ ВОЛЧИЦЫ	124
Глава 6	ВСАДНИКИ С БЕРЕГОВ ЕПИСЕЯ	144
Глава 7	И СЫПАЛИСЬ СРЕЛЫ ДУЖДЕМ...	156
Глава 8	«ЖЕЛЕЗНЫЕ ВОЛКИ» С ТАЕЖНЫХ ПРОТОК	176
	Князь и дружина (<i>VIII-XII вв.</i>)	106
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	208
	ПРИМЕЧАНИЯ	210
	БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	218
	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	222
	МУЗЕЕВ	222

КАМЕННЫЙ ВЕК

Палеолит		26 млн - 14 тыс. лет назад
Мезолит	XII-VII	тыс до н. э.
Неолит и переходное к бронзовому веку время	VII-II	тыс до н. э.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Эпоха ранней бронзы Афанасьевская культура	III-II	тыс до н. э.
Эпоха развитой бронзы Сейминско-турбинская культура Окуневская культура Кротовская культура Андроновская культура	XVI-XI	вв. до н. э.
Эпоха поздней бронзы и переходное к раннему железному веку время Карасукская культура Ирменская культура Культура оленьих камней	X-VIII	вв. до н. э.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Ранний железный век (эпоха ранних кочевников) Пазырыкская культура Тагарская культура Саргатская культура Большереченская культура Кулайская культура	VII-II	вв. до н. э.
Гузно-сарматское время Саргатская культура Кулайская культура Таштыкская культура	II в. до н. э. - V в. н. э.	
Эпоха раннего средневековья (древнетюркское время) Древние тюрки Енисейские кыргызы Релкинская культура Усть-ишимская культура	VI-XII	вв.
Эпоха развитого средневековья (монгольское время)	XIII-XV	вв.
Эпоха позднего средневековья (новое время)	XVI-XVII	вв.

Каменный век

Сайминско-турбинская культура

Кротовская культура

Андроновская культура

Карасукская культура

Пазырыкская культура

Тагарская культура

Саргатская культура

Большеренчанская культура

Кулайская культура

Таштыкская культура

Древние турки

Кыргызы

Релинская культура

Усть-Ишимская культура

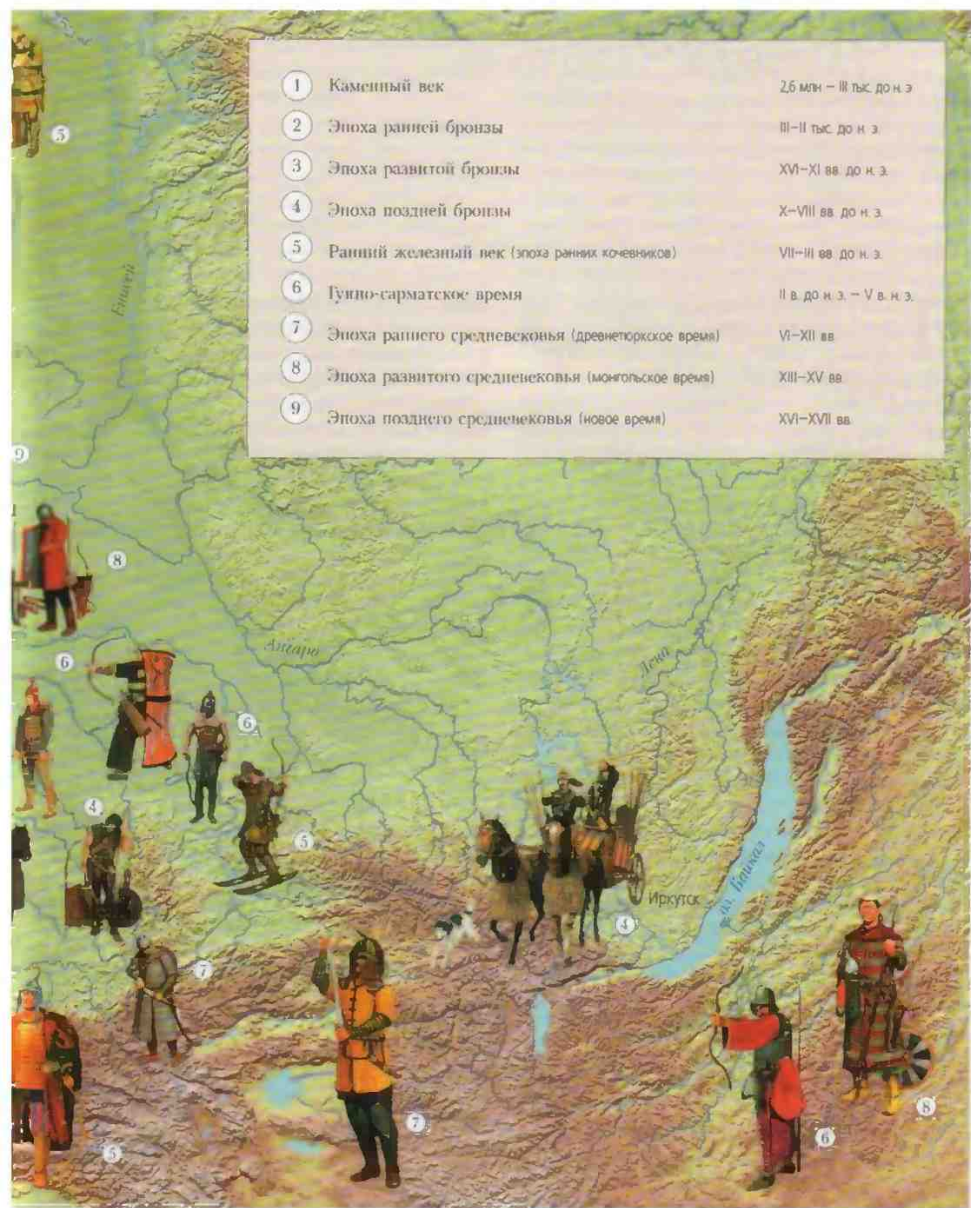
Монголы

Остяцкое княжество

1	Каменный век	2,6 млн – III тыс. до н. э.
2	Эпоха ранней бронзы	III–II тыс. до н. э.
3	Эпоха развитой бронзы	XVI–XI вв. до н. э.
4	Эпоха поздней бронзы	X–VIII вв. до н. э.
5	Ранний железный век (эпоха ранних кочевников)	VII–III вв. до н. э.
6	Туно-сарматское время	II в. до н. э. – V в. н. э.
7	Эпоха раннего средневековья (древнетюркское время)	VI–XII вв.
8	Эпоха развитого средневековья (монгольское время)	XIII–XV вв.
9	Эпоха позднего средневековья (новое время)	XVI–XVII вв.

Слово к читателям

Пенать о древнем оружии непросто. Тому есть множество причин. Несмотря на то, что войны в Сибирской тайге, степях и горах бушевали почти непрерывно, сохранилось лишь весьма ограниченное количество предметов вооружения. Оружие здесь, как, впрочем, и везде, высоко ценилось. Оно было желанным трофеем, лучшие его образцы передавались из поколения в поколение, и, хотя оно должно было сопровождать своих хозяев в жизни и в смерти, настоящие средства ведения боя, за исключением лука и стрел, нечасто помещались под курганы вонтелей эпохи бронзы и железа. Довольно рано вместо реальных боевых образцов в погребения стали опускать различную рода модели, отлитые из бронзы или даже выструганные из дерева. Многие предметы вооружения, по представлениям древних, были "живыми" и обладали способностью самостоятельно находить себе хозяина, а, следовательно, не могли быть захоронены. Свою роль сыграл также распространенный вплоть до эпохи позднего средневековья принцип «*raus pro toto*» (часть вместо целого), который позволял обходиться в подобных случаях лишь некоторыми элементами или частями оружия — например, отдельными панцирными пластинами вместо целых лат. Немало затруднений исследователям доставляли и «курганная лихорадка» — тотальное разграбление погребальных памятников в поисках могильного золота, — с особой силой вспыхнувшая в XVIII в. В это время бесследно исчезла, надо полагать, не одна тысяча единиц разнообразного оружия.

Ночти каждый древний предмет вооружения являлся штучным изделием, кроме, пожалуй, наконечников стрел, которые быстро приобретали стандартные, характерные для каждой исторической эпохи формы. Существует немалый соблазн ограничиться работой с несколькими наиболее яркими образцами, позволяющими судить об эпохе. Можно, конечно, пойти проверенным путем —

составить подробные типологические схемы, определить хронологию, эволюцию основных видов оружия и найти для каждого исторического периода ведущие формы. Можно проанализировать погребальный обряд и попытаться на его основании выделить дружинную прослойку и т. д. Такой подход к анализу археологического материала нашел отражение в целой серии тематических монографий и сборников статей. Они, безусловно, представляют интерес для специалистов, но вряд ли будут интересны широкому кругу читателей. Тем более что за строгой логикой научного исследования остаются без ответа сотни вопросов, которых специалисты не в состоянии пока разрешить, не вступив на скользкий путь домыслов.

Но можно также, опираясь на факты, основываясь на археологическом материале, разбросанном по Северо-, Центрально- и Среднеазиатской ойкумене, попытаться собрать некое целое, дорисовывая недостающие части так, чтобы из фрагментов исторической действительности получилась картина, хронологически непротиворечивая и при этом отражающая колорит времени. Она, следует добавить, будет неполной без реконструкции облика древнего воина, то есть того, кто непосредственно влиял на создание истории.

Нашего современника не меньше, чем само оружие и особенности его применения, интересуют те, кто его носил. Для стран с развитой изобразительной и письменной традицией вопрос воссоздания образа древнего воина решается довольно просто. Тут достаточно взглянуть на барельефы Месопотамии или фрески Египта, росписи на сосудах античной Греции или фигурки на триумфальных арках Древнего Рима. Но как быть с регионом, где таких материалов нет? Конечно, среди вышеупомянутых изображений есть и фигурки варваров, но варваров, если так можно выразиться, местных, обитавших слишком далеко от просторов Сибири. Не может помочь

исследователю и конструкция доспехов, которая у сибирских солдат не образует, как в рыцарской Европе, цельной металлической оболочки, определяющей облик витязя. Иные традиции, иные культуры.

Разумеется, нельзя отрицать существования изобразительной традиции на территории Сибири. Но, к сожалению, она дошла до нас только на «вечных материалах» — в виде наскальных рисунков и редких стилизованных фигурок, отлитых из бронзы. В таких изображениях многие важные для современного ученого детали отсутствуют, ведь они были столь очевидны для той эпохи, что подразумевались сами собой. Часто на петроглифах эпохи бронзы и раннего железного века мы только по оружию в руках можем распознать воинов среди многих силуэтных изображений обнаженных фигур с выделенными признаками пола. Сложно представить, что бойцы были снабжены лишь коньями и щитами и воевали голыми меж отрогов Саяно-Алтая и в глубинах заанодно-сибирской тайги. Жарким летом такая картина еще имела право на существование, но как быть с ранней весной или поздней осенью? Тем не менее, согласно древним силуэтным рисункам, лучники на лыжах тоже часто лишены одежды. И если здесь можно допустить наличие плотно облегающего костюма, то на прекрасно выполненной из бронзы фигурке мужчины с наваршия ножа, обнаруженного близ Омска у с. Ростовка, кроме круглой шапочки и лыж никаких признаков иного одеяния не просматривается. Головной убор (либо замысловатая прическа) и оружие — основные элементы, на которых акцентировали внимание художники той эпохи. В древних изображениях не было ничего случайного. Головной убор и оружие были символичны, более важны для понимания образа, чем одежда. Именно по ним узнавался персонаж. Но для нас эти рисунки остаются во многом загадочными и, порой, фантастическими. Что, например, представляют собой так называемые «грибовобразные» головные уборы, столь часто встречаемые среди петроглифов эпохи бронзы Горного Алтая, Тывы, Монголии? Быть может, это плетеные шляпы с огромными обвислыми полями или сжатые с боков, уплощенные головные уборы наподобие тех, что украшали головы офицеров европейских армий времени наполеоновских войн? Силуэтная техника рисунка не дает ответа на этот вопрос. И, конечно же, интерпретируя древние изображения, мы невольно допускаем ряд условностей и субъективных трактовок.

Однако, ситуация не столь безнадежна, как это может показаться на первый взгляд. Гигантская страна, которая

лежит за Уральскими горами и зовется ныне Сибирью, никогда не была культурным изолятом. Здесь, на необъятных просторах Северной Азии, скакали по степи, пробравшись в тайге, стояли на горных кручах столь же прекрасно экипированные воины, что и в соседних регионах. Ход истории здесь можно сравнить с колебаниями гигантского маятника. Следуя его движению, потоки вооруженных людей то шли на восток — в Сибирь, то двигались в обратном направлении в Европу. Медленно брели в глубины Азии со стадами и семьями мигранты эпохи бронзы, отступали сюда перед македонскими конными отрядами кочевников раннего железного века. На рубеже эр в Европу катились неисчислимые полчища гуннского союза, а вслед за ними, столетия спустя, — воинственные племена тюркоязычных кочевников эпохи раннего средневековья. И, наконец, в XIII в. этим путем прошли закаленные в боях тумыны Чингизидов. В создании военного потенциала каждый народ проявлял недюжинную изобретательность, не только создавая новые виды вооружения, но и заимствуя наиболее совершенные и удачные у соседних племен. Поэтому неудивительно, что на огромных территориях оружие имеет целый ряд поразительно сходных черт. Так, бронзовые наконечники стрел с музейных стендов городов Сибири оказываются «родными братьями» скифских, летевших в воинов Александра Великого или мелькавших над стенами урартской крепости Тешейбанин.

Рынок оружия сложился очень давно. В процессе мирных и немирных контактов предметы вооружения совершали неистинные «всемирные одиссеи», попадая в весьма отдаленные от места своего производства регионы. А вместе с оружием распространялись способы его ношения и приемы владения им. Многие виды вооружения становились, таким образом, «интернациональными». Они в равной степени свидетельствуют о военном потенциале народа, который их создал, и народом, который их использовал. Примером этому служит почти повсеместное распространение лука так называемого «скифского», а нотом и «хуннского» типа, коротких мечей-акинаков, палашей, сабель, различного вида наборных нащадрией. Проследив направления культурных связей, можно с определенной степенью достоверности восполнить недостатки знания о местном оружии за счет данных о нем со смежных земель.

Территория Сибири в исторической перспективе всегда отличалась значительным нестрочеством археологических культур. Многие из них, будучи в родстве, образовывали довольно обширные историко-культурные об-

щности с единым мировоззрением и очень близкими хозяйственными структурами. Такие общности, как правило, занимали одну и ту же природную зону. Последняя, с военной точки зрения, — не что иное, как театр военных действий, ландшафт которого определяет особенности ведения войн и арсенал применяемого оружия. И если в рамках отдельно взятой археологической культуры набор вооружения может быть и не столь уж представительным, то в масштабах большой историко-культурной общности он выглядит вполне репрезентативно.

С ландшафтных позиций территория Сибири имеет выраженную зональность, которая варьирует от тундры, лесотундры, тайги на севере до лесостепи, степи и горных массивов на юге. Население каждого такого обширного природно-географического ареала создавало свой собственный мир, с единой экономикой, идеологией, материальной культурой. Со своими средствами и способами вооруженной борьбы. В соответствии с этими экологическими зонами мы и пытались рассмотреть, если так можно выразиться, «культуру войны». К сожалению, многие из интересующих нас территорий до сих пор остаются слабо изученными в археологическом отношении провинциями. Таковы, например, многие районы Забайкалья, восточно-сибирская тайга и предтаежье, тундра и лесотундра Западной и Восточной Сибири. Находки предметов вооружения на этих территориях, как правило, случайны и пока не позволяют воссоздать более или менее целостной исторической картины. Но этой причине мы исключили их из нашего обзора.

Предлагаемая читателю работа во многом строится на реконструкциях. Проще всего их было делать на таежных материалах. Именно здесь на протяжении очень долгого времени как минимум, от раннего железного века до самого средневековья — сохранились старые формы материальной культуры, бытового уклада и верований. Поэтому можно возместить пробелы в источниках за счет данных этнографии и фольклора. Воссоздавая облик воинов распространенной здесь в эпоху раннего железного века кулайской историко-культурной общности, мы использовали этнографические материалы, касающиеся края одежды, обуви, фасона причесок абортинного населения Нижнего Приобья. Декор одежды и воинской экипировки из органических материалов был восстановлен при помощи орнаментов с глиняной посуды, составленных кулайским населением. Рисунки на щитах южно-сибирских воинов эпохи бронзы были воссозданы аналогичным образом и представляют собой развертки орнаментальных поясов сосудов.

Конечно, невозможно недоказать, но и провернуть что щиты в этот период были именно круглыми. Но, реконструируя облик воинов, мы прежде всего хотели передать дух времени. Поэтому мы использовали подлинные орнаменты с характерной для данн периода и народа семантикой. Учитывалось также и то, что сакральное значение круга для намятников эпох развитой и поздней бронзы у специалистов практически не вызывает сомнения. Разумеется, щиты могли быть иной — например, прямоугольной или пятиугольной — формы. Такие изображения мы также можем найти на некоторых оленних камнях и тоже представляем их на реконструкциях. Что касается цветовой гаммы, то для ее воссоздания, за отсутствием дополнительных данных, мы использовали только те оттенки, которые человек мог получить из природных материалов.

Облик горно-алтайского вождя эпохи раннего железного века был воспроизведен с помощью данных «парских» курганов назырьской культуры. Хотя штаны и головные уборы, судя по находкам, сделанным в мерзлотных курганах плато Укок, местного населения были красного цвета, на нашей реконструкции они синие. Этому есть свои причины. Синий цвет ассоциировался у назырькцев с небом и считался принадлежностью высшей знати. Погребенные на плато Укок назырькцы, по всей видимости, являлись представителями знати среднего звена. В их одежде синий цвет представлен лишь небольшими фрагментами, как знак родства с главным домом. Разумеется, это лишь предположения, но мы можем найти множество аналогичных случаев использования цвета как символа статуса в древнем мире, — например, в не столь уж отдаленном Китае.

Для реконструкции воинской одежды эпохи великой переселения народов мы обратились к шкорою одежд, найденных в глубоких штольнях могильника Ноин-Ула в Северной Монголии. Китайские ткани, судя по находкам на Алтае и в Западной Сибири, имели здесь хожезные вплоть до позднего Средневековья.

В основе всех предложенных реконструкций лежат подлинные археологические материалы, которые имеют одну и ту же культурную и хронологическую принадлежность. В тех случаях, когда имелись выношенные антропологами портреты людей интересующих нас исторических эпох, мы использовали их для воссоздания облика воинов.

Обращаясь к оружию, мы должны помнить, что боевое и охотничье оружие в Северной, Центральной и Юго-Западной Азии не всегда можно различить. Зверовая

охота здесь всегда была школой войны. На иранских миниатюрах XVI в. можно увидеть, что охотники использовали даже такое сугубо боевое оружие, как сабля, а в Бурятии еще в начале XIX в. выходили на загонную охоту в латах. Можно сказать, что история всею оружия начинается в каменном веке, когда охота на крупных животных составляла основное занятие племени.

Появление этой книги было бы невозможно, если бы не труды коллег-археологов, этнографов, оружейников. Пизкий поклон всем известным и безымянным ученым, краеведам и подвижникам — тем, кто столетие назад начал воздвигать здание современной исторической науки.

Особые слова признательности хотелось бы сказать своему бессменному научному руководителю академику В. И. Молодину. Его добрые советы и рекомендации помогали мне в работе еще со студенческих лет. Собранный им археологический материал оказал мне неоценимую помощь.

В работе над образами воинов мы пользовались консультациями и дружеской поддержкой антропологов ИАЭТ СО РАН к. б. н. Т. А. Чикишевой и Д. В. Позднякова. Искренняя им благодарность. Хотелось бы также выразить Д. В. Позднякову особую признательность за критические замечания и тонкие наблюдения, высказанные при обсуждении спорных вопросов, касающихся устройства защитного вооружения.

Слова глубокой благодарности хочу сказать директору МА ИАЭТ СО РАН к. и. н. А. П. Бородинскому за целый ряд очень полезных советов и консультаций относительно модельных реконструкций, а также за разрешение использовать в книге его авторские наработки.

Постоянную поддержку и дружеское внимание в процессе работы над позднесредневековыми материалами этой книги я ощущал со стороны этнографов ИАЭТ СО РАН д. и. н. И. П. Гемуева, д. и. н. А. В. Бауло и профессора ТПУ д. и. н. А. М. Сагалаева — талантливого ученого и прекрасного мастера научного слона, к сожалению, слишком рано ушедшего из жизни. Долгие беседы с этими выдающимися специалистами помогли мне

почувствовать нуль и обаяние культуры коренных народов Сибири.

Глубокую признательность мне хотелось бы высказать д. и. н. В. И. Матюшенко, д. и. н. П. В. Полосьмак, д. и. н. Т. П. Троицкой, д. и. н. Л. А. Чиндиной, д. и. н. П. В. Дроздову и к. и. н. Б. А. Конинову, чьи материалы с их любезного разрешения были использованы к работе.

Работая над книгой, я не раз пользовался подробными консультациями моих друзей и коллег - востоковедов к. и. н. А. В. Варенова и С. В. Комисарова. Большое им спасибо.

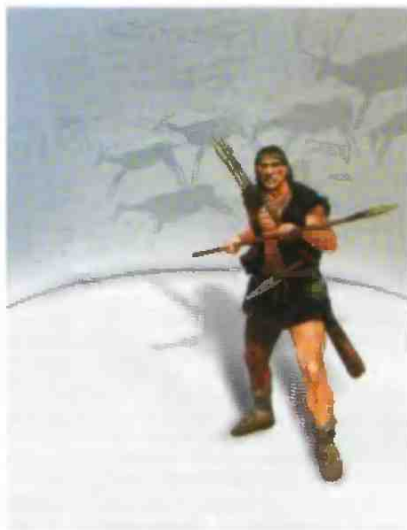
Данное издание едва ли могло быть иллюстрировано должным образом без содействия директора Томского краеведческого музея к. и. н. Черняка и хранителя коллекций, прекрасного археолога и специалиста по культу вому литью Я. А. Яковлева. Огромную помощь также оказали директор старейшего и богатейшего в Западной Сибири Музея археологии и этнографии Томского университета Ю. И. Ожередов и хранители отдела археологии П. В. Ходакова и И. В. Сальникова,

Пельзя не сказать о художниках, чей труд во многом определил книги. Искреннюю признательность хотелось бы выразить М. А. Лобыреву, которого можно назвать соавтором этого издания. Его мастерство помогло увидеть воочию древних воинов, а жизненный оптимизм - преодолеть неизбежные в работе трудности. Следует отметить также вклад, внесенный в дело В. П. Мочаловым, который изобразил батальные сцены, целый ряд археологических предметов и реконструкций. Процесс работы над иллюстрациями можно назвать полноценным научным исследованием, поскольку, являясь методом графической реконструкции, он не только помогал разрешить многие пеясные вопросы, но и позволял ставить новые.

В книге использованы фотоиллюстрации, предоставленные А. В. Бауло, А. П. Бородовским, А. В. Вареновым, К. Инуком, В. Курносовым, А. М. Павловым, А. М. Сагалаевым. Без них работа многое бы потеряла. Хотелось бы особо поблагодарить их.

Глава 1

От каменного века к эпохе бронзы

Орудие и оружие. И то, и другое сопровождают человека на всем его историческом пути. Хотя и близки эти слова по звучанию, но далеки по смыслу. Одно — почти всегда созидание, другое — уничтожение. Впрочем, грань между этими понятиями зачастую, особенно на самых ранних ступенях человеческой истории, была зыбка и неустойчива. В руках первобытного обитателя планеты одно быстро превращалось в другое.

Большие возможности представляли камни с острой режущей кромкой, которая изготовлялась специальными сколами. Удар таким камнем наносил открытую рану. Если же его удавалось надежно закрепить на деревянной рукояти, то поражающий эффект мог быть поистине сокрушительным. Кстати, эффективность каменного оружия, даже просто зажатого в руке, была весьма высока. Например, одностороннее рубило (чоннер) весом в полкилограмма позволяло свалить дерево диаметром ствола в 4–5 сантиметров за 5–7 минут; более совершенные и, соответственно, более поздние двусторонние рубила (чоннинги) рубали за это же время уже девятисантиметровый ствол (каменное же лезвие, закрепленное на рукояти, то есть топор, выполняло эту работу за минуту). Каменным рубилом можно было достаточно быстро изготовить и другие, еще более грозные, виды оружия древности, фактически весь комплекс вооружения этого времени — дальнего (дротики, рогатки) и ближнего (топоры, палицы) боя. Налица делалась из комля березы за 35 минут. За это время нерубали корни, отсекали верхнюю часть ствола, обтесывали комель и обрабатывали рукоять. Деревянное копьё затачивалось за 15 минут.

При всей простоте конструкции такое копьё было самым страшным оружием древнекаменного века. Снабженное кремневыми, а впоследствии и металлическими наконечниками, оно оставалось таковым на протяжении долгой человеческой истории. В момент удара на его острие концентрируется энергия в несколько сотен килограммов, на которую влияют масса оружия, сила руки и движения тела. Даже

1

Рис. 1. Удивительные по выразительности скопления рисунков животных, людей и птиц, оставленные людьми каменного, бронзового и железного веков, встречаются на прибрежных скалах р. Томи. Основную часть пзображений составляют динамичные фигуры идущих или плывущих лосей. Снециалисты связывают появление таких картинных галерей вдоль берегов рек с древнейшей охотничьей магией. Существует мнение, что подобные рисунки могли располагаться близ угодья сезонных миграций животных, где их ждали охотничьи засады. Тутальская писаница

2

Рис. 2. Эти небольшие фигурки, вырезанные из бивня - древнейшие скульптурные изображения, найденные на территории Сибири. Пята красной и черной краски, сохранившиеся на боках фигурки мамонта, — свидетельство магических действий древнего человека, сказанных с представлениями о смерти и жизненных силах. 22 тыс. лет назад. Верхний палеолит. Стоянка Усть-Кова, бассейн р. Ангары, Восточная Сибирь. Раскопки Н. И. Дроздова. МА ИАЭТ СО РАН

простая с силой брошенная березовая или буковая жердь с заточенным и обожженным острием может, согласно экспериментам, пробить насквозь доску, покрытую в три слоя кожей оленя. Такие рогатины тоже фактически были кошками, только с широкими, массивными наконечниками. Они использовались для прямого удара и не вынуждались из рук.

Слабым местом любого оружия являются места соединения его частей. Охотники каменного века искали и, по всей видимости, к эпохе позднего палеолита² нашли надежное средство скрепления в одном изделии разнородных материалов — дерева и наконечника из камня, рога или кости. Наконечники вставлялись в надрез, приклеивались смолами, обвязывались ремнями, сухожилиями или растительными водокнями. Узлы соединения, закрепленные горячей смесью из равных частей битума и кварцевого песка и усиленные обвязкой, выдерживали нагрузку на растяжение до 70 килограммом, при которой ломался сам наконечник копыта.

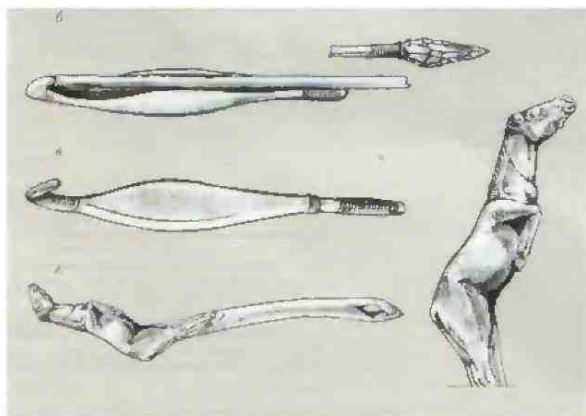
При всех своих достоинствах копы как оружие дистанционного боя имели один существенный недостаток. Метнув его, человек оказывался безоружным до тех пор, пока не удавалось поднять брошенный снаряд.

Рис. 3. Томская пшашша

Рис. 4, а-г. Копьеметалки. Эти несложные приспособления увеличивали зону эффективного поражения копьём до 80 метров. Они хорошо известны по этнографическим материалам.

Американские индейцы называли их атлатлами, австралийскиеaborигены - воммарам. Они представляли собой палки или дощечки с крючком на одном конце (а), в который упирался тыльный опред копы или дротика (б), в то время как другой оставался в ладони (а). В момент броска копьёметалка как бы увеличивала длину руки (т. е. рычага). Соответственно, возрастала и резкость, и мощь удара. В эпоху палеолита копьёметалки, по всей видимости были распространены практически повсеместно. Некоторые из них были настоящими произведениями искусства. В то время оружие украшалось не только простым геометрическим орнаментом, но и искусно вырезанными фигурками птиц и животных, чьи свойства по поверьям магически передавались самому изделию. У оружия, найденного на стоянке Абри Монстастрок на территории современной Франции и сделанного из рога оленя около 12 тысяч лет назад, упомянутый крючок выполнялся в виде фигурки прыгающей лошади (г)

Новоумудренный «конструктор» оружия пытался добиться того, чтобы конь летело все быстрее и дальше — и метко разило врага. Важным шагом в этом направлении стало изобретение коньметалок.

Однако в те времена оружие еще редко направлялось на человека. Племена были немногочисленны. Но некоторым данным, плотность населения в эпоху позднего палеолита составляла 1 человек на 20 квадратных километров. Человеческие коллективы того времени достигали в среднем 40 человек, и вообще, людей на земном шаре было совсем не много. В 1960 году американский исследователь Э. Дивей высказал мнение, что на всей планете в раннем палеолите обитало всего полмиллиона человек.

К эпохе позднего палеолита население земли увеличилось до трех миллионов человек. Но даже если допустить, что людей насчитывалось в несколько раз больше, до борьбы за «жизненное пространство» все равно было еще далеко. Естественно, в древности происходили вооруженные конфликты, но войны станут приметой более поздних исторических эпох. Вот тогда-то и появится настоящее боевое оружие — специальный инструмент для поражения неприятеля и для защиты от него.

Рис. 5. Вкладышный клинжал. Вдоль ребер костяной заготовки протачивали узкие намы, куда затем вкладывали тонкие кремневые лезвия. Так появились длинные ножи и клинжалы, в которых сочеталась гибкость кости с твердостью и остротой камня. Поздний палеолит. Стоянка Чернозерье. Но В. Т. Нетрину

5

Рис. 6. Дропик - легкое метательное копье. Дерево, кремьень, кожа.
Экспериментальный образец

Рис. 7. а, б. Каменные наконечники оружия эпохи неолита. Эти изделия, мало уступающие по размеру современным клинжалам, демонстрируют возможности разных техник обработки камня. Практическое использование столь крупных изделий, выполненных в отжимной технике (а), ограничивалось хрупкостью материала, из которого оно изготовлено. Этим грозным на вид лезвием следовало наносить лишь прямые колющие удары, в противном случае оно могло лопнуть, что и случилось с данным «экземпляр». Техника шлифования позволила придать изделию (б) правильное ромбическое сечение и сделать это оружие очень массивным и надежным. Теперь размеры наконечника не снижают его прочности. На исходе каменной эры именно такому оружию отдавали предпочтение охотники, а находка у п. Ноглики на о. Сахалине. Длина 30,5 см, ширина у основания 8 см; б - находка близ г. Атам, Приморье. Длина 30 см. МА ИАЭТ СО РАН

7

Рис. 8. Вкладышные срушвы. IV—III вв. до н. э. Серовская культура. Привбайкалье. Раскопки А. Н. Окладникова. МЛ ИАЭТ СО РАН

Неолит и переходное к бронзовому веку время

(VII-III тыс. до н. э.)

Минули тысячелетия, закончился ледниковый период, вместе с вечной мерзлотой ушли в прошлое стада мамонтов и бизонов, вымерли шерстистые носороги, и природа в Сибири приобрела современный вид. Зашумела тайга. Задышала теплым ветром степь. Бесчисленные стаи птиц гнездились на озерах. Медведь и лось, как самые крупные млекопитающие, определили колорит тайги, быстроногие косули паслись в речных поймах, а сами реки кипели от многочисленной рыбы. Наступил голоцен — время, в котором мы живем.

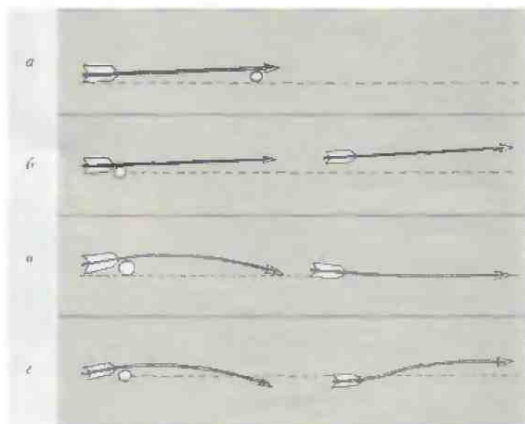
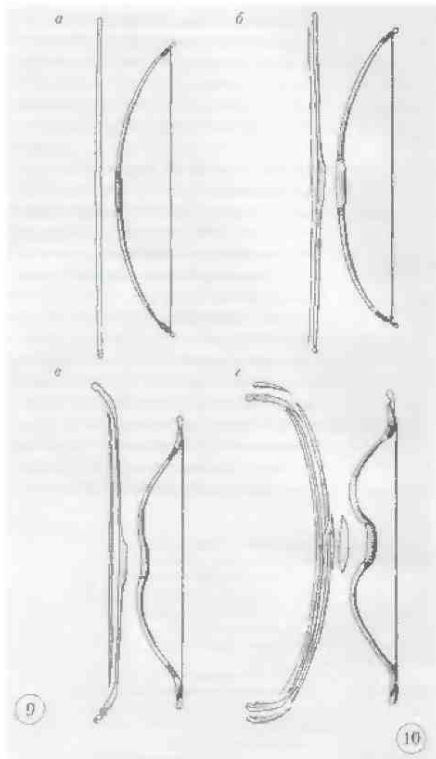
Заметно изменилась и жизнь древних людей. На начало голоцена пришла историческая эпоха, названная неолитом (новый каменный век). В это время высочайшего уровня достигли уже известные приемы скола и отжимной ретуши⁴. Наконечники стрел и дротиков, кинжалы, изготовленные тогдашними умельцами, и сейчас поражают совершенством форм и изяществом. Некоторые из них столь тонки, что кажутся почти прозрачными.

Постепенно усложнилась и техника изготовления вкладышевых орудий. Человек научился шлифовать и сверлить камень, после чего стал работать с более вязкими и твердыми каменными породами — такими, как нефрит или диорит. В результате появились орудия незнакомых ранее форм, а следовательно, и свойств.

Рис. 9. а-г. По своей конструкции луки условно можно разделить на пять типов: а - простой, изготовленный из одного сплошного куска древесины; б - усиленный, упругие свойства деревянной основы которого умножались разнонаправленным и по всей её длине либо в отдельных местах роговыми пластинами-накладками или деревянными планками и пучками сухожилий; в - сложный, кибить которого склеена из нескольких пород разносортной древесины; г - составной, собравшийся из нескольких коротких кусков.

Сложносоставной лук дополнительно усиливался в некоторых местах роговыми или деревянными накладками

Рис. 10. а-г. Схема полета стрелы: а — перед нуском стрелы находится под небольшим углом к направлению цели; б - удар тетивы заставляет древко стрелы изгибаться вследствие инерционного торможения наконечника и как бы обигать кибить лука. При правильно подобранной гибкости древко, которое стремится принять прежнюю форму, стрела, совершив ряд колебательных движений, возвращается к заданной траектории полета; в — при слишком жестком древко стрела летит в сторону; г — чересчур гибкое древко вибрирует во время полета стрелы, уменьшая точность и дальность выстрела

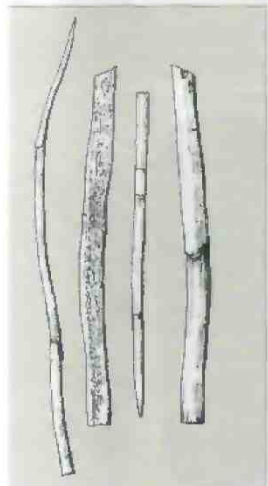

Рис. 11. Охота на оленей. Рисунок на стене горного ущелья в Восточной Испании. Мезолит

Другое крупнейшее изобретение новой эпохи — керамика. Свойство глины твердеть при обжиге было использовано для изготовления различных емкостей, применявшихся в процессе варки. Варка изменила весь образ жизни древнего человека, что сказалось и на его боевом оснащении. Знаменитый рыбий клей, вываренный из рыбных костей и внутренностей, позволял надежно скреплять между собой различные сорта древесины и рогат и создавать таким образом прочные и упругие луки. Это были уже не те согнутые и, вероятно, ошкуренные ветки с тетивой, которые появились в переходную эпоху мезолита, а достаточно совершенное и мощное оружие, состоящее из деревянной основы и хорошо пригнанных друг к другу роговых пластин, расположенных по всей ее длине. Вообще, соединение в одном изделии разнородных материалов, взаимно доносящих и усиливающих свойства друг друга, кажется весьма характерной чертой той далекой эпохи.

Лук и стрелы с момента своего появления и на протяжении нескольких тысяч лет оставались самым дальнотбойным оружием в руках человека — вплоть до изобретения огнестрельного оружия. Да и тогда этот проверенный временем механизм еще долго на равных конкурировал с «громобойными налками». Во время Крымской войны 1853—1856 годов лук с усечен применяли инородческие формирования русской армии. С луком нередко ходили на охоту (например, в Забайкальи сибирской тайге) еще в 40—50-х годах XX века, когда возникали перебои с поставками боеприпасов.

Рис. 12. Пластины серовского лука. Сделаны из плотной верхней корки рогов благородного оленя. 13 длину достигали 87 см. Двух-трех таких изданий хватало для производства одного полтораметрового лука. Роговые пластины соединялись друг с другом внахлест. Их концы были взаимно скошены продольными срезами и заходили один над другой. В результате обе пластины плотно и прочно соединялись друг с другом, образуя словно единое целое. Серовский лук занимал совершенно особое место среди всех остальных известных нам древнейших образцов металлического оружия. Он появился на свет в глубинах Северной Азии и представляет собой самый ранний из ныне известных типов сложного лука. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 13. Костяные шпильчатые наконечники стрел. Применялись жителями Забайкалья в эпоху неолита для охоты наводоплавающую дичь. Впрочем, идля копытных такие наконечники представляли серьезную опасность. V—IV тыс. до н. л. Памятник Сопка-2 в Центральной Барабе. Раскопки В. И. Молодина, МА ИАЭТ СО РАН

Форма лука с натянутой тетивой во многом зависит от его конструкции. Она менялась на протяжении истории от простой дуги до сложной кривой, напоминающей букву «м». Изготовление даже простого лука — достаточно трудоемкий и долгий процесс, требующий немалого опыта и навыка. Некоторые племена особенно славились своими луками и вынуждали их на обмен. Так, во время освоения русскими Сибири селькунские луки шли в государеву казну в качестве ясака наравне с пушнинной.

Как показывают этнографические материалы, для изготовления кибити лука необходимо специально подобранное дерево. За таким сырьем снаряжались даже экспедиции. Лук, к сожалению, недолговечное оружие, ни один охотник не упустил возможности заготовить подходящей древесины. В течение полугода она сушилась в тени, вдали от сквозняков, и пропитывалась смолами. И только затем из нее тщательно выстругивалась кибить. От того, насколько равномерно и плавно выгибались ее плечи (гнувшиеся части лука между рукоятью и местом крепления тетивы), во многом зависели и долговечность, и эффективность оружия. Важно было, подбирая профиль сечения, добиться, с одной стороны, наибольшей гибкости, с другой, — приемлемой жесткости, чтобы лук не получился излишне слабым и ломким.

Изготовление тетивы было не менее сложной процедурой. В дело шли хорошо просушенные и слетенные волокна сухожилий со спины добытого зверя. Позже стали использоваться растительные волокна — например, крапивы. На тетиву годилась и сыромятная кожа со спины животного (с участка, расположенного вдоль позвоночника). Но самой лучшей (в частности, у бурят) считалась кожа с живота тощей коровы. Сыромятину обезжиривали, растягивали и скручивали. Такая тетива не вытигивалась и не давала усадки.

Лук не являлся серийным оружием, и каждый его экземпляр обладал только ему присущими свойствами.

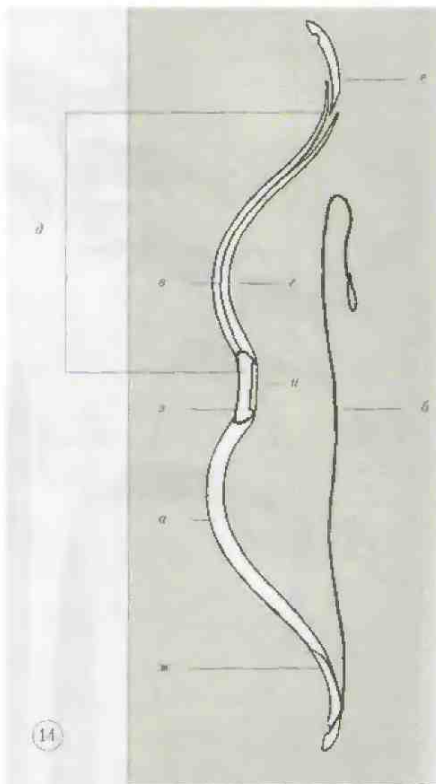

Рис. 14. Наименование деталей лука:
а - кибить; б - тетива; в - синика (внешняя сторона); г - внутренняя сторона; д - плечо; е - врезной конец; ж - концевая накладдка; з - срединная боковая накладдка; и - срединная фронтальная накладдка

Рис. 15. Защитные роговые щитки. Надевались на левое запястье, т. к. тетива некоторых мощных луков при выстреле могла травмировать руку. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 16. Каменный наконечник, застрявший в лопатке ребенка. Шаманский Мыс. Прибайкалье. Раскопки А. П. Ослашкинова и А. К. Ковалевского. МА ИАЭТ СО РАН

К каждому луку требовалось специально подбирать стрелы. Самые хорошие делались из просушенных бревнышек определенного вида. Дело в том, что существенное влияние на полет стрелы оказывает ее так называемый «прогиб», то есть свойство древка «гасить» колебания, возникающие от толчка тетивы в момент ее спуска. Чем больше начальная вибрация стрелы, тем меньше точность попадания. Поэтому стрелы, изготовленные из длинных тонких прутиков, выгибая в технологичности, проигрывали в меткости. Это обстоятельство издавна заметили лучники всех стран. И в Восточной Европе, и на Арабском Востоке, и в Сибири — там, где лучной стрельбе придавалось особое значение, — древки выстругивали из старых жестких деревьев, срубленных осенью, когда их волокна содержат меньше влаги. При этом наконечник всегда резали из более плотной комлевой части. Довершая оформление стрелы оперение, на которое шли птичьи перья.

Стрельба из правильно изготовленного крупного лука давала фантастические результаты. Английские лучники в пределах сотни метров пробивали рыцарскую броню. Североамериканские индейцы (а их луки были далеко не самыми мощными в истории) пробивали стрелой бизона насквозь, при этом доставали человека, бегущего рядом. В эпоху завоевания Америки, по многочисленным свидетельствам очевидцев, индейские стрелы прозаили щиты испанцев и их пластинчатые доспехи.

Впечатляют результаты экспериментов, проведенных в наши дни. Стальной наконечник стрелы, выпущенной из современного лука с силой натяжения в 35 килограммов с 75 метров, пробил кольчугу из дамасской стали и проник на манекен на глубину 20 сантиметров. С расстояния 60 метров такой снаряд насмерть разил взрослого медведя. Для сравнения — сила натяжения монгольских луков обычно бывает свыше 60 килограммов. Уже из этих примеров видно, какое грозное оружие получили древние воины и охотники с изобретением лука.

Теперь они легко поражают цель на весьма отдаленном и безопасном для стрелка расстоянии. Согласно дошедшим до нас сведениям, алпийский лучник Алаксагор, сын Димагора (Северное Причерноморье), стрелял из сложного лука на 282 оргия (свыше 520 метров). Урартский царь Руся, сын Аргинти (Закавказье), метал стрелы на отметку 476 метров, выстрелы тяжелых индейских луков покрывали расстояние в 450 метров, а рекорды турецких лучников достигали 900 метров. Это, конечно, выдающиеся выстрелы, вызывавшие удивление современников. Столь дальние выстрелы, видимо, и не имели особого практического смысла, ибо, как свидетельствует опыт европейских и восточных лучников, уверенная дистанция стрельбы, сверх которой точное попадание уже невозможно, — 300 локтей (154–156 метров).

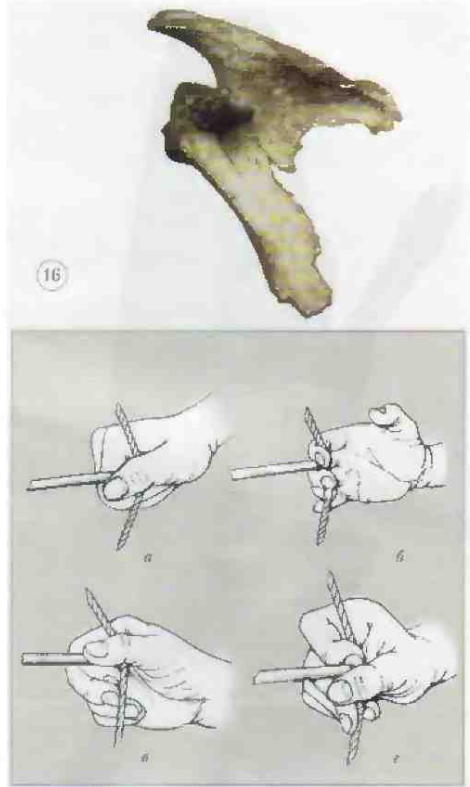

Рис. 17. а г. Способы натяжения тетивы: а — «первобытный», самый простой и всем знакомый прием. Используя его, средней силы человек мог стрелять только из довольно слабого лука; б — «средиземноморский», более удобный и распространенный прием, позволяет согнуть кивень достаточно сильного лука; большой палец правой руки оказывается не занят, а тетива при натяжении слегка закручивается вправо; в — такое положение пальцев на тетиве логично назвать «археометостным»; г — «мьянгокский» способ, считается наиболее совершенным. Вариантов взаимного расположения пальцев руки при стрельбе в такой манере было немало, неизменным оставалось лишь одно — тетива не являлась большим пальцем, которым и производилась основная работа. Для успешной стрельбы из сильного и уругного лука желательно было иметь специальное кольцо, предохранявшее внутреннюю сторону большого пальца от травм

18

Рис. 18. Нервобитный охотник. Он вооружен массивным копьем (5), за спиной у него в специальном кожаном чехле (6) помещалось несколько легких дротиков (7) для добычи зверя на самой дальней дистанции. За поясом - длинный вкладываемый костяной книжал (8) с каменными осерпями. Хотя книжал изображен с обожженным лезвием, в действительности охотники, чтобы не повредить и не повредить само оружие, носили его в специальных чехлах. С левой стороны к поясу подвязана сумочка (9) с инструментами - резцами и скребками для разделки туши добытого зверя и заносом каменных лезвий

У лука было еще одно неоспоримое свойство сравнительно по всем другим метательным орудиям - высокая скорострельность. Средневековые лучники, например, могли вынудить от 8 до 12 стрел в минуту. Очевидно, не меньшим мастерством обладали и их далекие предшественники эпохи бронзы и раннего железа. Если цель представляла собой большую малоподвижную грунну (будь то стадо животных или плотный ряд воинов, то на точности стрельбы спешка практически не сказывалась⁸.

Удивительная и яркая находка остатков неолитического метательного оружия была сделана в середине прошлого века в Ривбайкалье - на берегах Ангары и Лены. Здесь Л. Н. Окладников⁹ обнаружил роговые детали 16 сложных луков, положенных в погребения не только мужчин и женщин, но и детей. Но имени археологической культуры, к которой они принадлежали, такие луки называют серовскими.

Их детали представляли собой длинные, узкие и довольно тонкие пластины, отделенные по всей длине от ствола рога. Их размягчали в воде, срезали внутреннюю губчатую сердцевину и на внешней стороне полностью сглаживали все наружные бугры. Эти усиливающие части приклеивались с внешней стороны оружия. Без те-

тivity кибиты такого лука имела вид прямого, суженного к концам, стержня. С закрепленной тетивой серовский лук выгибался и приобретал дугообразную форму. Тетива для такого оружия плелась, скорее всего, из сухожилий животных, сплетых со спицы при разделке туши (обыкновенно оленя). После просушки они разделялись пальцами тонкие, как шелк, волокна, которые затем сплетались тетиву. Точные аналоги такого оружия не известны, однако, судя по близким этнографическим параллелям Полинезии и Африки, вся поверхность подобных сложных луков плотно покрывалась наружной ошметкой, которая повышала упругость изделия и защищала его от влаги. Судя по сопутствующим находкам, древние жители Ангары украшали свое оружие бусинами и подвесками из клыков марала, которые гроздьями свисали с его кибиты. Важнейшее отличие серовских луков от всех неолитических аналогов и современных архаичных этнографических образцов состояло в том, что в его конструкции впервые одновременно были использованы и кость, и дерево.

Итак, в руках людей появилось очень совершенное оружие. Что же касается военных действий, то они, конечно, случались, но, вероятно, угроза военного вторжения для жителей неолитических поселков оставалась еще слишком высокой.

Этнографические материалы свидетельствуют, что конфликты на ранних этапах человеческой истории предпочитали улаживать миром. Если же мира достичь не удавалось, силовое противостояние чаще ограничивали единоборством предводителей или специально выбранных для этого бойцов. В других случаях договаривались вести бой до первой крови, заранее улаживались о максимальном числе убитых, по достижении которого следовало мириться, и т. д. Поединки проводились по определенным правилам и чем-то напоминали дуэль. Например, у австралийских аборигенов метавший копье воин должен был гордо стоять и ждать под бодрящие вопли сородичей ответного броска противника. Практиковался и другой способ разрешения споров, записанный этнографом и путешественником Д. Эггенборо. Этот способ требовал от соперников удивительного мужества и железной выдержки. Противники садясь, скрестив ноги, друг против друга, один наклонялся и наносил ножом рану сопернику. За тем наступал черед другого. Так продолжалось до тех пор, пока один из «дуэлянтов» не сдавался или не терял сознания от боли и потери крови.

В целом, воин эпохи неолита не очень отличался от охотника, каковым, как правило, они являлись. Впрочем, лучший охотник — всегда хороший воин.

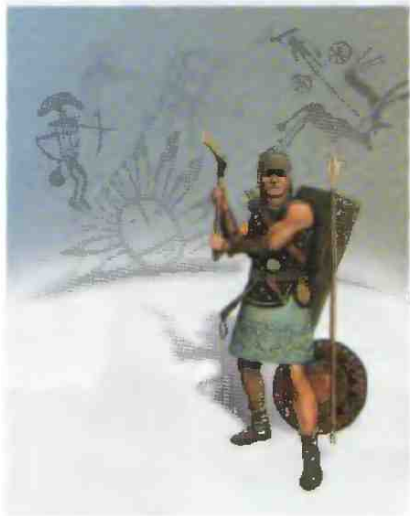
Рис. 19. Шлифованный каменный тонор. Форма его полированного лезвия уже близка к современным. Выточенное из сланца выпуклое острие по мере надобности подправлялось небольшим абразивом. Эффективность такого оружия возрастала за счет полукруглой формы его рабочей кромки. Тесла имели аналогичную форму и отличались от тоноров лишь сечением бойка и принципом расположения его относительно оси рукояти. Новосибирское Нрпобье. НКМ

Рис. 20. Каменное долото. Новые орудия — тонор, тесло, долото — резко расширили возможности обработки дерева. С их помощью люди стали делать лодки, а с появлением этого транспортного средства произошли и нервные вооруженные схватки на воде. Новосибирское Нрпобье. НКМ

Глава 2

В эпоху звонкого металла

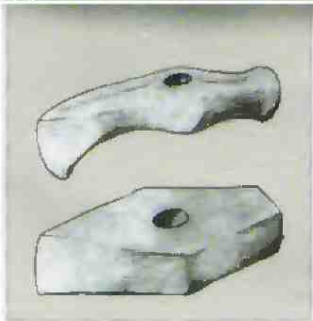
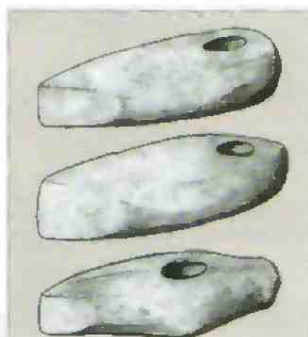

Середина II-го тысячелетия до н. э. Ныдает костер, в горячих тиглях дрожат золотистые лужицы металла, вскоре он окажется в разогретых подосях, оттиснутых в глине или вырезанных в мягком тальке. Остыв, металл сохранит их формы и превратится в отсвечивающие желтым предметы, издающие при ударе чудесный звон. 4000 лет прошло с тех нор, как умельцы неолитического поселения Чайеню впервые пощобовали плавить самородную медь, и в привычном шуме древних селищ стал ясно слышаться этот мелодичный звон.

Для людей той эпохи плавка металлов явилась лишь одним из целого ряда изобретений. Нарастающая лавина последствий, вызванных открытием металлургии, имела огромное значение в истории человечества. Оно вступило в бронзовый век. Это было время победы пастушеского и земледельческого хозяйств, время демографических всплесков и широких миграций, появления колесного транспорта и новых технологий, позволивших быстро и точно копировать самые совершенные орудия труда и оружие, создавать украшения невиданных прежде форм. Ремесленники выделяются в особый «клан», бдительно хранящий от чужих глаз тайны своего мастерства. Изменяется духовная культура, появляются новые божества и их служители. Возрастает значение организационной деятельности предводителя, усложняются общественные отношения, создаются первые государства. В бронзовом веке тесались камни Великих пирамид, воздвиглись стены «священной» Трои, слагались гимны Ригведы, под мостами Вавилона плавно катились волю Евфрата, утреннее солнце освещало ворота Марлука и кровли храмов Усаглы, дарственная Семирамиды вступала в прокладу своих висячих садов. А где-то на полях сражений вздымались пыль колесницы древних Ариев и свирепых гиксосов, скакали по крепкому насту коренастые лошади, а следом за ними в снежных вихрях пыли скользили, схватившись за упряжь, сибирские лыжники...

Рис. 1. Навершие бронзового ножа. Середина 2-го тыс. до н. э., Могильник Росток, Омское Прииртышье, Западная Сибирь. Раскопки В. П. Матюшенко, МАЭС ТГУ

Распространение скотоводства позволило древним коллективам время от времени направлять свое благосостояние за счет угона скота, грабежей и военного насилия. Все взрослые мужчины из охотников и пастухов при малейшей необходимости теперь превращаются в воинов — защитников своих и грабителей чужих. Военные походы уже настолько выгодное дело, что общества все чаще организовываются на военный лад, война является постоянным условием их существования. Оружие, еще вчера охотничье, сегодня становится боевым. Изменяются и требования к нему. В боевом оружии, от степени совершенства которого зависит жизнь его владельца, всегда воплощались новейшие технологические достижения эпохи. Так, в век бронзы основное

Рис. 2. Сверлелый каменный топор. Подобные изделия были грозным оружием в руках пастухов афанасьевской культуры (середина 3-го тыс. до н. ж.). Исследования механических свойств ударных орудий, проведенные в 1925-31 гг. учеными Института истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии РАН), показали неожиданно высокую эффективность удара такими топорами. Коэффициент их полезного действия колеблется в пределах 82-90. Эпоха ранней бронзы. Могильник Нещеркин Лог. Горный Алтай. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 3. Основные типы «боевых топоров», встречающихся в Южном Сибири

Рис. 4. а-к. Наконечники стрел из камня (а-д) и кости (е-й). Каменные наконечники стрел по-прежнему преобладают в колчанях лучников эпохи бронзы. Имея при малых размерах достаточно большой вес и острое нильчатое края, они обладали высокой пробивной силой. Такие наконечники делали очень тщательно, вопище от сланцевых дробиков (к), небрежность изготовления которых сразу бросается в глаза. Костяные наконечники стрел немногим уступали по проникающей способности каменным. Они (судя по результатам экспериментальных стрельб) наносили более глубокие травмы, чем бронзовые, и часто были даже опаснее, ибо вызывали заражение раны протертым костным жиром. Связанные небольшим острым жальцем (и), они довольно легко отделялись от древка и оставались в ране, (а-й) — Кротовская культура. Середина 2-го тыс. до н. э. Могильник Сопка-2. Западная Сибирь. Раскопки Н. П. Молодина; (к) — Афанасьевская культура. Середина 3-го тыс. до н. э. Окрестности Дешковой Нещеры. Горный Алтай. МА ИАЭТ СО РАН

количество металлоемких изделий — это предметы вооружения, а не средства трудовой деятельности.

И все же появление металла на полях сражений на первых порах не давало серьезных преимуществ воюющим сторонам. Оружие, сделанное из нового материала оставалось еще слишком несовершенным. И долгое время его типы и способы владения им были почти такими же, как и в пеолите. По-прежнему арсепал племени состоял из лука, усиленного роговыми накладками; стрел с острыми каменными и костяными наконечниками; легких металлических дротиков; копий, тяжелых дубин и палиц, которые вместе со шлифовальными топорами, обоюдоострыми килжалами и костяными пожами помогали сокрушить врага в ближнем бою.

Первые бронзовые пожи и наконечники копий были небольшими, а форма их во многом повторяла листовидные очертания каменных изделий. Крепились металлические острия к несущей части также испытанными способами — зажимались в расщеп древка, забивались и торпы роговых рукояток, вставлялись и вклеивались в полости трубчатых костей. Тонкие расширяющиеся металлические

пластинки, из которых все чаще делались лезвия и пакопечники копий, передко гнулись от сильного удара и довольно быстро тупились. Они не могли составить серьезную конкуренцию каменным остриям, еще долго мелькавшим на полях сражений.

Правда, само каменное оружие уже было совсем иным, так как отбор сырья и технология его обработки существенно изменились. Почти не встречались теперь копья и дротики с лопко ретуширующимися изящными пакопечниками. На смену твердому и хрупкому кремню пришли мягкие сланцевые и шиферные породы. Непужной стала ювелирная обработка камня. Достаточно было быстро и довольно грубо несколькими сколами придать подобранной заготовке задуманный контур и отточить первостности острия. Сырьем в виде подходящих сланцевых пластинок природа щедро делилась с человеком. Наконечники стрел, как и прежде, изготавливались струйчатой ретушью из кремневых и яшмовых пород камня и вырезались из свежей кости. Проверенные временем неолитические технологии оказались здесь востребованными.

Рис. 5. Наскальные рисунки эпохи бронзы. Колбак-Таш, Горный Алтай, Ортаа-Саргол, Респ. Тыва

В ближнем бою на полях сражений 3-го — начала 2-го тысячелетия до н. э. господствуют сверленные так называемые «босые топоры». Встречаются такие изделия на большей части Европы, являясь своеобразным маркером некоторых археологических культур, которые так и называются «культурами боевых топоров». В немалом числе подобные предметы найдены и в Западной Сибири на обширной территории от таежного Васюганья на севере и до гор среднего Алтая на юге. При всех различиях в форме и размерах «босые топоры» изготовлены по одной технологической схеме, включавшей три последовательные операции — формовку, шлифовку, сверление. С подходящего по форме и размерам камня сильными ударами снимали лишний материал и придавали заготовке вид клина. У топоров сложных форм, с выточенным в виде молоточка обухом и лезвием в форме небольшой лопасти, на этой стадии применялось еще и отпиливание кусков, которые нельзя было удалить се-

рейей сколов. Затем вся поверхность изделия подвергалась равномерной шлифовке, окончательно оформившей лезвие. И наконец, трубчатой коежкой с песком свердилось отверстие.

Впрочем, несмотря на название, далеко не все исследователи считают эти топоры именно оружием. Одни относят их к рабочим орудиям горных выработок (потому что одно из таких изделий было найдено в заброшенной горной выработке Алтая), другие — к ритуальным предметам. Тем не менее столь выразительное название неслучайно, как неслучайно то, что позднейшие металлические боевые топоры похожи на своих далеких каменных предшественников.

Судя по оружию эпохи ранней бронзы, можно предположить, что открытые бой включали в себя первоначальную перестрелку из луков на дальней дистанции, затем быстрое сближение с противником и поражение его в непосредственном контакте колющим (копьями, кинжалами) и ударно-дробящим (топор, дубины) оружием ближнего боя. Сражались воины тех лет в основном в рассыпном строю, используя то оружие, которым лучше всего владели. Во всяком случае, предполагать какое-либо особое боевое построение оснований пока нет. Очень высока вероятность применения в ближнем бою оружия типа кистеня — оно представляло собой округлый камень, обернутый кусочком кожи и привязанный к длинному ремню или веревке. Среди археологических материалов выявить детали такого рода оружия крайне трудно. Кожа в земле не сохраняется, а все камни похожи друг на друга. Столь же тщетно ожидать и находки деревянных дубин в поселенческих или погребальных комплексах. Но и то, и другое оружие можно рассмотреть на наскальных рисунках.

Сейминско-турбинские копейщики

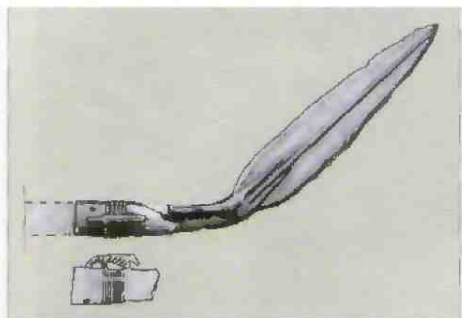
(середина II тыс. до н. э.)

Изменения в технике ведения боя произошли лишь с появлением новых моделей оружия. Их созданием было связано с распространением оловянистых бронз, изменением качества металла и открытием техники топкопестного литья, позволившей делать для пакопечников копий и топоров полые втулки (иногда их называют слепыми), тем самым добиваясь простого и надежного скрепления их с рукоятью. Эти знаменательные открытия относятся к середине 2-го тысячелетия до н. э. — вскоре на огромных территориях Северной Евразии (от границ современного Китая на востоке до территории Финляндии и Молдавии на западе) появляются очень сходные типы великоленного бронзового оружия. Немалая заслуга в его создании и распространении принадлежит загадочным племенам литейщиков и воинов, за которыми в археологии закрепилось название *сейминско-турбинских*.

Как считают специалисты по древней металлургии, эти таинственные племена вышли откуда-то из районов Рудного Алтая и совершили беспримерный по своим масштабам поход на Запад, оказав огромное влияние на судьбы народов Северной Евразии. Их путь, отмеченный для нас редкими могильниками и случайными находками великоленного бронзового оружия, лежал колком и озер лесостепной Сибири, сквозь сумрачные дебри дремучей тайги, через горные хребты Урала

Рис. 6. Бронзовые наконечники копий. Образцы литья сейминско-турбинского облика (1, 2). Их прямые стороны (а) тщательно заострены аккуратной отливкой кромок на наковальне и заточены абразивом. У основания их втулок (б) располагаются округлые ушки (в). В данном случае эта деталь (как и бронзовые ремешковые валики (?)) у основания втулок, имитирующая обмотку веревочкой) — дань традиции, ибо отверстия в ушках часто уже нет, но есть отверстие для штыря, сквозь которое он забивался в дерево. Некоторые наконечники копий имели подпером (д) дополнительно кривое лезвие в форме плоского крюка (е), как будто приостренного с внутренней, обращенной к дереву стороны. Отличительная черта копий сейминско-турбинского типа — ребро жесткости (ж), приобретающее у основания форму вилки (з). Призматические, довольно широкие наконечники (3, 4) представляют собой новую технологическую традицию — традицию ковков. Их толстые большеразмерные втулки имеют узкую продольную щель, поэтому изделя с подобным устройством несущей части иногда называют наконечниками снесомкнутой втулкой. Пером их оставалось приостренным только с одного дальнего конца. Боковые стороны ушки. Надеты на втулку толстою, очевидно, длиною дерева, эти наконечники делали оружие исключительно колющим. Середина 2-го тыс. до н. э. Могильник Ика. Омское Прииртышье. Западная Сибирь. Итки В. И. Мавоженко. МАЭС ГГУ

к лесным равнинам Восточной Европы. Отличало этих воинов-странников оружие ближнего боя, в котором со всем блеском проявились новые технологии бронзолитейного дела.

Прежде всего, впечатляют наконечники копий и их размеры. Длина некоторых достигает 44 сантиметров. В случае укороченного до разумных пределов древка мы имеем дело с прекрасным фехтовальным оружием - предечей меча. Если отлить полностью из бронзы меч аналогичной длины, он окажется либо слишком тяжелым, либо (в облегченном варианте) чересчур хрупким оружием. Бронзовые клинки длинных мечей и кинжалов, обнаруженные на территории Сибири, как правило, оказываются сломанными. Сочетание же разнородных материалов (гениальное изобретение предшествующей эпохи) - легкой прочной деревянной и хорошо сбалансированной металлической частей - делало такое короткое «рубильное копьё» весьма действенным оружием. Применялось оно преимущественно против не защищенного доспехами противника.

Рис. 7. Согнутое бронзовое копьё - доказывает, что бронза была не очень удобным материалом для создания мощного рубящего оружия. Острые кромки лезвия зазубривались, а тонкие тулки коний гнулись и разрушались при сильном рубящем ударе. Случайная находка близ Омска. Развитый бронзовый век. ОКМ

Рис. 8. Бронзовые втульчатые наконечники тоновор-кельтов. В зависимости от того, как располагалось лезвие относительно оси рукояти - воль или поперек, получались тоноворы или тесла. Боковые стороны бронзовых кельтов украшались геометрическим орнаментом и фигурками животных. Середина 2-го тыс. до н.э. Могильник Ростовка. Омское Прииртышье. Западная Сибирь. Раскопки В. П. Матюшенко. МАЭС ТГУ

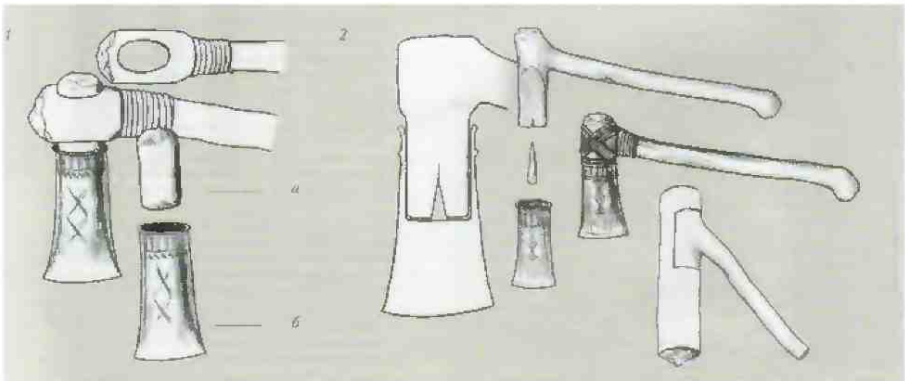
Рис. 9. Реконструкция крепления втульчатого бронзового шпора к деревянной рукояти. В торец вкладыша тоноворца забивались деревянные клинышки, которые, упираясь в дно втулки, расщепляли рукоять и прочно заклинивали ее в бойке. В процессе работы рукоять зажималась во втулке все прочнее

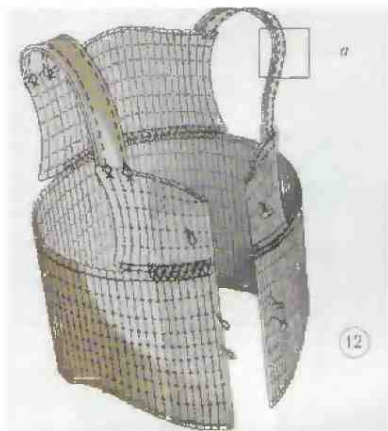
Набор оружия ближнего боя дополнялся богато орнаментированными втульчатыми топорами-кельтами, двулезвийными кинжалами и кривыми ножами с выгнутой спинкой и отведенным вверх острием. Рукоятки таких клинков с обеих сторон украшались литым орнаментом, а на их наконечниках помещались фигурки животных, преимущественно, лошадей.

Рис. 10. а-г. Каменная литейная форма для изготовления втульчатого топора-кельта: а — внешняя сторона; б и в — внутренние стороны; г — схема совмещения створок литейной формы. Орнамент на внутренних сторонах створок разный: одна половина будущего оружия украшена богаче — вероятнее всего, она считалась лицевой. Обе половины литейной формы совмещались и скреплялись между собой обмоткой. Между ними вставлялся заранее изготовленный клинышек так, чтобы между ним и стенками створок оставался одинаковый промежуток, в который заливался расплавленный металл. Средня 2-го тыс. до н. э. Могильник Ростова. Омское Прииртышье. Западная Сибирь. Раскопки В. И. Матюшенко. МАЭС ТГУ

Рис. 11. Устройство рукоятей втульчатых топоров было различным. Одни (составные — 1) продолжали традиции каменного века, только теперь вместо шлифованного каменного бойка в рукоять вставлялся деревянный посредник (а) с бронзовым острием (б). Другие (2) были цельными и вырубались из развилки дерева или части ствола с сучком

Одним из первых средств защиты, придуманных древнейшими конструкторами, был щит. Вероятно, поначалу это были легкие вставные изделия, действенные в эпоху холодного оружия. Стальное лезвие, с силой посланное поперек щитовой дуги, упросто отскакивает от них, а направленное вдоль дуги — застревает между ними. Щит, сделанный из тщательно подобранных прямолинейных веток даже самым простым способом — крест-накрест, защищал вполне надежно. Если же такой щит еще обтягивали толстой сырой кожей, то пробить его даже конем было весьма трудно.

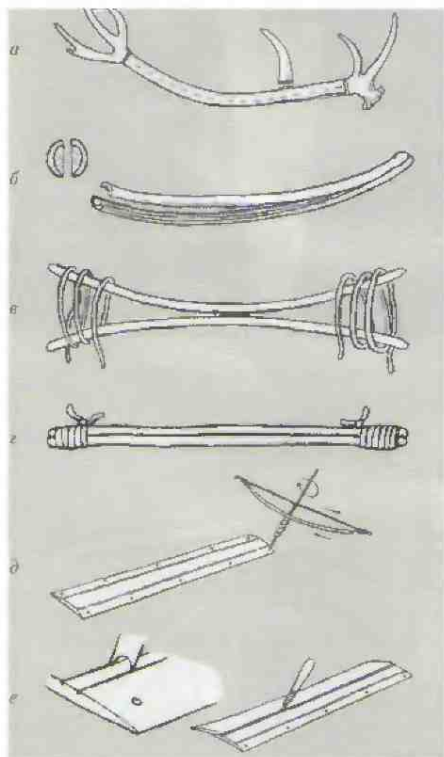
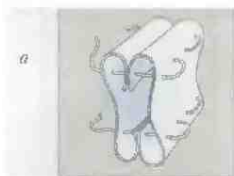

Рис. 12. Древнейший тип ламеллярного панциря. Собирался из двух разных по ширине лент, набранных из роговых пластинок. Доспки имели равный покрыв: у панциря могли быть «полы», захлывавшиеся на груди и тем самым образующие двойной слой защиты; в другом варианте нагрудники и наплечники представляли собой отдельные части, связанные наглухо между собой ремнями, а — схема шитья плечевых ремней, скрепляющих составные части доспека. Реконструкция по материалам могильника Ростова. Середина 2-го тыс. до н. э. Омское Прииртышье, Западная Сибирь. Раскопки В. И. Матюшенко. МАЭС ТГУ

Рис. 13. а-е. Схема изготовления панцирных пластин. Ростовские резчики использовали еще неолитические техники расщепления и выравнивания рога. Этот трудоемкий процесс выглядит следующим образом. От рога оленя отрезают длинный стержень, не имеющий ответвлений (а). Вдоль него делают надрезы, после чего рог легко разделяется надвое (б) и в течение двух-трех дней вымачивается в воде. Затем обе половинки складывают изгибами в разные стороны (в) и стягивают ремнем в единый прямой прут (с). После высыхания его развязывают и получают две распрямленные заготовки. Далее их надпиливают и обламывают до нужного размера. В этом полуфабрикате, вероятно, лутковым сверлом с бронзовым наконечником проделывают отверстия (д). Поверхность пластинок полируется, в ней специальным двухзубым инструментом наносится ряды параллельных бороздок (е)

Паверное, тогда же родились и плетеные доспехи, как некая замена щиту. Ведь у лучника по время боя заняты обе руки, и он остается открытым для стрел врага. Так же открыт и воин, вынужденный держать в одной руке копье, а в другой топор. Плетеная из гибких веток, боевая одежда хорошо известна по этнографическим материалам Пового Света и Юго-Восточной Азии. Неплохой защитой могли служить и плотные косматые шкуры животных, которые, скорее всего, и были самыми первыми доспехами. Рубящий удар, папесепный коротким клинковым оружием сверху вниз вдоль шерсти, соскальзывал с неё. Толстые, особенно на шее, и плотные шкуры крупных копытных, оформовавшие в сыром виде и потом зарубевшие, становились непреодолимой преградой для большинства разновидностей оружия тех лет. Они представляли собой прекрасный материал для создания самых различных защитных приспособлений — пагрудников, курток, щитов, паручей и т. д.

Рис. 14. Роговые пластины с отверстиями по краям. Закрывали грудь и спину "воина-литейщика" одного из севанско-турбинских племен. Такие длинные пластины были не очень удобны, так как ограничивали движение корпуса и, как это видно на снимке, ломались. Середина 2-го тыс. до н. л. Могилинка Ростовка, Омское Прииртышье. Занадвая Сибирь. Раскопки В. И. Матюшенко, МАЭС ТГУ

Рис. 15. Тяжелооруженный севанско-турбинский воин. Грудь и спину его защищает ламеллярный жилет из длинных гибких роговых пластинок (а). Нод него надета толстая поддевка (б), смягчающая удар. Плечи закрыты широкими ремнями (в), скрепляющими панцирный пагрудник и папсинник. Шею защищает ожерелье (г) с массивными подвесками. Наручи из толстой кожи (д) предохраняют руки от ударов вражеского кинжала. Голову закрывает круглая шапочка (е) из толстой зарубевшей кожи, надетая поверх мягкой подкладки. В руках воина — короткое копье (ж). Дополняет набор оружия рукощной свдвхи изогнутый бронзовый нож (з). Реконструкция по материалам могилинка Ростовка. Середина 2-го тыс. до н. л. э. Омское Прииртышье. Занадвая Сибирь. Раскопки В. И. Матюшенко, МАЭС ТГУ

Конструкторы эпохи бронзы не прошли мимо давно знакомого сырья - кости и рога. Детали древнейших лат из рога в виде длинных (до 15 сантиметров) и узких (2,5-3 сантиметра) пластин, снабженных вдоль продольных сторон отверстиями и иногда украшенных бороздками, найдены в 1965 году в могильнике эпохи бронзы у села Ростовка близ Омска. Пластины панцирей подобного типа, получивших впоследствии название *ламеллярных*, скреплялись между собой при помощи ремней, шнуров или тесемок, пропущенных сквозь отверстия по всему периметру, и располагались на теле воина вертикально.

При таком способе плетения удавалось обходиться без матерчатой или кожаной основы. Эти панцири можно было с успехом использовать для изготовления наручей и «бронирования» шитов.

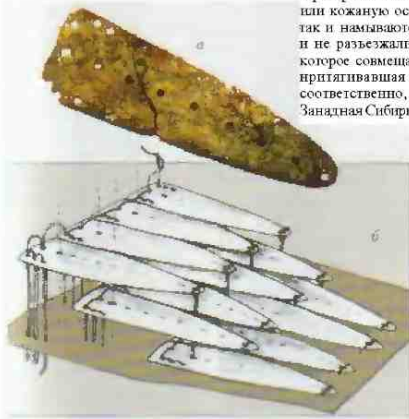
Неуязвимость «бронированного щита» привела к необходимости совместных действий. Так родилась «сибирская фаланга», как назвал ее известный специалист в области сибирских древностей П. М. Кожин. По его мнению, она включала в себя не менее трех одновременно наступающих линий, каждая из которых выполняла на поле брани свою собственную боевую задачу. Воины первого ряда копытами с крюками цепляли доспехи и распарывали швы костяных и кожаных лат, второй ряд фехтовальными копьями наносил удары, третий своими пиками, «разделяя движущееся друг за другом шеренги противника», сдерживал напор вооруженной вражеской толпы.

По действительно ли древние сибиряки использовали такую схему боя? Согласия среди специалистов нет.

Под фалангой обычно понимается боевой порядок, состоящий из нескольких следующих друг за другом шеренг. Это не совсем так. В бою основной удар принимали на себя воины первой линии. И когда один из них падал, его место занимал идущий следом. Поэтому наступающая фаланга состояла не из сомкнутых шеренг, а из множества коротких колонн, где люди стояли друг за другом. Эти колонны выстраивались в длинную фронтальную цепь. Каждое из таких подразделений было самостоятельной военной единицей с определенным числом воинов и своим собственным командиром. Глубина построения фаланги определялась количеством людей, ее составляющих. Именно такое устройство позволяло древним армиям из походного положения (как правило, маршевой колонны) быстро разворачиваться в боевое. Для этого все подразделения, начиная со второго, делали «ход конем», как бы обтекая передние отряды. Это движение было хорошо отретировано. Поскольку же подразделения по численности были одинаковыми, то создавалось впечатление, что наступают плотно сомкнутые шеренги, следующие одна за другой.

Рис. 16, а, б. Цепнометаллические рукояти ножей, несмотря на то, что нередко украшались геометрическим орнаментом, едва ли использовались в том виде, в котором выходили из рук мастера. Песупе части древнейшего оружия оборачивались кожей, закрывались деревянными накладками и обматывались нитью. Середина 2-го тыс. до н. э. а - Едунский могильник, Западная Сибирь. Раскопки Ю. Ф. Кирюшина. АМ АГУ. б - могильник Роскшка. Омское Прииртышье, Западная Сибирь. Раскопки В. И. Матвеевко. МАЭС ТГУ

Рис. 17, а, б. Навстрелная пластина (а) и способ сборки доспехов (б). Из подобных деталей собирались латы для щитов кротовской культуры. Они отличаются от уже знакомых нам нащипрей из Ростовки не только формой звеньев, но и тем ирицизмом сборки «бронзового» покрытия корпуса. Роговые пластины нашивались на мягкую тканую или кожаную основу. Крепились они по ирицизму рыбьей чешуи, рядами. Такие доспехи и не разбегались в стороны, в приотстренной части каждой чешуйки сверлилось отверстие, которое совмещалось с дырочкой на пластинке нижнего ряда. Через них иронускалась нить, приглатившая все чешуйки к мягкой основе. Четный ряд скреплялся с четным, нечетный, соответственно, с нечетным. Середина 2-го тыс. до н. э. Могильник Сопка-2. Западная Сибирь. Раскопки В. П. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

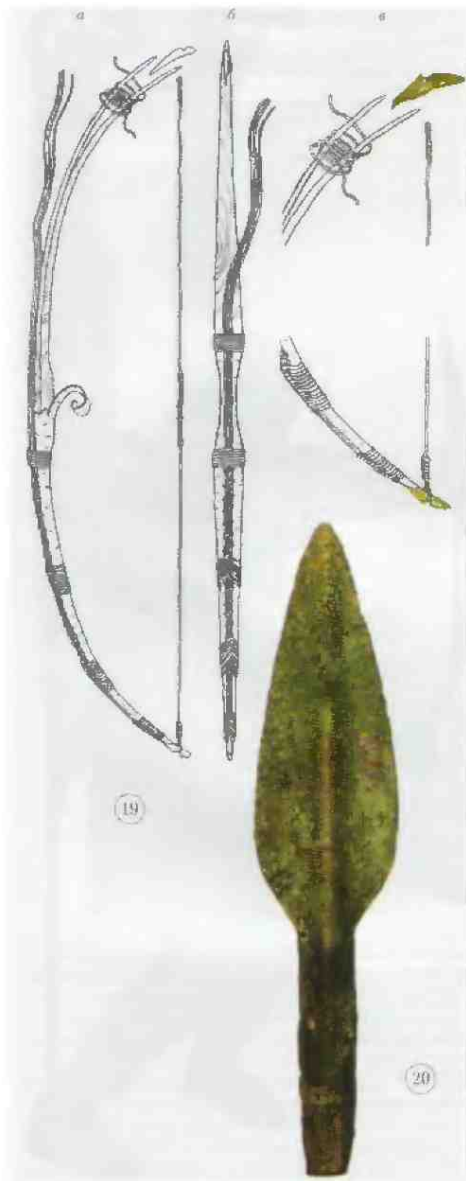

(17)

(18)

Рис. 18. Таким видится облик тяжеловооруженного воина кротовской культуры. Отражающих ударов он защищен роговым чешуйчатым доспехом (а), ближайшим аналогом которому можно найти на штандартах Ура и стенах Аккада в Месопотамии. Для поражения противника на дальней дистанции кротовскому латнику служит сложный лук (б) со стрелами, оснащенными кремневыми или костяными наконечниками, В ближнем бою воин действует копьесострым бронзовым наконечником (в). Бронзовый гоно-кельт (г) и булава с каменным навершием (д) позволяют сокрушить недруга в руковиной схватке. Массивный бронзовый кинжал (к) переброшен на специальном ремне за спину. За поясом-желез с навершием в виде головы длинноязыковой птицы (ж). Это не только знак социального ранга, но и оружие: вырезанное из прочного отростка лосиного рога навершие способно нанести серьезную травму. Вероятно, это был один из нервых кельтцов. Середина 2-го тыс. до н. э. Реконструкция по материалам могильника Сопка-2. Западная Сибирь. Раскопки В. П. Молодина.

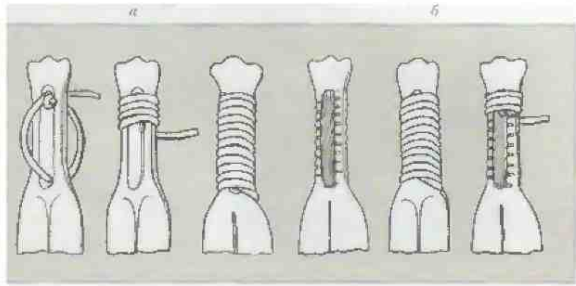
Такова классическая древнегреческая фаланга. Она отличалась большой дисциплинированностью и выучкой, умением держать строй, мгновенно перестраиваться и разворачиваться в ту или иную сторону. Сила фаланги заключалась не в особых бойцовых качествах отдельных воинов, а в согласованных и сплоченных действиях всех ее членов. Пока фаланга выступала как единое целое, она была почти неуязвима. Но стоило ей прийти в беспорядок, начинался разгром.

Этот строй имел значительную протяженность и по фронту, и в глубину, а значит, был достаточно многочисленным, в противном случае его легко можно было обойти и окружить. Кроме того, следовало хорошо защищать его фланги, особенно правый, где бок воинов не закрывался щитами. Фаланга всегда проигрывала отрядам легковооруженных воинов, действующих тактикой засад и нападения врасплох, а в открытом сражении с безопасного расстояния мечущих дротики и стрелы¹⁷.

Фаланга также оказывалась бесполезной на сильно пересеченной местности. Ландшафт во многом диктует выбор способа ведения боевых действий. Ясно, что в лесу кавалерия и боевая колесница теряют свою мощь, в степи же, наоборот, всадник имеет все преимущества перед пешим. Едва ли в Сибири копытеносцы с тяжелыми щитами в пешем строю были способны преследовать подвижных лучников, умело использовавших естественные укрытия. Схотничьи народы здесь успешно сражались в рассыпном строю.

Рис. 19, а-в. Схема лука кротовского типа: а - кибить; б и в - концевые части. Несомненно, он обладал большой упругостью. На это указывают костяные вкладыши, призванные заменить собой древесину, которая уже не могла выдержать нагрузку, возникающих на концах лука при его натяжении. Вероятно, что в спокойном состоянии со спущенной и снятой тетивой такие луки выгибались в обратном направлении, а их кибить клеилась как минимум из двух деревянных пластин. Для повышения упругости последней обычно использовались эластичные сухожилия копытных. Скрученные и заплетенные в прочную косу или натянутые как простые нити, они накладывались на оружие с внешней стороны, а затем плотно стягивались плетеными кольцами.

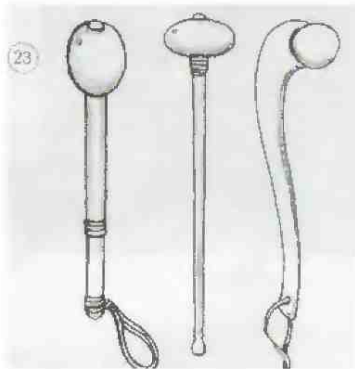
Рис. 20. Бронзовый наконечник дротики. Кротовская культура. Середина 2-го тыс. до н.э. Могилинка Сопка-2. Западная Сибирь. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

21

Рис. 21, а, б. Бронзовые кинжалы. Чтобы рукоятки не скользили в ладони, они обматывались кожаным ремешком. а, б — схемы обмотки рукоятки кинжала. Середина 2-го тыс. до н. э. Крогоская культура. Могильник Сопка-2. Западная Сибирь. Раскопки В. И. Молодша. МА НАЭТ СО РАН

Рис. 22 Мраморная булава. Постепенно именно грозная булава становится символом мужской силы, а нотом военной, магической и гражданской власти. Ее изображение можно встретить и руках древних владык — реальных и сакральных: египетских фараонов, божеств Месопотамии, среди негроидов Алтая и Гаяи. В качестве атрибута власти булава дожила почти до наших дней (испомини булавы в руках украинских гетманов). Представленный на фотографии экземпляр, скорее всего, из этого ряда. Слишком малый диаметр рукоятки, выверенной под рукоять, свидетельствует о том, что эта булава вряд ли предназначалась для боя. Крогоская культура. Середина 2-го тыс. до н. э. Могильник Сопка-2. Западная Сибирь. Раскопки В. И. Молодша. МА НАЭТ СО РАН

23

22

Рис. 23, а-б Навсршия крогоских булавы были двух типов: а — грушевидные; б — в форме слегка сплюснутого шара. Судя по небольшому диаметру отверстия, некоторые из них могли крепиться на конце плетеного кожаного ремня, превращая его таким образом вкнестень. Возможно и иной способ установа вкн вбадлашкина рукоять (а). Подобное устройство редкость у так называемых «отсталых» и традиционных племен. Удар, нанесенный таким инструментом, всегда очень силен. Кому же он как бы «прибивает» набалдашник к рукояти. Кроме того, при изготовлении этой булавы не нужно выверливать слишком большое отверстие, что связано с темальми трудностями

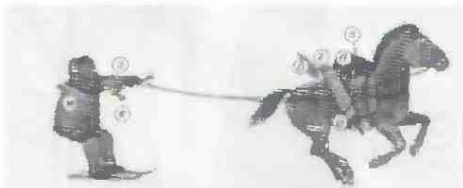

Рис. 24. Лошадь - довольно популярный персонаж среди украшений, характерных для бронзовых боевых полей. Коренная лошадка с густой гривой, крупной головой и чучко настороженными ушами застыла на наверхии кривого ножа. Певисокий человек крепко ухватился за поводья и скользит на широко расставленных лыжах. Эта, ставшая уже знаменитой, скульптурная группа из могильника Ростовца указывает на один из древнейших способов передвижения человека на буксире велел за быстро скачущим животным

24

Наконец, сам принцип фаланги предполагает более, или менее высокую организацию общества, применяющего ее. Оно должно кормить и содержать значительное количество людей, не занятых и производительной деятельности (в данном случае, несущих регулярную воинскую службу). Для родо-племенных объединений эпохи развитого бронзового века содержать даже небольшие регулярные воинские отряды представлялось делом непосильным. Все, что они могли, - быстро создать милиционное⁹ ополчение при угрозе нападения.

Рис. 25. Сейминско-турбинский латник на лыжах. В походах лошадей навьючивали. Необходимой пахали, включаяшей предметы вооружения — плетеный щит (а), копье (б), лук со стрелами (г, д), булаву (з) а также запас пищи и минимум походной утвари. Сам воин передвигался с оружием (е) в руках. Длинной пластин доспехов (ж) определяется количество лент, ярусно соединенных между собой и охватывающих корпус воина. Диаметр кольца каждой нижней ленты несколько больше, чем у верхней. Кольца входят друг в друга, изнутри между их стенками оставлен небольшой зазор. Это позволяет латнику складываться, а воину свободно двигаться и даже мчаться на лыжах. Длинные роговые пластины прикрывают руки и ноги латника (з). XVI-XIII вв. до н.э. Реконструкция по материалам могильника Ростовца

25

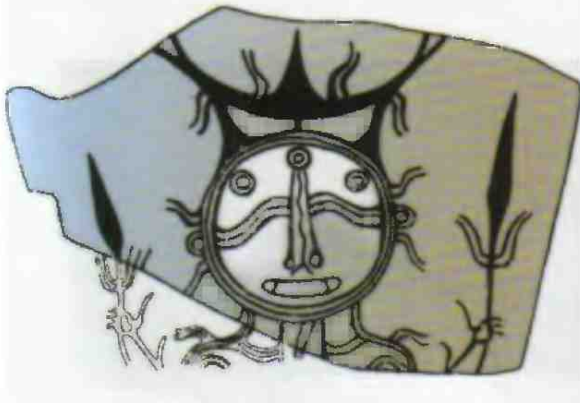

Рис. 26. Изображение божества войны — личина на песчаной плите из погребального сооружения. Этот воинственный персонаж с боевой раскраской на лице, в «короне», с коньями в руках доносит до нас облик военного предводителя далекой эпохи. XVIII—XII вв. до н.э. Окуневская культура. Р. Черновая, левый приток Енисея. Миусинская котловина, Хакасия

И все же у сибирских воителей существовало определенное боевое построение, судя по разнообразию предметов вооружения. Оно римемалось в Сибири вплоть до XVII века. Представление об этом строе дает устная традиция: «У одного только человека была кольчуга. Его с малых лет учат стрелы отбивать. Сперва тихонокко нускают стрелы, потом больше, больше. Когда он совершеннолетний станет, он уже полностью все знает... Этот человек впереди встает. Остальные за его спиной стоят. Выглядывают и стреляют». Расположение воинов стаями «живыми щитами» впереди хорошо известно по селу кунским материалам. Если несколько таких колонок составить вместе, то получится построение, которое можно условно назвать «селькунской фалангой». Надо отметить, видна цифрных воинов, не показывающих чудеса ловкости, из-за спины которых во всех направлениях летят меткие стрелы и торчат острые копыла устрашающе действующая на неприятеля¹¹.

Рис. 28. Личины на камнях с головными уборами и раскраской лица. В традиционных представлениях смена облика во многом есть и смена сущности. Раскраска защищала от злых духов, внушала ужас врагу, спасала в бою от вредоносной магии противника. Она была нередко родовым знаком, позволявшим отличить своих от чужих. В качестве красителей обычно использовались смешанные с жиром белая глина, красная, оранжевая охра, черная сажа, пыльца растений. Раскраска также защищала от холода, снега, укусов насекомых и даже, как показывают этнографические материалы, обладала лечебными свойствами. Окрашенные участки на черенках погребенных, совпадающие в общих чертах с теми зонами, что видны на наскальных рисунках, подтверждают это. Погребения Сайно-Алтая и стений Миусусы. Но М. Л. Давлет, В. Д. Кутбарев и Л. Н. Осладникову

Рис. 27. Создавая эту личину в урочище Хурачах-хол, древний мастер умело использовал отверстие в скале, превратив его в открытый рот, в который во сей день местные жители помещают кусочки жертвенной пищи. Эпоха развитой бронзы. Окуневская культура. Хакасия

32

Рис. 32. «Выслобунный» топор и реконструкция рукояток. Случайная находка в Звонском районе Поволжской области. Западная Сибирь. МА ИАЭТ СО РАН

К сожалению, учеными не найдены луки сейминско-турбинского типа. Составить о них представление позволяет экземпляр из могильника Сопка-2. Могильник расположен в Центральной части Барабинской лесостепи у слияния рек — Оми и Тартаса. Он включает в себя многочисленные погребения бронзового века, оставленные людьми *кротовской культуры* (XVI–XIII вв. до н. э.). Ее название объясняется тем, что один из наиболее характерных ее памятников обнаружен у села Кротово в Новосибирской области. Кротовские племена были вооружены очень опоясательно. Кроме топоров-кельтов и бронзовых пожей, они имели в своем распоряжении великолепные бронзовые кинжалы, сложные луки, легкие металлические дротики с бронзовыми пакопечниками, мощные булавы, увенчанные камешными пабадшиниками. В одном из погребений уцелели пашли захоронения литейщика с типичным инвентарем сейминско-турбинского облика. Меж бронзовых изделий и камешных форм для их отливки лежали костяные пакладки сложного лука. Очень похожие детали металлического оружия встречаются и среди собственно кротовских материалов. Эта находка дает нам представление о луках, применявшихся сейминско-турбинскими воинами.

С натянутой тетивой такой лук имел форму полуовала. Роговые вкладывши, на вырезы которых пакливалась тетива, помещались в специальные клиновидные прорезы с обеих концов кибити (в пашли для подобный принцип скрепления деталей иногда называется «десточкин хвост»). Позже все это стало отличительной чертой луков восточно-сибирского типа.

Стремительное продвижение сейминско-турбинских племен в западном направлении по междуречью Оби и Иртыша было связано не только с превосходством оружия ближнего боя и военной организации. Достигнутый успех связан с появлением нового транспортного средства — лошади. Она позволяла очень быстро преодолевать огромные расстояния.

Рис. 33. Бронзовая створка литейной формы выслобунного топора. Применение металлических форм в производстве оружия было прогрессивным шагом не только потому, что их можно было использовать многократно. Отливки, полученные в таких створках, отличались более плотным, твердым и прочным металлом. Случайная находка. Западная Сибирь. МАЭС ПТУ

Можно предположить, что появление лошади в полях сражений в эпоху бронзы было существенным моральным фактором успеха. Нсихологический шок, который вызывали эти животные, влекущие за собой грозных воинов, позволял немногочисленным лучетным ордям быстро одерживать победы над численно превосходящим врагом.

В сознании людей древности победа зависела от волеволения высших сил. К эпохе развитой бронзы складываются особые религиозные представления, связанные с культом войны, и местные божества разбросанных по территории Сибири племен приобретают весьма воинственный облик, их изображения, дополненные предметами вооружения, прославляют воинскую силу и boldьство. Магические действия против неприятеля — живого или мертвого — становятся общераспространенными.

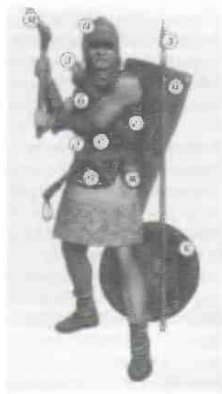

Рис. 34. Голову этого тяжеловооруженного воина-колесничего андроновской культуры защищает островерхая кожаная шапочка с несоборными наушниками (а). Тело покрыто плотным напирем, отформованным из сырой кожи (б) и усиленным круглыми бронзовыми бляшками-дуплицами (в). Подобные напиреи состояли из сплошного прямоугольного полотна с отверстием для головы и полукруглыми вырезами для рук. Наброшенные на плечи досечки стягивались с боков ремешками (г). Латы могли состоять из отдельных нагрудника и наспинника, так же связываемых друг с другом на боках. За поясом у воина листовидный бронзовый кинжал (д) и булава с каменным наконечником (е). У левого бока — мешочек с походными принадлежностями и запасными наконечниками стрел (ж). За плечами висит цилиндрический колчан со стрелами (з). Здесь же плетеный прямоугольный щит, закрывающий колесничему спину (и). Такими же щитами перед боем защищали вход в кузов. Легкий круглый щит (к) использовался в пешеходных рукопашных схватках. Конь с бронзовым наконечником (л) и бронзовый топор (м) дополняют вооружение воина. Оценить возможности воинов-колесничих позволяет высказывание Гая Юлия Цезаря, с восхищением писавшего о воинах, которые могли в бою пробегать по дышлу новозки и вставать на ярмо лошадей. Середина 2-го тыс. до н. э. Реконструкция по материалам Андроновской культуры Южной Сибири и Северного Казахстана

Древние андроновцы (эпоха развитой бронзы)

В третьей четверти бурного 2-ю тысячелетия до н. э. почти одновременно (по археологическим меркам) с походами воинов-литейщиков на запад, начинается массовое перемещение европеоидного населения в восточном направлении. Оно происходит несколько южнее - по открытым степным и лесостепным пространствам Сибири - и связывается с появлением на исторической арене скотоводческих племен андроновской культуры. Это название они получили по месту нахождения оставленных ими на этой территории в памятников — у села Андроново Ужурского района (Красноярский край). Андроновцев, представлявших собой союз многочисленных родственных европеоидных племен, можно определить как культурно-историческую общность. Они умели разводить породистых белоногих овец, быков-тяжелозовов и прекрасных коней — стремительных и выносливых. Пришельцев принято связывать с древними ариями, часть которых вторглась в Индию и заложила там основы новой цивилизации. Веды зафиксировали их древнейшие гимны и заговоры.

Андроновские племена пришли в Сибирь из Зауралья и, продвигаясь несколькими потоками, стали расселяться, занимая лесостепь, частично проникая в предтаежную зону и даже в глубь тайги. На юге пришельцы осваивали территории нынешнего Казахстана, а когда и здесь стало тесно, отправились дальше на восток солдана и, миновав горы Саяно-Алтая, добрались до Минусинского котловина.

Рис. 35, а, б. Схема нового приема изготовления лука. Роговые вставки (а, б) защемлялись между пластинами кибита. Судя по находкам аналогичных роговых деталей, такие луки, появившись в самом конце эпохи развитой бронзы (позднее андроновское время), просуществовали очень длительный срок. К примеру, в западно-сибирской тайге они применялись и в эпоху раннего железа, то есть как минимум 600 лет спустя, а - Еловское поселение. Томское Приобье. По М. Ф. Косареву; б - Чудская Гора, Пижнее Тоболо-Иртыше. По М. Ф. Косареву

Рис. 36, а-в. Черешковый наконечник дротика. Небольшой валик (а) у основания наконечника отделял черешок (б) от плоскости пера (в) и служил упором, мешавшим наконечнику слишком глубоко входить в древесину и расщеплять ее при сильном ударе. Чуть ниже наконечника древко обматывалось узкими полосками сыромятной кожи, корье, высушая, туго и прочно стягивали его. Преображенск-3, Барабинская лесостепь. Раскопки В. И. Молодша

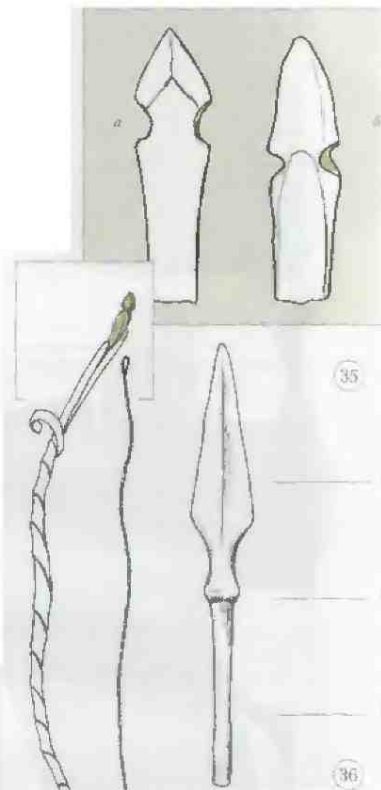

Рис. 37. Втульчатый прорезной наконечник нозднего бронзового века. При всем сходстве с листовидными бронзовыми наконечниками эпохи развитой бронзы, обращают на себя внимание значительно меньшие размеры изделий и отверстия в плоскости пера. Подобные формы прорезных наконечников не пережили эпохи поздней бронзы и в последующее время неизвестны. Можно предположить, что такие наконечники произошли от зажимных, которые насаживались на остро заточенный конец древка, а потом приматывались, зажимая его. Надо полагать, этот прием обеспечивал значительную экономию металла. Чтобы легче было стянуть концы таких проколотей с древком, в плоскости пера стали делать полукруглые прорезы. С переходом к технологии толстоственного литья, когда часть древка, обратившись во втулку, стала отливаться совместно с пером, отверстия потеряли свое функциональное значение и остались как дань традиции. ПГКМ

37

Причины, вызвавшие столь мощную миграцию, до конца не ясны, но большинство исследователей склоняется к мысли, что покинуть обжитые места в поисках новых благодатных земель людей заставили резкие изменения климата. Бескрайние евразийские степи были охвачены длительной засухой. Обмелевшие водоёмы, растрескавшаяся от зноя земля, выгоревшие настища все это грозило самым основам скотоводческого хозяйства. И люди двинулись в нутр на восток.

Стремительному продвижению древних Ариев, их военным успехам и немалой степени способствовала новая боевая техника — колесницы. Сконструированные первоначально для стеной охоты, для управления многотысячными стадами, они стали древнейшими, если даже не первыми, военными «машинами». Существует мнение (в частности, авторитетного археолога, исследователя восточных древностей Г. Чайлда), что по своему тактическому применению колесницы сопоставимы с современными танками.

Лошадей в колесницы запрягали, но большей части, наррой: левая, управляемая возничим, — коренная, правая — ирисяжная. Практиковались и тройки — только в отличие от знаменитых ночтовых здесь две лошади находились под ярмом, а третья была ирисяжной. Встречались и четверки — квадриги.

Благодаря появлению боевых колесниц скорость передвижения войска возросла более чем в 10 раз. Однако колесница представляла опасность только в движении. Боевым новозкам нельзя было останавливаться в бою, ибо они были весьма уязвимы для вражеских стрел и копий. Стоило ранить даже одну лошадь, и весь экипаж превращался в беззащитную мишень.

Небольшие отряды сибирских охотничьих племен, вооруженных в основном еще каменным оружием, даже будучи прекрасными стрелками из лука, неизменно проигрывали пришельцам, использовавшим колесницы. Как показывает боевая практика народов, имевших сходный хозяйственно-культурный тип развития, они, оставаясь неплохими бойцами, не в состоянии были применять в сражении плотные построения и прибегали к тактике рассынного строя. Сразиться с ними колесницам на открытой местности не составляло большого труда.

Рис. 38. Листовидный кинжал с прямым перекрестием. Карасукская культура. Эпоха поздней бронзы. Мог. Укулапа на р. Алдай, Якутия. По А. Н. Окладникову

Рис. 39. Кинжал караукского типа, X—IX вв. до н.э.. Найден близ оз. Котокель, Западное Забайкалье. По П. Л. Членовой

Рис. 40. Бронзовый меч. Длина рукояти 74 сантиметра. Голова барапа была украшена рогами, от которых сохранились лишь небольшие выступы. Эпоха поздней бронзы. Раскопки в Забайкалье (Читинская область) близ пос. Кузьмино. По Ю. С. Гришину

Ирменская и карасукская культуры

(эпоха поздней бронзы)

Минули годы, затих гул сражений, к небу родных кострищ востененно возвращались из глухих лесных крени, стениных оврагов и прибрежных впадин рассеянные грозными пришельцами аборигены. Налаживалась мирная жизнь. И тем, и другим приходилось учиться жить вместе. Эпоха кровавых набегов сменялась эпохой своеобразного обмена опытом. К началу 1-го тысячелетия до н. э. на просторах Сибири сложились новые самобытные культуры. Однако они были нохожи друг на друга во многих проявлениях, обусловленных историческим родством сандроновским и племенами. Наступил поздний бронзовый век.

Одна из таких культур, выявленная ранее других (в начале XX века) в Минусинской котловине, получила название *карасукской* (по раскопкам могильника на реке Кара-сух). Но мере исследования археологических памятников на сопредельных территориях (с похожими глиняными сосудами и бронзовыми изделиями) ее наименование нервое время распространялось и на них. Но вскоре выяснилось, что варианты карасукской культуры являются самостоятельными образованиями: в Западной Сибири, например, такая культура получила название *ирменской* (по раскопкам памятника близ одноименного села на Оби). Тем не менее для характерных предметов бронзолитейного производства и, в первую очередь, для разнообразного вооружения конца 2-го — начала 1-го тысячелетия до н. э., распространенного на огромных территориях Южной, Западной и Восточной Сибири, Казахстана, Монголии, Ордоса, Северного Китая, нередко используется общее собирательное название — карасукские. И хотя отличное из золотистой бронзы оружие в каждом из этих районов имеет свой местный колорит, все же оно во многом остается транскультурным феноменом.

Рис. 41. Боевой нож. Конец на рукояти под шляпкой наверху предназначалось для крепления темляка — специальной петли из кожи, в которую продевалась рука. Это свидетельствует о боевом назначении бронзового ножа, так как темляки всегда были принадлежностью оружия, а не бытовых предметов. Карасукская культура. Эпоха поздней бронзы. Случайная находка у нос. Арголик. Тыва. Но Л. Р. Кызылосу

Рис. 42. Обломок бронзовой рукояти меча с полым грибовидным навершием. Обе стороны рукояти орнаментированы. Карасукская культура. Эпоха поздней бронзы. ТОКМ

Рис. 43. Бронзовый меч карасукского типа. Как это нередко бывает с длиннолезвийным оружием, лезвие и рукоять повреждены. Стороны рукояти украшены орнаментом, основу которого составляет зигзаг. Найден при раскопках в Лагерном саду г. Томска. ТОКМ

Сложные луки эпохи поздней бронзы, как и тысячу лет назад, собирались из нескольких слоев древесины и снабжались роговыми концевыми вставками. Правда, к этому времени в их устройстве произошли некоторые изменения. Появляются луки, у которых концевые вставки имеют вырезы над тетиву не на одном ребре, как это было раньше у кротовцев, а на обоих. И вклеиваются эти роговые детали между внутренней и внешней планками кибики таким образом, что их плоскости как бы продолжают друг друга. Именно этот принцип крепления станет позднее определяющим для луков западно-сибирского типа. Подобное новшество несколько изменило форму оружия, его концы перестали столь сильно заглубляться внутрь, а сама кибичь с натянутой тетивой приобрела форму правильного сегмента. Такой лук был мощнее и надежнее. Стрелы же остались практически неизменными — они снабжались теми же наконечниками, что в андроновское и доандроновское времена. Это неудивительно. Простые в изготовлении и вместе с тем эффективные в бою, костяные наконечники просуществовали необычайно долго. Они были на вооружении практически у всех великих и малых завоевателей древности и средневековья, а на охоте применялись вплоть до XIX века.

В эпоху поздней бронзы широко распространяются легкие металльные дротик. По способу крепления наконечника с древком они разделяются на две группы: втульчатые и черешковые. Первые насаживались на древко с помощью уже знакомой нам круглой втулки, вторые имели для этой цели заостренный плоский черешок, который загонялся глубоко в древесину несущей части. Втульчатые наконечники были крупнее черешковых, а конструкция их пера (округлой листовидной формы) продолжала традиции оружейного дела эпохи развитой бронзы. С обеих сторон втулки в плоскостях пера были симметрично «прорезаны» полукруглые отверстия, назначение которых до сих пор неясно.

Копья отличались от дротиков лишь более крупными размерами и тем, что полукруглые отверстия в их пера снабжались по всему краю небольшими валиками — своеобразными ребрами жесткости.

44

Рис. 44, а, б. Боевые ножи. Кривизна лезвия и наклон рукоятки бронзовых ножей карасукского типа более всего напоминают устройство длинного рубяще-колющего клинкового оружия эпохи средневековья.
а — Западное Забайкалье, но Ю. С. Гршину;
б — Новосибирское Приобье. НКМ

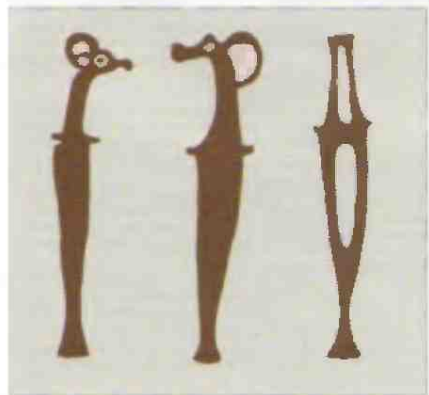
Фехтовальные конья эпохи развитой бронзы с листовидным, длинным, остро отточенным наконечником и коротким древком претерпели существенные изменения. Теперь они стали целиком отливаться из бронзы и превратились в кинжалы оригинальной формы: древко, как таковое, исчезло, превратившись в бронзовый стержень, снабженный удобной рукоятью с прямым перекрестием, которое защищало руку от удара.

Совершенство простые обоюдоострые кинжалы, древние мастера удлиняли клинки: некоторые из них достигают 50 сантиметров в длину, приближаясь к коротким мечам. Нотребности боевой практики привели к тому, что у кинжалов появляется перекрестие вначале в виде небольших шинов, а впоследствии — специальных выступов, способных удерживать вражеский клинок. Такое перекрестие еще долго остается плоским и не возвышается над плоскостями лезвия. Рукояти кинжалов делаются цельнолитыми с навершиями, напоминающими шляпку молодого белого гриба или исполненными в форме простого кольца. Нередко навершия выполняются в виде выразительных фигурок животных. Целый ряд исследователей видит в этих фигурках истоки «звериного стиля» — характерной для грядущей эпохи раннего железного века манеры украшения элементов воинской экипировки, когда для этого использовались изображения голов, фигур животных и сцен их борьбы друг с другом.

Стремление создать универсальное оружие, способное достать вооруженного кинжалом противника в ближнем бою на недоступном для него расстоянии, привело к еще большему удлинению клинков. Это оружие было одинаково удобным и для всадника, и для пешего. Длиннолезвийное клинковое оружие позволяло применять многие фехтовальные приемы. Все подобные изделия имели примерно одинаковое обоюдоострое лезвие с продольным ребром по оси симметрии (нервюрой). Рукояти мечей и кинжалов остаются цельнолитыми и, хотя поверхность их нередко покрыта орнаментом или литой имитацией веревочной обмотки закрываются деревянными обкладками и обшиваются кожей. В сечении они имеют форму скругленного бруска и удобно лежат в руке. Нередко у длинных обоюдоострых мечей, как и у кинжалов, рукояти несколько наклонены к одной из сторон, что делает их очень удобными для нанесения рубящих ударов. Острия почти всех подобных изделий, найденных при раскопках, обломаны.

Рис. 45. Головка лошади на рукояти бронзового кинжала. Эпоха поздней бронзы. Северные окраины Маньчжурии. Музей художественного университета Токно

Рис. 46. Кинжалы с кольцевым или зооморфным (в виде головы козла) навершием. Хранились в ножнах с транспицидным расширением снизу, порой украшались свисающей кистью. Рисунки на оленьем камне

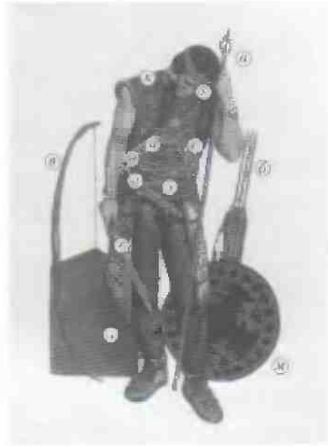

Рис. 47. Воин карасукской эпохи вооружен коротким копьем с бронзовым прорезным наконечником (а), набором легких металлических дротиков (б), сложным луком (с) со стрелами, бронзовым колющим мечом (е) и кривым коленчатым ножом (д). Тело воина закрывает многослойный кожаный панцирь, бронированный бронзовыми круглыми блинками разных размеров (г). Живот его долонгитально зашпигован плотным кожаным поясом (ж). К поясу прикреплены коромыслообразная пряжка колесничного (з), приспособленная для занавки повозок. Грудь ратника крестнакрест охватывают ремни (и), армированные бронзовыми пластинами, шею закрывает ожерелье с подвесками (к). Разная величина металлических пашивок позволяла довольно плотно покрывать ими одежду, образуя характерные узоры. Завершает набор вооружения щит (л). Он имел прямоугольную форму и прикреплен верх и вырезался из дерева или набирался из отдельных жердочек, стянутых между собой кожей. Круглые щиты (м) выкраивались из толстой зарбушевой шкуры коняных и обшивались снаружи куском мягкой кожи. Реконструкция выведена на археологическом и этнографическом материалах карасукских памятников Минусинской котловины. Рисунки на поверхности щита, мотивы вышивки на поясе, нагрудных ремнях, одежде и палубной повязке восприняты из орнаментальных композиций на сосудах

48

Рис. 48. Олений камень из урочища Ушкийн-Уварь Монголии. Он уникален тем, что на нем изображено человеческое лицо. Изамундиди хорошо различим заштрихованный косой сеткой нос. С правого бока к нему подвешены железный топор и еще некое рубящее орудие, вроде небольшой косы с коротким лезвием, с левого - кинжал в расширяющихся книзу ножках. Спереди крепко прикреплены свисающая пряжка с двумя крючками и осепок. На спине можно усмотреть заштрихованный в елочку щит. По В. В. Волкову и У. Л. Повгородовой

Культура оленных камней (переходное время к эпохе раннего железа)

Путешествуя по долинам Горного Алтая и Тывы, вы обязательно заметите многочисленные насыпи (то высокие и монументальные, то онывшие и еле заметные), затоптанные травой квадраты и кольца оградок, выложенных из камня, удлиненные стелы. Некоторые из стел покосились, другие под тяжестью лет давно унази и вросли в землю. Эти покрытые лишайниками, изъеденные ветрами камни — свидетели жизни исчезнувших народов.

А если вы взглянете вниз со склона ближайшей горы, то при удаче можете обнаружить насыпь, обнесенную каменным кольцом, от которого тянутся к центру вымощенные дорожки-черемычки. Она похожа на огромное тележное колесо, исполненной силой занесенное в эту уютную долину. О подобных сооружениях еще в конце XIX века сообщали путешественники, побывавшие в Монголии и Забайкалье. Тогда же были сделаны первые попытки их изучения. Однако раскопки не принесли яркого археологического материала. Под насыпями или обнаруживали безымянные одиночные и коллективные погребения, или вовсе наткнулись на нетронутый грунт. В ученном мире за подобными конструкциями закрепилось название *херкурсы*. А местное население зовёт их «кыргызскими гнездами» — «хяргас-Ур». Точная датировка этих загадочных сооружений все еще вызывает разногласия, но, в свете новых открытий, все более убедительным выглядит отнесение их к эпохе поздней бронзы.

Гораздо больший интерес представляют уже упомянутые каменные стелы. Их можно встретить среди горных долин и стеного раздолья Алтая, Тывы, Забайкалья, Монголии. Нередко на них различными рисунки животных, оружия и украшений. Фигуры животных — как правило, оленей — выполнены в одной стилистической манере. Они весьма похожи друг на друга и различаются лишь размерами. Туловища зверей резко очерчены, их ноги подогнуты или обозначены треугольными выступами, клювообразные морды вытянуты вперед, а длинные ветвистые рога заброшены за спину и ношты достигают круна. Изображения оленей и дали этим стелам название *оленных камней*.

Оленные камни распространены достаточно широко. Кроме уже упомянутых территорий Алтая, Тывы, Забайкалья, Монголии, они встречаются также в Киргизии, Казахстане. Приуралье, на Северном Кавказе. Отдельные сведения позволяют судить о том, что они обнаружены на Балканах, в Иране и Центральной Европе. Хотя этим монументам посвящена на редкость обширная и основательная литература, их культурная и хронологическая принадлежность разными исследователями определяется неоднозначно. Фигуры оленей выполнены в стилистичес-

ких традициях эпохи раннего железного века, а оружие и украшения относятся к эталонным образцам эпохи поздней бронзы — карасукского круга.

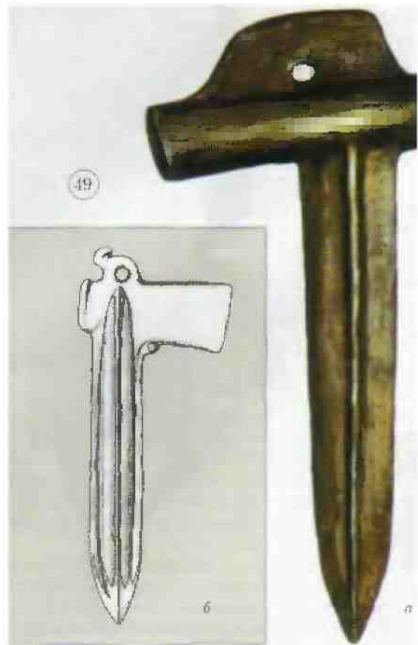
Еще некоторое время назад эти монументы интерпретировались по-разному, в том числе и как скульптуры фантастических рыб, но теперь — с легкой руки признанного специалиста по археологии Сибири Н. Л. Членовой — общепризнано, что оленные камни есть не что иное, как изображения воинов. Однако воспроизведение человеческого лица на них — редкое исключение. Вместо него оставлено пустое место, на котором нередко нанесены косые линии, как бы зачеркивающие и без того отсутствующее лицо¹¹. Линии эти обычно трактуются как татуировка, которая, как ни странно, оказывается для неизвестного скульптора более важной, чем само лицо. Но зато все прочие детали экипировки — оружие, боевые пояса, ожерелья, серьги, зеркала даны очень подробно и вполне соответствуют пропорциям реально человеческого тела. Но указанной экипировке ученые относят следы к категории оленных камней, даже если на ней отсутствуют фигуры животных.

Облик конкретной личности не столь важен для скульптора. Он меркнет и растворяется в образе воина, сохраняя свою индивидуальность лишь в деталях воинского снаряжения. Но жалуй, для современника этого было вполне достаточно, чтобы узнать, кто в данном случае изображен. Но что же значат фигуры животных? Чаще всего говорят о том, что перед нами простое воспроизведение татуировки¹², которая вместе с оружием, боевым поясом и головным убором была общепризнанным знаком социального статуса. Она магически охраняла человека и наделяла его особыми свойствами тех животных, чей образ передавала, продолжая исполнять эту роль и в загробном мире. Ритмическая повторяемость фигур на камнях, на телах воинов должна была способствовать многократному усилению «наведенной» магической силы. Кроме того, лица на оленных камнях неизменно обращены на «священный» восток. Образ оленя, его легкий стремительный бег, яростная мощь в битвах были близки сердцу каждого воина, и неслучайно олень становится излюбленным украшением самых различных воинских предметов.

Немало оленных камней уничтожено, разрушено или намеренно перемещено на другое место еще в древности. Уничтожить изображение духа-предка — значит нанести непоправимый вред ему самому и его потомкам. Оленные камни использовали в качестве простого строительного материала уже в середине 1-го тысячелетия до н. э., в эпоху раннего железа, когда память о тех, кто телал эти камни, и их собственных духах, давно канула в Лету.

В последнее время опубликованы материалы, связывающие херексуры и оленные камни в единый культурный феномен, где первые были погребальными, а вторые — номинальными памятниками. Эта археологическая культура (называемая пока культурой херексуров

Рис. 49, а, б. Этот бронзовый чекан (а) представляет собой крупную трубку-втулку с прикрепленным обухом плоским, длинным, как у кинжала, листовидным лезвием, укрепленным ребрами жесткости. На рисунке хорошо заметен небольшой наклон втулки к лезвию. Это связано с необходимостью, как и у топора, создать некоторый угол между осями рукояти и лезвия, чтобы центр удара приходился на черенок и отдача сводилась к минимуму. Паскалько можно судить по выбитым на камнях изображениям такого оружия, иногда эта проблема решалась простым изгибом самой деревянной рукояти. Позже, с распространенным железом, ударную часть чекана стали делать (в соответствии с траекторией удара) слегка изогнутой, дуговидной формы, напоминающей клюв птицы, а обух оружия снабжать специальным молоточком, которым также можно было наносить удары. Такое оружие называлось клевком (б). Поступили чеканы на ноисе с правого бока. Эпоха поздней бронзы. а — с. Усинское, Южные Саяны, Тыва, по Л. Р. Кызласову; б — р. Джзда, Забайкалье, по Ю. С. Гришину

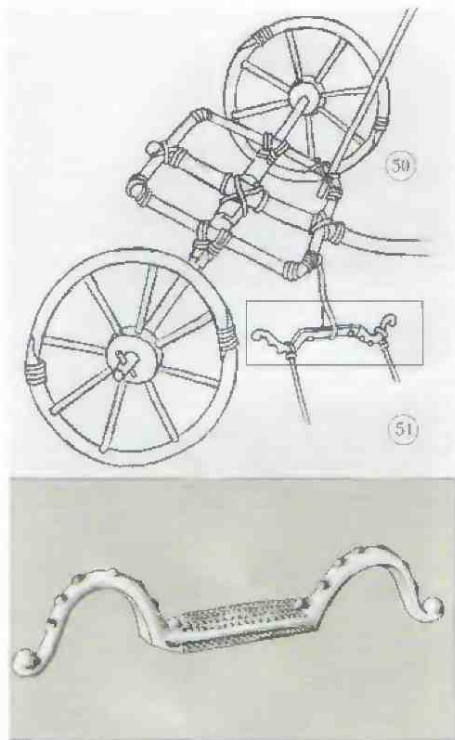

Рис. 50. Использование "моделей ярма" в качестве валька колесного экипажа. По У. Л. Повгородовой и М. В. Горешку

Рис. 51. Бронзовый коромыслообразный предмет. Изображения подобных изделий передки на оленных камнях. Мипусинская котловина, Хакасия

и оленных камней) сложилась где-то в районах Западной Монголии, а затем распространила свое влияние на территории Алтая, Тывы, Забайкалья, Восточного Туркестана, Восточной Монголии. Именно с ее военной активностью связывается появление здесь сходных форм оружия, причем того самого оружия, что относится исследователями к карасукскому типу.

Так как в эпоху бронзы основной ударной силой в войске оставались колесницы, то и памятники культуры херексуров и оленных камней — совершенно логично — имеют ярко выраженную колесничную символику:

одни выполнены в форме тележного колеса, на других отчетливо видны элементы экипировки воина-возницы — загадочные коромыслообразные предметы, или, как их еще называют, «модели ярма».

Бронзовые аналоги этим предметам хорошо известны по материалам карасукской культуры и археологическим находкам в так называемых «че-ма кэнах» — ямах с колесницами и погребениями лошадей позднего пиньского и раннего чжоуского Китая (X—VIII вв. до н. э.). Они представляют собой бронзовую пластину, каждый конец которой оформлен в виде полукруглого крючка. В целом изделие напоминает сложный лук с очень длинной рукоятью и короткими, как бы сжатыми рогами плеч. Видимо, это очевидное сходство с металлическим оружием позволило китайскому ученому Ши Чжанжу отождествить бронзовые «модели ярма» со срединными накладками лука.

Существует предположение, что «модели ярма» напрямую связаны с вальками колесных повозок (вальком называется толстая напка у передка повозки, к которой прикрепляются постромки пристяжной лошади).

Панболее убедительное решение загадки «моделей ярма» заключается в том, что эти двоянные крючки служили особому рода вряжками, за которые возница цеплял поводья, чтобы освободить себе руки для лучной стрельбы и не терять при этом управления. Подобные вряжки могли крепиться к деревянному щитку, прикрепившему воина. Правда, положение ездока, как отмечает исследователь, становилось при этом крайне неустойчивым.

Судя по изображениям на оленных камнях, воины носили свои сравнительно небольшие луки в специальных футлярах, располагавшихся с правой стороны. Они представляли собой прямоугольные или, но большей части, плавно расширяющиеся кверху чехлы, примерно в половину длины оружия. У многих луков концы плеч круто загнуты вперед. Это уже новый тип оружия, принципиально отличающийся от предшествовавшего, — лук его распространения придется на следующую историческую эпоху — эпоху раннего железа. Ученые его называют луком «скифского типа». С внешней стороны налучья пришивался специальный карман, в котором помещался набор стрел. Это предвосхищение горитов, специально придуманных для совместного ношения лука и стрел.

Защитили колесничных от коний, камней и стрел щиты прямоугольной формы с вриостренным верхом. Они собирались из тонко оструганных налучек и облепались кожаными ремешками. Такая форма была весьма удобной, воин мог обороняться, поднимая щит достаточно высоко, и одновременно наблюдать за неприятелем, ибо вриостренный конец щита не закрывал глаз. В центре щита, ближе к его верхней части, располагался металлический *умбон* — выщуклый диск, которым отражали удары рубящего оружия. По аналогии с устройством подобных приспособлений на реальных щитах Ближнего Востока и античного мира, с обратной стороны умбона размещалась рукоять-понаречина.

Между тем время колесниц неуклонно катилось к своему закату. В конце эпохи бронзы из среды скотоводческого населения стали выделяться кочевые племена. Освоение верховой езды привело к радикальным переменам на полях сражений. Теперь здесь безраздельно господствовал конный стрелок, вооруженный луком и стрелами. Колесницы ушли в прошлое. Новое время рождало новых героев, образ всадника вскоре вытеснил из народной памяти парадных возниц...

Рис. 52. Судить об обличье колесничих переходного — от эпохи бронзы к раннему железу — времени можно по каменным статуям — оленним камням. Нокрытые татуировками олени, козлов и крупных хищников, облаченные в одежды с аналогиями силуэтов этих животных, воины стояли на платформах своих повозок. Мистически преображался в зверей, чьи образы украшали их тела. О том, как украшали они упряжь боевых коней, мы можем только догадываться. Некоторую подсказку нам могут дать материалы раннего железного века и, прежде всего, пазырыкской культуры. Для полноты звериного образа, который обретали возницы, требовалось соответствующим образом преобразить и лошадей — ирицать им новый облик, который волшебным образом менял животное; сохраняя мощь коня, давал ему стремительность оленя, неутомимость круторогого тура. В представлениях людей тех лет совершенно образом нескольких животных было равнозначно одному сплотиву в новом существе всех свойств их «прародителей». Вероятно, что и на спину упряжных коней набрасывались шкуры оленей, так как в эпоху раннего железного века образ оленя был связан с воинской символикой.

Глава 3

Пазырыкцы, тагарцы и другие

Пазырыкская культура (эпохи раннего железного века)

В середине 1-го тысячелетия до н. э. на огромных территориях, от Карнат и ночи до Тихого океана, складываются новые формы хозяйственной деятельности — кочевое и полукочевое скотоводство. Появляется и находит повсеместное применение новый материал — железо. Начинается *ранний железный век* или, по-другому, *эпоха ранних кочевников*.

С тех пор как лошадь была приучена носить всадника, протяженные степные ландшафты перестали разобщать людей. Большие расстояния словно сжались. Вчера еще разрозненные и чуждые племена все чаще вступают в добровольные, а то и вынужденные отношения друг с другом, обмениваются идеями и технологиями.

Но всему носу степей Евразии устанавливается новый кочевой стиль жизни¹. От самых глубин Азии до Северного Причерноморья формируются разнообразные, и вместе с тем сходные во многих проявлениях, культуры. Ареал их распространения получил название *скифский мир* — но имени кочевников, ставших знаменитыми благодаря историческим трудам Геродота и сенсационным находкам в причерноморских курганах. Носкольку большая часть этого мира находится за Уральскими горами (Рифейскими, но Геродоту), то целый ряд этих культур называют еще *скифо-сибирскими*.

Общность этих культур, основанная на близости хозяйственного уклада и родстве идеологий, проявляется в сходстве трех элементов — это предметы вооружения, конская упряжь и, наконец, "звериный стиль" в искусстве. Название последнего говорит само за себя.

Следует отметить, что границы древних культур не всегда точно совпадают с ландшафтными, однако они все же соответствуют ареалам Верхнего и Таежного Приобья, занашно-сибирской лесостепи, Алтайских и Саянских гор, Минусинской котловины, верховьев Енисея.

Что же это за культуры? Начнем с Горного Алтая того времени. Его благодатные долины и альпийские луга у самых вершин занимало население *пазырыкской* культуры, названной так по расколкам погребальных сооружений

Рис. 1. Павершие головного убора пазырыкского вождя. Яркий образц "зверного стиля". Представляет собой голову хищного фантастического существа - трифона, держащего в клюве голову оленя. Дерево, кожа. 21x18 см. V—IV вв. до н. э. Урочище Назырык, Горный Алтай. Раскопки С. И. Руденко

в одноименном урочище. Благодаря редкому стечению обстоятельств, которые дарит нам природа, под каменными насыпями курганов на высокогорных плато образовались ледниковые мерзлоты, и эти природные холодильники сохранили то, о чем могли только мечтать археологи, — одежду, ткани, ковры, деревянную утварь и забальзамированные тела жителей той далекой эпохи.

Назырыкцы — смешанное кочевое население, и их внешнем европеоидном облике порой проступали черты монголоидной расы. Со своими многочисленными стадами назырыкцы кочевали, перегоняя зимой скот и высокогорья, где меньше снега, а летом — к богатому разнотравью долин. Знали они и земледелие. Неремальвая зерно на тяжелых каменных жерновах, хранили его зимой в глубоких, выстланных берестой, ямах и несли из него пресные лепешки. Жили в домах, срубленных из массивных лиственничных бревен. Из таких же бревен устраивали надкурганные склепы для своих умерших. Непременными атрибутами их жизни были конь, оружие и вера в помощь предков и небесных покровителей.

Назырыкское общество возглавляли вожди, которым после смерти воздвигали гигантские курганы в самых живописных урочищах и долинах рек. Немало сокровищ было скрыто под их насыпями. К сожалению, но большей части курганы были разграблены еще в древности алчными современниками. Но и того, что нашло в руки археологам, вполне хватило, чтобы поразить воображение любителей древности и украсить экспозиции самых лучших музеев мира.

Основу воинской силы назырыкцев составляли отряды всадников, вооруженных луками и стрелами. Луки алтайского образца склеивались из четырех слоев дерева. Для лучшего сцепления места склейки покрывались косыми насечками. Затем готовое изделие обматывалось сухожилиями и оклеивалось берестой. Судя по найденным

фрагментам, луки назырыкцев достигали в длину 110 сантиметров.

Кроме больших сложных луков, воины использовали и маленькие — так называемого «скифского типа» — о них мы уже упоминали в предыдущей главе. Такой лук имел достаточно длинную, вправо выгнутую рукоять почти прямые плечи кибиты и небольшие загнутые концы. Форма его часто была асимметричной — с плечами разной длины и, соответственно, разного изгиба. Как свидетельствуют многочисленные изображения, воин брал при стрельбе лук не за центр кибиты, а за выгиб плеча вблизи рукояти. Частота, с которой древние художники подчеркивают эту деталь, позволяет говорить о такой манере скорее как о правиле, а не как об исключении.

Стрелы помещали в кожаные колчаны, скрепленные из двух кусков кожи: первый представлял собой прямоугольник длиной около двух третей длины стрелы, который сворачивался в трубку, второй выкраивался в форме полусферы и крепился к нижнему краю этой трубки, образуя дно колчана. Для жесткости в продольный шов вставлялась гладкая каркасная дощечка, окрашенная, как правило, в красный цвет. Иногда такие ребра жесткости покрывались резным растительным орнаментом или рельефными изображениями хищников. К колчану подшивался широкий чехол — надульце, куда помещался лук. Так получался горит — футляр для одновременного ношения лука и стрел. Гориты чаще носились слева у пояса, а стрелы располагались в них наконечниками вниз. Впрочем, оружие могло быть подвешено и справа — древние лучники свободно стреляли с любой руки.

В ближнем бою назырыкцы использовали железные и бронзовые чеканы. Это были граненые или княжоловидные, слегка изогнутые острия, посаженные на длинные деревянные рукояти. Чекан являлся высокоэффективным оружием в руках всадников и хеттинцев. Его называют также клецом. Клевец отличается тем, что его ударная часть в соответствии с траекторией

удара имеет дуговидную форму. Впрочем, на этот счет среди оружейников существуют и другие мнения. Во избежание путаницы мы будем далее называть чеканом оружие с прямым, колющим или рубящим носком, клецом — с изогнутым. Оружием ближнего боя были и знаменитые акинаки железные и бронзовые княжало с характерным перекрестием в форме прямого бруска или развернутых крыльев бабочки. Реже перекрестие выходялось в виде голов хищных фантастических птиц и зверей. Окончания рукояти акинаков часто украшались наконечниками в виде нарных головок прифонов, направленных клювами друг к другу. Но, но большей части, здесь помещался поперечный брусочек-противовес или простое кольцо.

Основным защитным вооружением назырыкцам служили наборные щиты двух типов. К первому относятся щиты прямоугольной формы (высотой от 10 до 80 см), ко второму — щиты, верхний край которых был полукруглым. Собирались щиты из гладких, оструганных прутьев диаметром чуть больше сантиметра, стянутых между собой кожей и окрашенных. Путьев обычно было около сорока. Посередине тыльной стороны располагалась широкая кожаная петля-рукоять. При изготовлении щитов использовалась сырая кожа, которая, высохнув, сжималась и стягивала между собой деревянные части. Эти щиты при всех своих достоинствах — легкости, упругости, слабой проницаемости для удара стрелы — были весьма чувствительны к дождю и влажности и могли применяться не при всякой погоде, так как отсыревшая кожа растягивалась, и щит терял свою надежность. Для защиты от влаги щиты хранились в специальных чехлах, снимаемых непосредственно перед боем.

В погребениях назырыкцев найдены и маленькие (до 40 см в высоту) цельнодеревянные щиты прямоугольной формы. Желобки на них имитировали фактуру наборных щитов. Они предназначались, скорее всего, для ритуальных целей, так как не могли защитить

Рис. 2. Так выглядят сегодня насыпи "парских" Назырыкских курганов в песочке извлекаемых сооружений могильника Шибэ. Конец 3-й четверти 1-го тыс. до н.э. Горный Алтай

Рис. 3. Конный лучник. На первый взгляд, его оружие менее всего напоминает лук. По если присмотреться, становится ясно, что вогнутая середина М-образного или сигмовидного, как его часто называют, лука просто расположена выше кисти воина. Столетья спустя эта середина станет усиливаться жесткими роговыми накладками. Такое усовершенствование оружия изменит саму манеру стрельбы из лука, и все кочевые народы от хуннов до монголов будут искать стрелы из лука, удерживая его за середину. V—IV вв. до н. э. Золотая фигурка из собрания Г. Ф. Миллера, Эрмитаж. Санкт-Петербург

тогда чеканом. Впрочем, кинжал их не пробивал, в рукояшной хватке небольшие размеры подобных изделий не являе себя оправдывали. Такие маленькие круглые щиты в XIV веке появились на вооружении еврейских армий и хорошо проявили себя в сноте рукопашных схваток. Еще совсем недавно они были распространены на Кавказе среди вайнахов — признанных мастеров фехтовального искусства.

Головы воинов прикрывались высокими войлочными шшаками с нащечниками и назатыльником, а толстые стетаные двойные шубы свободного покроя защищали от стрел или чекана, если его удар оказывался скользющим. Защитный эффект свободновисающей в плотной ткани был хорошо известен в древнем мире. Так, древнегреческие гоплиты защищали ноги, подвешивая к нижнему краю щита куски кожи, в которых вязли стрелы.

Шуба прекрасно предохраняла тело и от удара плетью. Плеть у древних кочевников тоже была своего рода оружием. Ею в поединке сбивали с лошади, оглушившего. Существовал и другой способ — стегнув вражеского воина, заставить его сбросить наездника.

Нлетн но сей день пснользуются конными настухами при охоте на волков — одного умелого удара ею хватают, чтобы убить зверя. Еще в начале XX века среди конно-спортивных состязаний кочевых народов (например, киргизов) встречались своеобразные «дуэли» на нагайках. На эти поединки отваживались только самые выносливые и храбрые люди. Чтобы парализовать действия соперника, они стремились ударить его в самое уязвимое место — руку выше локтя, запястье, шейное сухожилие, коленную чашечку, шиколотку. Точный удар практически означал победу.

Особенности боевой тактики назырыкцев диктовал сам горный ландшафт. Но-видимому, они действовали небольшими отрядами легковооруженных конных стрелков. Скорее всего, назырыкцы пснользовали тактику засад, внезапных — может быть, даже ночных — нападений на стойбища и быстрого отхода с военными трофеями, самыми ценными из которых был скот, особенно породистые лошади. Интересно, что набор вооружения на назырыкских воинов напоминает арсенал боевых средств североамериканских индейцев со Скалистых Гор.

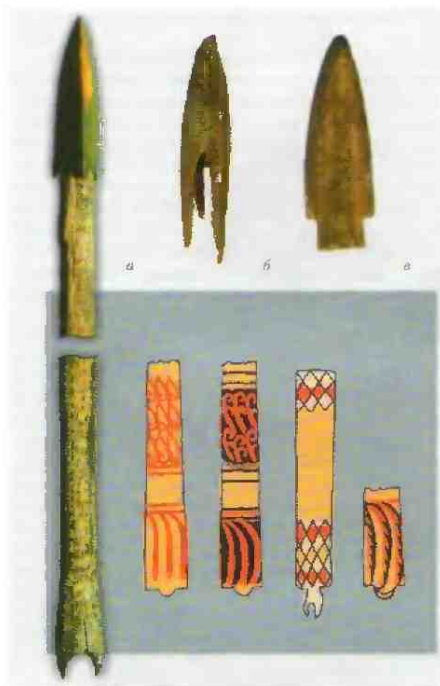

Рис. 4. а - в. Наконечники для стрел делались из кости (а) или бронзы (б, в). В сечении они были, как правило, трех-, реже четырехгранными. Малые размеры бронзовых прокопателей (длина 2,5–3 см, диаметр втулки — 5 мм) указывают на небольшую величину древков стрел и самого лука, который, тем не менее, обладал достаточной мощностью, чтобы острие бронзового наконечника вышущенной из него стрелы сплющилось при попадании в цель, а — V - IV вв. до н. э. Плато Укок, Могильник Верх-Кальджин-2, Горный Алтай. Раскопки В. И. Молодшина. МА ИАЭТ СО РАН; б, в - Делпсова Пещера, Горный Алтай. Раскопки В. И. Молодшина. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 5. Древки стрел расписывались черной или красной краской. Эта роспись являлась знаком собственности, означала принадлежность их хозяина к тому или иному роду. Такими рисунками помечали древки своих стрел воины, погребенные в Назырьских и Тузуктинских курганах. V—III вв. до н. э. Горный Алтай. Развертки рисунков по С. И. Руденко

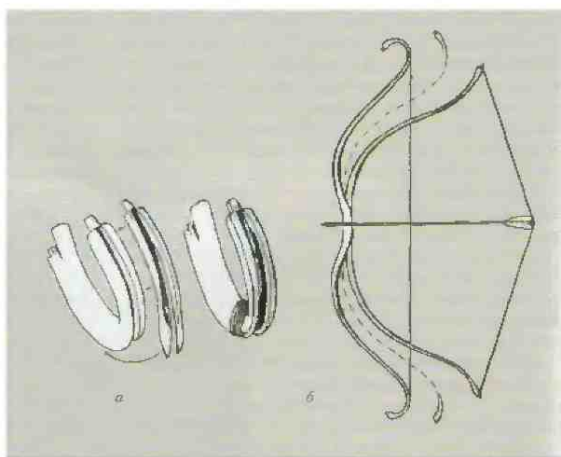

Рис. 6. а, б. Особенностью устройства луков скифского типа были круто выгнутые наружу окончания оружия. Этот элемент позволял использовать при выстреле не только силу упругости древесины, но и эластичность сокращения тетивы. Когда такой лук натягивался, тетива выходила из специальной канавки, прорезанной в изгибах, и рабочая длина её, таким образом, несколько увеличивалась. В момент выстрела все части оружия резко возвращались в исходное состояние. Тетива, как бы вновь наматываясь на крутые дуги окончаний, сокращалась, и стрела получала дополнительное ускорение (II). На выгнутые концы лука, чтобы сделать их более прочными и упругими, наклеивались роговые накладки (а). V—IV вв. до н. э. Могильник Верх-Кальджин-2, Плато Укок, Горный Алтай. Раскопки В. И. Молодшина. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 7. Железный чекан, обнаруженный в одном из «замерзших» курганов у снежных вершин Горного Алтая. Он имеет гранистую ударную часть и небольшой тонорик на обухе. т. е. подходит как для колодецов, так и для рубящих ударов. V - IV вв. до н. э. Могильник Верх-Кальджин-2, Раскопки В. И. Молодшина. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 8. Лезвие этого оружия плоское. Но сути, перед нами акhsак на рукояти. Предназначался он для борьбы с не защищенным латами неприятелем. Прямой удар им наносил прожигающие колотые раны, скользящий же мог причинять и резаные повреждения. IV в. до н. э. Могильник Ташанта-1, Горный Алтай. Раскопки В. Д. Губарева, МА НАЭТ СО РАН

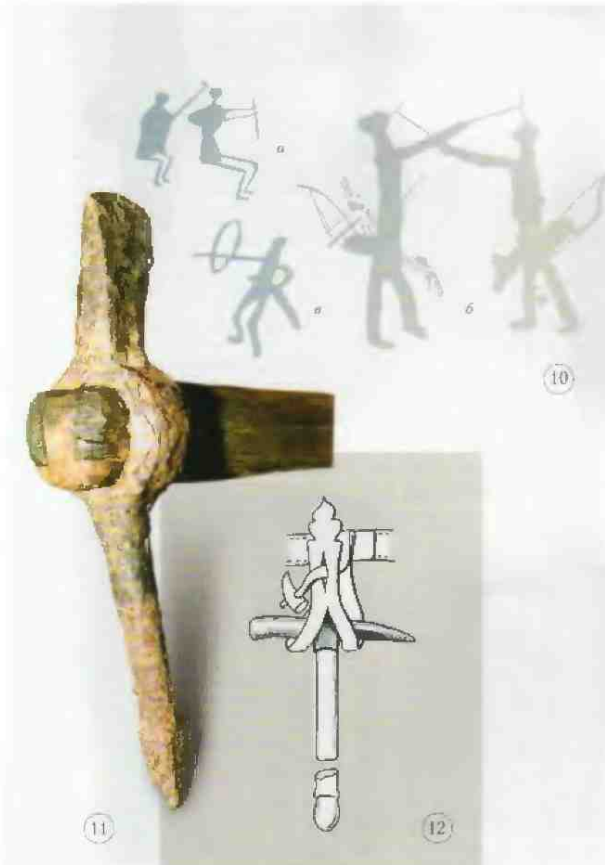

Рис. 9. Ни обушки чеканов располагался противовес, усиливающий удар. Мастера превращали его в дополнительный поражающий элемент в виде молоточка или топорика. Иногда эта деталь выполялась в виде фигурки животного. IV в. до н. э. Могильник Уландрык-3, Горный Алтай. Раскопки В. Д. Кубарева. МА НАЭТ СО РАН

Рис. 10, а—б. Батальнык сиены раннего железного века, выбитые на скалах в урочище Сагар в Восточном Казахстане (а) и Шанш-шад в Монгольском Алтае (б), с фотографической точностью воспроизводят способы использования чеканов в бою. На некрополе из урочища Елангаши в Горном Алтае (в) воин держит лук заниженную треть. Считается, что в этой позиции стрелку удастся расположить стрелу, размещенную поверх кулака, ближе к оси оружия, т. е. его стрельба становится наиболее меткой

Рис. 11. Техническая сметка и ловкость пазырыкских мастеров бесценно проявилась в системе крепления бойка к рукояти. Чтобы он не слетал, деревянные клинья в торце рукояти чекана размещались крест-накрест, расширяя древесину во всех направлениях

Рис. 12. Носредством свернутых в петлю ремней с двумя продольными разрезами чекан крепился к поясу. Вместо застежки нередко использовались медвежьи или кабаныи клычки, псолоднявшие роль амулета. Реконструкция по материалам раскопок В. И. Молодина и Н. В. Нолосмык на плато Укок

13

Рис. 13. а–д. Ножи для акинаков вырезались из цельного куска дерева (а) и окрашивались в красный цвет. С тыльной их стороны выбирался неглубокий надрез под лезвие (б). Он закрывался куском толстой кожи, выкроенной по форме деревянной части (в), а, б – V–IV вв. до н. э. Могильник Верх-Кальджин-2, Нлато Укок, Горный Алтай. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН; в – V–III вв. до н. э. Могильник Ак-Алаха-1, Нлато Укок, Горный Алтай. Раскопки Н. В. Половмак. МА ИЛЭТ СО РАН

Рис. 14. Нерисовка деревянных ножей, которые закрывали в сражениях ног витязя из Первого Тузунского кургана. Они состояли из двух частей: более широкая и короткая (31 сантиметр) прикрывала бедро, а узкая и длинная (39 сантиметров) – голень. Обе детали, но-видимому, соединялись между собой широкой кожаной лямкой, дополнительно закрывавшей колено. Кюге это приспособление подвязывалось ремнями у щиколотки, под коленом и вокруг бедра. Эти ножи указывают на возможность изготовления доспехов из кедровых дощечек. Чтобы древесину не было расколоть, пластины таких напирей плотно обматывались тонкой жильной шнуром.

У-IV вв. до н. э. Эрмитаж, Санкт-Петербург

Рис. 15. Носившие кинжалы на правом бедре воина. Для этого в лонгастях пожен свердлись отверстия, через которые пропускались ремни, охватывавшие бедро. Одна из лонгастей дополнительным ремнем скреплялась с поясом. Но В. Д. Кубареву

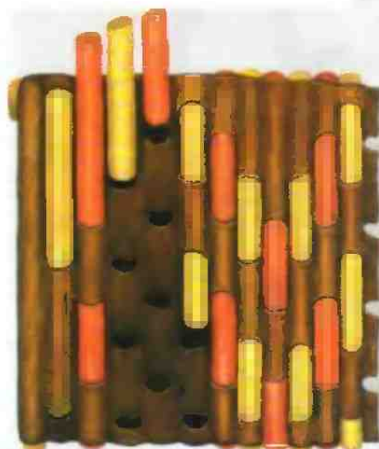
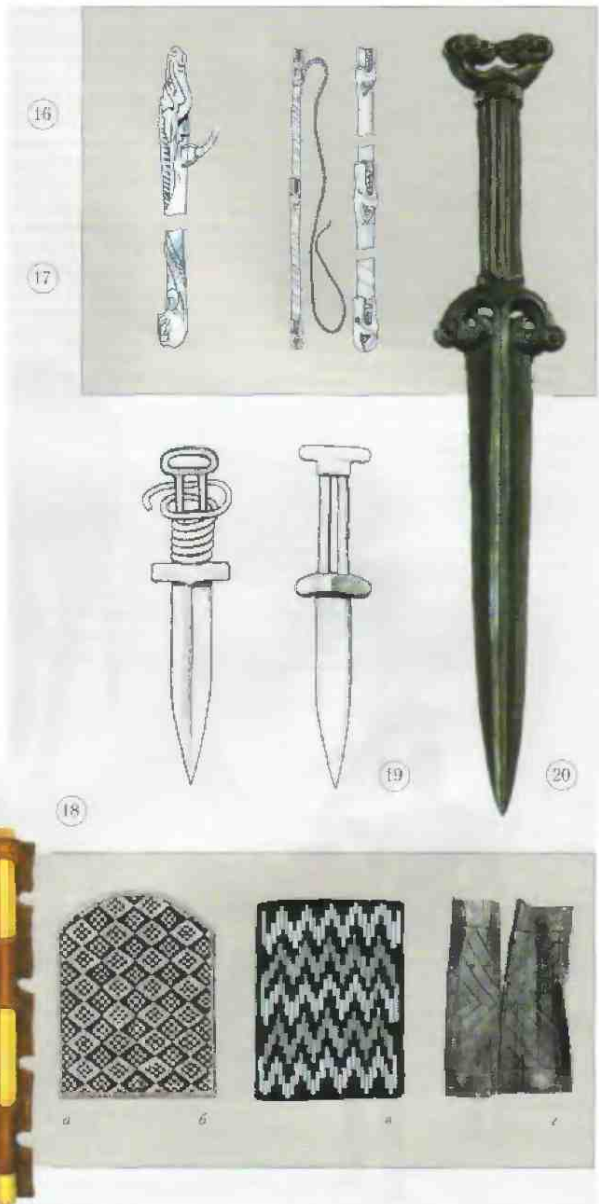
Рис. 16. Рукоять шпета, вырезанная в виде фигуры лошади. Ранний железный век. Второй Пазырыкский курган. Горный Алтай. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Рис. 17. Деревянный черенок паганки обязательного атрибута древних кочевников. Ее неровная золотой лентой рукоять украшена тремя головами волков. Палочки в потрепанных подобных предметах говорят о развитии выделки верховых коней. Ранний железный век. Второй Пазырыкский курган. Горный Алтай. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Рис. 18. а-с. Типы пазырыкских шптов. а - реконструкция шпта из прутьев и кожи 1-й Первого Пазырыкского кургана; б - пельнодеревянный шпт с полукруглым верхом из могильника Ак-Алаха; в - схема плетения шпта из прутьев и кожи; г - деревянный шпт из могильника Ак-Алаха-1

Рис. 19. Наиболее типичные для раннего железного века формы кинжалов характерны для самых ранних археологических культур. Обычно в прорезные рукояти кинжалов помещались деревянные брусокы, которые обматывались затем полосками кожи. Ранний железный век. Могильник Ак-Алаха-1. Плато Укок. Горный Алтай. Раскопки Н. В. Полосьмак. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 20. Бронзовый акинак с навершием и перекрестьем в виде голов грифонов. IV в. до н. э. Могильник Уландрык-3. Горный Алтай. Раскопки В. Д. Кубарева. МА ИАЭТ СО РАН

21

Рис. 21. По древней легенде Аристея Нрокнесского (VI в. до н.э.), известной нам со слов путешественника-публициста IV в. до н.э. Геродота, далеко за Рифейскими горами жила "стерегущая золотого грифы". Трудно сказать, определенно, о каком из древних народов идет речь. В последнее время все более популярным становится предположение о связи этой легенды с носителями пазырыкской культуры. Хотя изделий из золота в алтайских курганах найдено пока немного, самих месторождений драгоценного металла в Горном Алтае более чем достаточно: рудные залежи и россыпное золото в долинах рек встречаются по всему горному краю. Надо отметить, что всеядники заставы, стерегущей узкие проходы на перевалах, в своих косматых шубах и гладких войлочных колпаках с звериными в виде птичьих голов, вполне могли восприниматься издали как некие гигантские хищные птицы.

Это наводит на мысль, что в сражениях те и другие использовали похожие приемы. Да и военные обычаи, наверное, не слишком различались.

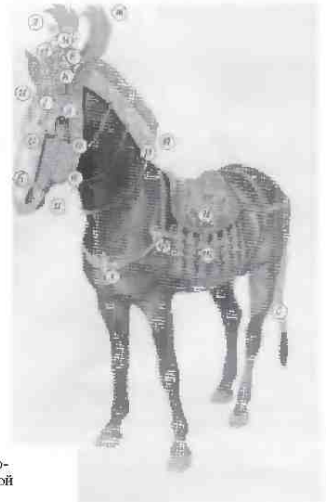
У древних скотоводческих племен, как свидетельствуют античные авторы и китайские хроники, существовал военный обычай отделения голов поверженных в сражении врагов и изготовления из них особых чаш — знаков воинской доблести. Пазырыкцы не были исключением. Например, в курганном могильнике Уландрык рядом с воином покоится череп убитого им врага. Подтверждая сообщения «нервного журналиста и этнографа» Геродота о причерноморских скифах, раскопки пазырыкских курганов доказали, что обычай скальпирования характерен не только для американских индейцев: следы скальпирования хорошо видны на голове мумии вождя, обнаруженной в одном из курганов урочища Пазырык в Горном Алтае. Скальны, по сообщениям Геродота, привязывались к узде коня количеством таких «подвесок» определялась мера воинских умений их владельца.

Археологические данные говорят о том, что в те времена кочевники отсекали и кисти рук врагов — возможно, их прикрывали на конскую упряжь, как и нанизанные на кожаный ремешок верхние челюсти поверженного врага. И объясняется это вовсе не особой жестокостью и извращенной психикой, а особыми религиозными верованиями, которые оправдывали и заставляли творить этот «варварский» ритуал.

Согласно преданиям, амазонки — женщины-воительницы древности — сеяли ужас и смерть на античных полях сражений. Сам Геракл, величайший герой Древней Греции, совершил свой девятый подвиг, добыв вояс Иноппы, царицы амазонок. Раскопки древних погребений, в том числе и на алтайском плато Укок, показали, что в древних мифах

Рис. 22. Реконструкция внешнего вида коня из Первого Пазырыкского кургана.

На нем маска из толстого войлока, обшитого кожей (а). Маска представляет собой спену борьбы тигра и фантастического чудовища — патриного грифона (б). Этот мифический небесный зверь имеет туловище (в) и морду тигра (з), рога антилопы (д), гриву коня (е), перья и крылья птицы (ж). Тигр как бы вздыбился — его голова располагается на лбу лошади, передние лапы помещены над глазами (з), а задние проходят по верхней губе и под позами коня (и). Изображение выложено листовым золотом с прорисованными поверх него черными полосками. Грифон занимает верхнюю часть маски и её пышные лопасти. Его голова и шея, покрытая пестрыми птичьими перьями (к), объемно вышпалены из толстого войлока и размещены меж ушей коня. Шестипалая грива сделана из красного копского волоса. Рога увешаны поволочатыми шариками (л) и украшены колечками драгоценного металла (м). К лопаткам монстра прикреплены поднятые вверх крылья. Туловище диковишного зверя шито из цветной кожи со вставками листового золота полова. Передними лапами (и) чудовище обхватило шею тигра, который вцепился, в свою очередь, зубами и его грудь и когтями в корпус чуть выше лопаток. Шияная часть тела грифона завернута, в соответствии с капопами «звериного стиля», в кольцо так, что лапы его упираются в живот (о). Грива коня с обеих сторон обшита пластинками войлока, превратившись в плотную, вертикально стоящую степку, на которую надевался патривник в виде чехла (п), обтянутого кожей и отороченного бахромой из красного копского волоса. На боковых поверхностях патривника расположены четыре петуха с поволочатыми головами (р). Хвост лошади упакован в кожаный, в виде трубки, прорезной чехол (с).

Седло по бокам украшено свисающими фигурами рыб (т). Опш вырезаны из толстой кожей и кнплавникам привязаны кусочки бахромы из красного конского волоса. Па войлочной подушке седла помещены кожаные аппликации тигра, терзающего лося (у). Ремни пагрудника и узлы украшены па перекрестных позолоченными скульптурными фигурами горного козла, вышпаленными из трехслойной кожи (ф). На груди коня красуется изображение орлиного грифона с раскинутыми вдоль ремней крыльями (х). Не ясно, был ли этот убор лошади исключительно церемониальным и шитым для поребальных нужд, или все же скакали по горным пастбищам парадные всадники па украшенных подобным образом животных. Некоторые маски па головах породистых тонконогих пазырыкских какулов были снабжены огромными, шитыми в натуральную величину из толстой кожи, рогами оленя с пучками крашеного копского волоса па отростках, либо вырезанными из дерева и покрытыми золотой фольгой [югами горного козла. В древности в войсковой среде целесообразность часто приносились в жертву магическому символу и колдовской мощи амулета. И личная войсковая магия касалась не только человека. Хорошо известно, папример, что боевая раскраска папослалась и па войнов, и па их коней. Быть может, и этот фантастический парад, который волшебне изменял животных, имел особое, приятное и попитное в войсковой среде, магическое значение, оккультный смысл которого восходило еще к убраству упряжек лошадей колесничих бронзового века. Ранний железный век. Первый Пазырыкский курган. Горный Алтай

истины гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Прекрасная половина назырыкского населения имела в своем распоряжении тот же арсенал, что и мужчины: лук со стрелами, кинжал и даже чекан. Одежда у алтайских амазонок была мужская, хотя само оружие, как и следовало ожидать, было изящнее. Кроме того, оно богаче украшено яркой воинственной символикой «звериного стиля». Женщины всегда остаются женщинами. Даже на поле боя.

Археологи, исследуя алтайские курганы, неоднократно находили детские погребальные камеры, причем размеры их насыпной норой не уступали «взрослым». В детских погребениях было обнаружено оружие малых размеров: луки, стрелы, чеканы, кинжалы.

В те незапамтные времена, когда по извилистым тропам Алтая пробрались назырыкские воины, в сибир-

ской тайге проживали угры и самодийцы - нередки здравствующие ханто, манси, селькупы. На южных опушках великого лесана на порогах холмами восторгах лесостепи встречались они с кочевниками, насытивая на себе мощное духовное влияние кочевого мира. Отражалось это влияние и в традиционных верованиях. Песоминно, что именно здесь хранятся ключи ко многим тайнам ушедших времен.

Представители этих народов до недавнего времени были убеждены в том, что с каждым новорожденным возвращается в мир душа кого-либо из умерших. После специального ритуала, призванного определить, кто же из предков вернулся, младенцу рಿಸаивали мясной кожной с возложением на него всех нрав, а со временем и обязанностей некогда ушедшего. Даже дети умершего считались теперь детьми новорожденного. Задача

Рис. 23. Погребения умерших назырыкцы в глубоких ямах, на дно которых ставился деревянный сруб — своего рода дом почившего. Одавая ушедшему частичку привычной для него земной обители, строители нередко использовали при его возведении венцы бревен настоящих жилищ. Внутри сруба воссоздавался привычный интерьер жилища или, во всяком случае, его подобие. Пол и стены склепа застилались войлоком или, если хоронили знатного воина, дорогими коврами. Умершего, ослепшего в войлочные сапоги-чулки с кожаными галошами, шубу и войлочный кожан, усаживали на правый бок в носе склепа. За его спиной помещали лук и стрелы, у ношей — чекан и кинжал. На шею надевали покрывало золотой фольгой гилью. В рядовых погребениях и погребениях средней знати в головаш ставилось походное деревянное блюдо-стопка с короткими ножками, на нем лежал кусок мяса с воткнутым в него ножом. Тут же стояло несколько сосудов — деревянный, глиняный и роговой. Вероятно, этот непреходящий набор был связан с мифологическим сценарием загробного странствия, когда умершему, чтобы достичь конечной цели, требуются сакоши из разных материалов. Впрочем, мы никогда достоверно не узнаем сути всех предполагающихся посмертных приключений.

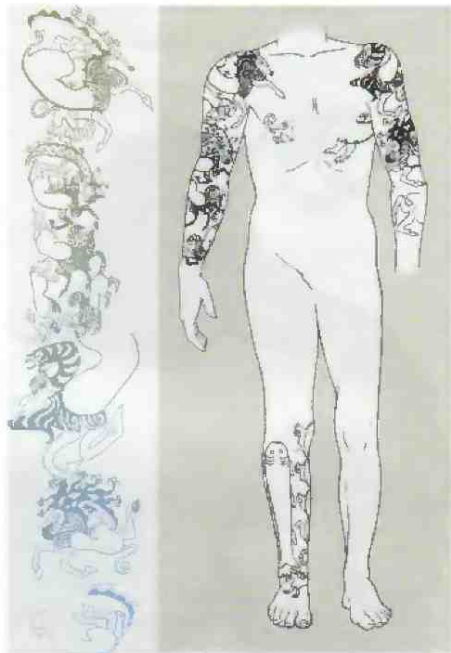
За перегородкой, будто у стенки настоящего дома, лежали мертвые кони, число которых в могилах знатных воинов и вождей могло достигать нескольких десятков. Рядовым же воинам полагалось лишь по одной-две лошади. Сруб закрывался бревнами и засыпался камнями и щебнем. У знатных назырыкцев таких перекрестных могил было несколько, а в яму, кроме лошадей, иногда укладывались каркасы нерасоных разобренных жилищ и даже новозки. Сверху над могилой возводилось каменное сооружение, которое с течением времени превращалось в обычную насыпь.

окружающих состояла в том, чтобы помочь новорожденному вспомнить свое прошлое. Поэтому с самого раннего возраста детям готовили комплект такой же, как у взрослых, одежды и снабжали снаряжением, положенным взрослым охотникам и воинам, но в уменьшенной копии.

Может быть, и юные назырыкцы точно так же получали свои чеканы, акинаки, боевые пояса и луки со стрелами? И если умирали в младенчестве, то уходили в загробную жизнь в сопровождении того же ритуального набора вещей, что и их взрослые соплеменники. Конечно, это всего лишь предположение. Определенно же можно сказать, одно — кочевники воспитывали подрастающее поколение в духе силы, воинской доблести и готовности к борьбе за жизнь, семью и родные горы.

Когда наступало время зрелости, юноши должны были с оружием в руках показать свою силу. Проходя через ряд жестких обрядовых испытаний, вводивших их в мир духовных ценностей коллектива, они неживали магическое перерождение, в корне менявшее их психологическую сущность. — в этих испытаниях они получали доступ к знаниям и техникам, позволявшим преодолевать страх, входить в состояние боевого иступления и вести себя в сражении так же, как ведет себя хищный зверь на охоте — агрессивно, азартно, жестоко и неукротимо, не чувствуя ни боли, ни усталости. Магическим знаком этого превращения служили татуировки фантастических животных на теле. И подобно тому, как фигурки хищных зверей наделяли смертоносной силой оружие, татуировки давали бойцу звериную мощь и яростный ныл в сражении. Вероятно, небольшое число акинаков и чеканов, украшенных в "зверином стиле", связано не только с трудностями их изготовления и имущественным рангом владельца. Не каждый мог достичь такого боевого транса, в который входили, например, легендарные скандинавские берсерки — знаменитые «безумцы» средневековых нобов. Особое оружие полагалось только тем, кто мог с ним совладать и надлежащим образом направить его магическую мощь. Берсерки не пользовались доспехами. Думается, что и многие назырыкские воины не скрывали от глаз врага некоторые свои рисунки на теле, которые были знаками сверхъестественной силы.

Вероятно, первые татуировки наносились, когда юноша выдерживал экзамен на зрелость. Это был знак родовой принадлежности, магический оберег. В дальнейшем количество татуировок увеличивалось. Они, как награды за боевые заслуги, покрывали руки и плечи воителей. Возможно, что рисунки на коже имели еще и прикладное значение: известно, например, что многие народы Сибири наносили на тело надрезы и рисунки, чтобы избежать от недругов — как бы призывая в помощь небесные силы. Это приносило иногда положительный результат, чему есть и современное объяснение. Подобные надрезы и рисунки-татуировки есть не что иное, как воздействие на вполне определенные нервные окончания, своеобразное иглоукалывание.

24

Рис. 21. Такими татуированными рисунками было покрыто тело назырыкского вождя. По С. И. Руденко

Рис. 25. Могильник Туэкая. Остатки насыпи «парского» кургана. Пазырыкская культура

25

26

Рис. 26. Фляжка, шитая из двух лоскутов кожи. На ее плоской поверхности с двух сторон нашиты фигуры грифонов, схвативших когтями тетеревов. По окружности прикреплены кожаные ромбы. В этой фляжке хранились черная конопля. Согласно сведениям Геродота, скифы кидали зерна конопля на раскаленные камни, выжали наркотический дым и «громко ликовали». Ранний железный век. Второй Пазырыкский курган. Горный Алтай. Реконструкция по материалам раскопок С.Н. Руденко

Пазырыкцы успешно противостояли вторжениям больших отрядов противника, рассеивая их, но они оказались бессильны перед наступившим, настойчивым внедрением в горы Алтая туни нереселенцев, вышедших откуда-то из глубин Центральной Азии. Пришельцы занимали горные долины медленно, по верно, вытесняя пазырыкских всадников в высокогорье — к самым небесным кручам.

И хотя по историческим меркам пазырыкская культура просуществовала недолго, она осталась одной из самых ярких культур раннего железного века.

Рис. 27. Так мог выглядеть один из военных предводителей пазырыкской культуры. Он облачен в головной убор (а), украшенный аппликацией листового золота (б), вырезанными из дерева нозолоченными фигурками животных (а) и увенчанный головой орлиного грифона (с), который держит в когтях голову коня. Корпус защищен ламбей, которые представляют собой кирасу (д), собранную из прямоугольных медных пластин, связанных между собой ремешками в углах по принципу, хорошо известному в китайской оружейной традиции. Руки до локтей закрыты наборными оплечьями (е), которые видны под матерчатыми лонгастами с аппликациями в зверином стиле из золотой фольги (ж). На плечи наброшена шуба (з). Вооружение воина состоит из лука скифского типа (и), горита со стрелами (к), кинжала с головками грифонов (л) в окрашенных ножнах (м), прикрепленных к поясу, чекана (н) у ножа, большого квадратного щита (о), собранного из раскрашенных жердочек, стянутых между собой кожей. Шею закрывает массивная нозолоченная гривна (п), выточенная в зверином стиле, на галстично-широкий боевой пояс (р), составленный из накладок с изображением зверей. Эти предметы являются не только магическим, но и вполне реальным защитным средством. Вместе с головным убором они являются знаком высокого социального ранга V-III вв. до н. э. Реконструкция по материалам археологических раскопок в урочищах Пазырык, Улацхрык, долине р. Ак-Алаха

Большереченская культура (Эпоха раннего железного века)

Человек всегда стремился к воде. Недаром все нервы и великие цивилизации древности возникали по берегам рек.

От снежных хребтов Алтая несут свои воды реки Бия и Катунь. Сливаясь на равнине, они дают начало Оби, основной водной артерии Западной Сибири и одной из самых крупных рек Евразии. В верховьях она течет в широкой (до 10 километров) пойме по слабо возвышенной равнине с глубокими долинами притоков, пересекает лесостепь и далее, в среднем и нижнем течении, прорезает тайгу, завершая свой бег в студяных волнах Карского моря. Вдоль русла Оби от основного массива тайги далеко на юг отходят извилистыми языками сосновые леса. Их так и называют - ленточные боры. Они тянутся внушительной полосой преимущественно по правобережью. Эти привольные места влекли к себе представителей самых различных племен и народов. Здесь рождались яркие самобытные археологические культуры.

Территорию Верхнего Приобья от ственных предгорий Алтая фактически до разреженной полосы южной тайги в эпоху раннего железного века занимало население так называемой *большереченской культуры*. Она получила свое название по результатам раскопок М. Н. Грязнова у села Большая Речка. Им же выделены и основные этапы истории этого культурного образования.

Географическое положение во многом определило круг культурных контактов населения Верхнего Приобья: во-первых, это было соседство с кочевниками Саяно-Алтая на юге и юго-востоке, во-вторых, со всадниками степей современного Казахстана и воителями Барабинской лесостепи на западе и юго-западе и, наконец, в-третьих, с таяжниками на севере. Каждый из соседей внес свою лепту в арсенал верхнеприобского населения. С запада пришел длинный железный меч, с севера — короткое нехотное копье, юг дал чекан и характерное снаряжение легкого всадника-лучника.

Несмотря на кажущуюся разреженность и распыленность населения, древний мир был заселен достаточно плотно, и, конечно же, наиболее благоприятные участки были давно обжиты, освоены и закреплены за различными племенами. Ни одно сколько-нибудь значительное событие в ойкумене не прошло бесследно. Кочевой мир с его активным и энергичным населением можно сравнить с жидкостью, которая, будучи сжатой в одном месте, вытескивается и в другом.

Понятия гуманитарных катастроф древний мир не знал, но при этом хорошо был знаком с неизбежным в случае войн явлением «вынужденных мигрантов». В последней трети IV века до н. э. фаланги Александра Македонского потеснили на восток сакские племена. И вскоре усталые кони кочевников уже топтали приалтайские степи, а войны смывали кровь и иль в водах Большой реки.

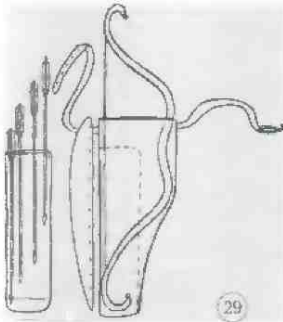

Рис. 28. Золотая скульптурка козла высотой около пяти с половиной сантиметров — выразительный образец «звериного стиля» населения Верхнего Приобья. Очень похожие фигурки лошадей, оленей, горных козлов, вырезанных из дерева и обернутых золотой фольгой, венчали копья всадников назырьской культуры. V-III вв. до н.э. Поворотский могильник. Верхнее Приобье. Раскопки А. П. Уманского. Барнаул. АГПУ

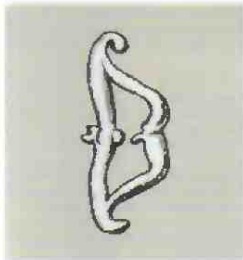
Северные таяжские соседи, поднимаясь вверх по течению Оби, тоже стремились при первой же возможности освоить эти благодатные места, столь похожие на родные. таяжские срены. В III—II веках до н.э. эти монахи редкие «ношения» превратились в основательную миграцию, со строительством городищ и дальними рейдами на юг таяжного войска.

Все это не могло не сказаться на комплексе вооружения местного населения. Правда, оружие, сверкавшее в руках приобских воинов, различалось в зависимости от того, в какой из природных зон происходили сражения.

К сожалению, в Верхнем Приобье и приалтайских степях археологам не встречались еще вянныя луки. Но составить представление о них помогают наконецники стрелы изображения луков. Похоже, местное население хорошо знало и широко использовало классические

29

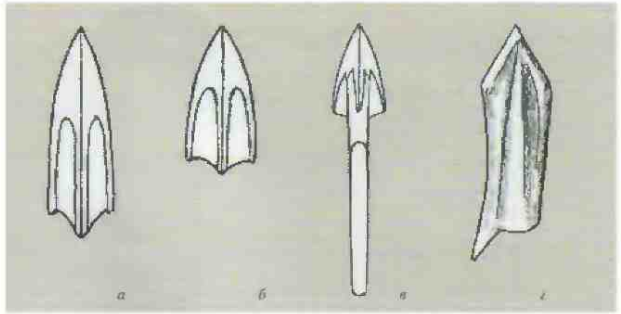
31

Рис. 29. Устройство горла

Рис. 30, а—г. Кроме небольших «обдеченных» наконечников стрел (а, б) в распоряжении приобских лучников имелись массивные втульчатые и черешковые прокопатели из бронзы с выделенным граненым острием и несравненно более высоким иробной способностью (в, г). Насаживались они уже на настоящее древо и предназначались для прицельных выстрелов и поражения бронированных целей

Рис. 31. Бронзовая носящая бляшка, выточенная в форме лука скифского типа, ноказывает, каким оружием пользовались оставившие этот намятник люди. V—IV вв. до н. э. Могильник Староалеяка-2. Барнаульское Приобье. По Г. Е. Иванову

Рис. 32. Типовое разнообразие костяных наконечников стрел было весьма значительным. Форма боевой части некоторых из них явно имитировала бронзовые прокопатели. Однако, независимо от устройства, использовались они в большинстве своем для поражения легковооруженного противника на средней дистанции

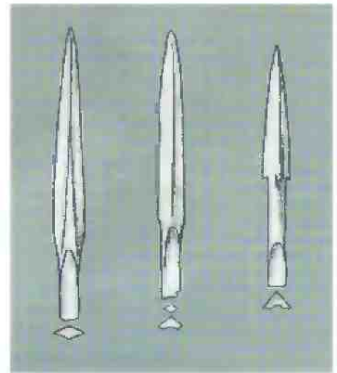

30

Рис. 33. Бронзовый крючок-застежка. Подобные изделия часто называют колчанными крючьями. Такие крючки играли роль пряжки и прикрмлиались к ремню, подшитому у самого устья колчана. На другом конце ремня через равные промежутки пробивали отверстия, и, надевая горит, острие крючка пропускали в одно из них, застегивая ремень. Ремень можно было и перекидывать через плечо, и оборачивать как носок вокруг тапки. Отверстия позволяли регулировать высоту подвески колчана. Благодаря этой системе воины без труда меняли футляры со стрелами — сбрасывали нусты и надевали зановленные. При этом не надо было делать лишних движений и терять столь дорогое время — с помощью крючка ремень застегивался буквально одним движением

33

32

образцы лука скифского типа. На это, в частности, указывает целая серия мелких втульчатых наконечников стрел характерной, трехгранной в сечении, формы. Дело в том, что существует определенное оптимальное соотношение между весом наконечника и размерами древка. Как правило, весовое соотношение элементов выглядит как 1:5 или 1:7. Центр тяжести стрелы должен приходиться приблизительно на ее середину, допустимо лишь небольшое его смещение в верхнюю треть. При нарушении этого соотношения стрела либо вилает в полете, либо взмывает и отклоняется в сторону — прицельная стрельба становится невозможной. А вес стрелы и мощность лука — величины взаимосвязанные.

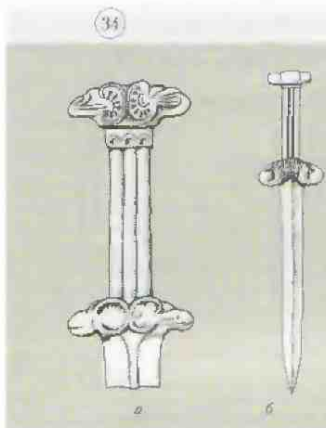

Рис. 34, а, б. Железный кинжал (а) — яркий образец «звериного стиля». Он оригинален, так как образ круглобого барана редко украшает клинковое оружие. Оружие имеет ребро жесткости на лезвии и три валика вдоль рукояти, характерные для кинжалов Алтая, Тывы и Минуски. Железный кинжал-акинак (б) длиной около 40 см выполнен в традициях оружейного ремесла Алтая и Минусинской котловины, что указывает на юго-восточное направление контактов.

На бабочковидном перекрестии выбиты фигурки волков, рукоять снабжена массивным брусковидным перекрестием, а — V—IV вв. до н.э. Случайная находка у станции Укладочная близ Барнаула. По Г. Е. Иванову; б — VI—V вв. до н.э. Паходка у с. Котки, Алтайский край.

Рис. 35. Бронзовый кинжал. Лезвие оружия — шестигранное в сечении, с широким плоским ребром. Считается, что кинжалы подобного типа отражают самые дальние юго-западные связи с Северным Кавказом, откуда они проникли в Западную Сибирь через районы Волго-Камья и Урала и далее, через Прииртышье, в Приобье и на Алтай. VI — начало V вв. до н.э. Устье р. Малая Киргизка. Томская область. Раскопки Л. М. Шлегневой

Рис. 36. Железный меч. В длину достигает 106 см, имеет перекрестие в форме почки и навершие в виде овального бруска. На рукояти заметны следы инкрустации золотой нитью. Судя по тому, что изделие было сильно изоптано, железо, на которого оно было отковано, оставалось еще мягким и некачественным. Скорее всего, нерентабельная продукция сакского кузнеца, эмигрировавшая из Казахстана в Прииртышье. VI—V вв. до н.э.

Паходка у дер. Повеошника, Алтайский край, левобережье Оби. По В. А. Мошпельскому

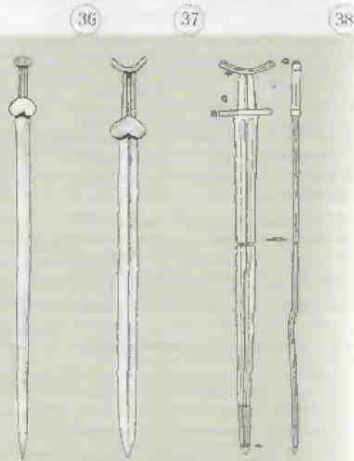
Рис. 37. Этот железный 80-сантиметровый меч является компромиссом между сакской и сарматской оружейной традициями. В верхней части его рукояти имеется отверстие для темляка. VI—V вв. до н.э. Паходка у пос. Горьковскп. Алтайский край. По Ю. Ф. Киришину Г. Е. Иванову. В. Б. Бороздеву

Рис. 38. Железный меч с прямым перекрестием. Навершие выполнено в форме перевёрнутого серпа. Его длина чуть больше 80 см. Клык меча снабжен двумя продольными желобками, которые проковывались, чтобы сделать лезвие легче и увеличить его сопротивление на излом. Прямое перекрестие и серповидное навершие очень характерны для оружия сарматского племени Пругуралы. Вероятно, откуда меч и попал в Верхнее Приобье. IV—III вв. до н.э. Паходки у г. Ключи, Алтайский край. Раскопки Л. П. Уманского

Рис. 39, а, б. Бронзовый чекан (а) украшен на противовесе фигурками «поноуро» стоящих медведей, а между втулкой и лезвием — головкой хищной птицы. Его плоская, как у кинжала, ударная часть, усиленная ребрами жесткости, наминает оружие на зырьковца. Такие чеканы просуществовали в Верхнем Приобье не слишком долго: они исчезли примерно к III в. до н.э., уступив место чеканам с округлым в сечении либо граненым бойком. Отливалось это оружие в глиняных формах, о чем свидетельствует бронзовая матрица (б), найденная в Повосибирском Приобье. Этот предмет отличается от настоящего чекана лишь отсутствием отверстия во втулке. Отлискивая его в глине, мастер готовил новые литейные формы, когда старые приходили в негодность. а - V—III вв. до н.э. Могильник Новый Шаран. Повосибирское Приобье. Раскопки Т. П. Троишковой; б — АМ ПППУ

Рис. 40, а, б. Железный кинжал с кольцевым навершием и слабоизогнутым перекрестием (а) характерен для сарматской традиции. Длина около 29 см. Форма бронзового кинжала (б) была наиболее распространенной в скифском мире, а — IV—III вв. до н.э. Паходка усе. Повеошниково, Алтайский край; б — V—IV вв. до н.э. Могильник Старозельска-2. Верхнее Приобье. По Г. Е. Иванову

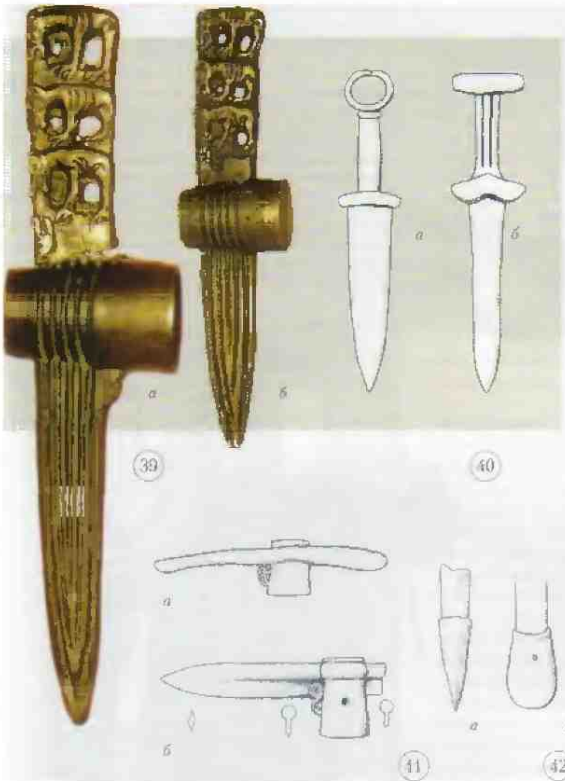
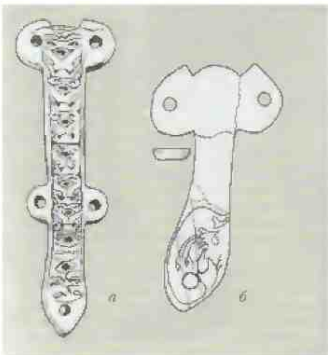

Рис. 41. а, б. Бронзовый чекан со стержневым бойком (а). Между втулкой и ударной частью помещено стилизованное изображение головы хищной птицы, вытопченное в традициях искусства Горного Алтая. Подобные чеканы известны среди оружия, найденного в Персеполе и относимого к V в. до н. э.. Встречаются подобные изделия и среди древностей Минусинской котловины. Вероятно, в лесостепной Алтай прототипы этого оружия новали вместе с кочевыми сакскими племенами. Во втором бронзовом изделии (б) ромбическое у самого острья сечение по мере приближения к втулке приобретает форму «замочной скважины». Между втулкой и лезвием помещена стилизованная голова птицы, а — V в. до н.э. Находка в Бийске. Алтайский край; б — Ранний железный век. Находка у с. Новоселовка, Алтайский край. По Г. К. Иванову

Рис. 42. а, б. Металлические колпачки-втулки на рукоятках боевых кинжалов. Эта деталь ирридирует наличие сложных фехтовальных приемов владения кинжалом. Ранний железный век. а — могильник Бийск-1. Алтайский край. По В. А. Могильникову; б — могильник Новорощко-1. Алтайский край. По В. А. Могильникову

Рис. 43. а, б. Костяные обшивки ножен очень напоминают пазырыкские. Отличие лишь в материале: пазырыкцы использовали дерево. Ранний железный век. а — могильник Усть-Иштовка. Барнаульское Приобье. По А. Н. Уманскому; б — могильник Рогозика-1. Барнаульское Приобье. По М. Т. Абдулатипову

Рис. 44. Бронзовая поясная бляха, считалось, что нося обладает особыми защитными свойствами. Магические свойства поясов усиливались тем, что к ним крепились особо сильные обереги и предметы личной магии, которые защищали владельца и наделяли его своей силой. V IV вв. до н. э. Могильник Ночта-3. Новосибирское Приобье. Раскопки Т. Н. Троишкова. АМ НГПУ

43

44

чатого набора, которые, как считается, входили в ареал распространения «сакских» доспехов, отличаясь от них лишь материалом пластин. Дноднийл оружие ближнего боя железный кинжал, выношенный в традициях уже известных нам акинаков. Как и у назырыкцев, кинжалы носили срава, на бедре, в ножах с вынумами-донастями, мечи же крендись слева, к кортупейному ремню, переброшенному через плечо.

Иногда вместо меча в бою применялся чекан, семидесятисантиметровая рукоять которого делала его равно удобным и для пешего, и для конного. Нижняя её часть снабжалась специальным металлическим колчаком-вторком. Кроме чеканов, в арсенале воинов мы найдем и уже знакомые нам тоноры-кельты и булавы.

Появление новых видов вооружения связано с пвечным стремлением создать «идеальное» оружие, пригодное для боя с любым противником. Пробивная сила чекана с острым граненым бойком была очень высокой, в то время он фактически не имел себе равных. Редкий доспех мог снасти от него. Но это оружие имело и целый ряд недостатков, которые примерно к III—II векам до н. э. свели его в разряд вспомогательного вооружения. Так, чекан с большим трудом извлекался из тела, не говоря уж о щитах. Воин с чеканом при не совсем точном ударе оказывался в сложной ситуации. Другой ахиллесовой пятой чеканов была малая площадь поражения. Наскальные рисунки эпохи раннего железа, обнаруженные на территориях Саяно-Алтая, содержат немало батальных сцен, в которых противники вооружены разного рода чеканами. При всей условной, силуэтной манере изображения они с удивительным постоянством показывают, что этим оружием стремились поразить противника в голову — самую уязвимую часть тела. Об этом говорят следы травм на черепках погребенных из приобских курганов.

В конце концов, чекан проиграл длинному железному мечу, которым можно было не только рубить, но и колоть. Проиграл он и длинному всадническому коню, приращенному в Верхнее Приобье сарматами. К III веку до н. э. вооружение сарматского типа постепенно вытесняет в Западной Сибири образцы скифо-сакских средств вооружения.

Тагарская культура (эпоха раннего железного века)

Еще в XVIII веке, со времени первых сибирских экспедиций тогда еще молодой Российской академии наук, ученый мир столкнулся с целой серией удивительных изделий, привезенных из глухой, но европейским понятиям тех лет, Минусинской степи. Вещи эти, преимущественно бронзовые, были или случайно найдены, или доставлялись «бугровщиками» («бутрами» назывались курганы). Путешественники в те далекие годы бывали немало изумлены бесконечными курганными полями, мимо которых им доводилось проезжать. Рукотворные хохмы (от совсем небольших до гигантских) буквально усеивали пространство вдоль течения среднего Енисея. И даже в наши дни, когда многие сотни, а то и тысячи этих памятников просто исчезли с лица земли, а остальные с огромными воронками в центре изувеченных насыпей хранят следы «золотой лихорадки» XVIII века, они представляют внушительное, почти мистическое зрелище. Поэтому нет ничего странного в том, что горячий интерес к древним курганным тайнам пробудил еще в 1722 году Д. Г. Мессершмидта провести здесь первые научные раскопки.

В 20-е годы XX века один из отцов сибирской археологии С. А. Теплоухов на основании всех накопленных к тому времени материалов пришел к выводу существовании на берегах Среднего Енисея особой археологической культуры, названной им *минусинской курганной*. Впоследствии по раскопкам у Тагарского острова на Енисее, ныне находящегося на территории города Минусинска, её переименовали в *тагарскую*.

Современники и близкие соседи назырыкцев, тагарцы расселились на степной и лесостепной территории на юге современного Красноярского края в Минусинской котловине — и в северо-восточной части нынешней Кемеровской области. Здесь они занимались пастушеским скотоводством и земледелием: разводили коров, породистых верховых коней, а также низкорослых лошадок, наподобие современных «монголок», рыли каналы

49

Рис. 49. Каменная ограда Большого Салабыкского кургана. Когда-то здесь возвышалась огромная земляная насыпь самого большого погребального сооружения тагарской культуры. В нем было похоронено всего два человека в сопровождении двух слуг. Считается, что это был глава союза племен. К сожалению, курган был ограблен, и о былой роскоши сопроводительного инвентаря мы можем только догадываться. V—IV вв. до н. э. Минусинская котловина, Хакасия

Рис. 50. Одно из тысяч рядовых погребальных сооружений тагарской культуры в стенах Хакасии. Оно обнесено каменной оградой из стоящих на ребре плит с высокими столбовыми стенами в углах и в середине каждой стены. IV - III вв. до н. э.

50

для орошения полей. Среди важнейших занятий было и горное дело. В добыче и обработке цветных металлов тагарцы достигли такого совершенства, что продолжали делать оружие из бронзы даже тогда, когда соседи стали переходить на более распространенное и доступное железо. За истекшие почти три столетия с начала раскопок тагарских намятников в музеях накоплен огромный материал, но многие вопросы воинской истории обитателей степей Южной Сибири остаются все еще открытыми.

Основным оружием дальнего боя тагарских воинов были лук и стрелы. Наши знания об этом оружии, увы, основываются опять-таки на его изображениях, выбитых на скалах, и на редких бронзовых бляшках в виде «моделей» этого оружия. Ранний железный век отличался редким сходством основных типов вооружения на огромных территориях, входящих в круг «скифо-сибирских» культур. Среди оружия, изображенного на тагарских петроглифах, легко заметить знакомые нам небольшие луки скифского типа характерных, несколько асимметричных очертаний (в виде буквы «М»).

Носили эти луки в горнгах с характерным изломам, как будто обрезанным, дном. Такие горнги с луками отчетливо различимы на наскальных рисунках и на бронзовых подвесках.

Для ношения стрел использовались также цилиндрические колчаны, кренившиеся почти параллельно поясу посредством бронзовых крючков. Шили их из бересты и кожи, а стрелы помещали в них наконечниками вниз. Для самого лука выкраивался отдельный специальный чехол, в который он помещался со спущенной тетивой. Её снимали, чтобы не держать постоянно натяженным лук, тервавший и в этом случае свою упругость. Такие чехлы-налучья использовались в дальних походах. Непосредственно перед сражением лук приводился в боевую готовность и вешался на плечо.

Стреляли тагарцы, натягивая тетиву «монгольским» способом, то есть накладывая её на внутреннюю сторону согнутого большого пальца правой руки. Для этого на большой палец надевался специальный бронзовый наперсток. При выстреле тетива легко соскальзывала по его гладкой поверхности и не задевала кожу.

Наконечники стрел у воинов Минусинской котловины были бронзовые и костяные. Большинство из них принадлежит к тем же «общескифским» типам, какие можно встретить на стоянках всего коченого мира.

К древкам стрел в месте присоединения наконечника тагарские мастера порой примащивали шиши из колючек боярышника. Такая стрела намертво застревала в теле противника. Впрочем, несмотря на развитое бронзолитейное производство, металлических наконечников стрел на территории распространения тагарской культуры

51

Рис. 51. По поводу этого образа долгое время велись споры. По носке раскопок в 70-х гг. XX в. кургана на берегу р. Тезь стало ясно, что такие кололоводные напершия венчали стойки погребального ложа знати. Козел, вероятно, считался важным тотемом. Он встречается также на предметах вооружения, боевых знаках и поясных пряжках. V - III вв. до н. э. Эрмитаж. Санкт-Петербург

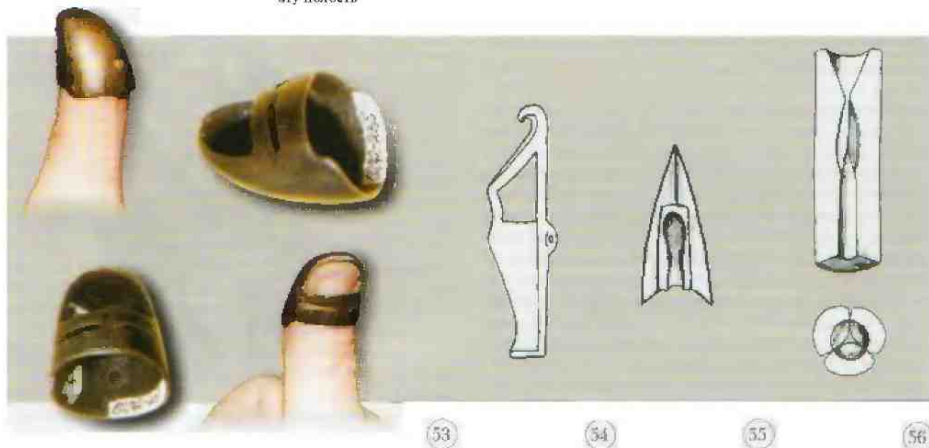
52

Рис. 52. Бронзовый крючок-застежка колчанного набора украшен фигуркой кошачьего хищника. Такая нога снокойно стоящего животного с низко опущенной головой очень характерна для тагарского искусства. За несколько унальный вид подобные изображения называют «ноурыми». V—III вв. до н. э. Минусинская котловина, Хакасия. МКМ

Рис. 53. Бронзовые наперстки. Через небольшое отверстие, заметное у основания наперстка, протягивалась веревочка, которой он привязывался к руке, чтобы при выстреле его не сорвало с пальца тетивой. Минусинская котловина, Хакасия. МИКПС ТТУ

Рис. 54. Бронзовая подвеска в форме тагарского чехла для пошения лука скифского пина. Хотя карман для стрел не изображен, вероятно, мы имеем дело с горитом. Поспши их на боку в наклонном положении

Рис. 55. Разрез втулки бронзового наконечника. У таких наконечников есть существенный недостаток — ненадежное крепление древка. Однако в 30-х годах XX века в московском институте истории материальной культуры наконечники скифского пина были подвергнуты тщательному изучению, что позволило узнать немало секретов древних мастеров. Крепление древка во втулке оказалось неожиданно надежным. Стрелу можно было доставать из горита, не опасаясь потерять наконечник, даже если он цеплялся жалыцами о стенку футляра или другие древки. Дело в том, что дальний конец втулки наконечника изнутри имел округлое расширение. Приостренный конец древка доходил до упора и сминался, целиком наполняя эту полость

53

54

55

56

Рис. 56. Формы для отливки наконечников. Отливались трехлопастные наконечники в составной форме, каждая из створок которой имела в сечении вид сегмента. Когда все три доли литевой формы совмещались, получался длинный цилиндр с воронкой сверху, куда заливался расплавленный металл. Снизу в специально оставленное отверстие помещался длинный заостренный стержень, образующий внутреннюю полость втулки. На конце стержня было небольшое расширение в виде шарика, формировавшее ту часть, где заклинивалось древко. Производство бронзовых наконечников было технологически очень простым и быстрым. Оно не требовало сложного инструмента и оснащения. Именно поэтому в кочевом мире бронзовыми наконечниками оснащались стрелы даже тогда, когда все остальное оружие коналось из железа. Паходка на озерах Ноуги. Занадная Сибирь. По Б. П. Гракову

Рис. 57. Один из вариантов положения пальцев руки при стрельбе нч лука «монгольским» способом

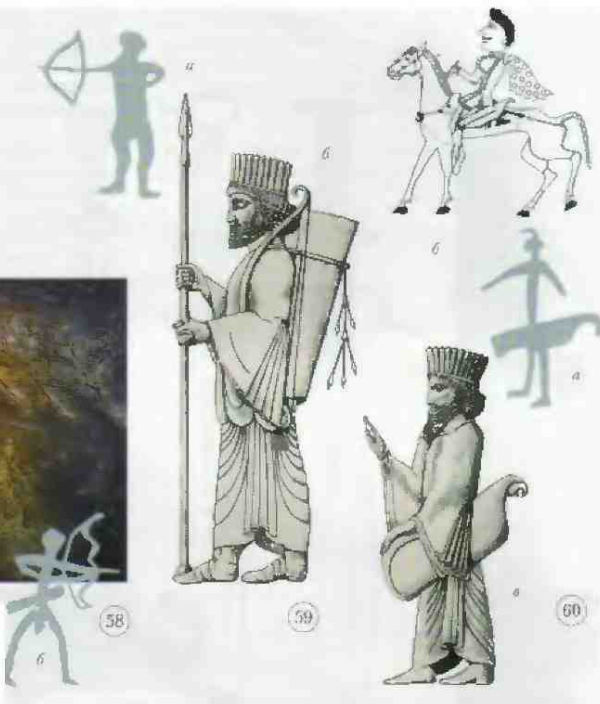
Рис. 58, а, б. По характерным ирзнакам в оружии воинов (а) легко распознается лук скифского пина, который стрелки держат точно так же, как маленькая золотая фигурка всадника из коллекции Г. Ф. Мидлера (рис. 3, ст. 3), — за нижнее плечо, в широко распротространенной в скифском мире манере. К носу тагарского стрелка ирприкреплен иррямоугольный колчан, форма которого резко отличается от знакомого нам но назырьским и большеереченским материалам горита, а - нетрогидлы горы Суханихи. Красноярский край. Южная Сибирь; б - ирриросовка нетрогидлы

57

Рис. 59, а, б. Этот стрелок, выбитый на скале рукой древнего мастера, вооружен небольшим луком в виде плавной дуги со слегка выгнутыми и направленными ввыстрел концами (а). Оружие подобного типа, только более крупных размеров, хорошо известно в древнем мире. Его можно видеть на барельефах Двуречья и Малой Азии (б). Судя по фигуре стражника, изображенного в Персеполе на стене царского дворца примерно в то же время, что и лучники на скалах Среднего Енисея, подобные луки могли носить на плече отдельно от колчана со стрелами

Рис. 60, а—в. Свое оружие лучники всего мира встречались сохранять от вредного воздействия природных осадков. Татарские воины верхнюю часть лука, которая выступала над карманом горита, закрывали от непогоды специальными, по всей видимости, войлочными или кожаными, колчаками, плотно натягивая их на оружие до самого обреза чехла (а). Точно так же предохраняли свои луки назырыкские (б), сакские, персидские воины (в). V III вв. до н. э. з- риеупок на камнях горы Куши. Средний Енисей; б — анпликация с ковра Пятого назырыкского кургана. Горный Алтай; и — барельеф дворца Дария в Персеполе, Иран

обнаружено сравнительно мало. Общее число всех найденных тагарских пронизателей, сделанных из металла, меньше, чем в горных 3—4 конных стрелков из Северного Причерноморья или Приуралья.

Гораздо больше в курганах встречено костяных накопечников стрел, часто являющихся простой имитацией бронзовых. Они имели небольшую втулку, куда и вклеивалось древко — ведь кость с древесной соединяется крепче, чем металл.

Татарские воины не знали оружия с длинным клинком. Минусинские стены были дарством кельца и кинжала. По количеству и разнообразию бронзового оружия ближнего боя татарская культура в Минусинской котловине и Ачинско-Маринской лесостепи не знает себе равных среди культур Сибири середины и конца 1-го ты-

сячелетия до н. э. Именно здесь чаще всего встречаются изделия, выдолбленные в «зверином стиле». Гибкие нантеры и оскаленные волки, угрюмые щетинистые кабаны и круторогие козлы, горбоносые сайтаки и третенные куланы вместе с фантастическими животными стоят, лежат, крадутся, скачут на боковинах перекрестий и на верхних тагарских кинжалов. Сказочные грифоны, вполне земные хищники и стремительные конные составляют в сибирском раннем железном веке, пожалуй, самый полный bestiary, дарящий оружиемогущество и силу.

Но устройству гарды¹¹ кинжалы подразделяются на большие группы, каждая из которых имеет свою историю.

Кинжалы нервой группы иногда называются красноярскими (по месту самых частых находок) или «выемчатоэфесовыми» (по виду рукоятки). Для них характерны легкость форм и фактическое отсутствие перекрестия. Впрочем, считать, что его совсем нет, нельзя. Выступы между рукоятью и лезвием, конечно, присутствуют, но они столь незначительны, что едва ли в состоянии защитить руку. Такие кинжалы существовали в VI—IV веках до н. э.

Рис. 61. Попытки усилить пробивную способность этого кинжала привели к чрезмерной массивности его лезвия. Оружие длиной 32 см уравновешивается тяжелым навершием, имитирующим головы тяжелых навирием, имитирующим головы горных козлов. Перекрестие отковано из двух пластинок, на которых отчеканены перевернутые фигуры волков. V в. до н. э. Раскопки близ Минусинска. Коллекция И. А. Лонатина. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Рис. 62. Форма этого кинжала с VI по III вв. до н. э. повсеместно распространяется на огромных просторах евразийских степей. Жест кинжала, отлитый в виде распахнутых крыльев бабочки, так и называют — бабочковидным. Исследователи считают, что он является дальнейшим развитием более крупных и компактных средневековых перекрестий. Со временем округлые окончания гарды иростраются, раздвигаются в сторону, защищая пальцы, крылышки все больше вытягиваются от клинка и становятся ножожи на нижних крыльях. В науке такие гарды называются крыловидными. Эти перекрестия хорошо защищали руку на ребрах их закругленных и разведенных в стороны концов легко соскальзывал встречный удар. Минусинская котловина, Хакасия. Минусинский музей им. П. М. Марьянова

Рис. 63. Бронзовый кинжал с прямым перекрестием и кольцевым навершием. Предполагается, что такие изделия связаны с сарматской оружейной традицией. Около III в. до н. э. сарматские воины вооружаются ножами железными кинжалами, ирвада, с более узким перекрестием. Впрочем, и кольцо на навершии, и треугольный клинок могут рассматриваться на минусинском оружии как отзвуки карасукских традиций. Минусинский музей им. П. М. Марьянова

Рис. 64. Этот боевой кинжал длиной около 30 см с головками грифонов на навершии и перекрестии выдолблен в характерном для оружия Центральной Азии стиле. Его гарда была способна не только удерживать оружие противника, но и находилась в узком пространстве между ней и лезвием, но и позволяла закругленным внешним краем грифонов клова отводить в сторону скользящий клинок врага. V век до н. э. Коллекция И. А. Лонатина. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Рис. 65. Бронзовая бляшка - знак принадлежности к воинскому сословию. Образ оленя обладал особой приятельной силой для воинов в самых разных уголках Евразии — от Причерноморья до Минусы. Как правило, животное находится в одной и той же позе, трактуемой в литературе по-разному. Одни видят здесь отдыхающего оленя, другие определяют эту позу как «летающий галоп». V-IV вв. до н. э. Минусинская котловина. Коллекция В. В. Радлова. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Другая группа кинжалов оснащена рельефным пластинчатым перекрестием. Среди кинжалов «бабочковидным» эфесом чаще всего встречаются изделия, выточенные в «зверином стиле». Мастера для создания своих «звериных» композиций прекрасно использовали все возможности, предоставляемые им абрисом навершия и перекрестия оружия.

Форма лезвия кинжалов тоже не оставалась неизменной. Чтобы увеличить прочность клинка, лезвие стали делать в форме вытянутого треугольника. Такие кинжалы оснащались прямыми перекрестиями и навершиями в виде кольца. Оружие с подобным массивным треугольным клинком, будь то кинжал или меч, рассчитано прежде всего на мощный колющий удар. Его появление на полях сражения связано с распространением доспехов, против которых рубящее и режущее воздействие малоэффективно.

В отличие от широко распространенного иранского способа ношения кинжалов в ножнах, прикрепленных к поясу, которым пользовались пазырыкцы и болшерецены, минусинские воины подвешивали свое оружие к поясу в свободном состоянии. Многие ножны кинжалов, спитые из кожи, имели с внешней стороны еще одно отделение — для ножа. Такие комбинированные «горилы» для клинкового оружия — украшались вышивкой — например, в виде составленных рядами латинских букв «S».

Но хотя кинжалы имели большое хождение в тагарской среде, все же наиболее грозным оружием ближнего боя в степях Минусы было древковое рубящее оружие ударного действия — проушные топоры, секирки и чеканы. Пробразы боевых топоров тагарской культуры можно найти в эпохе поздней бронзы. Конечно, со временем облик бронзовых бойков изменился, но при этом они сохранили округлую бронзовую втулку для древка, отлитую вместе с массивным лезвием. Само лезвие стало шире и короче. Такое оружие приносилось уже больше для раскалывающего удара. Его эффективность была

достаточно высока — коэффициент полезного действия колебался в пределах 75–88 процентов. Посили это оружие, как и в прежние времена, при занятии к поясу через небольшие отверстия в гребне на обухе.

Самым популярным оружием ближнего боя среди вышеперечисленных его видов были чеканы. Это своеобразный «наспорт» тагарской культуры. По устройству боевой части они, как и у воинов Горного Алтая, разделялись на плосколепные чеканы и чеканы с граненой

Рис. 66, а, б. «Красноярские» или «выемчатые/эфесовые» кинжалы. Считается, что происхождение таких кинжалов может быть связано с традициями андроновского оружейного ремесла эпохи развитой бронзы. IV—III вв. до н. э. Красноярский округ. а - Эрмитаж, Санкт-Петербург; б - ККМ, по А. М. Кулемзину

Рис. 67. Ранняя форма бронзового кинжала с соларным навершием — наследие карасукской культуры. Гарда рельефно не выделена и оформлена треугольными выемками у основания лезвия, представляя собой, по сути, еще шпиль. VI—V вв до н. э. Красноярский край. МА НАЭГ СО РАН

Рис. 68. Бронзовый кинжал имеет полую ручку и ножи прямое перекрестие со слегка скругленными нижними краями. В нолость но рукояти помещается шило, украшенное фигуркой «нонурого» барана. Ранняя форма. VII в. до н. э. Случайная находка. Собрание Строгановых. Эрмитаж. Санкт-Петербург

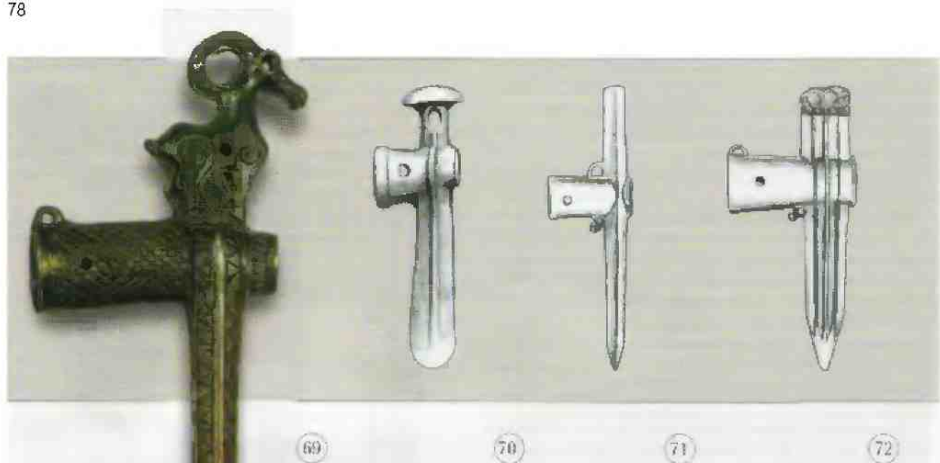

Рис. 69. Бронзовый чекан с фигуркой стоящего козла, VII в. до н. э. Расконки близ Красноярска. Коллекция И. А. Лонатина

Рис. 70. Бронзовая секирка с «кножкой» на обухе отражает тенденцию к увеличению пробивной мощи рубящего удара и может считаться предтечей познейших узколезвийных шпеньковых топоров. VII—VI вв. до н. э. Паходка у с. Тесь. Минусинская котловина. Хакасия. По П. Л. Человой

Рис. 71. Бронзовый чекан с граненым бойком. Самые ранние чеканы этого типа имели круглые или многогранные бойки. Впоследствии количество граней на ударной части сокращается до четырех. VI в. до н. э. Расконки близ с. Повословла под Красноярском. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Рис. 72. Плосколезвийный бронзовый чекан. VII—VI вв. до н. э. Минусинская котловина. Коллекция И. А. Лонатина. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Рис. 73. Бронзовый втульчатый топор-кельт. V—III вв. до н. э. Красноярский край. ПГКМ

Рис. 74, а, б. Бронзовый топор с противовесом в виде головы грифона (б). Клов хищника снабжен отверстием, за которое наверняка цеплялись какие-нибудь подвески и амулеты.

В целях облегчения довольно тяжелых бойков топоров мастера делают выемки между втулкой и лезвием, хорошо заметные у этого образца. После это оружие привязанном к поясу через небольшое отверстие в гребне на обухе. Чтобы надежнее закрепить длинную прямую рукоять в теле бойка, мастера делали внутреннюю поверхность втулки конической.

Это позволяло основательно расклинить древесину. Кроме, того, для прочности скрепления забивали клинчики в отверстия, оставленные в боковинах при литье (а).

а — схема приготовления топора;
б — бронзовый топор, V—III вв. до н. э. Южная Сибирь. Москва. ГИМ

ударной частью. В VII—V веках до н. э. это оружие было самым крупным и тяжелым. В последующие века распространились облегченные модели. Среди специалистов нет единого мнения по поводу их реальных боевых возможностей. Некоторые считают такое оружие ритуальным. На заключительном этапе существования татарского общества подобные изделия уменьшились до такой

степени, что вопрос о практическом их использовании не-
ключается. Другие исследователи связывают появление
облегченных бойков с распространением конницы
для которой облегченное оружие, насаженное на длин-
ную рукоять, предпочтительнее.

Рис. 75. а, б. В литературе население тагарской
культуры нередко отождествляется
с *длинными* — летописным европеоидным
населением Центральной Азии. О них
говорится, как о людях, у которых «от колен
вверх тело человеческое, а внизу растет
лошадина шерсть и лошадиные концы»;
они не ездят верхом, а бегают со скоростью
лошади». По одной из гипотез, за этим
фантастическим образом скрывается некий
стрелок на подбитых камусом лыжах. Образы
таких (в данном случае, борзатых) лыжников
зачастую встречаются в наскальных рисунках.

Концы III — начало II вв. до н. э.

а — Шелаболинские скалы, правобережье
Р. Тубы (нынешний приток Енисея).

Красноярский край; б — петроглифы горы
Четвертый Суздук на реке Белый Июс.
Хакасия. По В. Е. Ларичеву

Рис. 76. Тагарский лыжник. Зимой,
когда устанавливался глубокий снежный
покров, главной ударной единицей тагарского
ноиска становились отряды лыжников,
использовавшие тактику рассынного строя.

В движении они поражали противника
стрелами и, если атака не приносила быстрого
успеха, исчезали, спасаясь от погоны.

Основной набор оружия зимой оставался
тем же, что и летом. Чтобы надежнее защитить
голову от удара, на шланку нашивались
металлические бляшки (а). Лыжи этого воина
подбиты камусом (б), в его руках лук
скафского типа (в), к стреле которого
привязаны острые колючки (г).

Цилиндрический кожан со стрелами
заброшен за спину — так он меньше мешает
ходьбе (д). Бронзовый книжал (е) в ножнах
со специальным отделением для ножа (ж)
висит у пояса. К поясу рядом с чеканом (з)
приторочен мешочек с завязной тевпией
и походными принадлежностями (и).

Реконструкция по материалам петроглифов
и археологических находок из неогребальных
комплексов Минусинской котловины

Рис. 85. Тяжеловооруженный воин тазарской культуры. Его туловище защищено ламинарными доспехами, составленными из многослойных толстых кожаных лент (а). Голову закрывает островерхий шлем, сшитый из столь же плотных носок кожи (б) и украшенный нучками конских волос. Руки до локтей прикрывают кожаные налокотники (а), а ноги охватывают ножки, собранные из гладко оструганных и стянутых ремнями жердочек (с). Вооружение таких воинов составляли короткое копье с бронзовым наконечником (д), киевец (е), кинжал (ж), нож (з), также сделанные из бронзы. Шит (и), несмотря на его выносе, судя по наскальным рисункам, использовался тазарским воином, но был еще обязательной принадлежностью экипировки латников. V-IV вв. до н. э. Реконструкция по изобразительным материалам Среднего Емисея

Рис. 86, а-д. Воины в доспехах. Нетрудно узнать в этих колоколовидных балахонах силуэт лампнарных доспехов. На головах латников можно увидеть также конические шлемы, а в руках кося, взятые наперевес, а петроглифы горы Суханихи. Красноярский край. Южная Сибирь: б, в, г, д — прорисовка петроглифов

Рис. 87, а-е. Батальные шлемы эпохи раннего железного века. V III вв. до н. э.

а — петроглиф горы Куни. Средний Кнпсея; б, в — прорисовки петроглифов горы Куни. Средний Кнпсея; г — прорисовка петроглифов горы Суханихи. Красноярский край. Южная Сибирь

Рис. 88, а, в. Среди наскальных рисунков можно увидеть также средства ведения боя, которые пока еще не обнаружены археологами. Это кося (рис. 86, в, д), булавы (а, б) и киевцы (а, в). Впрочем, фигуры стоящих воинов с оружием в обеих руках, возможно, не связаны с непосредственным изображением батальных сцен. Они могут представлять персонажей высокого ранга. Антропоморфный образ с оружием в обеих руках, который исследователи считают изображением божества, известен еще с эпохи бронзы. А в последующее время рисунки человеческих фигур с оружием в правой и левой руке станут буквально стандартом для изображения военных предводителей тазарского средневековья, и будут разными исследователями устойчиво связываться с вошными плесками. Ранний железный век. а — петроглифы г. Суханихи, Красноярский край. Южная Сибирь; б — петроглифы г. Куни, Средний Кнпсея; в — петроглифы г. Тенсей, Минусинская котловина, Хакасия

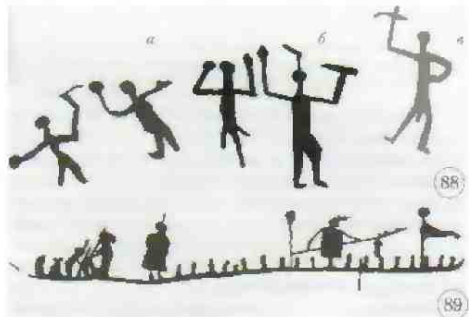
Рис. 89. В военных акциях широко использовались речные флотилии, позволявшие быстро перебрасывать войско к месту боя. Вдоль бортов лодок, чтобы помешать неприятельской атаке на abordаж, закрепляли вертикально горящие прутья. Основным оружием речных сражений оставались лук и стрелы, а при сближении с речными силами противника — копье и чекан. Ранний железный век. Петроглифы Шелаболинских скал. Минусинская котловина

86

Для искусства ранних кочевников было характерно совмещение двух зеркальных образов по оси симметрии. Правда, сама эта ось всегда хорошо выделена и не прерывается сверху донизу на протяжении всего рисунка. В нашем же случае линия совмещения туловищ рыб обрывается у затылка, и голова рыбы напоминает улыбающееся человеческое лицо. Удивительно похожие личины сердцевидной формы часто встречаются в изобразительной традиции весьма широкого хронологического и территориального диапазона. Круглоглазые нечеловеческие образы оставило нам древнее население Приамурия, их можно встретить на скалах знаменитой Томской писаницы и среди бронзовых культовых идиолок, отлитых аборигенами Приуралья и Западной Сибири. Последние всегда представлены в различных головных уборах. Возникает логичный вопрос — не ошиблись ли мы с идентификацией фигуры на тагарском ноже, как рыбы? Уж не человек ли перед нами, на голову которого глубоко надвинута коническая шапка? Подтверждает эту мысль одна случайная находка. На Дальнем Востоке обнаружена скульптурная голова человека, вытесанная из крупнозернистого камня, в таком же или практически таком же древнем головном уборе.

Ниже личины отчетливо видны два треугольника и ряды поперечных носов. Даже при самом беглом взгляде вырисовываются очертания фигуры стоящего человека, одетого в илосатый халат с замахом сирыва. Эта одежда очень напоминает доспехи некоторых народов Северо-Восточной Сибири и Дальнего Востока, выставленные в экспозициях многих крупнейших музеев. Такие латы представляли собой некое подобие расклевашенного кнпзу халата, состоящего из носов грубо выделанной кожи, которые кольцами обгибали тело воина от середины бедер до самых подмышек. Все эти кольца имели примерно одинаковую ширину, но разного диаметра. Меньшие располагались выше пояса, плотно

88

охватывая корпус, — ниже они становились все шире и шире, отчето иандирь приобретал форму колокола. Подобное устройство было неслучайным. Ширина подола не мешала шагу, а кольца соединялись ремнями между собой только в нескольких точках и легко складывались, позволяя воину даже садиться. Грудь воина прикрывала, как иранло, широкая квадратная пластина. От ее наружных углов на синну перебрасывались лямки и соединялись с нодолом. Иногда «иандирный колокол» кренился и к верхней части, сделанной в виде короткого жилета из толстой, как и на иластнах, грубой кожи. Продольный разрез, с помощью которого воин надевал эти латы, мог находиться на синне, но мог быть и сбоку — как у халата. Идея подобного собирающегося нодола оказалась очень продуктивной, и впоследствии вместо широких кожаных носов стали использовать гибкие металлические ламеллярные ленты. В одном доспехе могли чередоваться набортные металлические и сплошные кожаные носовы.

89

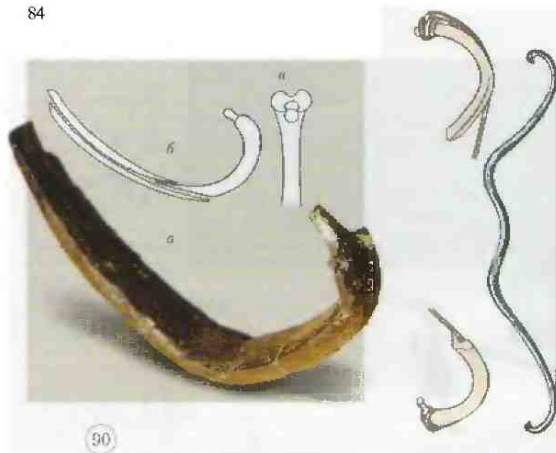
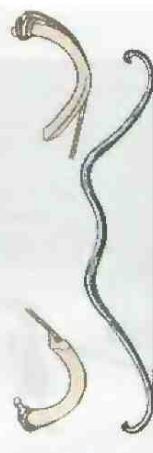

Рис. 91. Этот лук скифского типа ассиметричен. Длина 86,2 см. Пронорции «рогов» 1:1,2. Его круто загнутые концы имеют такое же устройство, как у фрагмента лука из курганов саргатской культуры близ пос. Вешерово. Находка в Yardu (Турфан). Автономный р-н Внутренняя Монголия в Северном Китае

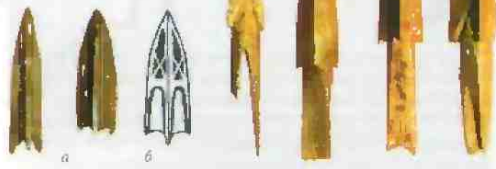
Таким образом, можно заключить, что на рукояти древнего ножа изображен именно воин. Отличие его доспехов от известных нам по средневековым и этнографическим материалам состоит в том, что он не имеет на груди широкой сплошной пластины. Вместо нее сделан правосторонний запах. К тому же его латы гораздо короче известных нам доспехов. Изображения, соответствующие именно такому типу защитной одежды, можно встретить среди петроглифов.

Тагарская культура была одной из наиболее ярких в истории Южной Сибири. При всем сходстве предметов вооружения тагарцев с оружием кочевников Саяно-Алтая, Средней и Центральной Азии, облик тагарских воинов существенно отличается от соседей. Более всего он похож на облик воинов древнейших оседло-земледельческих цивилизаций, основу которых составляли пехотные армии, поддерживаемые кавалерией. Основную массу тагарского войска составляли ополченцы, которые имели на вооружении лук и стрелы, в качестве вспомогательного оружия ближнего боя они использовали палицу, кинжал, нож. Для защиты от вражеских ударов тагарская пехота использовала щиты.

Ударной силой тагарского войска могли быть отряды панцирных латников, способных выстоять под градом стрел и разгромить противника в ближнем бою. Скорее всего, они использовали сомкнутый строй, против которого атаки небольших отрядов легкокоорцированных кочевых всадников были малоэффективны. С появлением таких латников вырабатываются особые символы принадлежности к воинскому сословию. К ним относились

92

93

Рис. 92, а, б. Отлитые из бронзы наконечники стрел (а), типичные для эпохи раннего железа, снабжались иногда сивальными метками — клеймом мастера (б). Ранний железный век. а — носеление Усть-Ижевск, Поволжская область. МА ИАЭТ СО РАН; б — Рафайловское городище, Тюменская область. По П. П. Матвеевой

Рис. 93. Костяные наконечники но-прежнему были популярны и исправно служили на охоте и в сражениях воинов саргатской культуры. Новинка ниже неры выступы свидетельствуют о том, что наконечники использовались и как боевые стрелы. Устная традиция коренных народов Сибири свидетельствует, что стрелами с шипами стреляли, прежде всего, по врагу. V—III вв. до н. э. Заваядная Сибирь. НГКМ

бронзовые литые фигурки оленей, пекторали, коромыслообразные украшения поясов. Последние были далеки от потомками массивных «рогатых» пряжек эпохи поздней бронзы. Сохранившиеся наскальные рисунки позволяют предполагать, что существовала даже особая воинская прическа, представлявшая собой связанные на темени в пучок волосы. По мере развития тагарского общества профессиональных воинов становилось все больше. KIV—III векам до н. э., когда кочевые соседи уже постоянно тревожили жизнь тагарцев военными нападениями, воевало 90 процентов мужского населения.

Уровень общественного развития тагарских племен, пожалуй, был выше, чем у соседей, и может рассматриваться как позднепотестарный — фактически перешедший в стадию создания цивилизации и ранней государственности. Тагарцы дольше всех сдерживали проникновение воинственных племен хуннского союза из глубин центральной Азии. Тактика военного противостояния давине кочевой кавалерии, выработанная тагарскими пехотинцами, всадниками и лыжниками, получила дальнейшее развитие в военном деле таштыкской культуры, сменившей татарскую на берегах Среднего Енисея и всем ареале ее распространения.

Саргатская культура (эпоха раннего железного века)

Но всему лесостепному коридору Западной Сибири, от восточных предгорий Урала до Центральной Барабы, в VI веке до н. э. IV веке н. э. расселились племена *сарматской культуры* (свое научное название они получили по материалам раскопок у села Саргатка близ города Омска). На севере им принадлежали земли вдоль Иртыша до самого устья Тобола, а на юге их владения простирались вплоть до жаркой ковыльной степи. Нобольше всего влекли саргатов богатные пойменные луга вдоль рек. Здесь и располагались их многочисленные поселения и укрепленные форпосты-городища, которые возвышались на крутых и труднодоступных мысах, далеко врезавшихся в пойму. Эти естественные укрепления со всех сторон обносились тыном¹⁴, а в самом уязвимом месте — там, где площадка городища плавню переходила в берег, — поперек мыса выкапывался глубокий ров и насыпался вал. Иногда поселения возникали и на пологих берегах рек, где защититься в случае опасности было сложнее. Тогда рвы окаймляли жилую площадку уже с трех сторон, и городища приобретали округлую форму.

Как правило, укрепления городищ были однорядными, то есть состояли из одной линии сооружений, однако встречались городища, где ров располагался между двумя рядами валов, например, как это было на Иртыше (Горная Битня). И когда враги, пробив переднюю стену, попадали в этот тесный и узкий коридор, они оказывались в западне. Дно и стенки рва иногда укреплялись горбылами. Возможно, склоны валов, как это практиковалось и позже, в средневековье, в зимнее время поливались водой.

Излюбленным оружием саргатских воинов поначалу был лук скифского типа. Бронзовые втульчатые наконечники стрел также имели уже знакомые нам формы, а вот железные прощкатели саргатов постепенно приобрели солидные лопасти и черешок, отковать который было легче, чем привычную втулку. Такие наконечники указывают на то, что постепенно появляется новый лук, более мощный и крупный. Как и во всем «скифском мире», луками оснащалась легкая кавалерия — основная

Рис. 94. Бронзовое изображение наптеры. Когда оно украшало нос саргатского воина. V—IV вв. до н. э. Могильник Абрамово-4, Новосибирская область. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

масса саргатского воиска. Иногда конные стрелки вооружались короткими княжалками-акинаками и боевыми ножами. Им было удобно пользоваться, только спешившись, когда бой вступал в свою заключительную, рукопашную стадию.

«Летучие отряды» таких всадников обыкновенно занимали место в переднем эшелоне и действовали, внезапно нападая на врага и столь же быстро отступая в случае неудачи. В мирное время эти боины были, очевидно, рядовыми общинниками, разводившими скот, ходившими на охоту и обрабатывавшими землю.

Военное дело племен саранской культуры испытывало на себе сильное влияние сарматского¹⁵ населения Приуралья. Это отразилось прежде всего на оружии ближнего боя. С V—IV веков до н. э. здесь распространяются длинные железные мечи.

Длинный железный меч, при всей его кажущейся простоте, господствовавшая на полях сражений в эпоху раннего железного века, заслужила противника стрелами, ускользя от ответного удара. Приблизиться к атакующему неприятелю было чрезвычайно сложно, поэтому и потребность в длинных мечах отсутствовала. Но с широким распространением средств защиты бронзовые стрелы потеряли свою былую эффективность. Отряды, без больших потерь выдержав шквальный обстрел, шли в атаку.

С другой стороны, пока не была освоена кузнечнаяковка разносортных полос металла, вряд ли могла серье-

езно идти речь о создании длинного клинкового оружия. Именно эта технология позволила отковывать клинок с твердым и одновременно пластичным лезвием. К сожалению, мы пока не знаем, где и когда в Сибири впервые была освоена такая технология, но немногочисленные клинки, найденные в воинских погребениях саргатской культуры, уже имеют слоистую структуру лезвия.

Основным наступательным оружием катафрактариев являлось длинное копье, которое при атаке воин удерживал двумя руками. Правда, таранные возможности такого боя в те времена ограничивались отсутствием стремя и седла с жестким каркасом. Всадник держался на лошади за счет силы ног и умелой балансировки корпусом. При сильном ударе конем он мог слететь с подушки. Чтобы избежать этого, атакующий воин разворачивался левым плечом вперед, слегка склонялся к гриве лошади и, охватив правой рукой древко за самый его конец, а левой ближе к середине, крепко прижимал конь к бедру.

Такой прием позволял наносить удар всей массой коня и всадника. В момент атаки новодья отпускаясь, и прирученная лошадь под крики седока сама неслась вперед. «Когда наступает время битвы, то, ослабив новодья и горячая коня боевым криком, он мчится на противника, подобный какому-то железному человеку или движущейся кованой статуе», — писал о персидских катафрактариях Геллодор, античный автор III в. до н. э. Он же говорит еще об одном оригинальном приеме использования этого оружия: «Острие коня сильно выдается вперед, само конь ремнем прикреплено к шее коня; нижний его конец при помощи цепей держится на круне коня, в схватках конь... само напрягается и твердо унирается, нанося сильное ранение, и в своем стремительном натиске колот его ни понало, одним ударом часто пронзая двоих». Впрочем, подобная манера делала катафрактариев фактически беззащитными при нападении противника сбоку, ибо новорачивалось привязанное конь

Рис. 95 Ударную часть саргатского войска составляла тяжеловооруженная, закованная в латы конница — «катафрактарии» (от греч. *катафрактис* — всаднические доспехи). Слово «закованная» следует пояснить. Пандури раннего — «скифского» — «ягала этой культуры собирались как и в эпоху бронзы, из связанных между собой роговых и костяных пластин. И лишь много позже, со II в. до н. э. в качестве материала стало использоваться железо. Роговые пластины саргатских доспехов стягивались между собой ремнями. Доспехи целиком закрывали корпус и даже ноги воина (а). Руки до самых локтей защищали лонасты плечей (б), а ниже нося монолитные латы разделялись на две подвижные половины, которые состояли из ярусами связанных между собой лент, набранных из отдельных пластин (а). Это устройство позволяло воину самостоятельно садиться верхом на лошадь. Вооружение латника включало в себя мощное конь (а) и длинный меч, привязанный к поясу за специальную скобу у устья ножен (б). Также клинки и ножи стали по-другому — в вертикальном положении. V — III вв. до н. э. Реконструкция по материалам саргатских могильников Прииртышья, Западная Сибирь

Рис. 98. а - в. Роговая портупейная пряжка (в) выполнена в виде фигурок двух стоящих хищников. Такой сюжет с животными, замешанными в «геральдических» ножах, очень характерен для бронзовой пластики населения тайги. Среди мелкой пластики сибирской древности представлены разные звери, стоящие на задних лапах и обращенные мордами друг к другу: и бобры, и волки, и соборы. Через два отверстия в нижней части пряжки крепилась к портупейному ремню, другой конец ремня либо пристегивался с помощью крючка (а), либо крепился кожаным шнурком, продетым в отверстие, расположенное между животными (б). Эта пряжка располагалась на груди воина и соединяла концы портупейного ремня, на который подвешивалось оружие. У-У вв. до н. э. Могильник Абрамovo-1, Новосибирская область. Раскопки В. И. Молодина. МА НАЭТ СО РАН

Рис. 96. Лезвие этого железного меча отковано из двух сваренных друг с другом носов железа. Нока раскаленный металл остывал, мастер проковывал изделие, обрабатывая его поверхность. После этого меч еще раз разогрелся, а затем охлаждался на «быстром воздухе». Возможно, в данном случае мы имеем дело с тем полуготендарным методом закалки, при котором клинок передавался в руки всаднику, а тот махал на коне, подставляя горячий металл под струи ветра. Навершие этого меча янусовидное, выделено в виде двух голов тельцов, обращенных мордами в разные стороны. Если меч обратить лезвием вверх, то на глазах происходит знаменитое «скифское» извращение образков тельцы ирисобразуются в грифонов, сомкнувшихся клювами. Ноявляется еще и третья птичья голова. Сакральная сила, заключенная в образе, удваивается. V—III вв. до н. э. Раскопки близ с. Повотрошкое, Новосибирская область. Красненский музей школы № 10 г. Куйбышева Новосибирской области. Находка Н. И. Мартынова

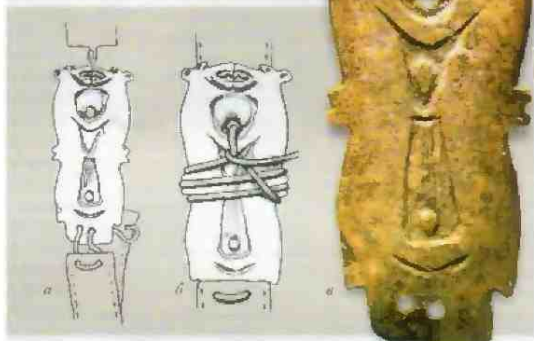

Рис. 97. Этот саргатский железный меч с кольцевым навершием намеренно сломан, чтобы положить наперек ног ноутребного воина. Его рукоять, олитая из бронзы, вместе с кольцом навершия была плотно обмотана нолосками кожи. Вероятно, это не совсем обычный клинок. Многие исследователи считают саргатскую культуру угорской, а у угров бронза и тельение многих столетий считалась сакральным металлом, обладающим спящей силой. Она была символом неопебелности. Поэтому требовалось старательно маскировать бронзовую рукоять. Ротвинник не должен был дотрагаться об особых свойствах оружия. VI - V вв. до н.э. Могильник Сонка, Венгровский район, Новосибирская область. Раскопки В. И. Молодина. МА НАЭТ СО РАН

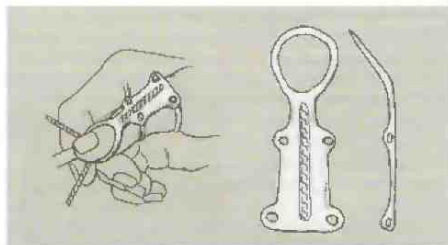

Рис. 99. Этот щипок закрывал запястье левой руки от удара тетивой. Он отличался от других подобных изделий лишь отверстием над большой палец. Однако, именно эта деталь допускает иное применение щипка: когда он надет на правую руку, его кольцо позволяет удобно цеплять тетиву лука. Сама форма его внешнего края очень напоминает металлические, нефритовые и агатовые кольца для стрельбы из лука "монгольским" способом. Коллекция П. С. Проскурякова. Айдаштинская пещера в бассейне р. Чулым, близ Ачынска. Москва. ГИМ

99

только вместе с лошадей, а сделать это быстро, не изувечив соседа и не развалив при этом строя, возможности не было.

Удар этих профессиональных воинов — пусть даже немногочисленных — представлял наибольшую опасность при тесно сомкнутом построении, но особенно страшной была их внезапная атака, когда неприятель, разгоряченный преследованием конных лучников, сам напарывался на острия копий. Иногда именно это решало исход боя. При этом с большой вероятностью воины лишались своих копий, не успевая извлечь их из тел поверженных противников.

Однако, однопятые тяжеловооруженные бойцы являли собой легкую добычу для конницы. Пескочелю конных лучников, легко ускользая от удара страшного копья, кружились на безопасном расстоянии, обстреливая эту громоздкую мишень, и рано или поздно стрела, пущенная с близкого расстояния умелой рукой, находила брешь в доспехах. Кроме того, стоило ранить лошадь, и всадник лишался необходимой подвижности. Поэтому главная сила тяжеловооруженного воинства заключалась в мощной слаженной атаке линейного строя. Пожалуй, в этом проявляется главное отличие тяжелой кавалерии древнего мира от знаменитой рыцарской. Вопреки внешнему сходству набора вооружения, последние были индивидуальными бойцами, и средневековое сражение распалось на ряд отдельных поединков.

Рис. 100. Некоторые из основных типов кулайских бронзовых наконечников. III в. до н. э. Могильник Каменный мыс. Среднее Приобье. Раскопки Т. П. Троицкой. ИГКМ

Рис. 101, а, б. Кулайские (а) и саргатские (б) бронзовые наконечники стрел. Последние, не превышая в длину 4 см, явно прошиваются огромным 10-сантиметровым тазежным прощикателем. Такие отличия можно связать не столько с разницей мощностью стелных и тазежных луков, сколько с условиями боя на открытой и закрытой местности. III в. до н. э. а — могильник Повозечкино, Южное Предтажье, Повосибирская область; б — поселение Усть-Ивс, Северная Барба. МА ИАЭТ СО РАН

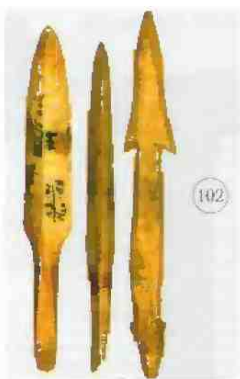

Рис. 102. Костяные наконечники кулайских стрел. III в. до н. э. Могильник Каменный Мыс. Среднее Приобье. Раскопки Т. П. Троицкой. ИГКМ

Кулайская культура

(эпоха раннего железного века)

Основным противником саргатских воинов на севере были таежные племена, тревожившие постоянными набегами их лесостепные поселения. Неслучайно многие из них, расположенные и предтаежной полосе, обнесены стенами и образуют пещочку форпостов вдоль границ южной тайги. Пешие враги стремительно напали и столь же быстро исчезли. Вся мощь тяжелой панцирной конницы оказывалась бессильной перед такими набегами.

Широкая зеленая полоса на карте, что протянулась на восток от Уральских гор через всю Сибирь, почти до Тихого океана, являет на местности таинственный и укромный таежный мир. Мир безбрежных лесов и обширных болот, полноводных рек и глубоких озер, забучих трясин и глухих буреломов, мрачных урманов и чистых светлых кедровников. Его границы растянулись на юг от Приполярья на тысячу километров в Западной Сибири и почти на две тысячи — в Восточной. Здесь с эпохи бронзы сложился ареал присваивающей экономики, основу которой составляли охота, рыболовство, сбор ягод, орехов. Местные жители были знакомы с техническим прогрессом и проявляли недожиданную сметку, приспособившаяся к природным условиям, но кормовые возможности западно-сибирской тайги были невелики и сильно ограничивали плотность населения. Шансы для развития земледелия и скотоводства сводились к нулю. Увеличивая же добычу продуктов питания за счет еще более жесткой эксплуатации угодий, местные жители сильно рисковали - можно было, нарушив природный баланс, запросто лишиться и того небольшого, что они имели. Проблема продуктивных, пригодных для жилья территорий всегда была актуальной. Человек в тайге испокон веков жил щедротами природы, которая не была к нему особенно ласковой.

Усугубляли ситуацию тяжелые годы долговременных увлажнений и климатических перем. В такие времена

расширялись зоны болот, смешались к югу границы леса, сокращались жизненные пространства, и, как следствие, появлялось избыточное население. Все это будило тату к перемене мест у самых предприимчивых обитателей южно-таежного пограничья. Поэтому обстановка «войны всех против всех», которой впоследствии так прославилась западно-сибирская тайга, здесь очень рано стала привычной нормой жизни. Вот и возникали на высоких и сухих местах укрепленные поселения — городища — для защиты от неприятеля.

Обычно для укреплений выбирались мысы, участки между оврагами или просто высокий обрывистый берег. И хотя внутренняя площадка такого форпоста бывала невелика, укрепления вокруг нее возводились весьма солидные. Склоны подкапывались до отвесного состояния. Рвы и валы вокруг жилой зоны сооружались с наименее защищенных сторон, а порой охватывали ее целиком по периметру. Так появились односторонние (поперек мыса), трехсторонние (дугообразно либо подпрямоугольно вдоль обрыва коренного берега) и кольцевые линии искусственных укреплений. Строем подобно защищенных посов сопровождалось сложными, нередко кровавыми обрядами, призванными сохранить их не только от врага, но и от злых сил. Для защиты своего рода даже человеческая жертва в то время не казалась чрезмерной. Захватить такие укрепленные позиции прямой атакой было непростое, особенно если учесть немногочисленность таежных воинств и то, что они были не в состоянии вести планомерные длительные осады. В тайге невозможно было кормить свои войска за счет грабежа местного населения. Жители ближайших поселков при малейшей угрозе, прихватив с собой орудия промысла, с которыми они редко расставались, бессленно растворялись в таежных краях. Со временем все большая часть окрестных жителей стала укрываться в укрепленных центрах, и площадь городищ, а вместе с ней и мощь оборонных систем существенно выросли.

Рис. 103. Северная Сосьва, приток Оби

Рис. 104. Бронзовая фигурка лося или выюна, выполненная в характерной для кулайской культуры манере литья. Иногда этот очень графичный стиль называют скелетным, так как художник передает анатомические подробности, не видимые глазу. У этой лося он изображил неродившегося лосянка. Плоское литье. Ранний железный век. Кривошеинский клад. Среднее Приобье. ТОКМ

103

104

Рис. 105. Для рогового нагрудника использована расщепленная и распрямленная лоната лосниного рога. Вероятно, ее в свое время размочили с последующей сушкой над ириссом. Ее размеры не позволяли полностью прикрыть грудь, поэтому нагрудник был сделан составным. Вторую, утерянную, часть вырезали из другой половины рога, расщепленного на продольные плоскости по норштой сердцевине. Скорее всего, каждая из частей нагрудника крепилась на своей доле распявших доспехов, хорошо известных по этнографическим данным и изобразительным материалам эпохи средневековья. Преимущество этого покрова заключалось в том, что в такие латы вои не облачались сам, без посторонней помощи, III—II вв. до н. э. Городище Дубровинский Борок, Новосибирское Приобье. Раскопки Т. П. Трошкиной. НГКМ

Рис. 106. Цельный нагрудник, изготовленный из китового уса. С роговым нагрудником из Новосибирского Приобья его роднит характерная форма, а главное — сходство изображений, процарапанных на панцирных пластинах. В обоих случаях это персонажи в головных уборах, ноющих на короны, с тривнами на шеях и двумя короткими мечами в руках III-Павлов. э. Поселение Усть-Подуй, Нижнее Приобье. Обнаружен В. П. Чернецовым

Рис. 107. Костяные чешуйки от лат. Вырезаны из поперечных срезов трубчатых костей крупных копытных. На внутренней стороне чешуек четко прослеживаются следы мозгового канала. С внешней стороны нижняя часть чешуек хорошо зафиксирована, верхняя — хранит следы многочисленных царапин. Чешуйки нашивались на мягкую основу, частично перекрывая друг друга. Выпуклая форма пластинок позволяла доспехам хорошо облегать тело воина. Однако, система крепления чешуек в одной точке делала эти доспехи не очень надежными: при движении корпуса они разъезжались и не спасали воина от колющего удара. Найдены на месте старого русла реки Язевой при прокладке в 1888 г. канала, связывающего Обь с Енисеем. МАЭС ТГУ

Яркие свидетельства тому дают материалы кулайской культуры. Названа она так по месту находок предметов бронзового литья у горы Кулайка в Иртышарыме. Эти удивительные изделия — плоские, ажурные, с подчеркнутой простотой рисунка — омуделили археологический колорит данной культуры.

Облик тяжелых воинских формирований тоже определялся особенностями местного ландшафта. На пересеченной оврагами, реками и речками, заболоченной и поросшей лесом равнине приходит конец всевластию кавалерии. Здесь царство нехоты — сравнительно небольших подвижных отрядов умелых стрелков, быстро и скрытно сходящих на лыжах зимой, а летом — на легких лодках.

Вооружение кулайских отрядов было не менее мощным и разнообразным, чем у их южных соседей. Отметим, что оно не было привозным. С тех пор, как было открыто

и практически освоено железо. Болотные руды стали для мастеров важнейшим источником металла. Это позволило им избавиться от сырьевой зависимости.

Неспрямным атрибутом таежных воинов были лук и стрелы. Их наконечники, как и по всем скифскому миру, отливались из бронзы и отличались от уже знакомых нам степных форм большими (8–10 сантиметров) размерами и длинными острыми шипами. Наконечники из них из-за резкого сужения посередине пера напоминают современную ракету, но не с круглым, а с трехлопастным в сечении корпусом и длинными приострелыми шипами-«стабилизаторами». Наконечники столь характерной формы получили название кулайских. Другие, тоже с длинными шипами, имеют прямые, плавносходящиеся к острию стороны, третья снабжена втулкой, далеко выступающей за жальца шипов. Почти общепринято, что наконечники таких размеров свидетельствуют об исключительной мощи кулайского лука. По так ли это?

Правила стрельбы в лесу и на открытом пространстве имеют свои особенности. У лучника в степи есть возможность поразить цель на дальней дистанции. К дичи бывает трудно приблизиться, противника тоже безопаснее сразить издали. В степи больше возможностей преследовать раненого зверя, повторить выстрел. И действительно, на петроглифах Саяно-Алтая, как и на барельефах Месопотамии, встречаются сцены охоты с изображением убегающих животных, буквально утыканных стрелами.

В отличие от охоты на степных просторах, где практиковались загонные, облавные способы, связанности с маневрированием на конях в зоне прямой видимости, охота в лесной зоне предполагала незаметное приближение к добыче и точную стрельбу накоротке. В пространстве с ограниченной видимостью стрельба всегда ведется на малой дистанции по быстро исчезающей цели. Иными словами, цена выстрела гораздо выше, ведь не очень серьезная рана почти всегда равнозначна потере добычи. Поэтому здесь выстрел должен был поражать большую поверхность тела и обладать повышенным останавливающим действием.

Еще сравнительно недавно, в конце XIX века, на самострелах, установленных у звериных троп, настояжались стрелы с очень крупными наконечниками, которые даже при попадании в не самое опасное место в состоянии были обескровить крупного зверя. Сам желук такого самострела был очень простым - дистанция выстрела не предъявляла к нему каких-то особых требований. Поэтому кулайские луки едва ли были особо мощными дальнебойными, и таежные пехотинцы, оказавшись на открытых лесостепных пространствах, не могли противостоять конным стрелкам с их сложными дальнебойными луками. Зато в лесу удар кулайской стрелы сразу же обезвреживал жертву. Этим, кстати, объясняется широкое распространение здесь защитного вооружения.

Фрагменты доспехов, рассеянные по археологическим памятникам в западно-сибирской тайге, подсказывают, что в их конструкции широко применялись уже хорошо знакомые нам чешуйчатый и ламеллярный приемы.

Рис. 108. а, б. Реконструкция чешуйчатого шлема воинов становится возможной благодаря общей стилистике, свойственной многим культовым изделиям кулайской культуры: чешуйчатая поверхность нагрудников на бронзовых фигурках воинов (а), такая же фактура шлемов на личниках. Даже на хвосте бобра (б), популярного персонажа кулайского пантеона, отчетливо видны чешуйки. Реальные конструкции такого рода хорошо известны среди военных древностей притчерноморской Скифии и Северо-Восточного Китая. IV - III вв. до н. э. а - Среднее Приобье, ПГКМ; б - культовое место Сат-Виллы, Нижнее Приобье. Раскопки И. П. Гемцева, А. М. Сагалова. МА ИАЭТ СО РАН

Основными материалами для создания лат служили рог и кость. И многие секреты древних конструкций становятся понятными благодаря очевидному сходству найденных «броневых» пластин с деталями хорошо известной по этнографическим коллекциям конца XIX века защитной одежды коренных народов Северо-Восточной Сибири. Один из таких секретов заключался в том, что чаще всего прямоугольные роговые пластины при сборке лат ламеллярной структуры соединялись между собой ремнями¹⁶ длинными сторонами встык. Крепление внахлест препятствовало толщина материала, необходимая для надежной защиты от удара. Только металл мог позволить многочисленным накладкам звеньев друг на друга без риска получить толстую, негибкую конструкцию. Как показывает практика, тесного смыкания

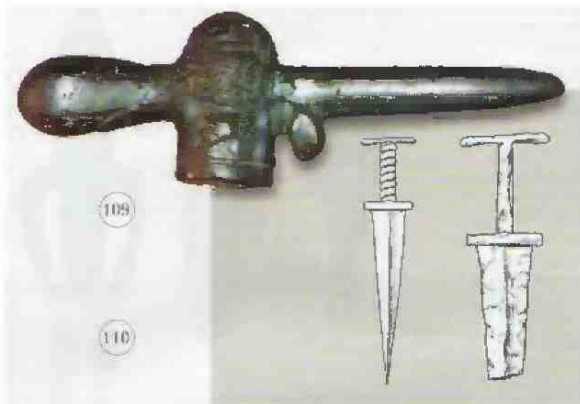

Рис. 109. Бронзовый кевец с изображением орла на втулке. Распахнутые крылья птицы оной охватывают втулку, котистые ланы расположены по её бокам, хвост занимает нижнюю часть молоточка-противовеса на тыльной стороне оружия, а низко опущенная голова, выходя за размеры чекана, занимает пространство между втулкой и лезвием. Хотя стилизованная птичья голова над лезвием новяется у чеканов в конце VI — начале V века до н. э., данное изделие уникально тем, что хищная птица впервые изображена целиком. И образная, мистическая связь между ударом чекана и образом атакующей хищной птицы, которая бьет клювом свою жертву, выражена здесь наиболее полно. Ассоциация с острым птичьим клювом существовала с момента появления такого оружия, восходя к эпохе бронзы. II — IV вв. н. э. Паральский клад. Среднее Приобье. ТОКМ

Рис. 110. Подобно своим современным, таяжные бойцы в рукоянных схватках широко использовали клинковое оружие. Их короткие мечи в целом соответствовали техническим достижениям соседей. Они также ковались из железа и имели прямое перекрестие

боковых сторон толстых роговых звеньев добиться несравненно легче, нежели плотного прилегания друг к другу плоскостей их внешней и внутренней поверхностей. Небольшие зазоры, которые все же оставались между пластинами, защитных свойств этих доспехов не снижали. Острие, попавшее в такую щель, смещало пластины, и они фиксировались под некоторым углом друг к другу, зажимая между собой клинок. Впрочем, если позволял материал, мастера использовали и крепление внахлест.

Доспехи конструировались в виде некоего подобия халата (до колен или до середины голени) или «корсета» (до начала бедер). Для удобства надевания боевые «халаты» имели прямой сплошной разрез впереди. Правда, в отличие от одежды наших дней, они были без рукавов и надевались на плечи с помощью широких лямок из твердой кожи. Особенностью таких доспехов были составные пагрудники из двух крупных пластин, сделанных из лопат лосиного рога, — эти пластины прикрывали верхнюю треть корпуса. Панцирь с подобными «полу-

кирасами» застегивался по осевому разрезу спереди. Некоторые из этих лат имели разрез сбоку, на что определенно указывает цельная конструкция нагрудника, состоявшего из монолитной крупной панцирной пластины. В том и другом случаях полы доспеха связывались между собой кожаным и ремешками. Что же касается панциря типа «корсет», то он собирался из двух створок, соединенных между собой лямками и завязками на боках. Его разновидностью были ламеллярные латы, выполненные в виде жилета с разрезом спереди; к верхней его части, как и у «халата», крепились крупные пластины роговой кирасы. Еще одной особенностью кулайских роговых кирасы. Еще одной особенностью кулайских роговых кирасы («кирасы») являлись сакральные изображения. Владелец доспехов находился под двойной защитой — непосредственно панциря и духа-помощника. Горло тяжеловооруженного воина, не защищенное латами, прикрывалось массивной подвеской пекторалью луновидной формы.

Кроме рога и кости, таяжники, как и пазырыкцы, имели в изобилии иной материал, удобный в обработке и вполне пригодный, как показывает боевой опыт жителей Алеутских островов и индейцев тлинкитов, для изготовления средств индивидуальной защиты. Речь идет о древесине. Дощечки панциря, выструганные ножом из кедра и стянутые между собой сыромятными ремешками, оказываются легкими и достаточно прочными, чтобы противостоять удару кинжала, а то и кевца. Другое преимущество — древесина обладает вязкостью и способна остановить наконечник стрелы или очень сильно ослабить его действие. Песлучайно щиты — самое распрост-

Рис. 111. Таяжный Ляпис

Рис. 112. Воин натягивает сложный лук кулайского типа (а). Его кибить оклеена с помощью рыбьего клея волосками вываренной бересты, защищающей оружие от влаги. За его спиной - коробчатый берестяной колчан (б), украшенный излюбленным орнаментом таежного населения Прибыя — так называемой "уточкой" (в). В походном положении длинный, лук носили одетым через плечо. Воин облачен в короткий панширь типа "корсет", связанный из роговых пластин (г). По бокам он стянут ремешками завязками, а по талии — кожаным поясом (д). Грудь дополнительно закрывает крупная роговая пластина - священное изображение фигуры с мечами (ж). Шлем (з) сделан из длинных пластин треугольной формы и снабжен бармицей (и), закрывающей шею и щеки. Она составлена из роговых чешуек, пришитых к кожаной основе. Под шлем и панширь одета плотная поддевка, набитая ирогетанной шерстью. Из-под шлема опускаются длинные волосы (к), заплетенные, в соответствии с таежной модой, в косы, концы которых зажаты в специальных бронзовых трубочках-наконечниках (л). К воинскому поясу прикреплены медвежий клык (м) и бронзовый клык (н) с втулкой (о). Щит (п) сделан из острутяных дощечек, стянутых друсом сырмятинным ремнем, стежки которого образуют орнамент в виде "уточек" (п). Щит пронизан смолами и раскрашен лицевой стороны. IV—III вв. до н. э. Реконструкция по материалам Среднего и Нижнего Прибыя

раненное и подушное защитное вооружение делались даже много столетий спустя из древесины. К тому же существовало немало способов увеличить прочность материала. Например, пропитать его смолами, обшить кожей или же плотно обмотать планки доспехов сухожилиями. И звенья таких лат будет крайне трудно расщепить кинжалом или расколоть стрелой, особенно если она снабжена бронзовым наконечником стандартного, уже знакомого нам, скифского типа.

Головы кулайцев закрывали шлемы. Они собирались из треугольных костяных пластин, стянутых между собой ремнями, или из костяных чешуек, нашитых поверх кожаной основы головного убора. Иногда — плелись из прутьев.

Вероятно, появление оригинальной формы наконечников кулайских стрел обусловлено задачами борьбы со столь неуязвимым «бронированным» противником.

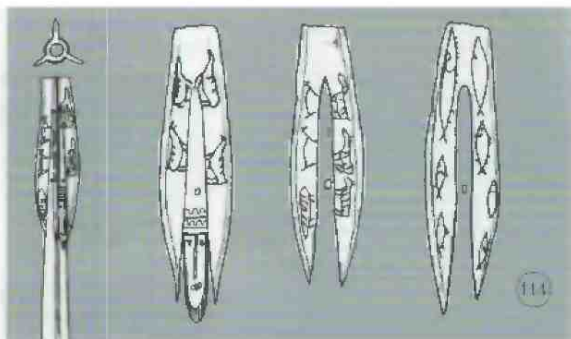
По самым серьезным оружием боя с ним на ближней и средней дистанции оставались копьё с массивными наконечниками. Этот вид вооружения, редкий в Верхнем Прибые и практически неизвестный в районах Саяно-Алтая, был необыкновенно популярен у таежных воинов. Кулайские мастера создали своеобразные, нигде более не встречающиеся образцы этого оружия — внушительных размеров, с длинной втулкой и узким тяжелым трехлопастным пером. Лопастей наконечника порой украшались изображениями животных, рыб, личин. В целом их конструкция, как у трехгранного штыка трехлинейной

Рис. 113. Набор древковых средств для ведения ближнего боя дополняли богато орнаментированные бронзовые топоры-кельты с шеспирашной в сечении втулкой. Одним из недостатков их конструкции было ненадежное крепление ударной металлической и несущей деревянной частей. Тазские мастера нашли простое и эффективное решение. Внутри втулки они расположили поперечную перемычку, которая расклинивала рукоять в момент ее заклинивания. III в. до н. э. Могильник Каменный Мыс, Сиднее Пробые. Раскопки Т. П. Троицкой. ПГКМ

Рис. 114. Наконечники кулайских коний отливались из бронзы и, повторыя форму наконечников стрел, имели по три лопастей и большие размеры (порядка 40 см и больше). На плоскости nera некоторых из них наносились сакральные изображения животных, рыб, личин в короне. Такие размеры и богатые украшения позволяют считать этот экземпляр церемониальным, возможно, знаком власти вождя. Впрочем, другие — несомненно, боевые — кулайские конья отличаются от этой случайной находки лишь отсутствием литых изображений, V - IV вв. до н. э. Тазские Прииртыше, Западная Сибирь. ООКМ

винтовки, больше рассчитана на мощный пробивающий удар, нежели на нанесение широкой колото-резанной раны, характерной для плоских наконечников копий, с которыми мы имели дело раньше. Длина древка такого копья имеет с железным наконечником равнялась расстоянию от стопы до плеча взрослого человека. Столь коротким оружием удобно было делать прямые выпады или метать его на небольшие расстояния, что, впрочем, позволяло успешно пробивать большинство панцирей того времени. В ближнем бою у подобного оружия масса преимуществ — в частности, не требуется замах,

необходимый для ударного и рубящего оружия. Поэтому укол копьем опережает удар топора, кистеня, чекана или клинка.

Другим оружием, общепринятым в тазской среде, был чекан. Вначале, как и копья, чеканы отливались из бронзы в глиняных формах, но с конца II века до н. э. их стали ковать из железа. Ранние бронзовые экземпляры этого оружия имеют цилиндрическую втулку для древка рукояти, прямую ударную часть, граненую в сечении, и боек длиной до 15 сантиметров.

Городища, культовые места кулайцев, многочисленное оружие, в том числе заимствованное путем сложных обменных операций, а может, и добытое в качестве трофея у соседних племен, — все это говорит о сложной, напряженной военной обстановке и, конечно, о возвышении роли военачальников. Военные столкновения имели для древних коллективов эпохи раннего железа целый ряд далекоидущих последствий.

В битвах преимущество оказывается на стороне племен, обладающих более сильной и централизованной организацией. Они чаще, чем соседи, стремятся к победоносным походам, которые, в свою очередь, еще более усиливают роль этой организации и власть военного предводителя. Войны часто вызывают миграцию населения. Силой оружия создаются ранее не существовавшие территориальные образования. Их границы определяются уже не столько землями одного рода или племени, сколько его военными возможностями. Вокруг удачливых вождей неизбежно скапливаются люди, жаждущие военной добычи. Появляется военная, дружинная «аристократия».

Рис. 115. Тяжеловооруженный кулайский воин. Он одет в длинный панцирь, состоящий из колец на ламellarном принципе (а). Кольца набраны из роговых пластин, сплетенных между собой ремнями. Пижные кольца защитной одежды свободно сплещот на нескольких ремнях и могут складываться, входя одно в другое, не мешая ходьбе. Па груди воина — роговая «кираса» со священным воинским изображением (б). Голова защищена шлемом (в) с бармишей (г) и бронзовым наносником (д). Купол шлема смонтирован из небольших пластин по чешуйчатому принципу. Воин вооружен бронзовым втульчатым тунором-кельтом (е), сложным цельнодеревянным луком западно-сибирского типа (ж) и копиями с железными наконечниками (з). Средства защиты дополняет деревянный щит (и). Такие тяжеловооруженные бойцы стояли впереди. За ними выстраивались в небольшую колонну легковооруженные конейщики и лучники, воражавшие противника на дальней дистанции. Под защитой этой «живой» брони происходило сближение с противником, и завязывался ближний руковошный бой. IV—III вв. до н. э. Реконструкция по материалам Пижнего Приобья

Предметы вооружения в этой среде приобретают особое значение, некоторые из них теперь символизируют общественное положение владельца. Военная атрибутика становится особо почитаемой в обществе, она сакрализуется. Духи умерших предков удачливых военных лидеров из разряда «личных» переходят в разряд «территориальных» и почитаются, как небесные покровители, не только прямыми потомками, но и всеми жителями данной территории. Разумеется, при этом у каждого воина и поселения остается свой личный дух-помощник, дух собственного умершего предка.

Деревянные фигуры таких духов-предков, богатырей-покровителей устанавливались в специальных культовых местах. На их лица надевались бронзовые личины, рядом раскладывались оружие и жертвоприношения. «Небесных» защитников изображали и на нагрудных пластинках доспехов, самым прямым и непосредственным образом саваших «душу и тело» своего хозяина.

Оружие в тайге тоже было предметом культа и поклонения. Из дальних походов воины приносили на скрытые в тайге культовые места свои трофеи и оставляли их там в качестве дорогой жертвы. Отзвуки этой традиции дошли до наших дней. Некоторые персонажи божественного пантеона обских угров нередко представлены куклой, символизирующей духа — хозяина культового места. Кукла, как правило, изготовлена из какого-нибудь старинного предмета вооружения, обмотанного особыми жертвенными тряпочками-прикладами. Здесь до сих пор можно увидеть клинки конца позапрошлого — начала прошлого веков, захваченные в походах или приобретенные в обмен на меха прадедами нынешних хантов и манси.

Пока на высоких мысах среди болот и урманов предки обских угров и самодийцев совершенствовали свое оружие, далеко на востоке, за тысячи километров от Великой Реки и Таежного царства, в неизвестных глубинах Центральной Азии, копилась та сила, которой суждено было изменить ход событий и дать имя целой эпохе. Эпохе, когда ушли в небытие старые культуры и народы, еще недавно господствовавшие в степях Саяно-Алтая; когда кочевое население лесостепи, томимое «тягой к перемене мест», отправилось на запад в поисках новой родины; когда таежные воины продвинулись по обским краям и плесам далеко на юг, а их родственники по языку, южные угры, ушли в тот путь, что закончился на берегах Голубого Дуная.

Глава 4

Великое переселение народов

В конце 1-го тысячелетия до н. э. в глубинах Центральной Азии произошли события, имевшие далекоидущие последствия для судеб кочевых народов Южной Сибири и их ближайших соседей, а в дальнейшем и для кочевников всего пояса евразийских степей. Лавина порожденных ими исторических катаклизмов спустя несколько столетий докатилась до границ Римской империи. И только здесь, на Каталаунских полях близ современного французского города Шалон-сюр-Марн, летом 451 года завершился великий путь пришельцев с востока, имя которых — «хунны» — долго вызывало трепет у совсем не робких римлян.

Речь идет о возвышении в конце III века до н. э. союза племен, известных по китайским летописным источникам как «хунну» (в другой транскрипции — «сюнну»), и создании ими первого крупного кочевого государственного образования. Все началось с того, что отряд телохранителей Модэ (206—174 гг. до н. э.) — сына первого в истории хунну шаньюя-Туманя, вымуштрованный постоянными охотами и приученный безропко повиноваться своему хозяину, по его приказу убил его собственного отца. После этого Модэ сам стал шаньюем. При нем сформировалось первое кочевое государство. Модэ отличался небывалой завоевательной активностью и сумел расширить свои владения от Хингана на востоке до монгольского Алтая и Тянь-Шаня на западе, от Забайкалья и Саян на севере до Гоби и Ордоса на юге.

Сердцем владений хунну в то время были современные земли центральной и северной Монголии и отчасти южной Бурятии. Политическая история этого народа представляла собой непрерывную цепь войн с ханьским Китаем и соседними племенами. Вскоре (к концу III века до н. э.) хунну распространили свою власть на территории Минусы, Алтая, Восточного Туркестана. В 56 году до н. э. междоусобицы раскололи хуннскую державу на два объединения — северное и южное. Южное вскоре попало под влияние Китая, а северное, укрепляя свое положение, продолжало борьбу с ним. После крупного поражения в 93 году н. э. часть орд северных хунну из степей Центральной Азии и Восточного Туркестана через горы северо-западной Монголии, Алтая и Тянь-Шаня двинулась на запад. Долгих триста лет, вытесняя одни племена, истребляя и покоряя другие, вовлекая в свой союз третьи, кочевники шли навстречу вечернему солнцу. Их путь в неведомое лежал по степям юга Западной Сибири, Казахстана, Средней Азии.

Рис. 1. Южная Сибирь. Предгорье Саян

Рис. 2. Бронзовая пластина - выразительный образец хупского «звериного стиля». Такие парные пластины вставлялись иногда в специальные деревянные обоймы и украшали боевые пояса хупских воинов. II-I вв. до н. э., Ордос

1

2

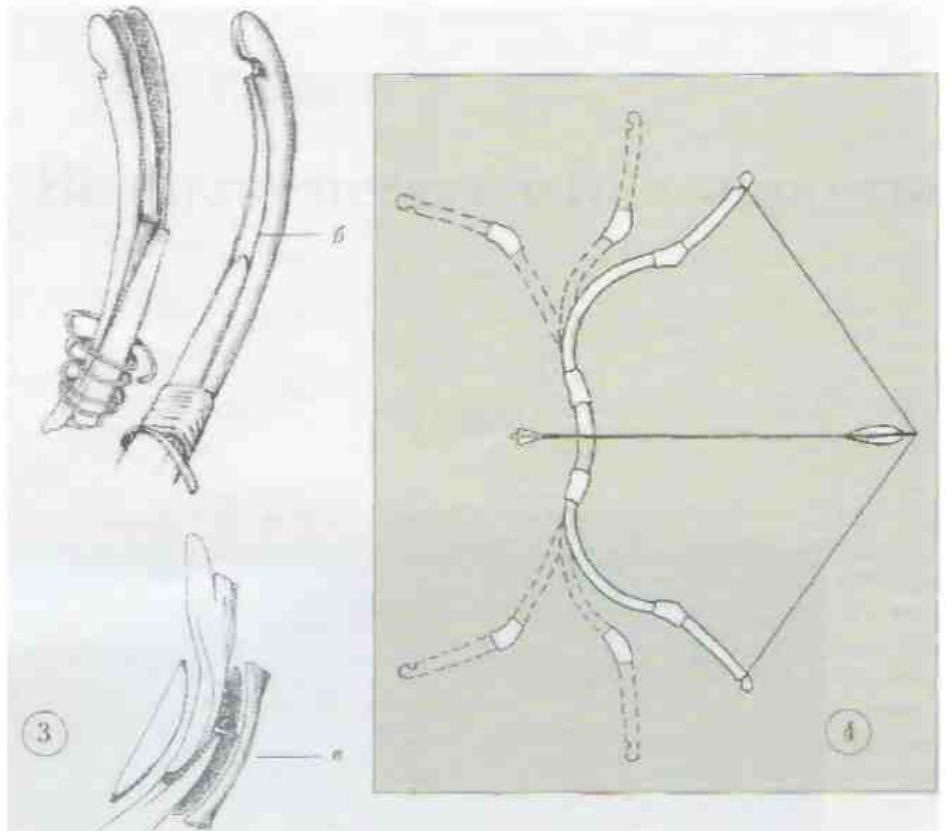
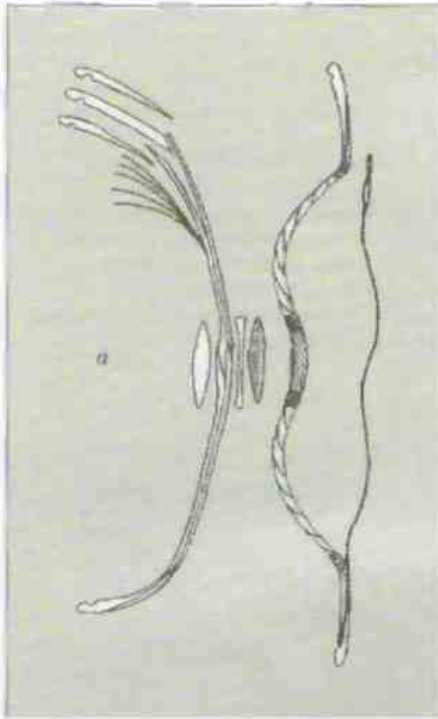

Рис. 3. а - в. Лук хуннского типа имел семь роговых усиливающих деталей: а, в - набор усиливающих деталей в центральной части; роговые накладки с обоих боков кибиты в форме рассеченного вдоль оси овала, длинная узкая фронтальная накладка со стороны тетивы с песчолко расширяющимися окончаниями; б - две длинные роговые накладки на обоих концах оружия. Центр изделия блокировался паглухо. Гибкими оставались только плечи

Рис. 4. Схема работы хуннского лука

Рис. 5. Пряжка и накладки поясного набора эпохи Великого переселения народов. IV V вв. н. э. Памятник Сопка-2. Повосибирская область. Раскопки В. И. Молодина

Началось Великое переселение народов. Хунну в ходе смещения с иноязычными союзниками быстро утратили колорит собственной культуры и её этнографическое своеобразие. Но они сохранили самоназвание и сумели возглавить тот разноплеменный кочевой союз, который, миновав стены Прикаспия и Причерноморья и рассеяв в IV-V веках войска степей и лесостепей Восточной Европы, вышел к границам Римской империи и был назван античными авторами "гуннами". Их неудержимое и быстрое продвижение на запад и сокрушительный разгром «варварских» войск восточно-европейских кочевников потрясли римское цивилизованное общество. Произведя, по словам римского историка Аммиана Марцеллина, «страшное истребление и опустошение» среди сарматских племен аланов, гунны пересекли Прикубанские степи, проникли на Таманский полуостров, преодолели в самом узком месте Керченский пролив, разгромили в Крыму готов, и, соединившись со своими основными силами, огибая Азовское море с севера, разбили остготов, а в битве у Днестра — и везиготов. Снасясь от смертельной опасности, остатки полуистребленных племен (остготов, везиготов, сарматов, аланов) хлынули к Дунаю, ища защиты у римского императора Валента. Страх перед военной мощью пришельцев заставил Империю предложить им откуп золотом.

С приходом к власти Аттилы гуннский союз достиг высшей точки своего развития. Но, как и всякое объединение, державшееся на силе оружия, он был силен лишь в дни побед, и первое же крупное военное поражение (в «бите народов») послужило толчком к его распаду.

Промежуток времени (II в. до н. э. — V в. н. э.), на который пришлось все эти события, с легкой руки

крупного исследователя сибирских древностей С. И. Киселева называется в отечественной археологической литературе *хунно-сарматским временем*. Другое встречающееся название — «*эпоха великого переселения народов*».

В этот период расстановка действующих лиц на исторической арене существенно изменилась. Связано это с появлением новых мощных сил, определивших на многие столетия последующий ход событий. В Зауралье, Нововолжье и Причерноморье это были сарматы, в Передней и Средней Азии — парфяне, и Центральной Азии и Сибири — хунны. Произошла постепенная смена скифских культур культурами хуннского круга, ираноязычного кочевого населения — тюркоязычными кочевниками, европеоидов — монголоидами. В оружейном ремесле железо полностью заменило бронзу. На Алтае прекратила существование уже знакомая нам назырская культура. В Минусинской котловине на месте тагарской культуры в результате смешения местного и пришедшего хуннского населения Центральной Азии сложилась таштыкская культура. В Верхнем Приобье аналогичным образом сформировалась верхнеобская культура. Саргаты в конце концов перешли к исключительно кочевому укладу и отправились в поисках лучших пастбищ на запад. Где-то на берегах Дуная теряются все их следы. У кулайцев начался второй, самый боевой, этап их истории — *Саровский*, тоже связанный с миграцией — на этот раз вдоль верхнего и нижнего течения Оби.

Символом эпохи стали новые типы вооружения, явившиеся на смену образцам скифского облика.

И первым среди них следует назвать лук «хуннского типа». Он отличался от скифского, прежде всего, внушительными размерами (порядка 1,6 м и больше) и иным принципом действия. Новые луки были рефлексирующими — и свободном, без тетивы, состоянии их плечи выгибались в направлении полета стрелы. Такой выгиб кибити во многом обеспечивался приклеенными со стороны спинки сухожилиями. Мощность оружия при этом возрастала.

У лука хуннского типа зоны наибольших нагрузок усиливались роговыми накладками. Накладки помещали на концах лука и в самом центре. Центр укрепляли, с одной стороны, для того, чтобы заставить наиболее полно работать плечи оружия. С другой стороны, сложно было найти подходящие для кибити прямослойные бруски дерева большой длины, особенно на землях, отнюдь не богатых лесом. Да и еще так подогнать друг к другу, чтобы при склеивании получилась достаточно надежная конструкция — на всей своей полутораметровой протяженности. Более простое решение — подобрать и соответствующим образом обработать короткие 40–50-ти сантиметровые накладки, а затем соединить их друг с другом в шпиль или вмастерить и склеить. В целях повышения эффективности выстрела менялось устройство окончаний лука. Они приобрели, во-первых, новую форму и сечение, а во-вторых, получили роговые накладки.

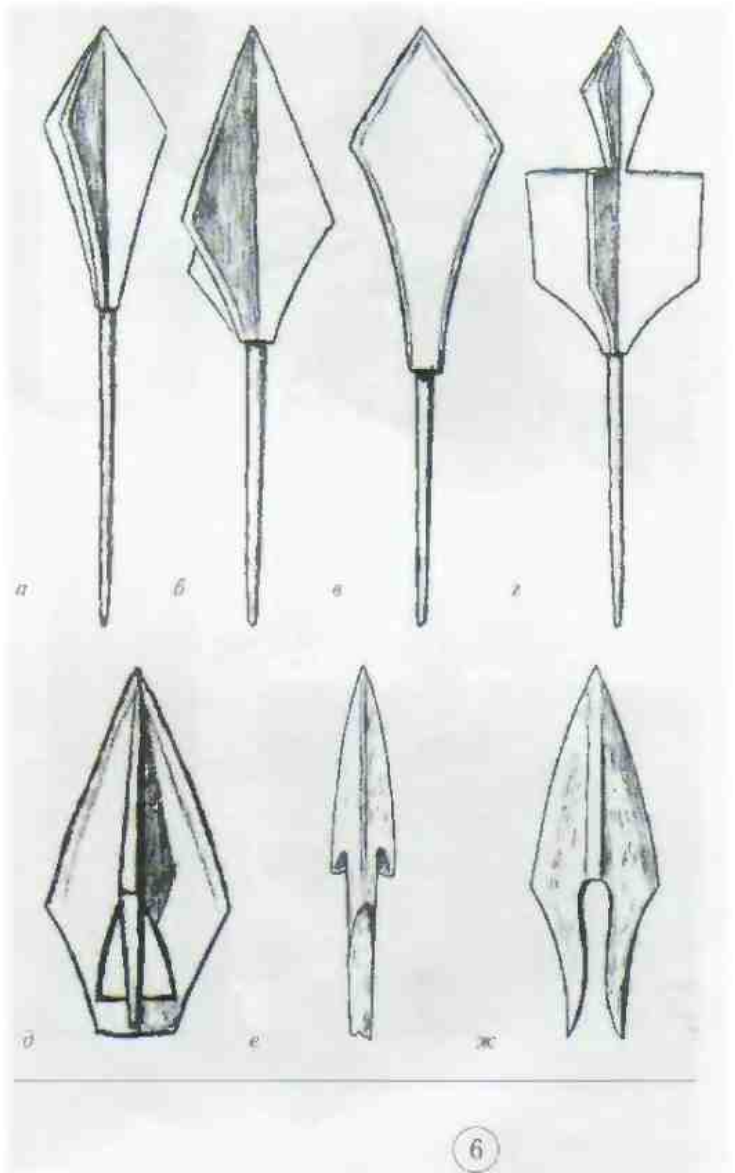

Рис. 6. а–ж. Железные наконечники хуннских стрел имели форму удлиненного и ассиметричного ромбов (а–в). Встречались и ярусные наконечники (z). Длина их пера колебалась в пределах 2–6 см. Бронзовые наконечники еще конкурировали с железными и использовались с луком скифского типа, не сразу канувшим в прошлое. Наконечники (d) отличаются рельефно выделенными лопастями, иногда с отверстиями, и ажурная втулка, у которой исчезли привычные стенки, а осталось лишь кольцо основания наконечника. Большое количество найденных костяных наконечников (e, ж) указывает на то, что металлические или роговые доспехи еще не получили достаточного распространения.

Рис. 7. Нрисовка фрагмента серебряного сасанидского блюда с изображением царя Шапура I I ,охотящегося на леопарда. Хорошо заметен кинжал в поясе с лопастями, расположенный у правого бедра владыки. Эти пояны, как и пояны длинного меча, выполнены в традициях скифского времени. По лопасти в обоих случаях служат уже, скорее, элементом декора, нежели функционально необходимой деталью. Такой способ крепления оружия будем называть иранским. III - IV вв. Москва. Музей Востока

Рис. 8. Серебряная оковка нижнего конца поян становится характерным элементом декора рубящего клинкового оружия. Металл может покрывать почти половину лакированного, окрашенного в красный цвет чехла. IV—V вв. Памятник Сопка-2. Новосибирская область. Раскопки В.И. Молодина

У скифского метательного оружия поперечные плоскости конца и плеча кибити совпадали, у хуннского же лука концевые детали, наоборот, вклеивались в кибить таким образом, что плоскости врезного конца и плеча лука располагались перпендикулярно друг к другу. В результате концы нового лука уже не гнулись, и основную работу по метанию стрел выполняли внутренние плечи. Роговые накладки на концах лука предохраняли кибить от поломки.

Хуннские луки, в отличие от скифских, позволяли метать более длинные и тяжелые стрелы с более крупными наконечниками. Если провести аналогию с огнестрельным оружием, то можно сказать, что увеличился «калибр» и поражающие возможности лука. Пемалую

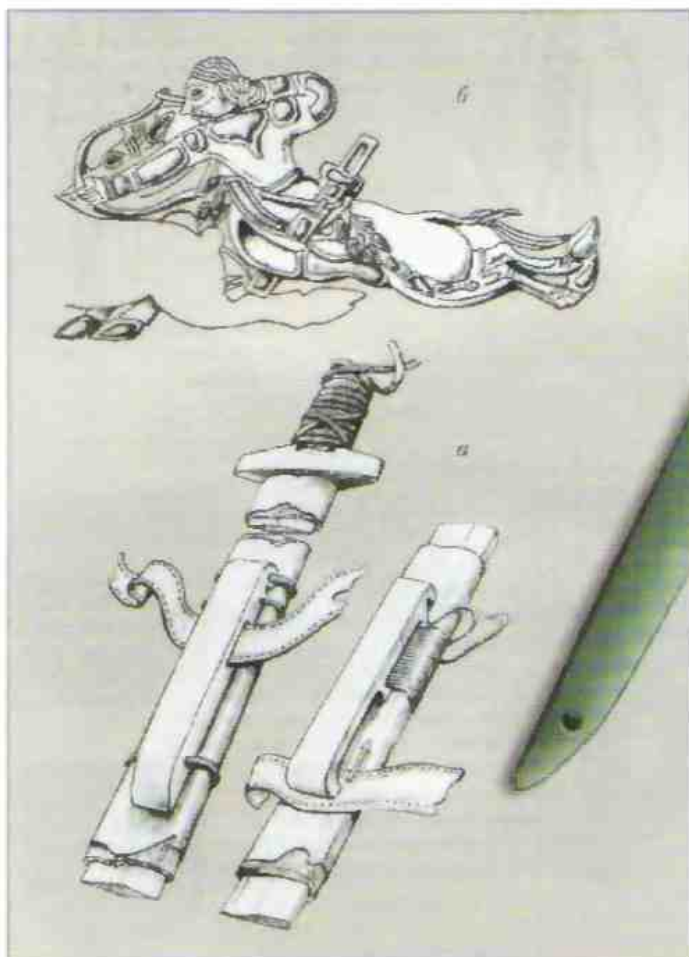

Рис. 9, а, б. С помощью таких нефритовых или деревянных скоб (ш), размещенных, по желанию хозяина, ближе к устью или к середине поян, можно было с удобством носить оружие. Идея такого крепления известна с VIII в. до н. э. По мере повсеместного распространения длинных мечей она становится популярной. Такая конструкция позволяла подвешивать оружие вдоль ноги или закреплять его на спине так, чтобы рукоять торчала из-за плеча. Скобой с крючком можно было цеплять пояны за перевязь. При использовании простой скобы оружие снималось вместе с портупейным ремнем. Такую систему крепления оружия можно разглядеть на некоторых изображениях скифского и гунно-сарматского времени. Например, у лучника в сцене охоты на кабанов, изображенного на золотой поясной пластине из Сибирской коллекции (б)

Рис. 10. Нефритовая скоба от поян, найденная в западно-сибирской лесостепи. Обнаружена в одном из очень редких для региона погребений IV—V вв. Могильник Сопка-2. Новосибирская область. Раскопки В. И. Молодина

роль и этом сыграл и новый материал, использовавшийся при изготовлении наконечников стрел. Железо легче бронзы. Железный наконечник — даже при равном весе — значительно превосходил по своим размерам бронзовый. Стрелы с железными наконечниками были гораздо опаснее своих бронзовых предшественников.

Трехлопастные наконечники мелькали на полях сражений больше тысячи лет и просуществовали вплоть до походов Чингисхана (XII век). Правда, в отличие от своих средневековых «собратьев», хуннские наконечники довольно невелики.

Многие стрелы снабжались небольшими роговыми шариками с круглыми отверстиями на боках. Располагались они у основания наконечника в месте, где он соединялся с древком. Воздух, попадая в такие отверстия при полете стрелы, издавал резкий звук. Летонисы приписывают это изобретение самому шаньюю Модэ. Такие стрелы указывали цель¹. Изобретение оказалось столь ценным, что с тех пор неизменно эксплуатировалось во всех сибирских войсках.

Умению владеть луком со стрелами подрастающее поколение хунну обучалось с самого раннего возраста. Как сообщают китайские летописи («Шицзин»), у сюнну «мальчик, как скоро может верхом сидеть на баране, стреляет из лука пташек и зверьков; а несколько подросши, стреляет лис и зайцев».

Огромное значение в военной подготовке имели индивидуальные и, особенно, загонные коллективные охоты¹. О грандиозных облавных охотах хунну, на которые собирались десятки тысяч вооруженных всадников, неоднократно упоминают китайские источники. Они рассказывают о том, как под видом охоты войска часто совершали внезапные налеты на соседа: «Они в нескольких десятках тысяч конницы занимались охотой близ границы, нападая на приграничные посты и уводили чиновников и народ в плен». Такие набеги могли планироваться заранее. По тем же источникам, предводители договаривались «каждому с 10 000 конницы произвести облаву подле китайской границы и, будто бы нечаянно встретившись вместе, вступить в пределы Китая». Подобный обманный маневр было сделать несложно еще и потому, что и на охоте, и на войне применялось одно и то же оружие.

Рис. 11. Рукоять палаша. Павершие состоит из полусферического набадашника с полями, установленного на хрустальный шестигранник и круглый нефритовый диск. Полю колпачка по кругу украшены пояском зерни, а вся остальная его поверхность разбита перегородками на ячейки, заполненные цветными вставками. Павершие крепилось к концу рукояти длинным бронзовым гвоздем. В данном случае мы имеем дело с техникой перегородчатых инкрустаций полихромного стиля. IV—V вв. Реконструкция по материалам памятника Сопка-2. Раскопки В. И. Молодина. Новосибирская область. МА ИАЭТ СО РАН

12

Рис. 12. Рукоять палаша из погребения знатного воина эпохи Великого переселения народов. Ее сложное навершие состоит из полусферического колпачка с широкими полями у основания, золотой оковки с раструбами на концах и нефритовым диском-шайбой между ними. Металлические части навершия украшены в «кабашонном» варианте полихромного стиля. Поверхность колпачка разделена поясками зерни на четыре сектора. В центре каждого из них в специальном гнезде крепится овальный кабашон из цветной пасты или стекла. Золотая оковка также инкрустирована вертикальными рядами цветных овальных вставок-кабашонов. Деревянная основа рукояти палаша обтянута шелком. Пожы оружия выкрашены в красный цвет, их устье дополнительно укреплено золотой обкладкой, инкрустированной цветной пастой. IV—V вв. Реконструкция по материалам находок А. П. Уманского у с. Тузовоново на р. Чарыш. Алтайский край. Санкт-Петербург. Эрмитаж

Хуннское войско включало в себя неслесное мужское население. Делилось оно на два крыла — правое и левое. Сами же отряды, как считается, составлялись по десятичному принципу. Основные градации — десять, сто, тысяча и десять тысяч человек. Любопытно, что отряды в коннице шаньюя Модэ различались по масти лошадей, такое деление в чем-то ассоциируется с униформой современных родов войск. Одни имели белых, другие — серых, третьи — рыжих, четвертые — вороных.

Тактика сражений по сравнению с предшествующим временем существенных изменений не претерпела. По-прежнему в её основе лежал изматывающий обстрел неприятеля. Часто применялось притворное отступление. «При превосходных силах неприятеля они притворяются побежденными и, отступая, заманивают преследующее их войско неприятеля», — говорится в «Шицзин». Заманивают на удобное для внезапной и победоносной атаки место. Здесь в полной мере оказывался востребованным опыт маневренного охвата котлом, отработанный на коллективных охотах. Правда, судя по тем же китайским источникам, хуннские воины, жадные до трофеев, при всей своей дисциплинированности не отличались особым унорством в бою. Они, «завидев неприятеля, устремляются за корыстью, подобно стае птиц; а когда бывают разбиты, то, подобно черенице, рассынаются, подобно облакам, рассеиваются». И еще: «При удаче идут вперед; при неудаче отступают и бегство не поставляют в стыд себе».

В боевой практике хуннских орд широко использовались разведка, глубокие рейды по тылам противника, неожиданные нападения и стремительные отступления. Военный грабеж в немалой степени воодушевлял на «подвиги» кочевых удальцов. «Где видят корысть, там ни благодарности, ни справедливости не знают. Кто на сражении отрубил голову неприятелю, тот получает в награду кубок вина, и ему же предоставляется все полученное в добычу», — сообщает «Шицзин». Вообще, существовал целый свод правил получения добычи. «Кто убитого привезет из сражения, то получает все имущество его». А все «пленные — и мужчины, и женщины — ноступают в неволю; и носему на сражении каждый воодушевляется корыстью». Среди хуннских военных обычаев был и такой — из черенов неприятельских вождей изготовлялись чаши, служившие знаком воинской доблести; из них по особо торжественным случаям пили вино.

Как и у назырыкцев, в хуннском войске среди лучников находилось место прекрасной половине кочевого населения. С луком женщины обращались столь же ловко и умело, как и мужчины. По в ближнем бою гунно-сарматские амазонки участия не принимали. Это связано с тем, что средства его ведения немало изменились.

Короткий железный кинжал — основное оружие руконашной схватки скифского времени — окончательно ушел в разряд вспомогательного вооружения. На первый план выдвинулись длиннолезвийные обоюдоострые мечи. Они распадались на две группы: мечи с прямым перекрестием и кольцевым навершием, тип которого сформиро-

13

Рис. 13. Литая шейная гривна из золота, украшенная на концах парными головками хищного зверя. В этом образце «звериного стиля» отчетливо чувствуется наследие скифской эпохи. Подобные украшения становятся знаком престижа, социального и воинского ранга, при этом по-прежнему являясь могучими оберегами и частью защитного вооружения. IV—V вв. Паходка у с. Тугозвонovo на р. Чарыш, Алтайский край. Санкт-Петербург. Эрмитаж

14

Рис. 14. Кинжал в ножнах. Клинок оружия линзовидный в сечении, длиной 18 сантиметров. На торце его рукояти закреплена овальная золотая пластинка с большим сердоликовым кабошоном, окруженным пояском зерни. Под ней нефритовая шайба. Дерево рукояти покрыто золотыми оковками с овальными вставками из алмазидина и синего стекла. Перекрестие и ножны окованы листовым серебром и украшены в технике перегородчатых инкрустаций. Два небольших, слегка выпуклых медальона у нижнего конца ножен напоминают олопастях «пуговицами», распологавшихся в этом месте в скифское время. Золото, серебро, сердолик, алмазидин, цветная паста. IV—V вв. Реконструкция по материалам находок Л. П. Уманского у с. Тугозвонovo нар. Чарыш, Алтайский край

вался в сарматском мире Поволжья и Приуралья в III-II веках до н. э. и мечи без металлического навершия. В действительности, навершие у этих мечей было, но отковывалось оно отдельно от рукояти. Время господства такого оружия начинается со II века, когда оно распространяется на огромной территории от стен Поволжья и Приуралья до районов Кореи и Китая. Рукояти клинков и без навершия нередко украшались с особой роскошью.

Рис. 15. Знатнымхуннский воин эпохи Великого переселения народов. Обращает на себя внимание вытянутый затылок. Такая форма черепа указывает на знатность рода и высокое общественное положение. Чтобы подобным образом сформировать череп, затылок и темя ребенка туго бинтовали. Высокое положение воина подчеркивается и знаками престижа - золотой гривной (а), богатым поясом с накладками (б) и серебряной инкрустированной нржжкой (в), роскошным оружием (г). Пожны палаша окрашены киноварью (д) и в нижней трети окованы серебром (е). Лук хуннского типа (ж) для защиты от влаги обмотан берестой и помещен в специальное налучье (з). С оружия снята тетива. К налучью, обтянутому изысканной тканью, пришиты два цилиндрических футляра (и) со стрелами - они закрыты кожаными крышками (к). На крышках кожаные петли для удобства открывания (л). В каждом из таких «магазинов» размещены стрелы строго определенного типа. Высокие сапоги из мягкой кожи подогнаны по ноге специальными ремешками с серебряными пряжками (м), расположенными у шиколоток. Па воине халаты из китайского шелка, носить такие халаты могла позволить себе только знать. IV-V вв. Реконструкция по материалам погребения у с. Тугозвоново на р. Чарыш. Алтайский край¹

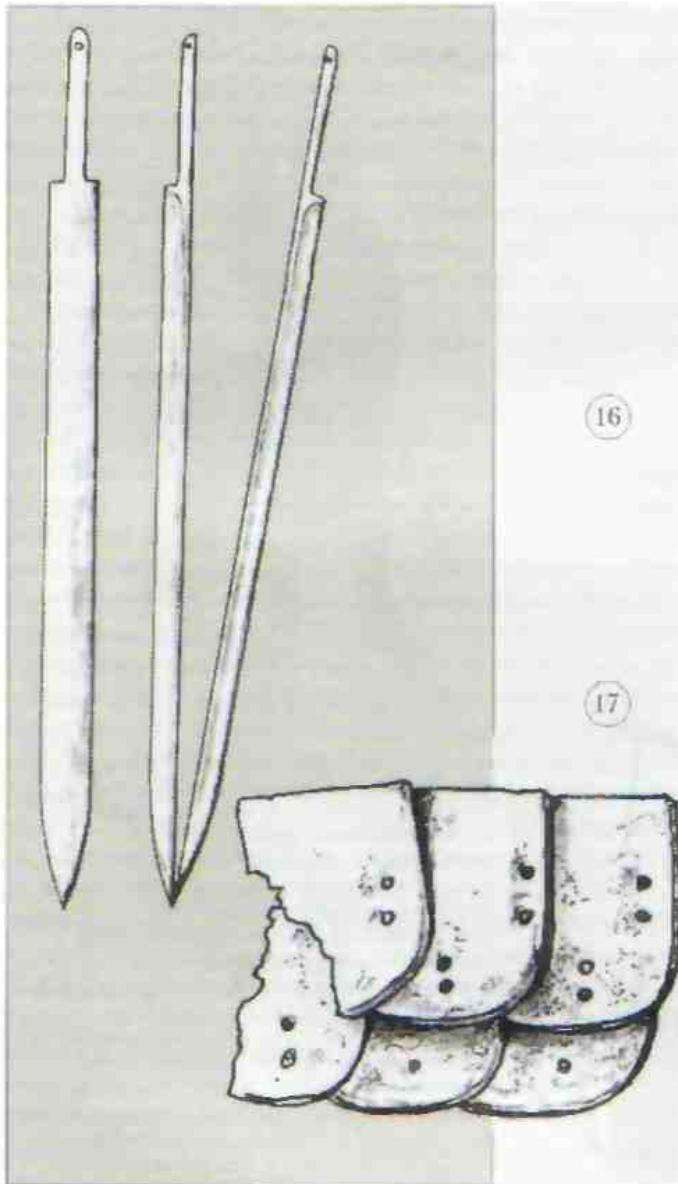

Рис. 10. Палаш можно представить, как половинку «рассеченного» вдоль продольной оси меча. Ранние формы такого оружия сохраняют все признаки двулезвийного «прародителя» и форму острия, и конструкцию перехода от рукояти к лезвию. Многие палашы унаследовали от мечей и уже проверенные временем кольцевые навершия

Рис. 17. Железные панцирные пластины хуннских лат. Их длина почти равна ширине. Они сплетались между собой конопляной бечевой так, что каждая пластина верхнего ряда закрывала стык двух пластин нижнего. Такие латы выглядели как чешуйчатые. По расположению отверстий предполагает ламеллярное устройство панциря, т. е. без матерчатой основы. II—I вв. до н. э. Иволгинское городище. Забайкалье, По А. В. Дакидовой

Гунно-сарматское время прославилось ювелирными изделиями с многочисленными цветными вставками из полудрагоценных камней и стекла. Подобный художественный стиль называют полихромным. Иногда такие вставки из граната, алмазидиа, сердолика, яштаря или цветного стекла располагались на золотом фоне изделия простыми рядами — вертикальными или горизонтальными. В других случаях его поверхность сплошь покрывалась ими, а разделялись они золотыми перегородками, образующими грезда различных геометрических форм. Верхний полированный край этих перегородок образовывал орнаментальный узор. Обе эти манеры широко использовались в украшении оружия.

Мечи традиционно считались принадлежностью всадников. Номешались они в деревянные пожпы, окрашенные в красный цвет и выстланные изнутри мягкой материей. Изредка встречаются пожпы, сделанные из металла. В большинстве своем и другие были наследниками скифских апалогов. Там, где было сильно влияние иранского мира, они снабжались у самого устья сверху и у основания внизу парными лопастями. Но по мере удлинения мечей этот элемент оказался пепужным. Лопастни, выполненные в форме окружностей у самого основания пожеп, сохранились лишь, как традиционный элемент дизайна парадного оружия.

Нервоначально клипки мечей с кольцевым навершием делались из железных заготовок, твердость которым придавалась путем цементации — пауглероживания лезвия. Но уже к рубежу эр в большинстве своем они стали коваться из нескольких полос разного сорта высоко- и малоуглеродистого (т. е. твердого и мягкого) металла. Эти полосы сваривались друг с другом кузничным способом так, чтобы твердый металл оказывался па острие.

В первых веках повой эры арсенал хуннов пополнился палашом — совершенно повым типом клипкового рубящего оружия. Распространение палашей па полях сражений обычно связывают с пуждами кавалерии, которой всегда требовалось легкое эффективное оружие для коротечных схваток. Тяжелый двулезвийный меч был пезаменим в продолжительных боях и при встрече с «бропированным» противником. Справиться спим можно было, лишь используя мощный удар, рубящий или колющий.

Сильно изменилось у хуннов древковое ударное оружие ближнего боя. Топорами-кельтами теперь пользовались преимущественно ополченцы. Бронзовые чекапы па глазах становились достоянием прошлого. Наборные панцири, составленные из упругих железных пластин, оказались непреодолимой преградой для чекапов. Железные образцы этого оружия приобрели более крупные размеры и дуговидную, и соответствии с траекторией движения оружия при ударе, боевую часть, превратившись в мощные клевцы с массивным гранатым острием, способным пробить и очень прочные доспехи. Однако и эти усовершенствования не избавили оружие от педостатков. На открытых степных просторах чекапы вообще не получили широкого распространения, в тайге же

с нешими отрядами они, наоборот, просуществовали вплоть до эпохи раннего средневековья, когда были полностью вытеснены более удобными и универсальными топорами с бойком на обушках.

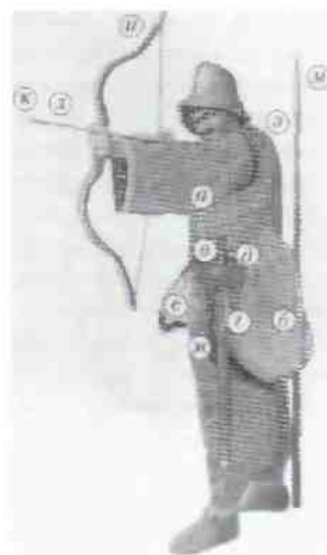

Рис. 18. Знатный хунский воин. Он одет в красный халат из китайского шелка с изображениями драконов и птиц (а). Полы его (б) заткнуты за пояс (в), украшенный чекапными золотыми бляшками. К поясу с помощью ремня, пропущенного через скобу (г) на поясах, подвешены длинный меч (д) и железный шлем (е). Последний состоит из пластин, связанных ремешками. К тулье шлема прикреплена чешуйчатая бармица (ж). На воище короткий железный паборный панцирь (з). Число железных пластин в таких панцирях достигало 550-600 штук, весил он 11-12 кг. По, распределяясь равномерно по телу, вес мало ощущался. Широкие шелковые шаровары, пришитые к мягким войлочным поскам, заправлены в мягкую обувь. Голову венчает стеганный головной убор, обтянутый шелком. В руках сложный лук с роговыми накладками (и). Для стрельбы из него используются стрелы с ярусным накопечником (к) и свистушкой (л). Дополняет вооружение воина копьё (м). Реконструкция выполнена по материалам паходок из погребений хунских шапюев в могильнике Пони-Ула в Монголии (рубеж эр), Иволгинского городища в Забайкалье (II— I вв. до н. э.) и памятников Северного Китая (II в. до н. э. — II в. н. э.)

Таштыкская культура

(II в. до н. э.—V в. н. э.)

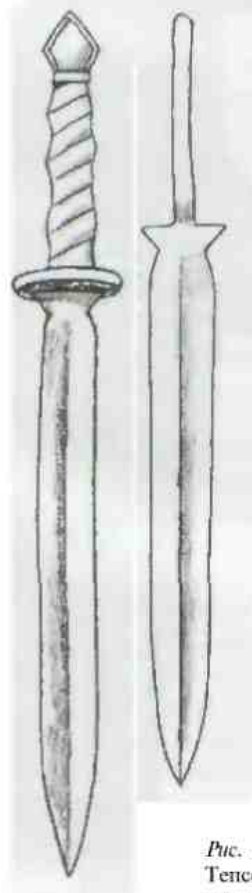
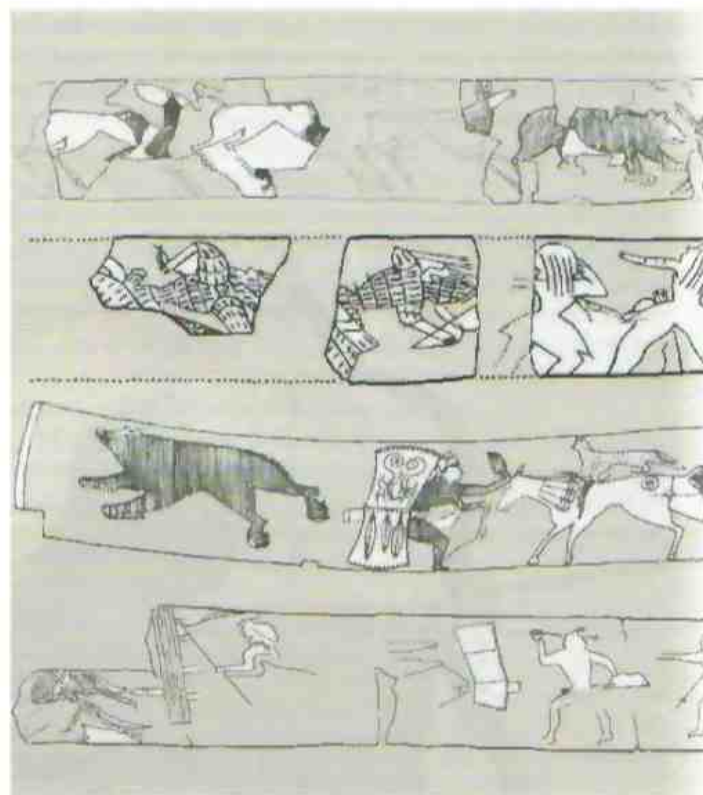
Разумеется, все эти перемены произошли не в одночасье. Довольно долго в арсенале средств вооруженной борьбы сосуществовали различные типы оружия — ушедшие эпохи как бы нерекликались с будущим. Особенно заметно это было в регионах с развитым бронзошпейным ремеслом и отлаженным производством оружия. В частности, что характерно для населения степей среднего Енисея, где, испытывая самые различные влияния (и хуннское в том числе), в это время складывается оригинальная *таштыкская культура*.

Это историко-культурное образование занимало большую часть Минусинской и Ачинско-Мариинской котловин. Частично на территории таштыкского округа встречаются в Саянском каньоне Енисея. Они представлены поселениями, большими и малыми скеленами, номинальными и жертвенными местами, фазированными рисунками на скалах. Хотя первые необычные археологические материалы (гипсовые раскрашенные маски, покрывавшие черена скелетов) были получены ещё в 1883 году А. В. Андриановым при разборке курганов на Тагарском острове, свое название эта культура получила много позже — от С. А. Тенюхова, выделившего её и названного по месту своих раскопок на реке Таштык.

Предметов вооружения таштыкской культуры, несмотря на кропотливую работу археологии, к настоящему времени обнаружено очень мало. Внору говорить о какой-то особой «миролюбивости» тамошнего населения, если бы не одно «но». Это железные наконечники, найденные в телах погребенных, и небольшие деревянные конии оружия, сопроводившие их в последний путь. К сожалению, древесина плохо сохраняется в земле. Кроме того, пламя погребальных костров поглотило многие ценные вещи. По если вдруг, по случайному стечению обстоятельств, во время возгорания древесины прекращается приток воздуха, то происходит обугливание предмета. Такая «обработка» на грани гибели сохраняет недолговечный материал на века. Среди обугленных предметов в сожженном таштыкском скелене у горы Тенсей под Абаканом М. П. Грязнов нашел восемь планок

Рис. 19. У обоюдоострых мечей таштыкской культуры относительно короткие лезвия (в пределах 36 см), сближающие их с длинными кинжалами. Они удобны для пешего боя в сомкнутом строю. Оружие снабжено съемными гардами, выполненными из рога или выструганными из дерева заодно с рукоятью. По Ю. С. Худякову

Рис. 20. Обугленные деревянные планки с рисунками — уникальная находка М. П. Грязнова. Бесценный источник не только для изучения военного дела, но и графической мадеры таштыкских художников. Г. Тенсей под Абаканом. Минусинская котловина, Хакасия

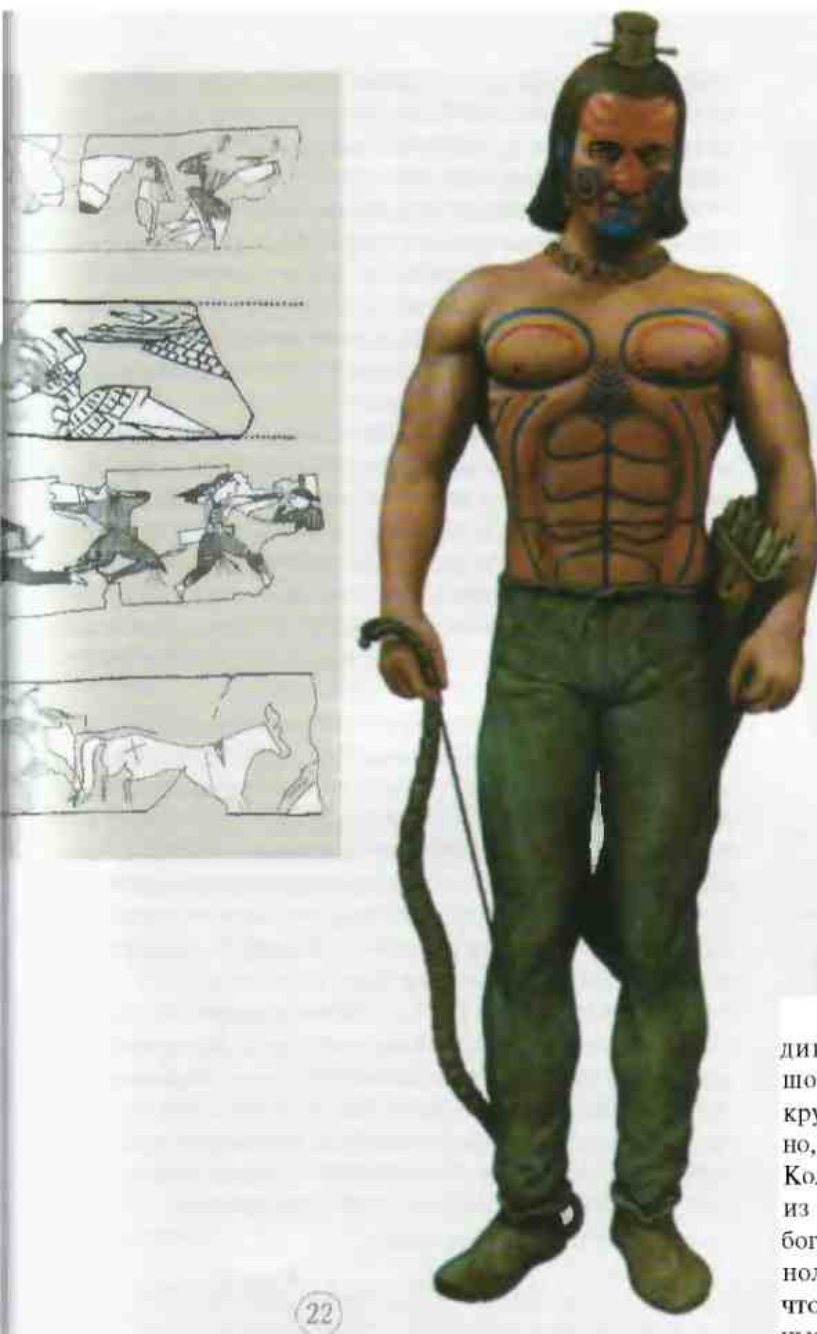
19

20

21

Рис. 21. Фрагмент планки из могильника Тенсей. Пример анатомической раскраски лучника. Поперечная линия на его талии — ремешок, к которому привязан корыччатый кожаный пояс. III—IV вв. Минусинская котловина, Хакасия

22

Рис. 22. Легковооруженный таштыкский лучник. Он вооружен луком скифского типа (а) и стрелами, помещенными в коробчатый колчан (б). Шею покрывает ожерелье (в). На тело нанесена анатомическая раскраска (?). Лицо также покрыто рисунком (д), перекликающимся с росписью погребальных масок. Волосы его на затылке заплетены в косичку, спрятанную в специальный чехол-накосник (е). III—V вв. Реконструкция по материалам планок из могильника Тепсей

Тип оружия определяет и манеру его ношения. Традиционный горит, изобретенный в свое время для небольшого лука скифского типа, уже не подходил для более крупного хуннского. Лук и стрелы стали носить раздельно, делая для них отдельные чехлы - колчан и налучье. Колчаны для стрел были двух видов. Одни выполнялись из бересты в форме вытянутой прямоугольной коробки, богато орнаментированной тиснением. Другие имели полукруглое дно и небольшой кланан в верхней части, чтобы защищать оперение стрел от осадков. Прямоугольные жесткие футляры привязывались к поясу почти горизонтально; мягкие кожаные колчаны размещались вертикально — параллельно бедру или вдоль спины.

Следов таштыкского защитного вооружения археологи не нашли. Исключением можно считать **небольшую** трапециевидную чешуйку с отверстием в верхней части, сделанную из панье-маше и покрытую красным лаком (ныне, к сожалению, утерянную). Ее обнаружил С. В. Киселев на намятнике УйбатнХакасии. По мнению автора находки, эта чешуйка соотносится с китайскими доспехами, частью которых и является. Казалось бы, все говорит о том, что таштыкские отряды состояли исключительно из легковооруженных лучников. Налицо явный парадокс. Археологическая картина совершенно не соответствует той, с которой нас знакомит изобразительная традиция таштыкской культуры. На наскальных рисунках и деревянных налешках тенсейского и ташебинского

с многофигурными композициями, нанесенными на них, скорее всего, острием ножа. Вскоре аналогичные изделия были выявлены при раскопках могильника на левом берегу реки Ташеба недалеко от Абакана. На всех этих предметах отчетливо видны многочисленные батальные и охотничьи сцены. Они дают представление об облачении, вооружении, прическах таштыкских воинов и их противников.

Таштыкские пешие и конные воины изображены стреляющими из лука. Оружие дальнего боя у них, судя по всему, было двух типов. Во-первых, это уже хорошо знакомый нам скифский лук, а во-вторых, лук, имеющий роговые усиливающие детали, то есть близкий по своему устройству к хуннскому.

склепов отчетливо распознаются пехные и конные воины, облаченные в доспехи. Покрой панцирей настолько отличается один от другого, что можно выделить, как минимум, три их разновидности.

Одни были похожи на длиннополые халаты без рукавов с запахом на груди и разрезом подола до высоты крестца сзади. Руки воинов по локоть закрывались оплечьями, составленными из нескольких конических кожаных колец или, в ином варианте, из связанных между собой широких плоских кожаных дуг, пришитых поверх рукава и облегающих бицепсы.

Другие доспехи представляли собой отформованную по размерам корпуса двухчастную (нагрудник и наспинник) кирасу, к которой сверху прикреплялись оплечья, тоже сделанные из широких кожаных полос. К нижнему краю кирасы привязывались ремнями лопасти, связавшие по ламеллярному принципу из мелких панцирных пластин и закрывавшие ноги до самых щиколоток. Шею и затылок воина от удара сзади защищал высокий наборный воротник.

Наконец, панцири третьего типа собирались из лент. Такую ленту образовывало множество мелких прямоугольных пластин, стянутых ремнями по ламеллярной системе бронирования. Эти доспехи дополнялись юбочкой-набедренником и, в некоторых случаях, уже упомянутым стоячим воротником. Головы воинов венчали конические и сфероконические шлемы с бармицей или без нее. Часть наголовий снабжалась скошенными вмиз полями, отводившими удар в сторону.

В качестве материала для изготовления лат, скорее всего, использовалась только кожа (потому-то остатки доспехов и отсутствуют в археологических памятниках). Это ни в коей мере не недостаток. Например, в эпоху средневековья, по свидетельствам очевидцев, кожаные латы спасали воинов и от стрел со специальными бронебойными наконечниками, и от удара копьем, нанесенного всадником на всем скаку.

Рис. 23. Погребальная маска таштыкской культуры. Подобные маски делались с целью сохранения облика умерших. Все изображения индивидуальны и дают представление о смешанном типе таштыкского населения. Среди них встречаются как европеоиды, далекие потомки местного населения эпохи раннего железа, так и монголоиды, освоившие территорию Среднего Енисея в последние века 1-го тыс. до н. э. ГИИ. I—II вв. Погребения Сырского чал-тага. Минусинская котловина. Хакасия. Санкт-Петербург. Эрмитаж

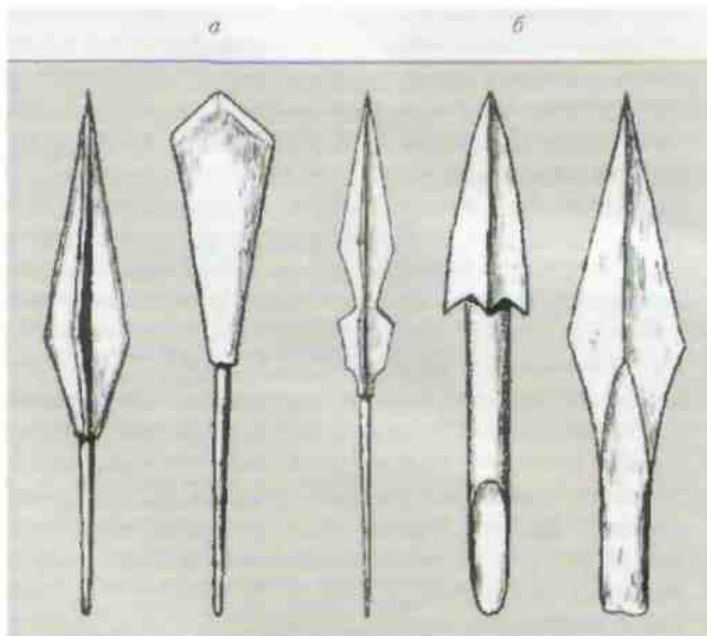

Рис. 24, а, б. Наконечники стрел, обнаруженные в таштыкских погребениях, сделаны из железа (а) и кости (б). Все они черешковые и отличаются сравнительно небольшими размерами

Таштыкская пехота защищалась огромными, в рост человека, составными щитами. Они собирались из двух транецидных частей, соединенных между собой поперечным ремнем вершинами друг к другу. Вероятно, такое сочленение оставалось достаточно гибким. Подвижное соединение не мешало в походном положении (когда щит заброшен за спину) человеку ходить и нагибаться. Надо полагать, что в случае необходимости эти половинки жестко фиксировались между собой расборками, которые вставлялись в специальные пазы. Паружная поверхность щитов покрывалась рисунками.

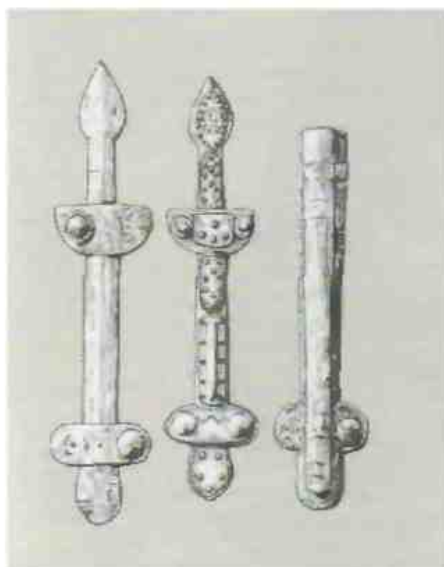
Огромные щиты являлись принадлежностью элитных бойцов. Они в сражении выдвигались вперед и, установив щиты на землю в качестве своеобразной степки, обстреливали из лука неприятеля. В ближнем бою, тесно сомкнувшись, они вставали непреодолимой преградой на пути врага. Между приставленными друг к другу щитами оставались небольшие (в форме ромба) зазоры, позволявшие ошетиниться копытами или нанести колющий удар коротким нехотным мечом. В наступлении, при лобовом столкновении с противником, щитом сбивали соперника с ног. Все это напоминает приемы боя, применявшиеся знаменитой римской пехотой.

Большая часть ратников, изображенных на тенсейских дощечках, облачена в мешковатую одежду с характерными расширениями типа «галифе» на бедрах. К сожалению, на силуэтном рисунке трудно разобрать детали экипировки. Можно только предполагать, что таким образом показаны полы кафтана, нижний край которых и образует эти расширения. Среди наскальных рисунков Подкаменной станицы есть гравировки лучников, нускающих стрелы. Их облачение идентично вышеописанному, но при этом еще присутствует и косая сетка, штрихующая грудь, полы облачения и головной убор одного из стрелков. Все это говорит о том, что перед нами изображение тяжеловооруженного нехотинца, причем именно таштыкца.

25

Рис. 25. Эта глиняная голова была скульптурным портретом, прикрепленным к погребальной кукле-манекену. Создание таких изображений связывается с обрядами перехода усопших в иной мир. Эти обряды продолжались, вероятно не менее года, и для них требовалось сохранение образа умершего или какого-то его подобия. Изображения, которые замещали усопших, — «иттерма» — хорошо известны по многочисленным этнографическим материалам целой группы сибирских народов, населявших таежную, лесостепную и отчасти степную зоны, — обских угров, самодийцев, отдельных тюркоязычных групп. В течение года с ним обращались, как с настоящим родственником, кормили, советовались, укладывали спать. По истечении положенного срока после поминок «иттерма» помещали в маленькие домики, шалашики и поджигали, либо относили в лес, погребали в курганах или уничтожали каким-либо иным способом. Правда, все ныне известные куклы «иттерма» были много меньше манекенов туно-сарматского времени, сделанных в натуральную величину, внутрь которых помещали мешочек с прахом, собранным на месте сожжения тела покойного. II—I вв. до н. э. Шестаковский могильник. Ачинско-Мариинская лесостепь. Раскопки А. И. Мартынова МА ИАЭГ СО РАН

26

Рис. 26. Деревянные ножны, слева и в центре — с вложенным в них кинжалом

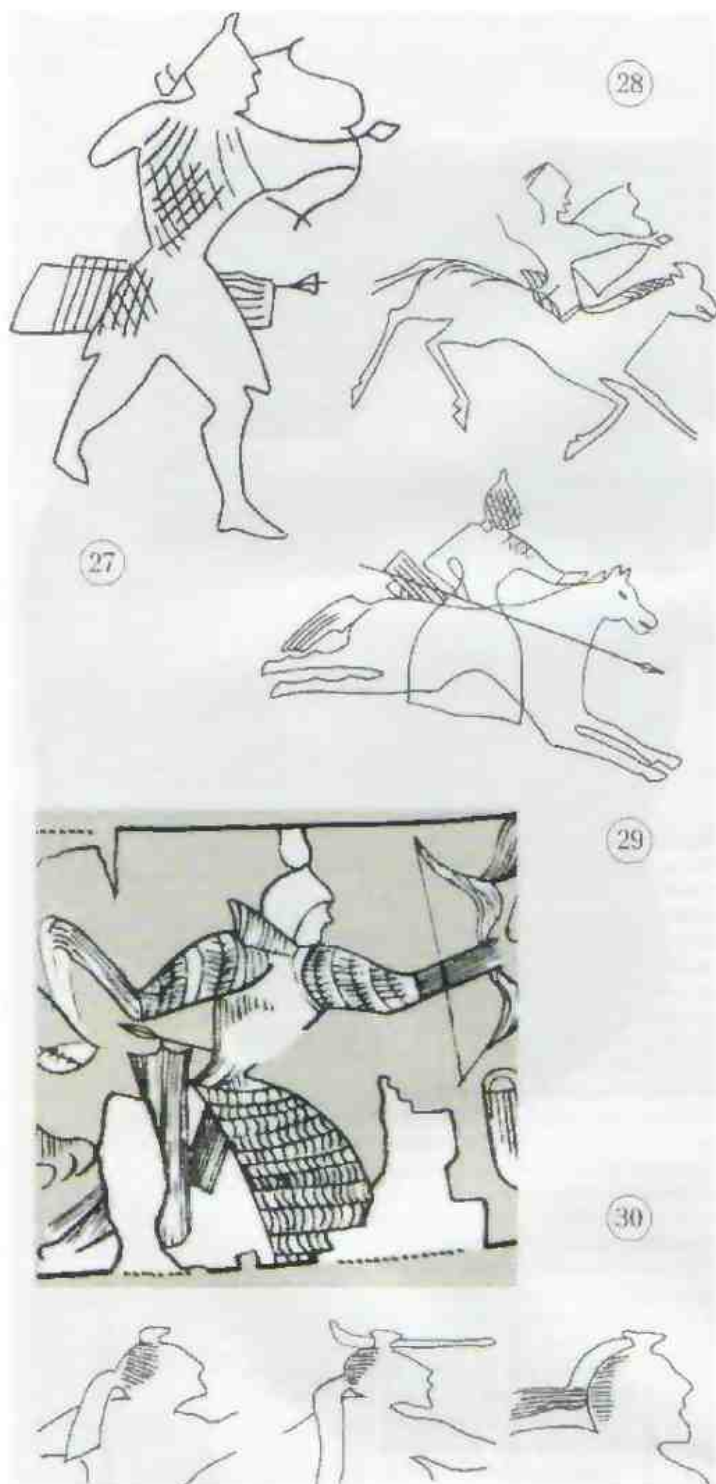

Рис. 27. Штриховка корпуса воина в косую сетку указывает на чешуйчатое строение его доспехов. Гузно-сарматское время. Нодкаменская писаница. Средний Енисей

Рис. 28. Конный таштыкский стрелок в коническом шлеме с кистью держит свое оружие в характерной для стрельбы из скифского лука манере. Гузно-сарматское время. Нодкаменская писаница. Средний Енисей. По Л. Р. Кызласову

На тенсейских планках есть и легковооруженные воины. Некоторые из них, раскрасив торе, вступают в бой обнаженными но нояс. Такая боевая раскраска являлась не только общеплеменным знаком, средством личной защиты от вредоносной вражеской магии, но и приемом мощного психологического воздействия на неприятеля. Несмотря на некоторые ее общие принципы, она была глубоко индивидуальна и несла максимум информации о её обладателе.

На нервный взгляд, рисунки на телах воинов, воспроизведенные на тенсейских дощечках, изображают разнообразные растения. На самом же деле они повторяют строение мышц человеческого торса — груди и брюшного пресса. Но-видимому, такая контурная обводка не только магически увеличивала мускульную силу, но и действовала более прозаически — подчеркивая объем мышечной массы, психологически «давила» на врага.

Подобные приемы широко применялись в те далекие времена. Так, на границах Древнего Рима «полуголые» отряды разрисованных варваров сотрясали устои империи. Да и сами римские легионеры (как и греческие гонлиты, македонские фалангисты эпохи эллинизма, этрусские, самнитские воины и многие другие) не считали зазорным лишней раз «впечатлитель» неприятеля подчеркнутой «демонстрацией» физической мощи. Для этого они использовали так называемые «анатомические» доспехи, объемно воспроизводившие рельеф развитой мускулатуры человеческого торса.

Рис. 29. Изображение воина на камне таштыкского «чаа-гаса». Доспехи воина относятся к типу «длиннополого халата». Косая сетка на голове и плече всадника служит указанием на то, что эти латы были чешуйчатыми. III—V вв. Минусинская котловина. Хакасия

Рис. 30. Фрагменты плашки из могильника Тенсей. Воин облачен в ламинарные доспехи, собранные из лепт. III—IV вв. Минусинская котловина. Хакасия. По М. П. Грязнову

Рис. 31. Таштыкские воины часто стягивали длинные волосы в пучок на затылке. Существовали и другие прически. Иногда волосы сбрасывались на висках, коротко подстригались на затылке, а длинные пряди на темени заплетались в косу. В другом случае полосы на затылке не стриглись, а перехватывались в виде «хвоста». На темени волосы также заплетали в косичку и прятали в специальный мешочек, который завязывался ремешком у самых корней волос и прикалывался булавкой. Фрагмент плашки из могильника Тенсей. По Э. Б. Вадецкой

Рис. 32. Тяжеловооруженный ташкентский воин. Он одет в ламинарные доспехи (а), собранные из кожаных колец. Ноги воина закрывает длинный подол (б), связанный из панцирных пластин, у пояса с бронзовыми позолоченными накладками (в) висят колчан (г), сшитый из тиспеной кожи, и длинный железный палаш (д). Голову закрывает островерхий шлем (е) с полями (ж), а спину — двучастный раскрашенный щит (з) типичных для ташкентской культуры размеров. В руках — лук скифского типа (и). III—IV вв. Реконструкция по изобразительным материалам ташкентской культуры. Ташкент, Ташеба

Кулайская культура в гунно-сарматское время

(II в. до н. э.—V в. н. э.)

Незаметно для себя жители среднего течения Оби перешли и гунно-сарматскую эпоху. Все, на первый взгляд, осталось по-прежнему. Катилась свои воды Большая река. Ходили на промысел таежные охотники и рыбаки. Кулайские удалы совершали набеги на южных соседей, дабы потешить свое тщеславие, добыть невест, «себе чести, а князю славы». Жизнь шла своим чередом.

Вот только болота становились обширнее, лето холоднее, зима студеной, а таежные речки ностененно скудели рыбой. Охотничьи угодызатягивались тонью, зверь нокинул их, а следом за ним отравились и охотники. Все чаще обнажалось оружие н схватках за добычу и при дележе промысловых угодий. Военная напряженность в тайге росла. Нервные отряды наиболее энергичных кулайцев двинулись на юг вдоль берегов Большой реки. Начало нового этана в жизни кулайского населения Среднего Приобья совпало с историческим рубежом гунно-сарматской эпохи. С конца III века до н. э. исход населения из Нарымского Приобья принял характер постоянной миграции. И даже новое потешение климата, наступившее в конце I-го тысячелетия до н. э., не оставило этого потока.

Некоторые исследователи образно сравнивают быстрое концентрическое распространение кулайской культуры со взрывом, волны от которого прокатились во всех направлениях. И действительно, хорошо вооруженные отряды, покинув свою историческую родину — Томско-Нарымское Приобье, — устремлялись по акваториям рек во все стороны, куда только могли проникнуть их верткие челны. Кулайцы заняли территории Нижнего Приобья, достигнув Обской Губы и низовий реки Таз, пробрались на северный Урал и распространились почти по всей таежной полосе. На юге они, оставляя после себя хорошо укрепленные городища и культовые места, но ленточным борам вдоль Оби дошли до предгорьев Алтая. Вскоре кулайцы уже обживали берега Телецкого озера.

Рис. 33, а, б. Шлемы из Истяжского кладя¹⁶.

На боковой поверхности одного из них (а) хорошо видны фигурки фантастических зверей и орнамент, выполненные накладным золотом. Кованый конический колпак и широкая лента тудьи соединены коническим кольцом шириной 3 см.

Ноперечные швы на заклепках усилены подложенной изнутри железной полосой.

У второго шлема сохранилась лицевая пластина с папосником (б). I—II вв. Тобольск. ИИАМЗ

34

Рис.34. Бронзовая дичина, обнаруженная на берегу глухой таежной реки Нарабель. Ее головной убор отчетливо напоминает один из шлемов Истяжского клада. Обращают на себя внимание продольные полосы на щеках дичины, словно зачеркивающие лицо. Вероятно, здесь применен прием изображения умершего (подобно рисункам на оленных камнях), сохранившийся в шаманской практике современных народов Сибири — например, у тывинцев. Но другому предположению, эти линии не что иное, как боевая раскраска лица. II—IV вв. Нарабельский клад. Среднее Приобье. ТОКМ

35

Рис.35. Фрагмент изображения воина со стенки серебряного сосуда из Нальсентмиклоша. Такие шлемы, оказывается, были хорошо известны таежникам несколькими столетиями раньше. VII - IX вв. Венгрия

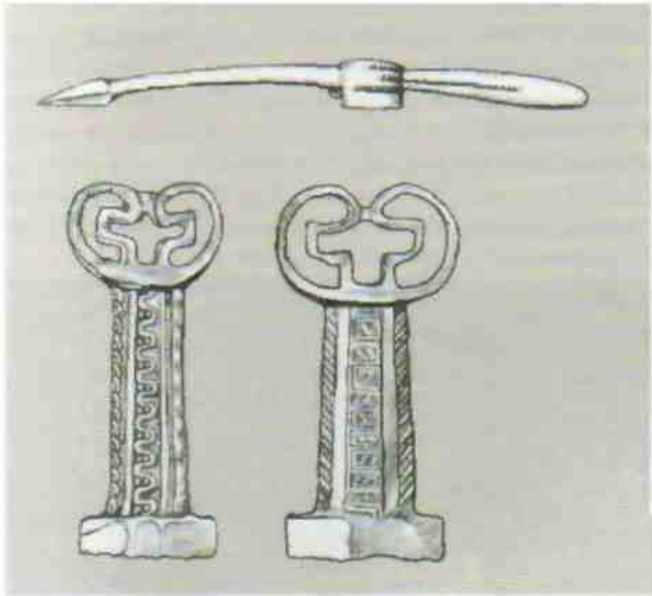
Это было достаточно мирное, ностененное заселение новых территории, залесенные участки которых не представляли сколько-нибудь большой ценности для скотоводческой хозяйства большереченцев. Внедрение в зону производящей экономики, видимо, облегчалось уже сложившимися к этому времени обменными отношениями между скотоводами и охотниками. За уступки в виде "принудительной аренды"- лесных прибрежных угодий бывшие их хозяева получали значительные выгоды при обмене. Думается, и военные союзы кулайцев и большереченцев¹¹, которые заключались в целях защиты от более грозного врага, в этой ситуации тоже были не редкость. Конечно, такие союзы особой прочностью не отличались и более наноминали зыбкое состояние полу ойны - полудружбы.

На новой территории таежные пришельцы по-прежнему продолжали возводить привычные укрепления, в былые времена предназначенные для защиты от набегов сородичей. Размеры городищ в это время существенно возросли. Если в V—II веках до н. э. площадь городищ была порядка 400- 1200 квадратных метров, то и последующие века она уже достигла 700—5500 квадратных метров. Появилась многоярусная оборонительная система, состоявшая из нескольких линий рвов и валов, усложнилась их конструкция. Зачастую в основание будущего вала помещался бревенчатый коробчатый каркас, который засыпался землей. Наружная (а иногда и внутренняя) его сторона дополнительно укреплялась от оползания деревянной обшивкой. На верху вала ставили деревянный тын. За счет отих нововведений высота подобных земляных валов увеличилась с одного до двух метров. Менялись и размеры рвов у подножья стен: глубиной они были уже больше двух метров, а шириной - до пяти метров. Вертикальные стенки некоторых рвов (Саровское городище, например), подобно валам, укреплялись деревянной оналубкой. Въезды в цитадель в ряде случаев прикрывались высокими закругленными площадками с бастионами. Круговой принцип расположения вала позволял обстреливать прилегающую ко рву местность практически во всех направлениях, крайне затрудняя атаку.

Рис. 36. Мир-сусне-хум - божественный всадник, следящий за порядком в мире, победитель зла, посредник между небом и землей. Птица — его неизменная спутница. III—II вв. до н. э. Могильник Каменный Мыс Новосибирское Приобье. НКМ

Рис. 37, а—в. Эта серия бронзовых кулайских изображений показывает иной тип таежного головного убора — пшвы, восседающей на темени. Литые фигурки в головных уборах и сами головные уборы могут быть связаны уже с тотемной шаманской атрибутикой. а - Лозьвинский клад, Москва. ГИМ; б — случайная находка в Тюменской области, по М. Ф. Косареву; в — III—IV вв. Холмогорский клад. Сургутский художественный музей

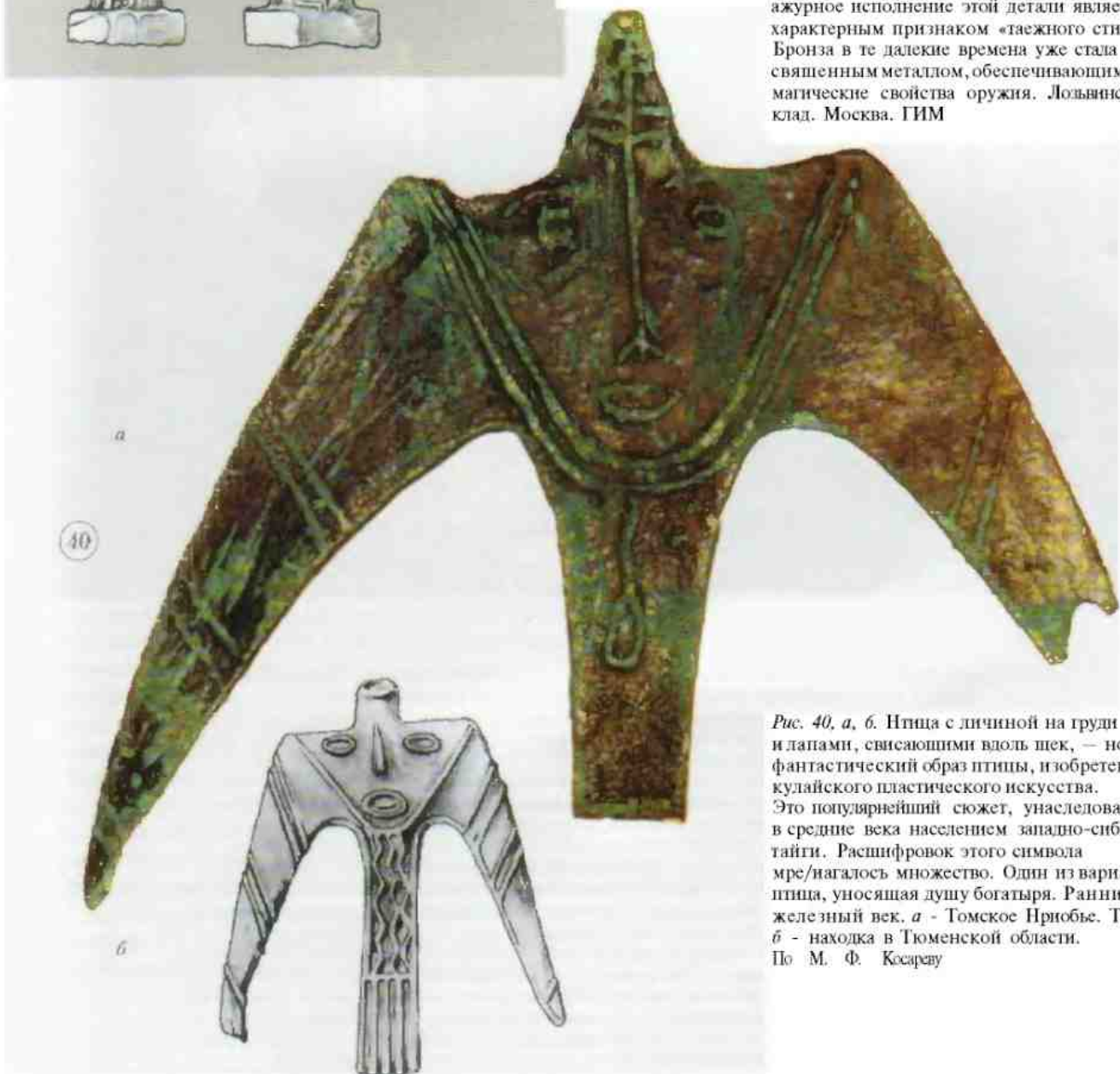

38

Рис. 38. Железные клеветы пришли на смену бронзовым, бесполезным в поединках с врагами, которые были защищены железными датами. Увеличились размеры бойков, их форма стала дуговидной. Эффективность удара возросла. Наравельский клад. ТОКМ

39

Рис. 39. Съемные рукоятки, отлитые из белой бронзы. Имеют прямые перекрестия и украшены типичным кулайским орнаментом, в основе которого лежит "уточка". В контуре навершия можно увидеть силуэт популярных в сарматском мире украшений рукоятки в виде дуги с поднятыми вверх и почти сомкнутыми концами. Однако ажурное исполнение этой детали является характерным признаком «таежного стиля». Бронза в те далекие времена уже стала священным металлом, обеспечивающим магические свойства оружия. Лозьянский клад. Москва. ГИМ

40

Рис. 40, а, б. Птица с личиной на груди и лапами, свисающими вдоль щек, — новый фантастический образ птицы, изобретение кулайского пластического искусства. Это популярнейший сюжет, унаследованный в средние века населением западно-сибирской тайги. Расшифровок этого символа мре/нагалось множество. Один из вариантов — птица, уносящая душу богатыря. Ранний железный век. а - Томское Приобье. ТОКМ; б - находка в Тюменской области. По М. Ф. Косареву

Остается лишь удивляться энергии таежников, соорудивших столь внушительные крепости. А ведь одновременно им приходилось строить жилища и добывать продукты питания. Не забудем, что производилась эта огромная работа малыми силами. По современным расчетам, число обитателей кулайского городища не превышало ста человек.

41

Рис. 41. Древние традиционные общества остро ощущали свою связь с природой. Иные миры, в которых обитали божества и духи, куда уходили усопшие сородичи, тоже мыслились как миры природные, хотя и отличались от того, где жили люди. Отсюда легкость превращения духа умершего в природные объекты, а также многообразие форм их воплощений — в камнях, растениях, животных. Границы между мирами не были закрытыми, и, по представлениям обских угров, человек мог случайно попасть в мир инобытия, а ушедшие туда предки, ставшие духами, могли на время вернуться обратно. Их пребывание в мире живых отмечалось некоторой необычностью во внешности, а порой и зооморфными чертами. Человеческие коллективы всегда стремились посредством различных обрядов и церемоний к установлению ритуального контакта с предками-покровителями, ибо от них в немалой степени зависело благополучие самого рода. Поэтому регулярные встречи с духами-предками, которые осуществлялись в определенных местах и строго регламентировались ритуалом, во избежание опасного внедрения в свой мир враждебных духов, были непременным условием существования традиционного общества западно-сибирских аборигенов. Эти контакты осуществлялись в глухих урочищах — тотемических центрах. Неведение предков, которые представлялись в мифах существами зооантропоморфными, воссоздавалось в пантомиме ряжеными участниками обряда как подражание поведению животного ипостаси предков. Отдельные архаические черты таких церемоний, некогда разыгрывавшихся в таежных урочищах, сохранились в драматургии медвежьего праздника

Кстати, строительство укрепленных городищ тоже говорит в пользу того, что продвижение кулайцев менее всего напоминало хищную агрессию, ибо свидетельствует о пассивной, оборонительной тактике поэтапного проникновения на территорию сильного соседа. И проникновения лишь на земли, в которых сам сосед не слишком был заинтересован. Хотя кулайцы на своей родине в Нарымском Приобье в небольших количествах разводили лошадей, вряд ли они могли оказать серьезное сопротивление хорошо обученным всадникам традиционной скотоводческой культуры.

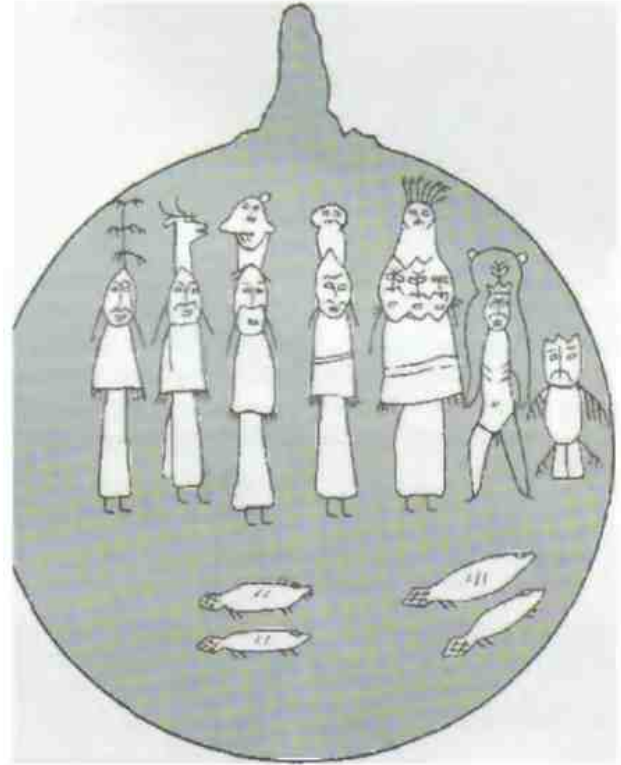
На рубеже эр из тайги покатилась вторая волна кулайских переселенцев. Минувшая нынешнее Новосибирское

Приобье, они все дальше продвигались на юг. Эта миграция сильно облегчалась политическими событиями в Центральной Азии и появлением в Южной Сибири и горах Саяно-Алтая конных отрядов хуннского военного союза. Больше реченцы пока не интересовались любопытными таежниками, снующими на юрких лодочках по протокам вдоль ленточных боров и возжигающих своим таинственным лесным духам костры па высоких мысах. Гораздо важнее для них было защититься от хуннов участки родовой территории, наиболее благоприятные для скотоводства.

Арсенал кулайских воинов по-прежнему включал в себя мощные бронзовые и железные втульчатые топоры, короткие копья и дротики, железные кинжалы и луки с разнообразными костяными и бронзовыми наконечниками стрел. Доспехи пока не претерпели особых изменений. Но, по мере более тесного знакомства с оружием южан, пришлось усовершенствовать и свое собственное. Развитый пушной промысел и обменные связи позволяли получать в свои руки новейшие разработки оружейников кочевых и земледельческих культур.

Еще до исхода на юг кулайцам удалось сформировать оче пудачный комплекс вооружения, вполне соответствовавший особенностям лесных боев. Здесь так и остался невостребованным мощный лук хуннского типа, клинковое оружие всегда сосуществовало с различного рода топорами, а панцирь, хотя и был известен во всех своих вариантах, использовался только профессиональными воинами.

У саргатских воинов таежники заимствовали высокие конические шлемы, подобные тем, что защищали головы тяжело вооруженных всадников-сарматов. Представление о них дают изображения на стенах керченских склепов, сирийских фресках и... находки аналогичных шлемов в Среднем Приобье (Истяцкий клад). Их делали в форме простого конического колпака из железных пластин, свернутых в конические трубки, которые потом соединялись друг с другом методом клепки. Верх выковывался из одного куска, нижняя часть собиралась из нес-

42

Рис. 42. Бронзовая бляха с изображением зоантропоморфных духов-покровителей. Серия аналогичных изделий с процарапанными на поверхности изображениями происходит из Истяцкого клада и связывается некоторыми исследователями с защитным вооружением. II в. до п. э. - II в. п. э.

кольких частей. Вдоль нижнего края тульи пробивались отверстия для крепления бармицы. На лицевой части шлема присутствовали дугообразные вырезы для глаз, надбровья и длинный (около 9-ти сантиметров) наносник. Практически тождественную конструкцию боевого наголовья можно легко распознать на многочисленных бронзовых личинах кулайской культуры.

Ностенно нанцири, связанные из длинных роговых пластин, оказались вытеснены чешуйчатыми доснехами. Собирались последние из небольших металлических частей, напавших на мягкую основу. Такие доснехи набрасывались на плечи воина и завязывались на боках кожаными ремешками.

Клиновое оружие у кулайцев было очень популярно. Их короткие мечи в целом соответствовали техническим достижениям соседей и совершенствовались в соответствии с изменчивой модой стеного мира. Ковались они из железа и имели прямое перекрестье. Навершия выполнялись в форме кольца, разведенных вверх и в стороны от стержня рукояти усиков или половинки дуги с поднятыми вверх концами. В качестве используемого материала, но большей части, выбиралась бронза. Конструкция мечей указывает на воспринятое влияние кочевого мира, но влияние настолько переработанное, что кулайские мечи вполне можно считать оригинальными изделиями.

Рис. 43. Рыбинская личина. Поперек тульи конического шлема идет рельефная полоса, обозначающая металлический обруч. К нему прилеплены изображения двух птиц. Такие фигурки хорошо известны среди шаманских короп Среднего Приобья у самодийского населения (селькупов¹²). Боевой шлем на голове личины соответствует рангу вождя. Следовательно, перед нами редкое по информативности изображение военного предводителя, символика головного убора которого сочетает в себе воинские и шаманские регалии. В военных обществах того времени вождь нередко обладал как светской, так и духовной властью. Вторая половина I-го тыс. до н. э. Находка на берегу Суфги, левого притока р. Кети. МАЭС ТГУ

Сражения у людей описываемой эпохи происходили не только на земле. Успех военного мероприятия во многом зависел от способности вождя привлечь на свою сторону силы духов-покровителей¹⁴. В таежном мире быстро распространились воинственные культы, да и сами божества, по преимуществу, были так или иначе связаны с войной. Сталкиваясь на окраинах своего мира с южным воинством, таежники перенимали у них не только боевую технику, но и воинскую символику, переосмысливая ее в соответствии с собственными традициями.

Так была создана иконография основных персонажей ныне известного обско-угорского пантеона. Ночи все они имеют за плечами военное прошлое.

Кулайцы носили птицевидные головные уборы. Об этом свидетельствуют как рисунки на бронзовых зеркалах, так и плоские изображения личин. Эти «шанки» выполнялись в виде цельных фигур птиц, как бы сидящих на темени. Вероятно, некоторые из них могли быть чучелами настоящих птиц, прикрепленными к металлическому обручу. Эти головные уборы имели несомненный сакральный смысл и использовались в культовых церемониях, отзвуки которых дошли до нас в театрализованной части медвежьего праздника¹⁴.

Образ птицы с личиной на груди дожил ночи до наших дней. За многие сотни лет изобразительный канон сильно изменился. От схематичных плоскостных изображений Саровского этана кулайской культуры он прошел нуть к полным рельефным деталям, тщательно проработанным скульптуркам эпохи средневековья, воплотившись в XVII веке в стилизованные орнаментированные контурные фигуры. Изменился и смысл таких изображений. В конце концов, подобные птицы стали символом богатырской души. В таежной мифологии Птица — крылатый Каре (ханты), Рейтарн-уриц (манси) — является непременным спутником Мир-сусне-хума. Это божество в одной из своих иностасей превращается в гуся¹⁵.

Многочисленные легенды и сказания таежных народов воспевают подвиги богатырей. Могучая сила энического обобщения этих преданий и яркое образное слово позволяют мысленно восстановить обстановку тех лет. Ощущение постоянной военной угрозы наполняло тайгу. Вечерами на высоких обских мысах горели костры. Вокруг них собирались воины — «многочисленные прозябшие мужи с режущим железом с острым концом в руках», чтобы «созвать туда духов, живущих на сотнях возвышенных мысов, чтобы созвать туда лесных духов... и просить снинную силу и... брюшную силу» (героический эпос обских угров). В бронзовых котлах кинело священное варево, а в берестяных коробах дымилась жертвенная нища — «мертвое жито и питающее жито» (там же). Здесь приносились кровавые жертвы. В глухих, сокрытых от случайного взгляда местах вытесывались из дерева воинственные кумиры. Перед кумирами «сдавались» жертвы, и «бесовские творились игральща», в вечерних сумерках разыгрывались целые «костюмиро-

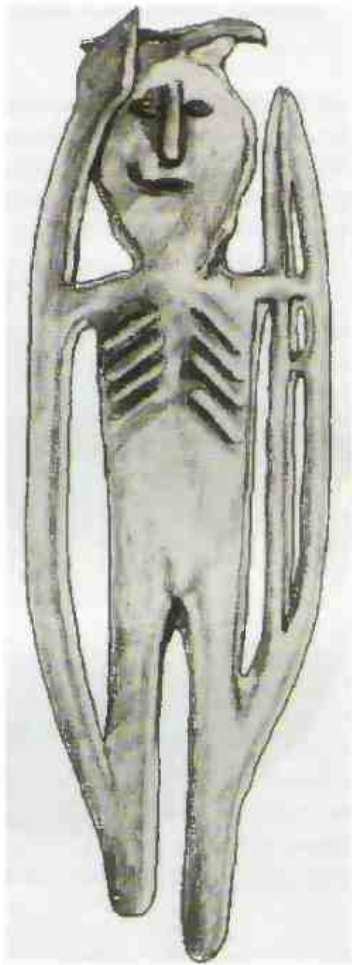

44

Рис. 44. Бронзовая бляха. Плоское литье. II—IV вв. Парабельский клад. Среднее Приобье. ТОКМ

ванные» представления с участием духов-предков, а под звон оружия исполнялись военные пляски. Сюда приносили трофеи и дорогие подарки. Из «священной» бронзы отливались фетиши. Еще совсем недавно она была обычным металлом, из которого делались оружие и доспехи. Но в бесчисленных сражениях этот цветной металл приобрел мистический ореол, превратился в залог непобедимости. Железо стремительно вытесняло бронзу из обихода, заменяя ее буквально во всех областях жизни. Однако его требовалось чем-то освятить. Век за веком, вплоть до эпохи позднего средневековья, кулайцы, готовясь к войне, старались обеспечить магическое превосходство своего — уже железного — оружия, изготавливая для него роскошные бронзовые рукояти.

Куланские воины долго были верны традициям ближнего боя, развившимся в таежных сражениях, то есть в условиях ограниченного пространства и видимости. Чтобы победить, они должны были уметь вести схватку в тесноте¹⁶, мгновенно уходить от удара, уклоняться от брошенного из засады коня, вынужденной из чащи леса стрелы. Все это самые обыкновенные сюжеты таежных преданий. Едва услышав шорох тетивы, кулаец мгновенно приседал, подпрыгивал или делал кувырок в сторону. Он обладал почти экстрасенсорными способностями.

45

Рис. 45. Эта бронзовая скульптурка позволяет судить об экипировке легковооруженных кулайских воинов. В одной руке металлического человечка большой дугообразный лук, в другой — короткое копье. На обнаженный торс нанесена анатомическая раскраска. Скелет очень часто изображался на одеяниях сибирских шаманов. Согласно древним мистическим представлениям, распространенным среди представителей охотничьих культур, жизнь живых существ концентрируется в скелете, и кости символизируют некое исходное начало животной жизни — тот каркас, на который вновь нарастает плоть. Люди мистически возрождаются к новой жизни, начиная с костей, они не «рождаются снова», а оживают, их скелеты обретают новую плоть. В данном случае скелетированное изображение груди означает, что персонаж перенес мистическую смерть и возрождение и не принадлежит более к миру людей. Частичное скелетирование в традиционном антропоморфном искусстве — будь то остров Нахчи, Северная Америка, Африка или Сибирь — означает присутствие в нездешнем мире, то есть указывает на смерть мистическую или реальную. В последнем случае эта деталь могла просто сообщать о принадлежности фигурки к кругу духов-предков. Обращает на себя внимание прическа воина, напоминающая аналогичные прически таптыкских воинов с тепсейских пластинок и даже... янонских войной эпохи раннего средневековья.

Тажный воин был необыкновенно вынослив и быстроног. Если стенняка снасал верный конь, то кулайцу оставалось надеяться только на силу своих мышц и крепость ног. Вот как в фольклоре подчеркивается скорость их бега — «когда богатырь бежит, шест, привязанный к его поясу, постепенно поднимается до горизонтального состояния и даже задирается вверх». Конечно, это поэтическая метафора, но скорость передвижения и выносливость таежных охотников вызвали удивление путешественников еще в XIX веке.

С кулайской культурой связаны настоящие школы боевых искусств. Судя по всему, именно в кулайское время были заложены основы той бросковой и ударной техники руконашной схватки, сведения о которой содержатся в устной традиции.

Тем не менее, на открытых лесостенных пространствах таежникам приходилось нелегко. Здесь они, как показывают раскопки могильников, зачастую становились простой мишенью для конных лучников. Поэтому кулайцы старались избегать прямых столкновений с саргатскими воинами, предпочитая внезапные набеги и нападения из засад. Быть может, для борьбы именно с такими отрядами хорошо вооруженных и тренированных неших воинов создавали саргатцы свою бронированную конницу. Есть основания предполагать, что летом каких-либо активных военных действий кулайские дружины в лесостени не предпринимали. Зато позднее, когда вынадал снег и бронированная кавалерия теряла свою подвижность, для саргатского населения наступал настоящий зимний кошмар. В вихре снега появлялись одетые в латы таежные лыжники. Летели стрелы с наконечниками невиданных размеров, от кулайских коний не было спасения. И лишь обледенелые крепостные стены да плотно сомкнутый строй катафрактариев могли остудить воинственный пыл пришельцев.

Саргатские воины, столкнувшись с таким противником, были вынуждены увеличивать мощь своих луков. С III века до н. э. некогда цельнодеревянный лук саргатских всадников усиливается роговыми накладками. К I веку до н. э. он превратился в оружие типично хуннского типа. Вместе со старым оружием вышли из употребления бронзовые втульчатые наконечники стрел. Железные проникатели видоизменились. Они приобрели солидные лонасти и стали гораздо массивнее.

Широкое распространение железа и развитие кузнечного ремесла вызвали значительный качественный скачок в оружейном производстве. Свойства этого металла в полной мере были реализованы в защитном вооружении. Громоздкие роговые нащипы исчезли за ненадобностью — они сильно ограничивали свободу движения и были тяжелыми. Саргатские оружейники пытались комбинировать различные материалы, но постепенно рог был окончательно вытеснен коваными железными пластинами.

Рис. 46. Кулайский шаманский вождь. Одет в «священные» бронзовые доспехи (а) и позолоченный конический шлем (б) с бармицей. Подобный головной убор уже сам по себе является знаком очень высокого социального ранга. Надетый поверх него обернутый тканью металлический обруч с изображениями птиц (в) символизирует силу его обладателя. В руках у вождя еще один атрибут светской власти — пара коротких мечей (г). Могучий воинский фетиш — трехглавая птица (д) — защищает его грудь. Пояс с пахитыми ажурными бляхами (е) (па пих — образы животных) также является знаком власти и, одновременно, магическим оберегом. К нему подвешены бронзовый втульчатый топор-кельт (ж), камешный оселок (з), медвежий клык (и), сумочка с походными принадлежностями (к). Завершают вооружение закиннутый за спину колыч (л) со стрелами, короткое трехлопастное копьё (м). На лице раскраска (н). Реконструкция по материалам «кладов» Нижнего Приобья

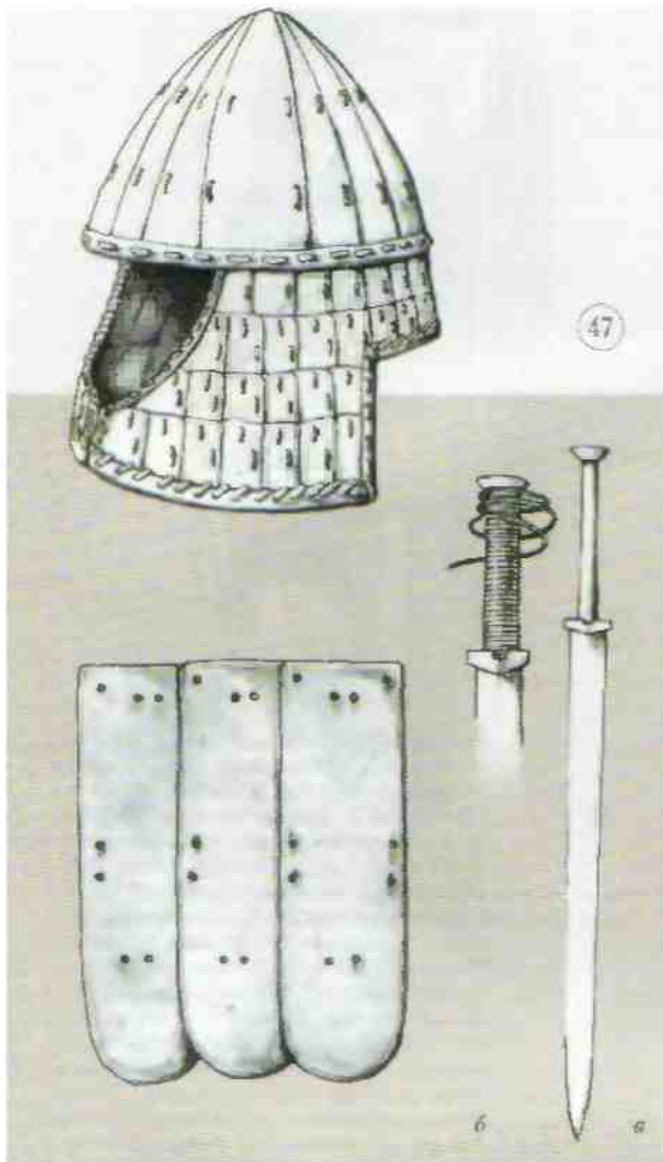

Рис. 47. Саргатский шлем, связанный из кованых стальных пластин и снабженный чешуйчатой бармицей. Такая система защиты затылка, по сравнению с предшествовавшим ей стоячим воротником, не закрывала обзор. II—IV вв. Реконструкция по материалам Исаковского могильника

Модернизировался проверенный временем принцип набора панцирей из небольших отдельных звеньев. Новый материал, позволивший ковать непривычно тонкие пластины, привел к массовому распространению железных ламеллярных доспехов и появлению различных вариантов их кроя. Чуть позже латники уже использовали доспехи, сочетавшие в себе чешуйчатый и ламеллярный принципы бронирования. Мелкие панцирные пластины их латных нагрудников еще пришивались одним концом к мягкой подкладке. Но другие их концы при этом плотно связывались между собой внизу, образуя очень прочное покрытие, недоступное для оружия скифского типа. Составленный из длинных узких железных пластин шлем, одетый на мягкий подшлемник, хорошо защищал голову от удара чеканом и даже клинком. Бронированный стоячий воротник из аналогичных пластин, прикрывавший затылок и шею воина, вскоре сменила бармица, набранная из сплетенных между собой металлических чешуек (то же самое происходило и у народов смежных культур). Ее подвязывали к нижнему краю тульи шлема. Корпус воинов охватывал широкий боевой пояс, украшенный бронзовыми или золотыми прямоугольными бляшками.

Технология изготовления клинкового оружия значительно усовершенствовалась. Мечи теперь ковались из так называемого «пакетного металла» — то есть из нескольких (до двенадцати) слоев стали. Форма их тоже заметно изменилась, и ныне известные саргатские клинки первых веков нашей эры очень напоминают центральноазиатские аналоги. Видимо, это оружие было просто экспортировано сюда, равно как и монеты, египетские статуэтки и римские фибулы, нередко встречающиеся археологам в саргатских памятниках.

Вообще, арсенал саргатской культуры на заключительном этапе её существования все более приобретает центральноазиатские черты. Связано это с мощным хуннским влиянием. Судя по материалам раскопок, саргатцы в конце концов нашли с хуннами общий язык и влились в состав ползущих на запад орд. Не пожелавшие покинуть родные места домоседы (таких было меньшинство), перемешавшись с кулайцами в брачных союзах, стали одним из тех кирпичиков, из которых собирались новые — уже средневековые — археологические культуры.

Рис. 48. Железные пластины саргатского панциря отличаются вытянутыми пропорциями. Они пазовались на мягкую основу через отверстия в своей уплощенной части, а потом крепились между собой и тканью основы через все остальные отверстия. Могильник Сидоровка. Но В. И. Матюшенко

Рис. 49, а, б. Рукоять этого экспортного меча с бронзовым перекрестием и навершием в виде воронки (а) в свое время обматывалась плетеным шнуром (б) или акульей кожей

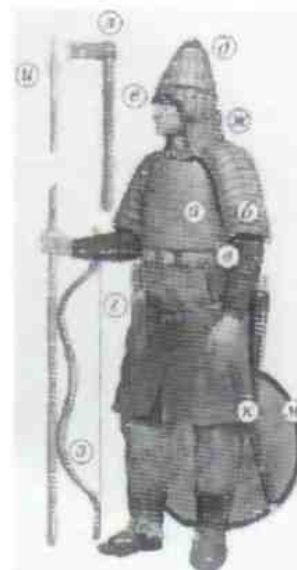

Рис. 50. Знатный саргатский воин. Его туловище закрыто чешуйчатым железным папширем (а). Руки по локоть защищают пабрапные из кожаных и металлических пластин ошлеция (б). Их звенья соединены друг с другом по принципу хитипового рачьего папширя. Латы дополнительно притянуты к корпусу широким боевым ремнем (в), покрытым ажурными зодотыми пластинами. С правой стороны к поясу подвешен железный кинжал с прямым перекрестием и павршием, украшенным черной бусиной (г). Но голове война связаный из металлических пластин шлем (д) с прикрепленным изнутри мягким подшлемником. Острые края его основания обшиты кожаной лептой (е). Еще один защитный элемент — высокий стоячий воротник (ж). Вооружены были саргатские латники большим луком хупского типа (з), из которого они обстреливали противника па первом этапе сражения. При сближении с врагом всадники паносили мощные удары своими копиями (и). Если перприятель после этого не обривался в бегство, в дело шли меч (к) и топор (л) па длинной рукояти. Использовались саргатскими воинами и кожаный щит (м). При копном атаке с конем паперевес оп забрасывался за спину. II—IV вв. Реконструкция по материалам Сидоровского и Исаковского могильников. Омское Прииртышье

Глава 5

Потомки серой волчицы

В 552 году в Центральной Азии родилась огромная кочевая империя — Первый Тюркский каганат. Не остались в стороне от его кровавой истории и просторы Сибири — долины Алтая и Минусы, Приобское плато, глухая южная тайга вместе со всем населением. Двадцати лет тюркскому государству хватило, чтобы стать влиятельнейшей евразийской державой с границами, протянувшимися от берегов Хуанхэ на востоке до Северного Кавказа и Керченского пролива на западе. Ее правитель, каган Истеми, установил равноправные политические и торговые отношения с «владыками мира» того времени — Византией, сасанидским Ираном и северокитайскими царствами. Северное Ци и Северное Чжоу фактически превратились в данников каганата. Ядром нового законодателя мировых судеб был «*тюрк*» — народ, сложившийся в глубине алтайских гор.

Согласно легенде, древние тюрки ведут происхождение от мальчика — потомка «отдельной отрасли Дома Хунну». Когда все его сородичи оказались перебиты воинами из соседнего племени, мальчика с отрубленными руками и ногами враги бросили умирать в болото. Здесь калеку нашла и выкормила волчица. Одним из детей выросшего мальчика и волчицы был Ашина — «человек с великими способностями». Его потомок Асянь-шад переселился на Алтай. На новом месте пришельцы смешались с местным населением и образовали новый народ — тюрк, правящим родом которого стали Ашина. Потомок Асянь-шада Бумынь (в другой транскрипции, Тумынь) и основал Первый Тюркский каганат.

По другому преданию, предки тюрков происходят из племени Со, обитавшего некогда на севере от хунну. У его главы Апанбу было 70 братьев (по другой версии — 17). Самый старший из них, Нишиду (или — Ичжинишиду), родился от волчицы и обладал выдающимися способностями. Под стать ему были и жены — дочь лета и дочь зимы. Дочь лета родила ему четырех сыновей, и один из них — Нодулу-шад, принявший имя Тюрк, — правил в горах Басы-

Рис. 1. Долина р. Катунь - столбовая дорога кочевых цивилизаций

Рис. 2. Тюркская баба. Когда-то такие каменные скульптуры усатых мужчин с сосудом в руках украшали горные степи Алтая, Тывы, Монголии и Семиречья. Как правило, талии их охвачены поясами с подвешенным к ним оружием. Ставили их у небольших каменных оградок. Нередко близ них располагались пепелки вертикально врытых камней — балбалов. Считается, что эти скульптуры - изображения предков-покровителей тюркского народа. Каменные бабы, одетные камни и бронзоволистые кумиры западно-сибирской тайги имеют одну общую черту. Всем этим изображениям полагалось оружие: выбитое на камне - у степных кочевников, и настоящее - у таежников. У тюркских скульптур левая рука прижата к поясу - знак уважения, распространенный у многих народов Сибири и Центральной Азии. Скульптура как бы передает или принимает сосуд. Чем наполнен этот сосуд, пока неясно. Возможно, священным питьем, аналогичным тому, что ставилось перед изваянием. Размер 150x45x20 сантиметров. VII—IX вв. Левый берег р. Актру, Горный Алтай. МА ИАЭТ СО РАН

чусиши. У Нодулу было 10 жен, и сын Ашина - от младшей из них. После смерти отца унаследовать его власть должен был тот из сыновей, который выше всех вспрыгнет на дерево. Это удалось сделать Ашиине. Став вождем, он припаял имя Асянь-шад.

Вся история каганата полна войн и междоусобиц. Его территория была слишком велика, а население чересчур разнородно, чтобы государство твердо держалось на ногах. Каганат ожидала судьба всех империй древности, созданных силой оружия и не спаянных общностью хозяйственной жизни, империй, которые, начиная с державы Александра Великого, ненадолго нереживали своих создателей. В 581 году великая держава развалилась на два враждующих и неустойчивых объединения - Западный (с центром в Семиречье) и Восточный (с центром в Монголии) Тюркские каганаты. Последний быстро пришел в упадок и в 630 году пал под ударами армии китайской империи Тан, Западный Тюркский каганат еще

20 лет сохранял свое господство в Средней Азии, но в 651 году и его основные силы потерпели поражение от китайских войск. Правда, покой на границах «Поднебесной» продолжался недолго. Бесконечная череда волнений и восстаний привела через сорок лет к появлению еще одного могущественного государственного образования — Второго Тюркского каганата во главе с правителем Ильтересом все из того же рода Ашина. Вскоре каганат распространил свою власть на земли Забайкалья, Семиречья, Маньчжурии. Территории Алтая и Тывы теперь составили лишь северную его окраину.

Наивысшего расцвета государство достигло во времена правления Бильге-кагана (716–734 гг.). Тюрки разгромили сначала китайских союзников, а потом и сам Китай, который после этого был вынужден согласиться на мир с могучим победителем и вынудить его дани. Однако после смерти Бильге среди его наследников началась борьба за престол. В 744 году был убит последний

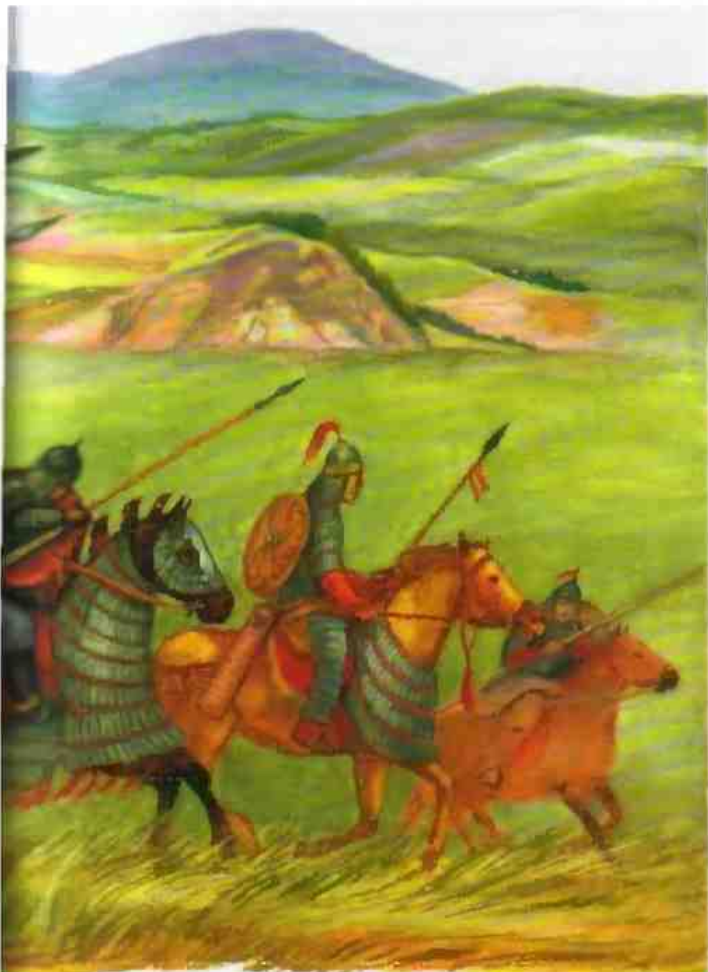
правитель каганата Озмиш, и Второй Тюркский каганат прекратил свое существование. На его месте возник Уйгурский каганат (745—840 гг.).

Но, потерпев поражение, тюрки не исчезли с исторической арены. Часть населения Горного Алтая, его степных предгорий и Центрального Казахстана откочевала на север в западно-сибирские лесостепи (Обь-Иртышское междуречье, Приобье), где внесла свою лепту в сложение *сросткинской культуры* и значительно повлияла на развитие местных *верхнеобской, релкинской, усть-ишимской культур*. Другие, вместе с енисейскими кыргызами, участвовали в изнурительной войне с уйгурами (820—840 гг.), завершившейся разрушением уйгурской столицы, города Ордубалык на реке Орхон. Новый, уже Кыргызский, каганат включил в свой состав Алтай с предгорьями и земли на западе почти до Прииртышья. В середине X века под ударами монголоязычных киданей¹ енисейские кыргызы покинули территорию Монголии, сохранив за собой владения лишь в Южной Сибири — на землях Горного Алтая, Тывы и Минусинской котловины. Примерно к этому же времени относится последнее упоминание о древних тюрках в китайских династийных хрониках.

Влияние тюрков на исторические судьбы и материальную культуру народов Сибири и Центральной Азии было столь велико, что период господства Первого и Второго Тюркских каганатов археолога зачастую называют просто «*тюркским временем*». В это время целый ряд открытий кочевой культуры распространился по землям оседлого населения от востока Азии до Европы, и, в свою очередь, немалое число достижений земледельческого населения стало достоянием кочевников. В эпоху Первого Тюркского каганата были созданы руническая письменность, появились новые виды конской упряжи, одежды, оружия.

Крупнейшим событием в истории техники, во многом определившим облик эпохи, явилось изобретение жесткого каркасного седла и стремян. Резко расширились боевые возможности всадников, и возросла ударная мощь тяжелой кавалерии. Сидя в прочных седлах с жестким каркасом и упирая ноги в подножки стремян, наездники получили необыкновенную свободу движений, что немедленно привело к созданию новых типов оружия. Это не могло не сказаться на тактике ведения боя.

Седла скифского времени представляли собой две набитые шерстью и волосом подушки, соединявшиеся над хребтом лошади кожаной перемычкой. По краям, обращенным к шее и крупу лошади, они утолщались и украшались тонкими дужками и парными резными пластинами из дерева или рога. На спине животного такое седло крепилось с помощью подпруги, нагрудного и подхвостного ремней. Подобное устройство лишь незначительно снижало давление массы всадника и его амуниции на спину лошади. Кроме того, мягкое седло не давало ездоку опоры при встречном ударе.

3

Рис. 3. Все тяжелооруженные тюркские воины имели несколько луков и колчанов со стрелами для дальнего боя, длинные копья для атаки сомкнутым строем, мечи, палаши, сабли и топоры для действий в ближнем бою, арканы, боевые ножи и тяжелые плети, служившие вспомогательным оружием. Лошади и всадники защищались разноцветными, ярко раскрашенными панцирями, связанными как из отдельных металлических или кожаных пластинок, соединенных между собой ремнями, так и из сплошных кожаных лент

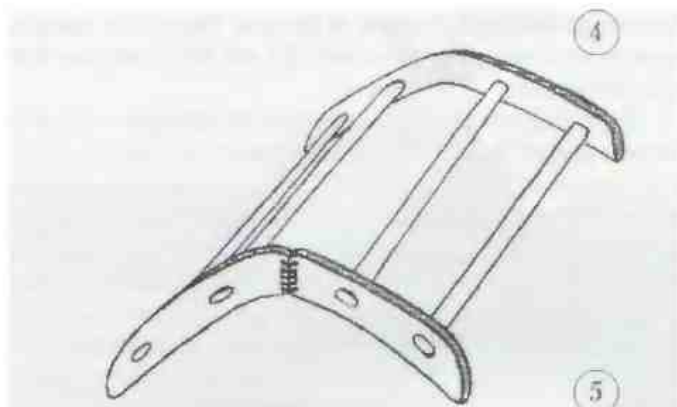

Рис. 4. Решетчатый каркас хуньского времени, предшественник жесткого седла. I в. до н. э. — I в. н. э. Могильник Пуйи-Ула, Монголия

На рубеже эр (I в. до н. э.—I в. н. э.) появились жесткие каркасы, состоявшие из двух узких дуг, которые соединялись между собой несколькими рейками. Мнения специалистов, высказанные по поводу назначения данных решетчатых каркасов, отличаются. По одной версии, эта конструкция была опорной частью вьючных седел, по другой — деревянные поперечины проходили внутри кожаных подушек, образуя основу мягкого седла. Во всяком случае, такой каркас можно назвать прямым предтечей жесткого седла.

На следующем этапе его создания место подушек заняли две доски, располагавшиеся по бокам лошади. С торцов они скреплялись широкими дугообразными луками, «выросшими», как считается, из декоративных деревянных накладок скифских седел. Луки опирались на спину лошади. Чтобы не мешать ее движениям, расстояние между ними старались сделать минимальным. Такое седло буквально зажимало седока, давало ему прочную опору и даже защищало от удара копытом в нах. Подобные приспособления для всадников хорошо известны по материалам Кореи и Японии IV—VI веков, где, вероятно, они и были изобретены. Преимущества этого изобретения очевидны — во-первых, обеспечивалась высокая посадка ездока; во-вторых, сидя в таком седле, всадник мог вполне успешно действовать копьём, не опасаясь при неверном движении слететь со своего скакуна. По садиться и такие седла-замки в длиннополной или бронированной одежде было крайне неудобно. Тогда с левой стороны седла появилась специальная подножка — прообраз будущего стремена.

В VI веке каркас еще более усовершенствовался. Продольные доски между луками увеличились по длине. Теперь луки уже просто ставились сверху на дощатую основу, которая приобрела характерную, с лопастью посередине, форму. Так вес всадника равномернее распределялся по седлу — соответственно, уменьшилось его давление на хребет лошади. Выступающие края досок позволили привязывать стремяна перед передней лукой,

Рис. 5. а—в. Скифское седло (ранний железный век). Резные медальоны на торцах седла (а), деревянные дуги (б), стеганые подушки, являвшиеся основой седла (в). Подушки покрывались войлоком, украшенным аппликациями в «зверином стиле». Урочище Пазырык. Горный Алтай. Санкт-Петербург. Эрмитаж

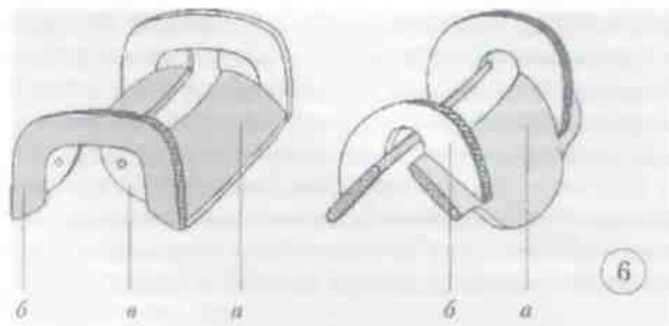
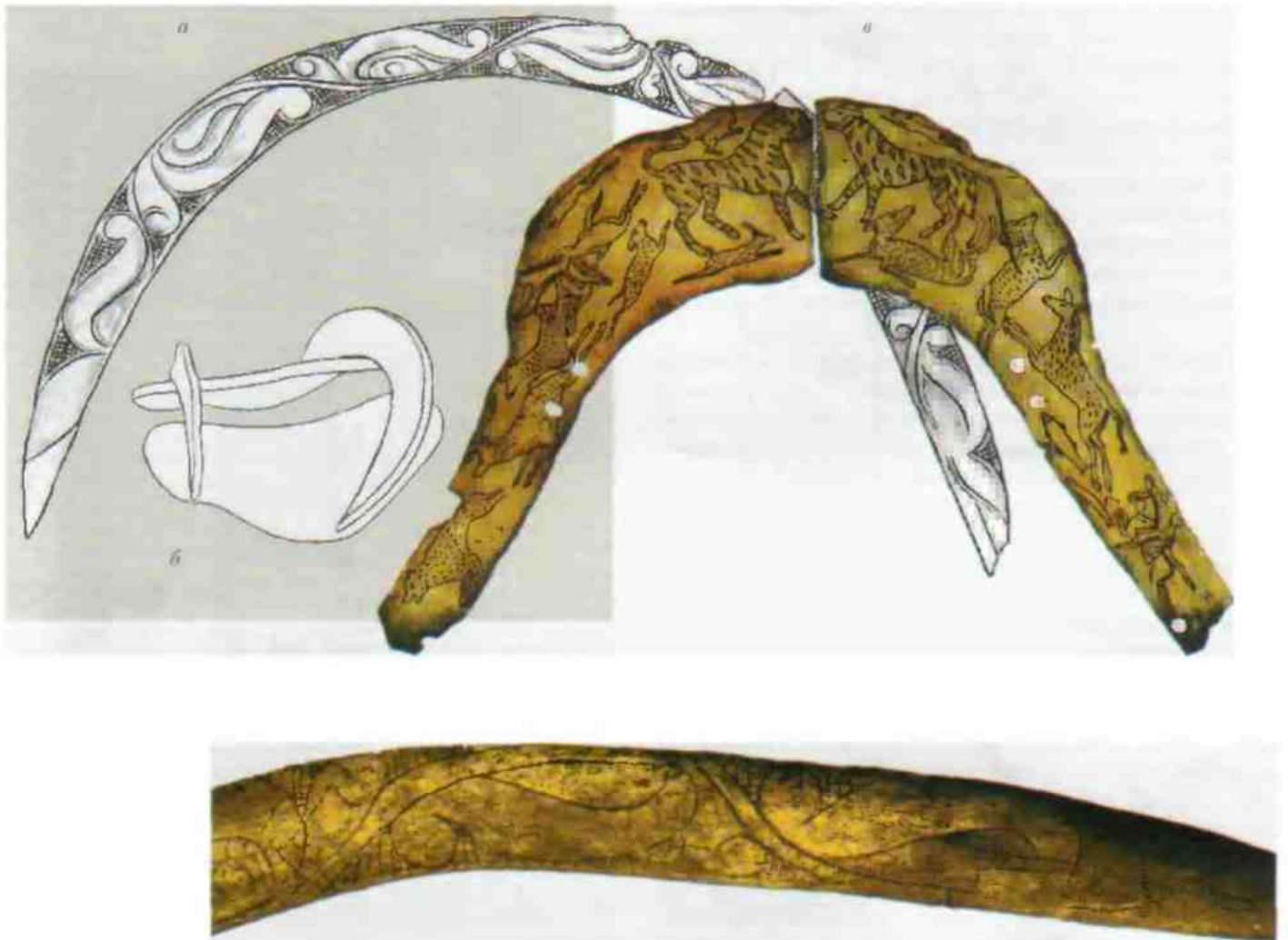

Рис. 6. а - в. Широкие плоские полки (а) лежат на боках лошади и «зажимаются» между высокими вертикальными луками (б). Под этими луками располагаются торцевые вставки (в). IV—VI вв. Реконструкция по материалам Юго-Восточной Азии

7

а не перебрасывать, как это было раньше, связывающую их веревку поперек седла. Чуть позже заднюю луку ставили уже под углом к горизонтали и делали ее, подобно передней, цельноструганной. Всадник получил возможность отклоняться и любую сторону, откидываться назад, легко спрыгивать на землю и, как говорят, «птицей взлетать» на коня. Подвижность кавалерии значительно возросла. Описанное седло впервые появилось где-то на границе оседлого и кочевого миров, в зоне контактов скотоводческих и земледельческих культур Северного Китая. Отсюда и началось его триумфальное шествие по всему миру.

Примерно в том же районе были изобретены и стремена. Сначала парные деревянные подножки выпиливались из деревянного прута и обкладывались железом или медью. Довольно скоро выяснилось, что деревянная основа не нужна. Пекоторое время стремена делались из плоских железных листов. Однако узкая пластина резала ногу, и поэтому подножка (нижняя часть стремени, на которую опирается нога) приобрела расплюснутую форму. Позднее стремена целиком отковывались из металлического прута.

Рис. 7, а–г. Задние луки седел древние тюрки делают наклонными и украшают их иногда роговыми накладками. Такие декоративные элементы могли покрывать обе луки или только одну из них: а, г - роговая составная накладка на заднюю луку седла. VII–VIII вв. Могильник Верх-Кальджин. Горный Алтай, Расконки В. И. Молодина, МА ИАЭТ СО РАН; б - реконструкция каркаса седла по материалам намятника Верх-Кальджин. VII–VIII вв. Горный Алтай. Расконки В. И. Молодина, МА ИАЭТ СО РАН; с - роговая накладка на переднюю луку седла со сценой охоты. VI–VII вв. Могильник Куларгэ. Горный Алтай. По А. А. Гавриловой. Санкт-Петербург. Эрмитаж

В кочевой среде Центральной Азии тюрки прославились, как «плавильщики», ибо в совершенстве владели мастерством добычи и обработки железа. Они наладили широкое производство стремян, и в VI веке стремяна распространились от Китая до восточно-европейских степей.

В жестком седле со стремянами всадник мог бить не только копьём, но и, свободно фехтуя, разить клинком в любом направлении и в любой плоскости. Новые условия боя вызвали к жизни появление и нового оружия. Каким же требованиям оно должно было соответствовать?

Прежде всего, следовало сделать клинок достаточно длинным и легким, чтобы кавалерист сумел доставать противника на максимально удаленном от себя расстоянии. Оптимальная точка удара прямым стержнем находится на расстоянии двух третей его длины от рукояти. Именно при таком ударе рука испытывает наименьшую отдачу. При неверном ударе сила отдачи настолько возрастает, что оружие вылетает из рук. Поэтому вплоть до самого последнего времени даже рационально сконструированные клинки снабжались темляками (петлями у рукояти).

Еще более эффективным оказался изогнутый клинок. Кривизна рабочей поверхности клинка позволила обе фазы удара — поражение и извлечение — проводить в один прием. Теперь даже прямой удар превращался в скользящий и захватывал большую поверхность.

Рубяще-колющее клинковое оружие, как самое совершенное средство ведения ближнего боя, стало к значительной степени показателем уровня развития военной техники. К сожалению, и памятниках древнетюркского времени такое оружие находят крайне редко, но на каменных изваяниях, так называемых «бабах», изогнутые клинки, вместе с ножами и кинжалами, — обычный атрибут воина.

В раннем средневековье на полях сражений господствовали палаши, а с VII—IX веков сабли — их изгиб возрастал. Мечи, характерные для вооружения воинов Первого Тюркского каганата, встречались все реже. При этом они становились более узкими и длинными — такая форма позволяла, кроме рубящего, наносить и колющий удар.

Рукояти палашей и сабель тюрки делали из деревянных пластин («щечек»). Навершия были довольно разнообразны: в форме кольца, металлического грибовидного колпачка, или утолщения на конце рукояти.

Ножны для клинкового оружия выдалбливались из двух деревянных половинок. Их шлифовали, а потом красили — как и в прежние времена, преимущественно, в красный цвет. Передко ножны обтягивали выделанной тонированной кожей, что придавало им более нарядный вид. Устье и само тулово ножен стягивались металлическими оковками. Между ними помещали две фигурные скобы, от которых шли ремешки или небольшие витые цепочки — с их помощью оружие крепилось к поясу.

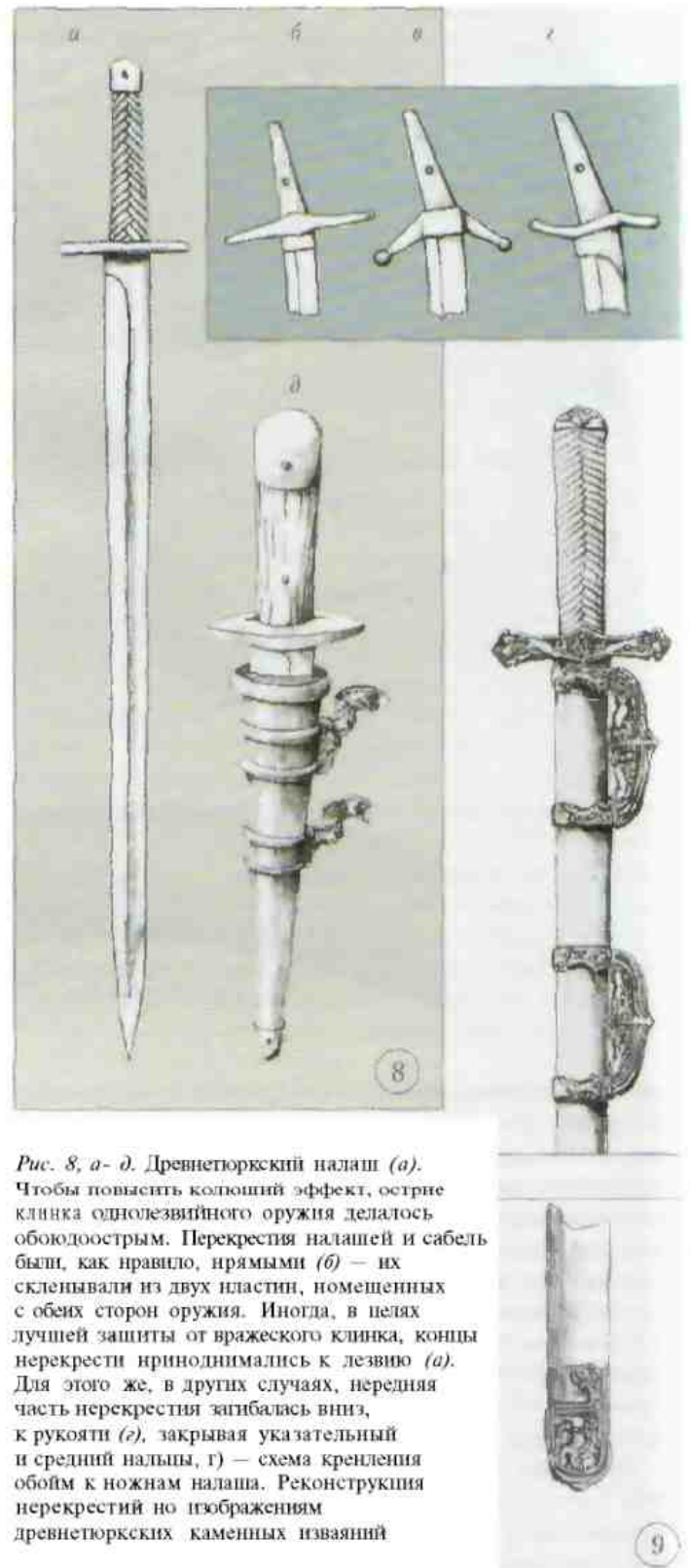

Рис. 8. а-д. Древнетюркский налаш (а). Чтобы повысить колющий эффект, острей клинка однолезвийного оружия делалось обоюдоострым. Перекрестия налашей и сабель были, как правило, прямыми (б) — их склеивали из двух пластин, помещенных с обеих сторон оружия. Иногда, в целях лучшей защиты от вражеского клинка, концы перекрестия приподнимались к лезвию (а). Для этого же, в других случаях, передняя часть перекрестия загибалась вниз, к рукояти (с), закрывая указательный и средний пальцы, г) — схема крепления обойм к ножам налаша. Реконструкция перекрестий по изображениям древнетюркских каменных изваяний

Рис. 9. Парадный налаш в ножнах с перекрестием и нортунейными скобами, украшенными фигурками животных и растительным орнаментом. Рукоять такого налаша, как правило, обтягивалась кожей. IX-X вв. Реконструкция по материалам могильника Сростки, Горный Алтай

Рис. 10. а, б. На этих древнетюркских скульптурах из урочищ Тото (а) и Кынчыл (б) Горного Алтая изображены воинские атрибуты - носяса и оружие

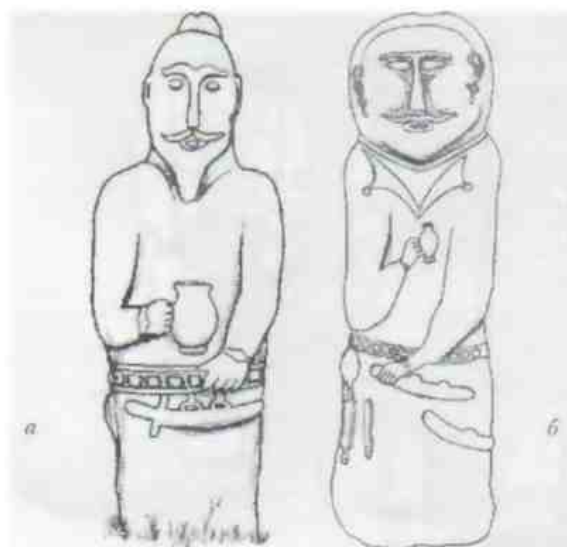
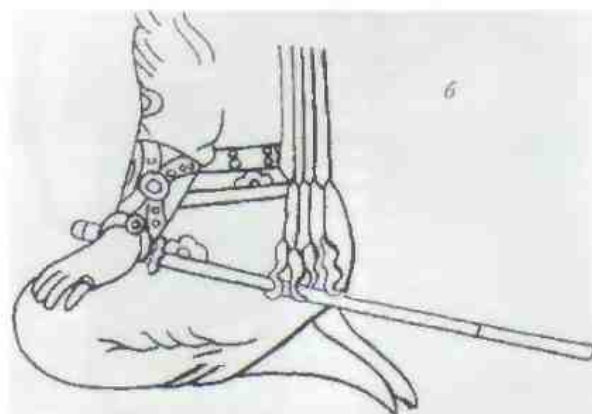
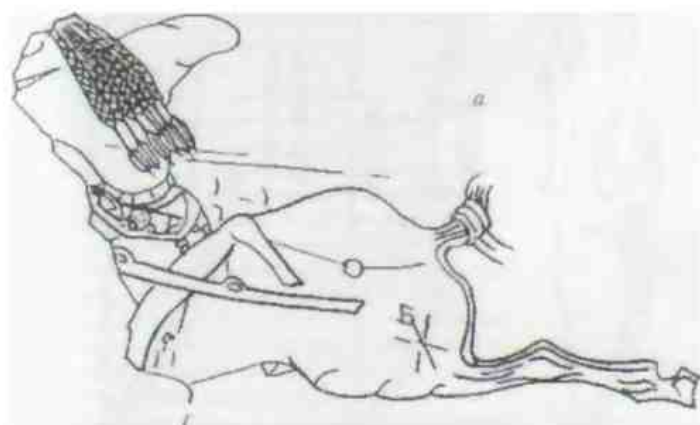
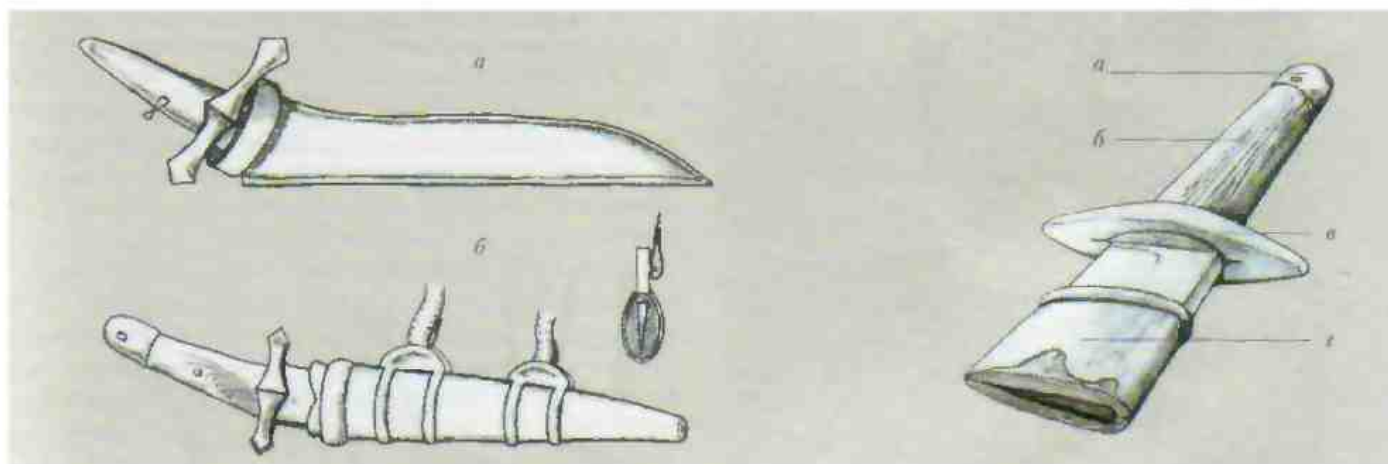

Рис. 11. а, б. Боевой коленчатый нож в ножнах. Способ ношения режущей стороной вверх, многие столетия спустя ставший характерным для шашек, позволял, извлекая нож, быстрее приводить его в боевое положение. Коленчатый нож имел сабельное перекрестие и кривое лезвие. К стержню рукояти металлическим штифтом приклеивались деревянные обкладки, верхний конец которых сжимался перекрестием. На нижний конец набивался металлический колпачок наверх. Деревянные ножны стягивались металлическими оковками и скобками. Идентичное устройство рукояти и ножен было у нагай и сабель, а - железный клинок VIII - первой половины IX вв. из Коленского чаа-таса, Южная Сибирь; б - реконструкция по материалам Южной и Западной Сибири

Рис. 12. а-г. Черенки несущей части клинкового оружия закрывались деревянными обкладками, которые стягивались у основания колпачком наверх (а), в середине штифтом, пронзенным через хвостовик оружия (б), а у самую лезвия их сжимало перекрестие (а). Ножны для клинка делались из дерева, которое раскрашивалось и покрывалось лаком или обтягивались кожей (г)

11

12

13

Рис. 13. а, б. Средневековые изображения тюрков. Палаша (а) и сабли (б) крепились к их носясам в наклонном положении с помощью ремней, соединенных с вынутыми обоймами на спинке ножен, а - верхний Чирт-Юрт (Дагестан); б - Афрасиаб (Самарканд)

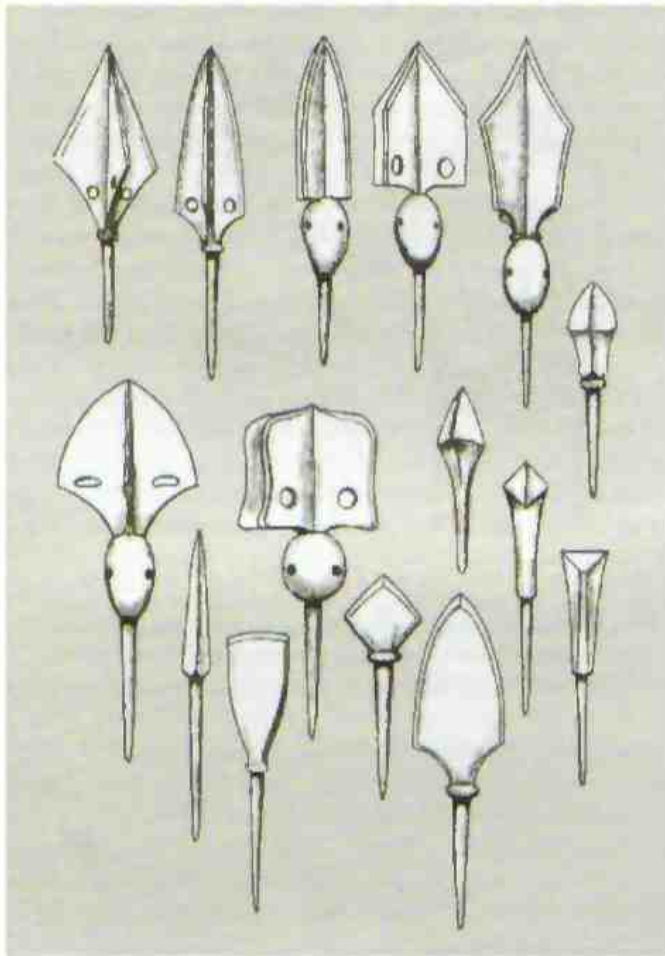
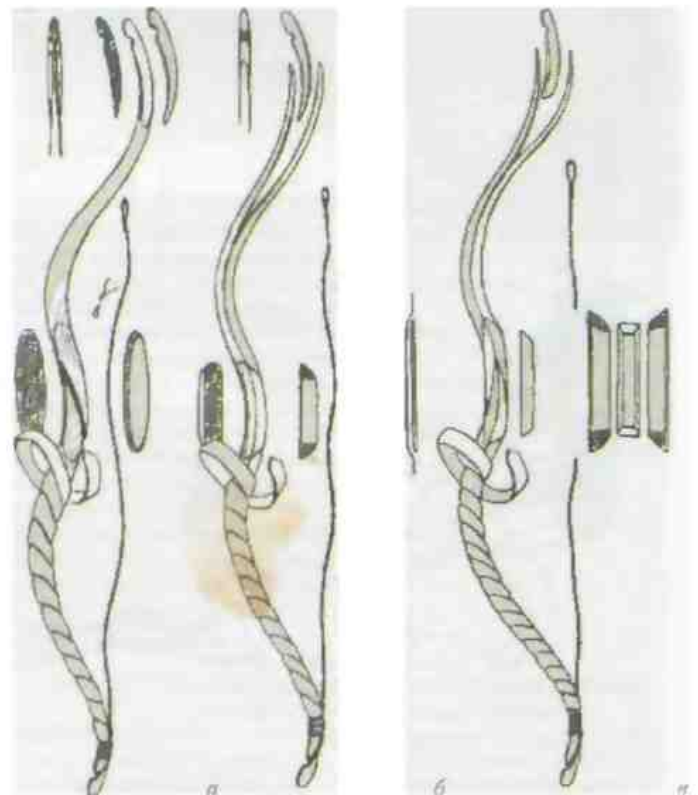

Рис. 14. Широкие железные плоскости трехлопастных наконечников обеспечивали устойчивое и стабильное полет тюркских стрел. Оперение теперь не требовалось. Такие стрелы в колчанах всегда хранились острием вверх - в этом положении их входило больше. Да и воню было легче найти необходимый тип острия. Некоторые стрелы снабжались костяными шариками с отверстиями, издававшими в полете резкий свист (вспомним хуннские «свистунки»). Массовое распространение трехлопастных наконечников - свидетельство высокого мастерства местных кузнецов и указание на относительно небольшое число тяжеловооруженных воинов и бронированных лошадей в древнетюркских отрядах. Для борьбы с ванширской конницей ковались небольшие массивные наконечники с граненым острием. Древки с бронбойными наконечниками тоже обходились, но большей частью, без оперения. Стрелам с плоскими наконечниками оперение полагалось всегда, и хранились они в колчанах наконечниками вниз. Древки стрел для прочности оклеивались ниже наконечника колечками бересты. А с противоположной стороны, около ушка для тетивы, они расписывались черными и красными поясками. В одних случаях, это были знаки собственности. в других - указатели типа наконечника

14

15

Рис. 15. о-в. Древнетюркские луки, подобно хуннским, были рефлексующими.

На представленных рисунках кибити всех луков изображены в боевом положении, то есть с натянутой тетивой. По комбинации и расположению накладок на кибити выделяется несколько разновидностей тюркских луков. Огромной популярностью пользовались луки, у которых место захвата рукой укреплялось с обеих сторон роговыми пластинами, а на концах кибити размещались длинные накладки в форме вытянутых запяты с вырезом под тетиву (а). Часто встречались луки со срединными боковыми накладками - роговые детали на концах кибити у них уже отсутствовали (б).

Существовал, наконец, еще один тип лука с тремя, как и у его хуннского «собрата», усиливающими срединными деталями (в). Но по размерам эти детали были существенно меньше, и форма их заметно отличалась - это были геометрически правильные траншеи по бокам и прямоугольный брусок между ними вдоль брюшка кибити. Постепенно боковые накладки исчезли и со средней части лука, но это произошло уже гораздо позже, в так называемое «монгольское время».

Усиливающие детали делались из рога и кости и со стороны, обращенной к деревку, покрывались сеткой глубоких нарин для лучшего скрепления с древесной. На кибити снаружи наклеивались сухожилия. Кроме сухожилий, упругость луков повышалась с помощью пластин, вырезанных из роговых чехлов крупного и мелкого рогатого скота

Насколько можно судить по изображениям, клинки носили и основным рубящей частью вниз.

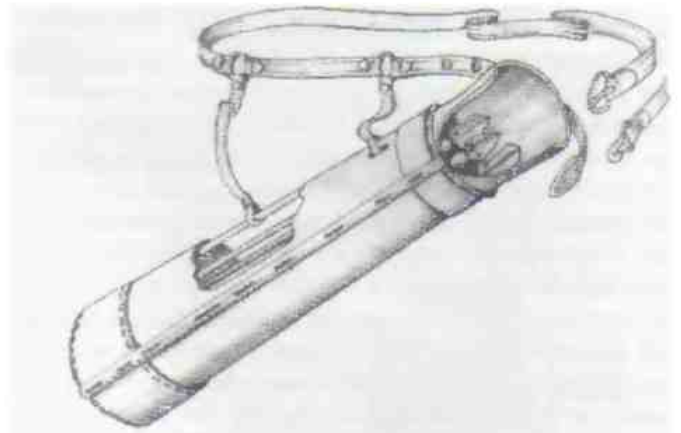
Тюркские луки были сложносоставными. Их гибкая многослойная деревянная основа усиливалась роговыми накладками. Исследователи единодушны во мнении, что луки древних тюрков ведут свою «родословную» от луков хуннского типа. Но при этом общей тенденцией в эпоху средневековья было сокращение числа роговых усиливающих деталей и увеличение зон гибкости. Это позволило степным конструкторам сделать лук более компактным.

Тюрками использовались костяные и железные наконечники стрел. Отличительной чертой железных наконечников было соединение трех плоскостей, образующих перо. В сущности, они являлись «родными детьми» трехлопастных наконечников хуннского времени, «переросшими» своих «родителей».

Тюркское защитное вооружение состояло из щитов, кожаных и металлических наборных панцирей и кольчуг. Круглые, собранные из досок, щиты стягивались изнутри деревянными поперечинами, а снаружи обшивались пропаренной кожей, которая, высыхая, натягивалась, грубела и хорошо держала удар.

Чешуйчатые доспехи постепенно уступили место ламеллярным. Средневековые панцири, в большинстве своем, можно по-другому назвать «ленточными». Строго говоря, такие латы сочетали в себе ламинарный и ламеллярный принципы бронирования сборки, потому что сами железные ленты, образующие панцирь, составлялись из связанных между собой шнурами отдельных металлических пластин. Форма и размер пластин несколько изменились. Вместо коротких и широких чешуек, для защиты тела теперь употреблялись длинные прямоугольные пластины со скругленными краями. Еще одно новшество — между панцирными лентами вставляли кожаный ремень. Такие ремни как бы «смягчали» конструкцию, делая ее более подвижной и удобной. Чаше

Рис. 16. а, в. Тюркские колчаны, вместимостью до тридцати стрел, склеивались из нескольких слоев березы. Они были в основном двух типов — закрытые (а) и открытые (б). Те и другие имели форму трапеции, плавно расширенной книзу, и снабжались деревянными днищами и обручами у горловин. У колчанов открытого типа с тыльной стороны подшивался клапан, защищавший стрелка от торчащих наружу острых наконечников. У колчанов закрытого типа устье сверху закупоривалось хорошо пригнанной деревянной крышкой с ременной петлей. Внутри колчанов вдоль боков располагались ребра жесткости — несколько деревянных реек. К ним через специальные прорези в корпусе колчана крепились узкие ремешки, благодаря которым колчан держался на поясе. Для этой же цели иногда использовались деревянные или роговые петли. Внешняя поверхность колчанов украшалась прорезным орнаментом, нашитыми бляшками и декоративными костяными накладками. VII—X вв.

всего этот прием использовался при сборе оплечий, где гибкость была особенно важна.

Вопреки распространенному мнению, для изготовления панцирных пластин не применялась сталь. Закаленный упругий металл требовал очень высокой, фактически фабричной стандартизации производства с соблюдением всех параметров продольной и поперечной кривизны изделия. Носкольку материал изделия был еще пластичным, вчерне связанный нагрудник легко было аккуратно проковать и добиться плотного и равномерного взаимного прилегания его звеньев. При последней проковке панцирные пластины получали так называемый поверхностный наклеп, который также повышал их твердость. Любопытно, что уже почти в наши дни, в начале XIX века, при изготовлении кирас рекомендовалось избегать заглаживания поверхности готового изделия напильниками и «глубокой полировкой», с тем, «чтобы оставлять на его поверхности закал», полученный при выколачивании на шаблоне. Проводить же термическую обработку после подгонки было затруднительно, ибо тонкие пластинки неизбежно «поведет» и покоробит. Сталь, не уступающая современным европейским образцам инструментальной стали, войдет в обиход при сборке панцирей иной, крупнопластинчатой, конструкции в монгольское время.

Доспехи делались хоть и из одного материала, но по-разному, отличаясь своими «фасонами». Основной тип тюркского панциря — «ламеллярная кираса», состоявшая из двух частей нагрудника и наспинника, соединенных наплечными и боковыми ремнями. Иногда, впрочем, она была сплошной, оборачивала корпус и запахивалась сбоку. К подобной «базовой» конструкции, в зависимости от желания хозяина и по мере необходимости, на специальные ремни с пряжками цеплялись два полотнища, закрывавшие ноги по колено или по самую щиколотку. Такие бронированные подола состояли из более крупных и массивных пластин, так как практически не влияли на степень подвижности всадника.

Рис. 17, а - ж. Древнетюркский панцирь был многосоставным, поэтому мог применяться как в своем полном варианте, так и в «облегченном» (исключая какие-то части). Отсюда такое разнообразие его форм, встречающееся в тюркских изобразительных материалах. Пластинчатые ленты оплечий и набедренников, чтобы обеспечить необходимую подвижность этих частей, крепились ремешками друг к другу в относительно свободном состоянии. Иногда ремни-лямки, стягивавшие нагрудник с наспинником, дополнительно усиливались плотно охватывающими плечи деревянными дугами, подбитыми войлоком или обшитыми тканью. Такое устройство обеспечивало самое надежное соединение оплечий и кирасы. а - оплечья; б -- нагрудник; в — наспинник; г — набедренник; д - нося; е — плечевые ремни; ж — боковые застёжки

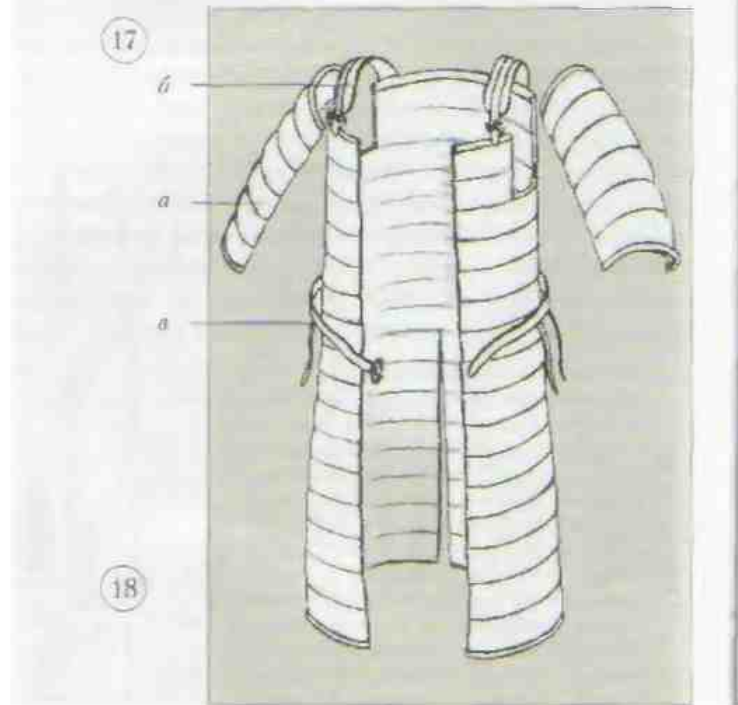
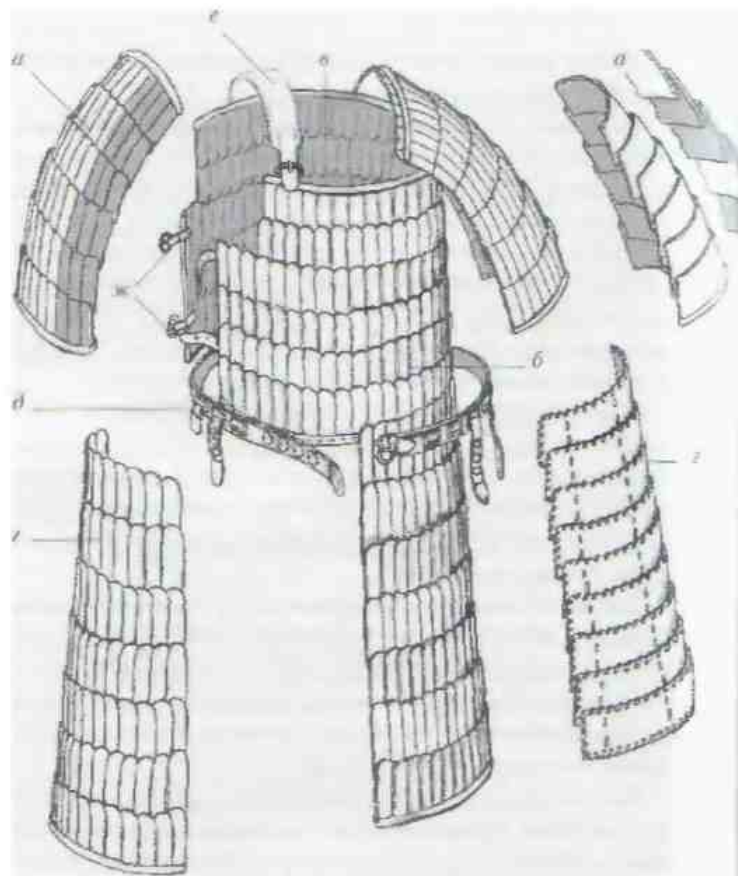

Рис. 18, а-и. Покрой бронированного «длиннополого халата» мало изменился с эпохи Великого переселения народов. На схеме представлен панцирь, собранный из сплошных кожаных лент. Однако такие ленты могли быть составлены и из отдельных железных пластин, а - оплечья; б — наплечные дуги; в - нося

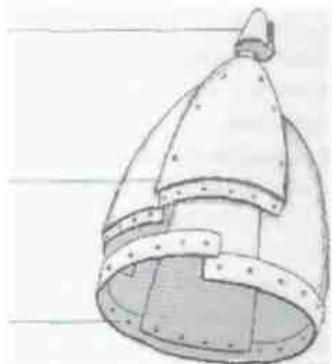

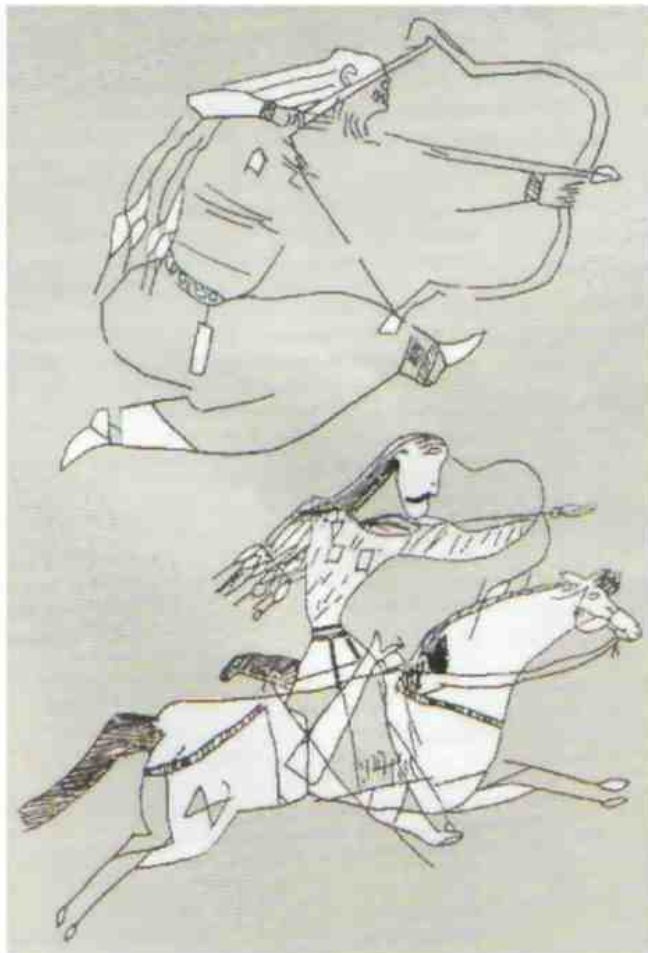
Рис. 19. а - в. Изготовить крупнопластинчатый шлем было вполне под силу кузнецу даже средней руки. Раскрой и выпнуть соответствующим образом пластины очень просто: мягкий металл легко выбивается на конической болванке, которой в самом простом случае могло стать хорошо оструганное, обожженное и приостренное бревно. Пробить отверстия и склепать пластины между собой тоже нетрудно. Сдвигая и раздвигая пластины перед кленкой, выбирали нужный диаметр тульи, соответствующий размеру головы заказчика. Под шлем для удобства всегда помещалась толстая мягкая подкладка. а — плюмажная втулка, б — пластины купода, в — металлический обруч

Рис. 20. Тяжеловооруженный тюркский воин. Тело воина закрыто железными ламеллярными доснехами (а), надетыми на плотный стеганный халат. Доснехи состоят из металлических пластин, которые, в свою очередь, стягивались цветными шнурами в ленты (б). Форма пластин одинакова, но размеры и пропорции их различны — самые мелкие и узкие находятся на оных (в), а самые крупные (длинные и широкие) — на подолке (г). Все они имеют скругленные края и небольшие вынуклости, повышавшие жесткость лат и отводившие клинок в сторону при секущем боковом ударе. Шлем (д) собран из стальных пластин, связанных между собой кожаными ремешками. Бармица (е) сделана из железных колец и украшена бронзовыми колечками. Лук (ж) со снушенной тетивой помещен в притороченный к поясу узкий чехол (налучье). Переброшенный назад щит (з) в бою защищал спину. Вилоть до конца XVIII века у народов Северо-Восточной Сибири щит во время сражений занимал именно эту позицию.

Древнетюркским всадникам это освобождало руки — еще одно, кроме исполнения прямой защитной функции, преимущество подобного расположения щита. Оружием первого удара тюркам служили копыта (и) с длинной втулкой и относительно короткой ударной частью. Перо копыта выковывалось в виде удлиненного ромба или лаврового листа, и сечении оно имело форму сплюснутого ромба или плоской линзы. Для борьбы с закованными в латы всадниками наиболее подходили узкие граненые острья — наподобие трехлинейного штыка. Такое оружие в литературе обычно именуется никами. VII—X вв. Реконструкция по материалам Горного и лесостепного Алтая

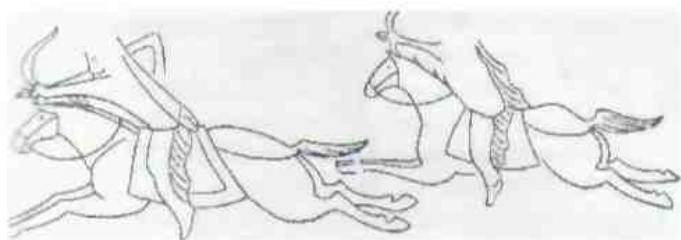
Рис. 21, а, б. Древнетюркские стремяна изготавливались, в основном, из металлического прута и были двух типов: в виде восьмерки (а); в виде полуовала с вертикальной пластинкой (б). Подпояска, как видно на рисунках, в обоих случаях сильно "уплошена"

Другой тип доспехов напоминал длиннополый халат с запахом спереди (по тюркскому обычаю — справа на-лево) и разрезом сзади. На плечах он стягивался ляжками и часто дополнялся оплечьями.

Всадникам-тюркам была знакома и кольчуга, которая нередко поддевалась под ламеллярный доспех. Она получила распространение в эпоху Первого каганата. Считается, что это связано с включением в его состав ряда территорий Средней Азии, где производство кольчуг к тому времени поставили на широкую ногу. Из кольчужной сетки делались и бармицы. Кстати, кольчуга вовсе не была столь удобной, легкой и надежной, как об этом обычно пишут. Вес её сохранившихся экземпляров немногим уступал весу наборных халат и достигал полутора десятков килограммов, что сопоставимо с весом ламеллярных нагрудников с оплечьями из археологических материалов Китая.

Рис. 22. На этих древнетюркских граффити можно различить детали экипировки воинов и убранства верхового коня, которые существенно дополняют сведения, полученные из археологического материала. Обращает на себя внимание прическа лучников, состоящая из массы косичек с характерными хвостатыми пакоспичками. На затылке они собраны в пучок и переброшены за спину. Вероятно, древние турки использовали накладные косички из копских хвостов, которые влетали в собственные волосы. Подобная прическа в раннем средневековье была характерна для всего древнетюркского мира и являлась песочепешным этническим признаком. Усы и короткая бородка дополняют облик стрелков. Воины облачены в длиннополые халаты, стянутые в талии наборными поясами. На груди, поверх халатов, видны квадратные, по всей видимости, металлические бляхи. У всадника два пояса, один из которых стрелковый. К пему с правой стороны прикреплен берестяной колчан характерной формы, слева за седлом лошади просматривается чехол палучья, сшитого в виде длинной трубы. У лошади отчетливо видны сбруя и тамга (знак собственности) на задней ноге. У пояса спешного стрелка, обутого в остропопсы, стянутые на шиколотках ремнями, сапоги с мягкой подошвой, отчетливо заметен прямоугольный оселок, изображение которого изредка встречается на древнетюркских камешных изваяниях. Луки, которыми вооружены стреляющие, судя по характерной форме кибити и пегнувшимся концам, одной и той же конструкции, производной от метательного оружия хунского типа. Стрелы в обоих случаях с трехлопастными пакопечниками, только у всадника на древке виден костяной шарик свистунки. Судя по положению пальцев, пещий лучник натягивает тетиву на оружие большим пальцем правой руки, т. е. «мопгольским способом», VII- X вв. Горный Алтай. Урочище Кара-Оюк. По Д. В. Черемпину

23

24

Рис. 23. Древпетюркские лучники. Эти стрелки еще не пользуются стременами. Фасон их широких шаровар находит массу параллелей в материалах гунно-сарматского времени — в том числе, и в одежде знатных хунских воинов. Прорисовка с роговой накладкой передней дуги седла. VI—VII вв. Могильник Кудэргэ, Горный Алтай. Санкт-Петербург. Эрмитаж

Рис. 24. Легкая тюркская кавалерия была вооружена мощным луком (а) со стрелами (б), налешом (или саблей) (в). В ближнем бою всадникам служили небольшие проушные топоры (г), имевшие узкое треугольное лезвие, обух с молоточком и длинную (до 70 сантиметров) рукоять. Иногда использовались и копы (д). VII—X вв. Реконструкция по изобразительным материалам Саяно-Алтая

Высокая гибкость и подвижность кольчуги считается ее большим преимуществом, и это действительно так. Но очень часто это преимущество превращалось в существенный недостаток. Безусловно, кольчужное плетение хорошо защищало от острого лезвия палаша или сабли, однако при этом передавало на тело энергию удара, лишь незначительно ослабив её. Кроме того, некоторые шиловидные наконечники стрел легко проникали сквозь ее кольца, а стрелы с гранеными остриями рвали их на куски. Поэтому под кольчугу нужно было поддевать толстую стеганую поддевку. Она, кстати, сама по себе обладала немалыми защитными свойствами.

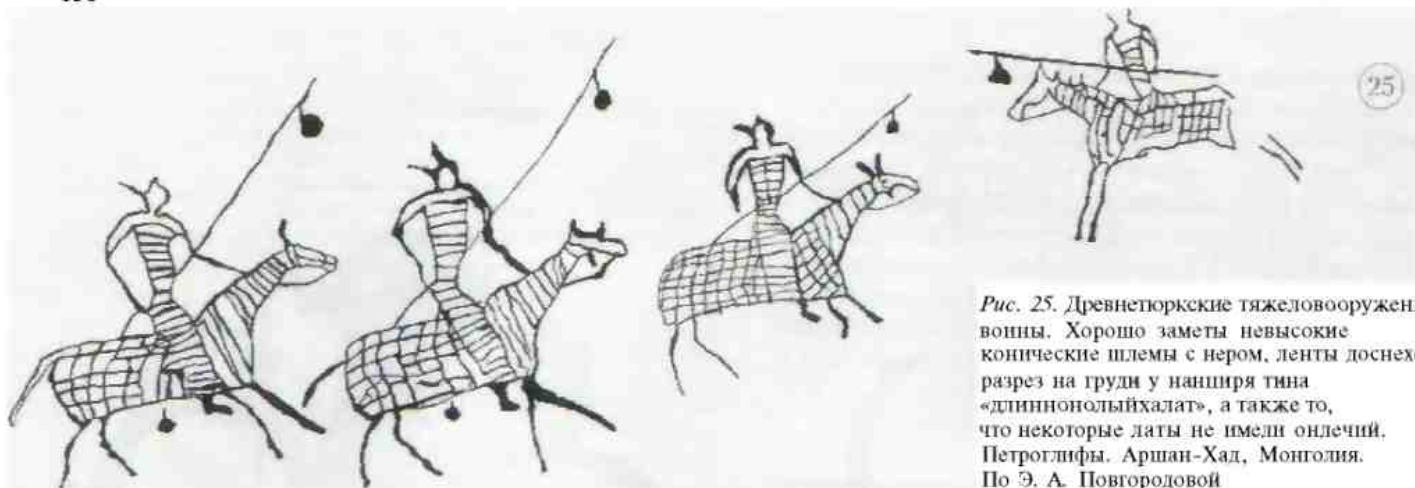

Рис. 25. Древнепорокские тяжеловооруженные воины. Хорошо заметы невысокие конические шлемы с вером, ленты доснехов, разрез на груди у нащиря тина «длиннонолыйхалат», а также то, что некоторые латы не имели онлечий. Петроглифы. Аршан-Хад, Монголия. По Э. А. Повгородовой

Когда металлические латы по каким-то причинам отсутствовали, воины пользовались так называемыми «мягкими» доспехами. Близкое к истине представление о них дает экипировка бойцов, характерная для конных поединков, которые до недавнего времени проводились у некоторых тюркоязычных народов (например, у киргизов).

Экипировались киргизские бойцы на таких «турнирах» традиционно. Поверх нижней одежды они надевали две пары штанов и туго завязывали их на поясе сыромятным ремнем. Корпус защищала стеганая ватная куртка с натянутыми на нее кожаными латами, сделанными из толстой, грубо выделанной коровьей кожи. Латы зашнуровывались на спине. Незащищенные места — илечи, подмышечные впадины, шею, верх спины, пах — покрывали в четыре слоя войлоком, затем эти участки плотно обкручивались ватой и еще тремя слоями тонкого войлока². Завершали экипировку два халата. Нижний стеганый, с короткими рукавами имел полы чуть выше колен и высокий, до мочек ушей, воротник. Спереди он укреплялся тремя слоями толстого войлока. Рукава на локтевом сгибе также обшивались дополнительным слоем войлока. Халат имел сзади разрез, в который свободно проходила лука седла. Верхний халат был ситцевым. На ногах всадников были сапоги — на них опускались кожаные штанины. Кисти рук оставались незащищенными.

Описанная защитная одежда была практически скопирована с «мягких» доспехов древнетюркского воинства. Такие многослойные доспехи легко выдерживали удар стрелы — ее наконечник, в особенности трехлопастный, увязал в мягкой толще. Разрубить латы в скоротечном конном бою тоже, видимо, не получалось — толстые прокладки гасили удар. Озерный или речной песок и железные опилки, подмешанные в подклад, эффективно защищали от секущего удара саблей. Быть может, появление именно «мягких» доспехов заставило оружейников второй половины I-го тысячелетия делать палаши с обоюдоострой заточкой острия, а сабли — со слабой кривизной клинка, удобной для нанесения сильного колющего удара.

Рис. 26. Для культуры давних тюрков очень характерны так называемые оградки квадратные или прямоугольные конструкции из поставленных на ребро каменных плит, пространство внутри которых заполнено валунами и мелкой речной галькой. Иногда у стены такой оградки устанавливалось изваяние, которое представляло собой фигуру воина с оружием у пояса, сосудом или птицей в правой руке. Иногда скульптуру замещала простая каменная стела. Меж камней внутри оградок встречаются уголья, фрагменты керамики, глиняные сосуды, ножи, наконечники стрел, предметы конской упряжи, а иногда и небольшие серебряные сосудики. Считается, что такие оградки были небольшими номинальными храмами, установленными в честь знатного воина. У этой древнетюркской оградки роль сакрального изображения выполняет олений камень

Рис. 27. Один из вариантов конских доснехов. Он показан ламеллярным, но вполне мог быть и ламинарным. Такое облачение доставляло немало неудобств лошади, и двигаться в нем ей приходилось исключительно крупной рысью. Кисть под мордой — не только знак отличия, но и приспособление против мух

Металлические шлемы древнетюркского воинства были наборными и напоминали узкую часть яйца, увенчанную сверху небольшим конусом. Многообразие их форм достигается изменением кривизны стенок и пропорций этой полуовальной фигуры. Подобные шлемы встречались еще у ассирийских воинов в середине 1-го тысячелетия до н. э., а в Сибири использовались таштыкскими иратниками. Не будет преувеличением сказать, что они опередили свое время. Такой шлем отлично противостоял сабельному удару. Клинок сабли, теряя энергию, беспомощно скользил по его гладкой стенке вниз и в сторону. Изготавливались наголовья как из узких, так и из широких секторообразных пластин. Узкие детали, как и раньше, связывались между собой ремешками. Хотя такая наборная конструкция кажется ненадежной, она просуществовала многие века и еще недавно с успехом применялась на северо-востоке Сибири.

Иногда наборные шлемы не снабжались заостренной вершиной. На ее месте помещали выпуклую округлую пластину, и шлем становился очень похож на плоскодонный перевернутый горшок.

Рис. 29, а в. Парящие носы этих древнетюркских скульптур из Тывы отличает не только число вырезанных на них бляшек, но и изобилие свисающих вниз ремней. О многом говорит тот факт, что древние скульпторы неизменно подчеркивали эту деталь экипировки, совершенно игнорируя некоторые другие. VIII - IX вв. а, в — левый берег р. Шема близ впадения в р. Хемчик. Тыва, б — Таарбол. левый берег р. Тарталок. Тыва

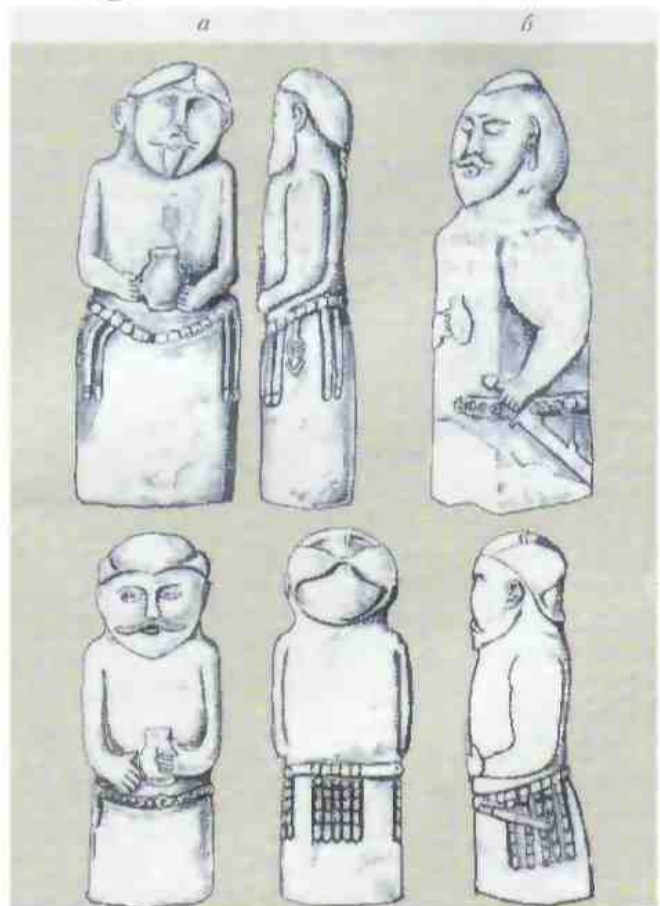
27

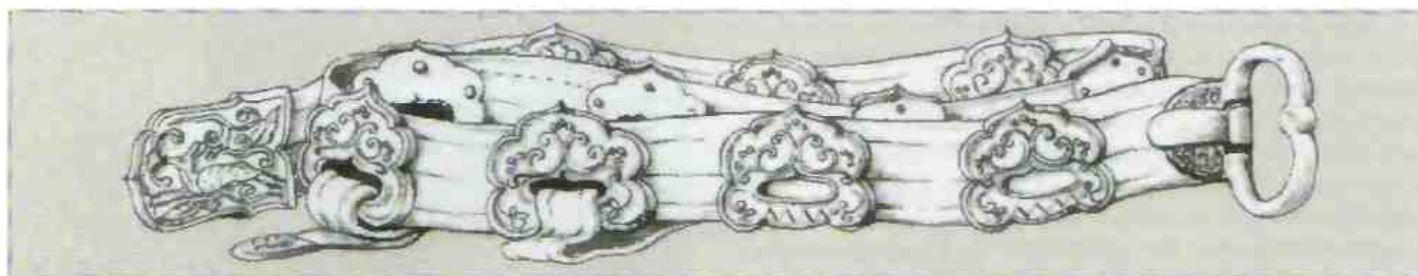

28

Рис. 28. Серебряный кувшин. Один из ярких и загадочных элементов древнетюркской культуры. Пока лишь несколько таких предметов найдено в погребениях родовой знати и номинальных оградках. Сосуд в представлении тюрков южной Сибири имеет множество значений, и многое, что связано с его сакральным смыслом и местом в номинальной и погребальной обрядности, пока остается загадочным и непонятым. Это могла быть особая посуда для кумыса или просто молока, поставленная с таким нипчем у подножья каменного изваяния, она становилась символом небесного молочного озера. Древне-тюркское время. Плато Укок. Горный Алтай. Могильник Бертек-34. Раскопки В. И. Молодина

29

30

Рис. 30. Древнетюркский пояс. Реконструкция по материалам мнгильника Узунгал. Горный Алтай. Раскопки Д. Г. Савинова

Более совершенными были клепаные шлемы, собранные из нескольких крупных (до восьми штук) пластин. Соединялись пластины внахлест - края одной пластины чуть налегали на другую. Этот же прием использовался при изготовлении доспехов и наборного шлема. Впрочем, схему сборки могли изменять — каждая четная пластина накладывалась сверху на края двух нечетных. Готовое изделие венчал небольшой конус со втулкой для плюмажа. Широкопластинчатый клепаный шлем представлял собой жесткую конструкцию, защитные свойства которой в немалой степени зависели от качества металла. Если узкие пластинки наборного шлема, налегающая друг на друга, составляли многослойную броню, то здесь - таких «зон жесткости» было гораздо меньше. Правда, готовый клепаный шлем легко подвергался термической закалке, чего нельзя сказать о наборном. Пластины последнего следовало полностью обработать до начала монтажа.

Пижный обрез шлема стягивал металлический обруч. К нему крепились бармица, изготовленная из мелких панцирных пластин, кольчужной сетки, толстой многослойной проклеенной кожи или, в другом варианте, из плотно простеганной, подбитой волосом ткани, на которую нашивались металлические защитные элементы.

31

Рис. 31. Золотые фигурки - украшение нарядного колчана. Тройник (распределитель ремней) с ремешками, украшенными фигурными бляшками, использовался для ношения колчана и был деталью второго, так называемого «стрелкового» пояса. X-XII вв., Могильник Олгарь, Новосибирская область

Рис. 32. Копье у тюрков имело сакральный смысл. Следы подобного отношения к этому оружию сохранились в обрядовой практике тюркоязычного населения, где копье отводилась особая роль. Так, у казахов и киргизов еще в начале прошлого века существовал обычай, согласно которому после смерти мужчины в жилище устанавливался специальный знак — «туу»¹, который представлял собой конь умершего с траурным флажком — «жилек» — под пакопечником. Основание копья устанавливалось внутри кибитки, а древко с пакопечником пропущалось в дыру, сделанную в кошме. Во время перекочевки копье «туу» везли впереди каравана. Туу был временным заместителем усопшего, то есть являлся одушевленным предметом, обладающим теми же жизненными силами. Участь «туу» была почти всегда одинакова. Через год, когда душа умершего окончательно должна была покинуть средний мир, устраивались поминки, на которых проводились различные состязания: скачки, копыные копейные бои, стрельба на скаку из лука и т. д. Победителем, завоевавший главный приз, спешивался, вырывал копье и разламывал его, чтобы освободить заключенную в нем душу. Тому, кто сломал копье, давали подарок, а в ряде случаев, например, у казахов, сохранивших в исполнении этого обряда больше архаических черт, «переломивший копье» должен был стать мужем вдовы. VIII - X вв. Ачинско-Марининская лесостепь

Нокрой "мирных" головных уборов в эпоху средневековья почти всегда имитировал боевые наголовья. Но такому принципу кроилась вся одежда. Популярными в те времена колпаки (клобуки) служили прекрасными подшлемниками для сфероконических шлемов. Ножки, когда шлемы приобрели низкие куполообразные очертания, их заменили тубетейки. Знаменитый трех имеет пашечники и пазатыльник, как у пастоящего шлема. Падетый па пего железный шлем автоматически превращал эту шапку в защитное снаряжение.

Завершал воинскую экипировку пояс - неременный атрибут каждого воина. Пояса украшались бронзовыми бляшками, порой покрытыми замысловатым растительным орнаментом. С них свисали многочисленные ремни-подвески, столь же богато орнаментированные. К поясам крепились палаши и сабли, боевые пожи и кожаные сумочки с повседневной мелочью. Тюркские пояса можно сравнить с личным паспортом владельца. Всякий современник при взгляде на расположение подвесок и комбинацию бляшек сразу же понимал, с кем имеет дело.

Конские доспехи состояли из пластин, закрывавших шею и грудь животного, чепрака на корпус и попоны на круп. На голову лошади надевалась железная или кожаная маска с вырезами для глаз и ноздрей. Латы для коня делались, в основном, по ламинарному принципу из многослойных, проклеенных и прошитых кожаных лент, которые, ярусами соединяясь друг с другом, огибали тело скакуна. Впрочем, боевая попона могла быть и ламеллярной, то есть собранной из связанных между собой мелких пластин. Ленты конской брони располагались и вдоль, и поперек туловища животного — ярусами поднимаясь к хребту, либо дугой огибая спину. Использовали для защиты и многослойный, простеганный крест-накрест войлок.

К «бронированной» лошади предъявлялись совершенно особые требования: она должна была быть сильной, обладать устойчивостью и маневренностью, выносливостью и безукоризненной управляемостью, по команде менять аллюры, мгновенно останавливаться, разворачиваться, вставать на дыбы, совершать прыжки, переходить в галоп. Неповоротливый или пугливый конь в критических ситуациях подводил всадника, неверным движением подставляя его под смертельный удар.

Подготовка будущего воина у тюрков начиналась с младенчества. У некоторых кочевых народов, наследников тюркской культуры — скажем, казахов — было принято класть ребенку между колен подушку и плотно пеленать ноги, чтобы со временем придать им кривизну конского торса. В возрасте трех-четырёх лет мальчиков усаживали на лошадей, в девять-десять они становились уже профессиональными наездниками и проводили, как и их родители, большую часть времени на лошади. У киргизов даже считалось неприличным ходить пешком. Корифей арабской литературы Джахиз сказал о тюрках: "Если бы ты изучил длительность жизни тюрка и сосчитал его дни, то пашел бы, что он сидел на спине своей лошади больше, чем на поверхности земли".

С самого нежного возраста мальчиком приучали к стрельбе из лука, владению арканом и оружием. Часто между ними устраивались специальные состязания. У тех же киргизов практиковались поединки верхом на жеребятках, баранах или молодых бычках. Роль верховой скотины выполняли порой и сверетки. Популярны были соревнования по стрельбе из лука на полном скаку, известные по многочисленным описаниям очевидцев. Стреляли обычно влоборота назад (знаменитый скифский выстрел) по нитям, на которые подвешивался приз. Каждый участник имел право на неограниченное число попыток. Соревнования продолжались, пока кто-нибудь не допывался успеха.

Проверенным способом подготовки к войне и поддержания высокой боеготовности у древних тюрков, как в свое время у хунну, была охота. Арабский летописец Табари отмечал, что для этой цели тюркский каган завел даже специальный полигон — "луг и заповедные горы, к которым никто не приближался и не смел в них охотиться, (ибо) оставлены они были для войны".

Тюркское войско, согласно хроникам танского Китая, делилось на правое и левое крыло. Каждое крыло, в свою очередь, состояло из отдельных отрядов. Их численный состав был кратен десяти — 10 000, 1000, 100, 10 воинов. Все это похоже на облик хуннской армии.

Исследователи предполагают, что каждый такой отряд еще раз делился на два крыла, выполнявшие самостоятельные боевые задачи. Если это так, то нижней военной единицей была группа из пяти человек. Позже, во времена Второго каганата, в армии выделился центр, равный по численности крыльям. Набирались кавалерийские подразделения для тюркской армии и из воинов подчиненных племен. Они формировались по тому же десятичному принципу, но в сражении обычно оставались на вторых ролях.

Основой тюркских войск были соединения легковооруженных всадников, использовавших лук и стрелы и в совершенстве владеющих этим оружием. Мусульманские письменные источники отмечают умение таких всадников без промаха поражать цель на скаку из любого положения, стрелять «назад и вперед, вправо и влево, вверх и вниз». В бой лучники брали с собой два-три лука и несколько колчанов, полных стрел. Передко именно они стремительной атакой решали исход сражения. В случае неудачи конные стрелки отступали, скрываясь за плотным строем тяжеловооруженных копейщиков.

Тяжеловооруженных всадников в древнетюркском воинстве насчитывалось не столь уж много, но именно эта панцирная конница спасала положение в наиболее трудных случаях. Видимо, про нее пишет Табари, как об «одинаково одетой» гвардии. Полный набор защитного вооружения был необходим только тем, кто стоял в первых рядах. Воины последующих шеренг, прикрытые бронированными латниками, обычно ограничивались нагрудником для себя и легкой попоной для своего коня.

Рис. 33, а-с. Роговым пряжки таких характерных форм стали легки узнаваемым элементом материальной культуры древних тюрков. Эти крупные изделия скрепляли подпруги седел верховых коней (б. /). Аналогичные предметы меньших размеров, также вырезанные из рога или отлитые из бронзы, служили застежками пояса. Застежки конских пут "пурки" (а, в), форма которых мало изменилась за минувшие тысячу двести лет, в древнетюркское время вырезали преимущественно из дерева, хотя для этой цели мог использоваться и рог. V—VIII вв. Могильник Усть-Чоба, Горный Алтай. Среднее течение р. Катунь. МА ИАЭТ СО РАН

Открывали сражение батыры, перед строем вызывавшие на поединок представителей иражеского войска. Эта древняя традиция восходит еще к эпохе родоплеменных столкновений, когда складывались правила ведения военных действий, ограничивающие масштабы кровопролития. К числу таких правил относились договоры о продолжительности сражения, числе убитых, возмещении потерь и многие другие. И среди них самое, наверное, зрелищное и «гуманное» — поединки вождей или специально выбранных для этого богатырей. Согласно сведениям Табари, «у тюрков было обычаем не выступать, пока не выйдут трое из их всадников... Затем, уже после выезда третьего, выступали все». Такие традиционные поединки пережили века. И только, пожалуй, появление огнестрельного оружия сделало это правило, имевшее явный сакральный смысл и огромное значение поднятия боевого духа, историческим анахронизмом.

Готовясь к набегу, тюрки большое внимание уделяли разведке. Разведку вели лазутчики и мобильные отряды, совершавшие глубокие рейды по тылам противника.

Вот как описывает их действия западно-европейский рыцарь Робер де Клари: «У каждого из них есть десяток или дюжина лошадей; и они так хорошо их приучили, что те следуют за ними поисюду, куда бы их ни повели, время от времени они пересаживаются то на одну, то на другую лошадь. И у каждого коня, когда они вот так кочуют, имеется мешочек, подвешенный к морде, в котором хранится корм; и так-то лошадь и кормится, следуя за своим хозяином, и они не перестают двигаться ни днем, ни ночью. И передвигаются они столь быстро, что за одну ночь и за один день покрывают путь в 6, или 7, или 8 дней перехода. И пока они так передвигаются, то никогда никого не преследуют и ничего не захватывают, пока не повернут в обратный путь; когда же они возвращаются обратно, вот тогда-то и захватывают добычу, угоняют людей в плен и вообще берут все, что могут добыть».

Подобные приемы разведки в будущем скопируют у тюрков многие кочевые образования. Особенно популярной разведка станет в войсках Золотой Орды.

Боевые качества тюркских воинов в средневековом мире оценивались очень высоко. В начале IX века арабские халифы набирали их в свою личную гвардию, вскоре их примеру последовали и императоры могущественной Византии. Джахиз в своем сочинении «Достоинство войск Халифата и достоинства тюрков» даже пришел к выводу, что никто «не внушает (такой страх) арабским войскам, как тюрки», ведь у них нет «иных помыслов, кроме набега, грабежа, охоты, верховой езды, г-ажемия витязей, поисков добычи и завоевания стран... Они овладели этим делом в совершенстве и достигли в нем предела. Это стало их ремеслом».

Рис. 34. Юрта - традиционное жилище кочевых и полукочевых паров. И в наши дни на высокогорных пастбищах Алтая можно встретить такие переносные сооружения, покрытые войлоком, шкурами и брезентом, в которых живут пастухи, когда перегоняют сюда свои стада. Сейчас они используются только как летнее жилье, но в прошлом это был основной тип жилища, которым пользовались тюркоязычные предки современных алтайцев

Тюрки долгое время вели успешные войны на обширных территориях, одерживая внушительные победы над очень серьезными противниками. И это объясняется, в первую очередь, высочайшей боеспособностью их войск. Погубили же их государство внутренние проблемы — прежде всего, жадность и властолюбие территориальных владык, буквально по клочкам раставивших некогда великую державу. И все же древние тюрки избежали поголовного истребления (что случилось со многими другими побежденными народами) и вошли в состав новых государственных образований — Уйгурского и Кыргызского каганатов. И долго еще на полях сражений реяли их знамена с золотой волчьей головой.

Глава 6

Всадники с берегов Енисея

Во второй половине 1-го тысячелетия уютные земли Минусинской котловины стали колыбелью культуры енисейских кыргызов. Её истоки, по распространённому среди специалистов мнению, восходят к таштыкской культуре. Остатки обширных ирригационных сооружений и найденные археологами орудия труда говорят о развитии плужного орошаемого земледелия у населения Минусы в тюркское время. Занимались кыргызы и отгонным скотоводством, разводя овец, верблюдов и лошадей. «Их лошади плотны и рослы. Лучшими считаются, которые сильно дерутся», - сообщается и в восточных летописях. Такие «бойцовые» лошади особо ценились в кавалерии, для нужд которой они специально и разводились. Немалую роль в хозяйстве кыргызов играла охота. Продукты рыболовства не только разнообразили пищу, но и давали столь необходимый для производства метательного оружия клей.

О степени оседлости енисейских кыргызов в науке не существует единого мнения. Тем не менее, именно земледельческие навыки и склонность к оседлым поселениям привели к созданию кыргызского государственного объединения. После падения Первого Тюркского каганата, в развале которого кыргызы приняли самое деятельное участие, они получили полную независимость, и уже в 648 году танский Китай встречал их первое посольство (во всяком случае, первое, отмеченное письменными источниками).

Кыргызский каганат постоянно подвергался опустошительным набегам южных соседей и в VI—VIII веках нередко терпел сокрушительные поражения. Иногда он даже терял политическую самостоятельность. Но со временем военная удача все чаще улыбалась кыргызам. «Умертвил роды синего волка, черного волка умертвил», — говорится в древней кыргызской надписи об одном из успешных походов, вероятно, против тюрков (ведь именно они считали своей прародительницей волчицу). Год от года набирая силу, каганат превратился в мощную державу, существенно влиявшую на судьбы народов Центральной Азии. В древнетюркское время он представлял собой сложное этнополитическое объединение, включавшее «титulary», элитарное население (собственно, кыргызов) и различные подчиненные группы кыштымыв (иноплеменников). Хорошо вооруженные дружины кыргызов совершали регулярные набеги на жителей

Рис. 1. Привычным противником для всадников Кыргызского Кагапата в начале 2-го тысячелетия оставались родственные по языку тюркские племена Саяно-Алтая

Рис. 2. Подобные сердцевидные бляхи с вынутой центральной частью, выполненной в виде колокольчика, некогда украшали сбрую лошади. Появившись в IX веке, они распространялись преимущественно в культуре енисейских кыргызов. IX—X вв. Минусинская котловина. МКМ

2

Рис. 3. Река Енисей. Хакасия

3

Рис. 4. а-г. Основные типы кыргызских луков. Конструктивное разнообразие метательного оружия было гораздо больше числа представленных здесь типов, ибо процесс изготовления лука во все времена оставался индивидуальным, и многие конструктивные особенности оружия зависели как от свойств сырья, так и от опыта мастера. а - луки с парой срединных боковых накладок и двумя парами концевых; б - с одной парой боковых срединных накладок; в - с тремя срединными накладками, двумя боковыми и одной фронтальной; г - без срединных накладок, с узкими роговыми пластинами по длине кибити

горно-таежных окраин Минусинской котловины и, по свидетельствам тех лет, «ловили их и употребляли в работу». Для участия в военных действиях кыштымы сначала не привлекались, но уже в конце I-го тысячелетия, когда енисейских кыргызов потеснили войска Уйгурского каганата и их положение сильно осложнилось, кыргызская армия стала разноплеменной. В китайских источниках отмечается, что когда кыргызы «набирают и отправляют войско, то выступает весь народ и все вассальные поколения». Археологические данные подтверждают этот факт.

В истории Кыргызского каганата исследователи выделяют несколько этапов, связанных как с основными типами археологических памятников, так и с важнейшими событиями в его политической истории.

Первый период (VI -VIII вв.) - эпоха Чаа-тас. Основные события этого времени происходили на ограниченном пространстве Минусы и соседней Тывы. Кыргызам удалось установить торговые и дипломатические связи с земледельческими государствами Средней и Юго-Восточной Азии (тапский Китай, Согд, Тибет, Восточный Туркестан). С кочевыми же народами они враждовали, ведя с ними непрерывные войны - но большей части, неудачные. В военном отношении кыргызы пока были слабы - их политику на этом этапе можно охарактеризовать как оборонительную.

Следующий период (IX—X вв.) получил название эпохи Великодержавия. Это было время славных побед и триумфа кыргызского оружия. Разгромив уйгуров, их тяжелая конница вместе с отрядами кыштымов вышла на просторы Центральной Азии. "Впервые, — по словам крупного специалиста в истории, археологии и этнографии народов Южной Сибири Д. Г. Савинова. — народ северного происхождения, создавший высокую культуру в бассейне Северного Енисея, стал играть решающую роль в делах своих южных соседей". Границы каганата расширились до верховьев Амура на востоке и восточных

склонов Тянь-Шаня на западе. Кыргызский каганат объединил под своей властью Приобье, Алтай, Восточный Казахстан, Тыву, Монголию, Забайкалье. Впрочем, его "звездный час" оказался непродолжительным. Вскоре каганат вновь заметно уменьшился в размерах, часть боевых отрядов откочевала на Тянь-Шань (на территорию современной Киргизии), основная же масса кыргызов возвратилась на историческую родину.

Третий период в истории енисейских кыргызов (XI—XII вв.) иногда называют эпохой Сууктэр¹. В это время военные действия разворачивались в районах Саяно-Алтая, где кыргызам пришлось обороняться от агрессивных монголоязычных кочевников — киданей и найманов, пересекших связи каганата с земледельческими цивилизациями Юго-Восточной Азии. Кыргызское население изрядно поредело в продолжительных войнах и, будучи распыленным по огромным территориям, не могло оказать серьезного сопротивления. В это же время кыргызы, вероятно, утратили руническую письменность. Государство быстро слабело и дробилось, мелкие князьки один за другим объявляли о своей независимости и тут же начинали враждовать с соседями. В сущности, история могучей кыргызской державы на этом и завершилась.

В так называемую Монгольскую эпоху (XIII—XIV вв.), после разгрома найманов войсками Чингисхана, кыргызские княжества добровольно пополнили его империю, окончательно утратив государственную самостоятельность. Боевые отряды кыргызов влились в монгольские полчища.

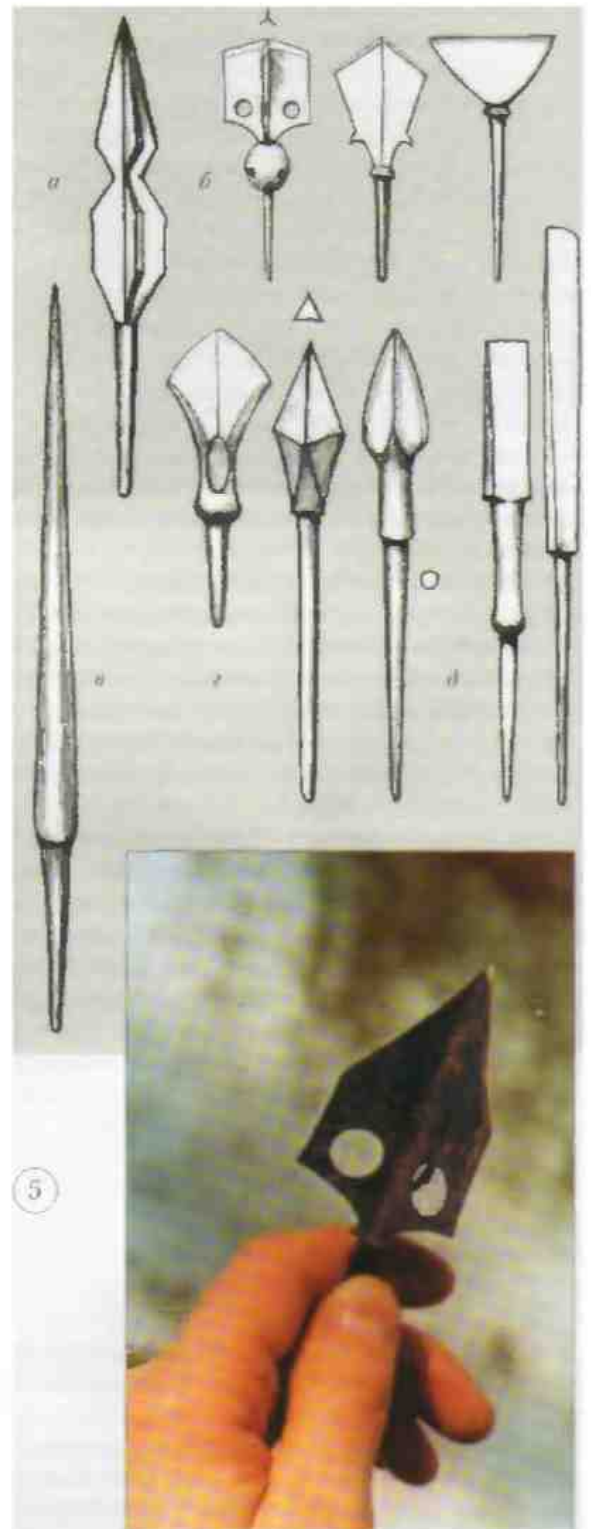
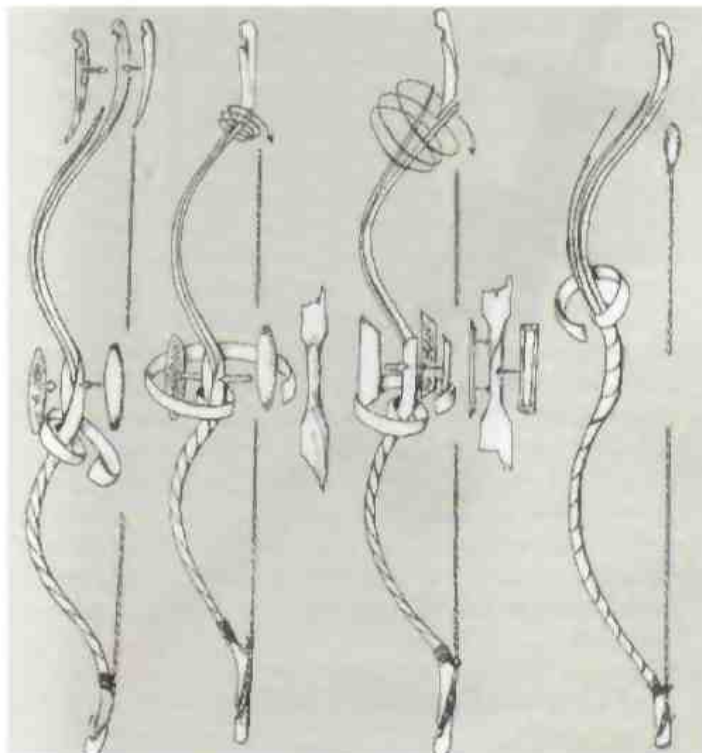

Рис. 5. а-д. Некоторые типы наконечников кыргызских стрел. Стрелы с трехлопастными острыми предназначались для прицельной стрельбы по одиночной цели (а), плоские для массированного обстрела плотной воинской массы (б), шиловидные (в) — для борьбы с прагами, облаченными в кольчуги, грапепые (г), долотовидные (д) — для поражения латников

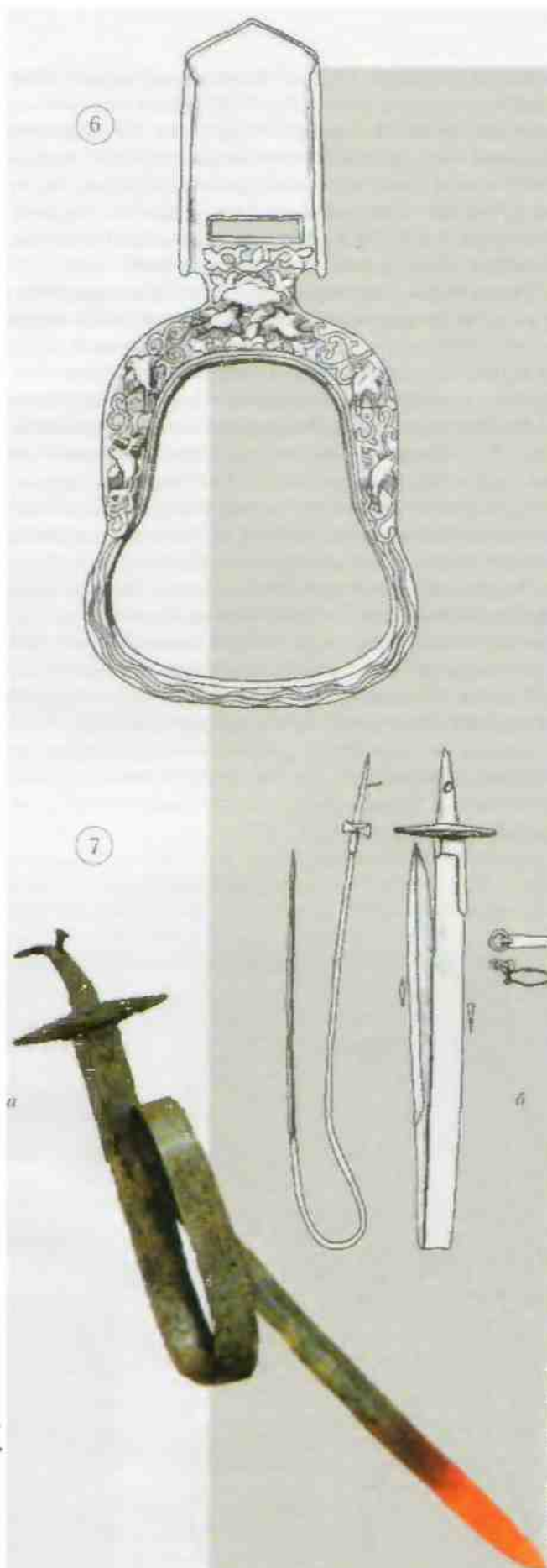
Как и у всего средневекового населения Южной Сибири, луки енисейских кыргызов были сложносоставными и рефлексирующими. Во второй половине 1-го тысячелетия повсеместно шел процесс поиска наиболее совершенной и рациональной конструкции метательного оружия, пригодного в бою и на охоте, удобного при стрельбе с лошади и с земли. Это привело к тому, что в одно и то же время на одной и той же территории существовало несколько разновидностей луков. При близости общей схемы, позаимствованной многими народами у хуннов, луки енисейских кыргызов различались формой и расположением роговых накладок. У оружия хуннского типа основную работу выполняли плечи, а значительные участки его деревянной конструкции бездействовали. Кыргызы модернизировали луки в целях увеличения эффективно работающих зон, что, как и у тюрок, привело к сокращению количества роговых накладок.

В походах тетива на луках спускалась. Воины носили их на боку или на спине в налучьях, нохожих на узкую и длинную (почти по всю длину оружия) трубу, зашитую с одной стороны. Размеры луков со снушенной тетивой колебались от 120 до 140 сантиметров.

Древки стрел делались из березы и слегка сужались к ушку, в прорезь которого с легким сопротивлением входила тетива. Онерение кыргызских стрел было овальной или удлиненно-треугольной формы и относилось к длине древка в пропорции 1:5 или 1:7. На древки стрел наносились цветные пояски - обычай, известный с раннего железного века. Берестяные колчаны для стрел тоже наносили тюркские. Нужно отметить, что мощное политическое и культурное влияние, оказываемое древнетюркскими каганатами на своих соседей, родство языка и происхождения, постоянная миграция отдельных тюркских групп в Минусу, - все это во многом определило, как и чем воевали кыргызы.

Рис. 6. Кыргызские золотых дел мастера создали свой особый стиль. Их изделия, форма которых, в целом, соответствовала степной моде, отличались богатым и затейливым растительным орнаментом. Железное стремя, представленное на рисунке, инкрустировано золотыми фигурками птиц, порхающих среди извилистых ветвей. Эпоха раннего средневековья. Уйбатский чаа-тас. Хакасия. ГИМ, Москва

Рис. 7, а, б. Тела умерших воинов енисейские кыргызы предавали огню. Вместе с телами жаркое пламя пожирало воинскую амуницию и погребальный инвентарь. Раскаленные в погребальных кострах клинки намеренно норттили - сворачивали в кольцо (а) или сгибали нонолам (б). Возможно, так борлись с вредоносной магией покойника, а возможно, «транспортировали» предметы в иной мир, где все было наоборот: целое - сломанным, а сломанное - целым. XII—XIV вв. Минусинская котловина. а - Саян-сее, по Ю. С. Худякову; б - могильник на горе Самохвал, по Л. Р. Кызласову

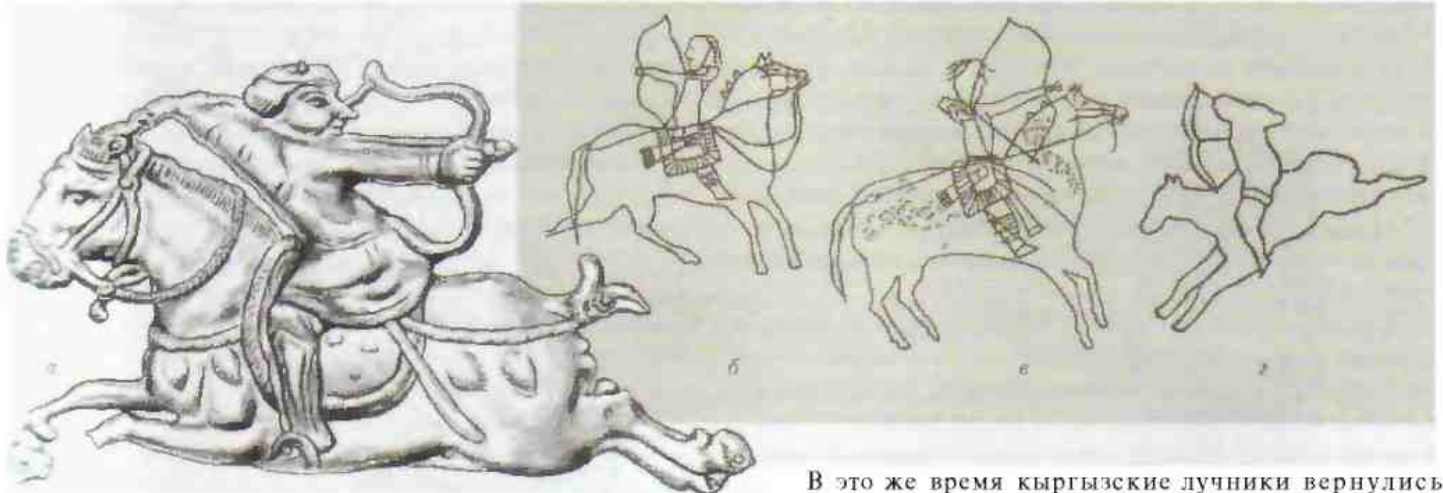

Рис. 8, а—г. Легковооруженные всадники. Основное вооружение этих стрелков состояло из лука со стрелами. В ближнем бою они пользовались палашами или слабоизогнутыми саблями. Их экипировка включала также элементы защитного вооружения, в частности, накладные деревянные щитки. а - фигурка лучника, некогда украшавшая переднюю луку кыргызского седла. IX-X вв. Тухтатский клад, Мипусинская котловина. Мипусинский музей; б, в, г — Сулукская писаница. Конец I тыс., н. э. Средний Енисей

8

В это же время кыргызские лучники вернулись к использованию незаслуженно забытых плоских наконечников. Их второе рождение специалисты связывают с монгольским влиянием. Появление плоских наконечников было, пожалуй, первым отчетливым знаком грядущих перемен. В дальнейшем трехлопастные наконечники постепенно утратили свое значение, вытесненные плоскими «собратьями» — в основном, асимметрично-ромбическими пятиугольными срезнями. Они очень хороши при стрельбе как с близкого расстояния — ни войлочная нонона коня, ни мягкие доснехи бойцов не снасали от них, так и с дальнею — не закрытый доснехами противник даже при касательном ударе получал столь обширную травму, что сразу же выбывал из строя.

Восточные письменные источники, переведенные и опубликованные первым крупным российским китайстом П. Я. Бичуриным (в монашестве Иакинф), рассказывают, что у енисейских кыргызов «мужчины носили кольца в ушах. Они горды и стойки. Храбрые из них татуируют руки себе... На войне употребляют луки со стрелами и знамена. Конники прикрывают руки и ноги деревянными щитками, которые могли бы защищать от стрел и сабель». Эти деревянные щитки собирались из отдельных дощечек твердого дерева — например, лиственницы. Затем они, вероятнее всего, обжигались, что придавало поверхности особую прочность и гладкость, затирались несом, полировались и окрашивались (или пронитывались жиром). Готовые деревянные детали стягивались между собой сыромятными ремешками, которые, усыхая, крепко прижимали их друг к другу.

В комплект защитного вооружения кыргызов входили наручи (для защиты руки от кисти до локтя), ноножи (для защиты ноги от колена до ступни), зеркала (для защиты груди) и ондечья.

Кыргызские панцири состояли из железных пластин, скрепленных между собой по ламеллярному принципу. Панцири VI—VIII веков, как правило, представляли собой металлический нагрудник. В эпоху Великодержавия их конструкция усложнилась — теперь латы закрывали спину и руки до середины предплечья; кроме того, появлялся подол, снускавшийся к коленям и защищавший

Это, в частности, касается и наборных ноносов, и наконечников стрел. И все-таки полного тождества не было. Кыргызские наконечники стрел отличались от тюркских большим разнообразием и затейливостью отверстий в лопастях, а также лучшей сохранностью в археологических комплексах. Дело в том, что кыргызы применяли в своей погребальной практике кремацию. Предметы оружия, побывав в огне, покрывались окалинной, которая (вкуне с золой и неилом) предохраняла тонкие лопасти наконечников от пожарающего действия ржавчины.

С выходом енисейских кыргызов на просторы Центральной Азии, где им пришлось противостоять очень серьезным противникам, потребовалось новое оружие. И, вскоре, в IX—X веках, ассортимент стрел в колчанах кыргызских воинов неузнаваемо преобразился. Набор традиционных образцов пополнился наконечниками шестиугольной формы с улощенным, как бы срезанным, острием (специалисты так и называют их — срезни) и небольшими массивными проникателями с трехгранным, квадратным или круглым сечением острия. Последние значительно превосходили по весу трехлопастные и, в большинстве случаев, пробивали доснехи. Модифицировались и привычные формы — так, у пятиугольного наконечника сократились его размеры и ширина лопастей, а острие в сечении стало граненым. Столь впечатляющее разнообразие свидетельствует о все большем распространении на полях сражений различного защитного вооружения.

бедр. Вскоре восприимчивые кыргызы, присмотревшись к вооружению центрально-азиатских соседей, уже ковали свои доснехи из крупных подпрямоугольных металлических пластинок. Этому способствовало и возросшее качество металла, который по многим показателям, как трудно в это поверить, превосходил современные марки сталей. Этот технологический скачок, видимо, связан не столько с развитием собственной производственной базы, сколько с опытом пленных мастеров из оседло-земледельческих центров.

Ближе к финалу истории Кыргызского каганата крупные пластины приклеивались к матерчатому или кожаному покрытию. Распознать такие доснехи можно было лишь по симметричным рядам металлических шляпок, покрывавших подбитую сталью одежду. Подобные латы, сочетавшие в себе особую красоту с неслыхными защитными свойствами, были изобретены в VIII веке в Китае и вскоре стали привычной экипировкой южно-сибирских воинов. Новсеместно же они распространились лишь во 2-м тысячелетии. Европейцы сконировали их в XIII веке у монголов и назвали «бригандиной». На матерчатое покрытие этих лат часто шли самые дорогие ткани. Чтобы предотвратить в бою ткань от повреждений, бригандину обычно использовали одновременно с кольчугой.

В целом боевые качества средневековых наборных лат были весьма высоки. Согласно современным экспериментам, проведенным М. В. Гореликом, система сцепки пластинок несколькими ремешками делала такие доснехи неуязвимыми даже для серии ударов. При колющем ударе клинок понадал в верхнюю налегающую пластину и как бы новорачивал её на ребро. Пластинки нандирия смыкались при этом краями и "занирали" щели тем прочнее, чем сильнее был удар.

Рис. 9. Такой видели долину Еписея древние художники, которые высекали рисунки на камнях горы Сухапихи

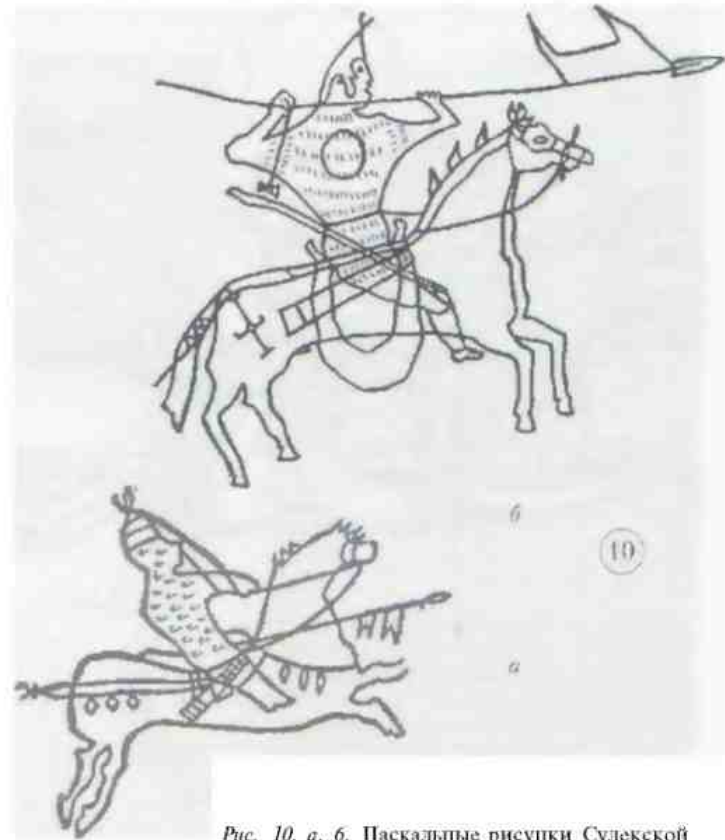

Рис. 10, а, б. Паскальские рисунки Сулекской писаницы. Латник (а), чтобы папести мощный тарашный удар копьём, опирает конец украшенною флажками древка о жесткий каркас седла. Голову воина защищает клепаший из копичетрических колец шлем с пемольшим плюмажем и бармицей - судя по всему, кольчужной (как и сами доснехи). Бронированный всадник (б) демонстрирует прием владения копьём. Зажав древка двумя руками, он наносит удар сверху вниз. Чтобы свести к минимуму возможность собственного поражения, он развернулся к нему боком. После удачно проведенного нападения всаднику, потерявшему копьё, скорее всего, придется вступать в ближний бой, к которому он уже готов. Об этом свидетельствует боевой топор, висящий на кисти его правой руки. На груди воина, поверх ламеллярного панциря, хорошо заметен круглый деревянный щиток (именно таким он описан в летописях). Ряды пластинчатого набора доспехов обозначены короткими вертикальными штрихами. Голову воина закрывает высокий копичетрический шлем с длинными паушами и пазатыльником, увенчанный, вероятно, пучком перьев. Копье и топор дополняются луком в длинном узком палуچه, размещенном вдоль правого бедра, и колчаном со стрелами, подвезанным к поясу с этой же стороны. Пах всадника защищает передняя лука седла. Копьё под воином по бронировки, панцирь воина достигает лишь середины бедра. Отсюда можно сделать вывод, что перед нами средневооруженный воин второго эшелона. Магера копичетричного боя (в верхней плоскости - поверх плеча передней шеренги) лишь подтверждает эту мысль. Конец 1-го тыс. п. э. Сулекская писаница. Средний Еписей.

Но жалуй, наиболее действенным в борьбе с латниками оставался выстрел из лука в незащищенный участок тела или же таранный удар коном с узким граненым наконечником. Такие копы стали очень популярны и «эпоху максимального бронирования» (IX—X вв.). Впрочем, в сражениях копейщики сталкивались не только с бронированными врагами, но и с легковооруженными всадниками, и с пехотой. С этим связано то, что, кроме грапых пачепчиков, продолжали использоваться и пачепчики в форме вытянутого массивного ромба с остро заточенными сторонами.

Профессиональные копейщики прекрасно владели множеством специальных приемов. Водних случаях копе удерживалось полусогнутой рукой и прижималось, чтобы усилить

Рис. 11. Кыргызский тяжеловооруженный воин эпохи Великогодержавия. Его защитное вооружение состоит из крупнопластинчатого клепаного шлема (а) с бармицей (б), изготовленной из металлических пластин и снабженной мягкой подкладкой; короткополого панциря (в), сплетенного шнурами из железных пластин; накладных деревянных щитков (?) на плечах и груди; также деревянных попожей (д) и паручей (е); щита (ж), собранного из обтянутых кожей дощечек. При атаке в конном строю или стрельбе из лука щит забрасывается за спину, где удерживается с помощью специального ремня (з). На войне — два пояса. К «стрелковому» поясу крепится берестяной колчан (и) открытого типа, украшенный накладными костяными пластинками (к). В руках у воина две сабли — с брусковидным (л) и ромбовидным (м) перекрестьями. Дополняет вооружение ближнего боя з кол е з в и п ы й тонор (н) со шпеньком на обухе. Реконструкция по материалам Ю. С. Худякова

удар, к корпусу всадника и шее лошади. В других — воин брал древко двумя руками и прижимал к бедру точно так же, как это делали катафрактары раннего железного века. При этом он разворачивался плечом вперед и наклонялся к гриве лошади. При встрече с нешим врагом всадник держал коня на весу двумя руками, нередко поднимая его над головой. Все эти позы, знакомые археологам по наскальным рисункам, находили применение в Средней Азии во время конных поединков еще в XIX веке.

Существовали и другие приемы — они известны по киргизским «турнирам» XIX в. Киргизские бойцы чаще всего зажимали коня под мышкой, наводя его, подобно ружью, на соперника. Но самые страшные удары получались, когда тупой конец оружия упирался в боковую часть деревянного каркаса (ленчика) седла. В этом случае удар наносил не всадник, а скачущий конь — всей своей огромной массой. Правда, этот способ ограничивал возможности фехтования — в момент столкновения обычно бойцы привставали на стременах; для того же, чтобы удержаться в седле, они нередко привязывали себя к нему, используя дополнительную, проходящую под брюхом коня, подругу. Ее концы пропускались в штанины и кренились выше колена к ногам всадника. Надо сказать, что такие приемы не приветствовались, хотя и не запрещались правилами.

С точки зрения боевой практики, привязывание кавалериста к седлу выглядит несколько странно. Всадник может быть искалечен или раздавлен унавшей лошадей. Однако, пелесообразность этого приема не столь уж сомнительна, если мы говорим о конейщиках передней шеренги, принимающих на свои коня мощный натиск разгоряченного противника. Для них прочная посадка была особенно важна. Если они выдерживали первый удар, удачный исход всего боя становился наиболее вероятным. Кроме этого, тяжеловооруженные воины первого ряда обязаны были унять свои коня в седла, ибо выбитое из рук и отлетевшее назад древко оружия несло смертельную опасность для стоящих сзади.

При линейном построении на начальной стадии сражения участвовали лишь воины первых двух шеренг, остальные просто не дотягивались своим оружием до врага. Начиная с третьего ряда, бронирование лошадей было бессмысленным — они и без того были фактически недостижимы для вражеского удара за живой бронированной стеной передних латников. Поэтому здесь помещались средневооруженные всадники — воины, чьи тела лишь частично закрывались доспехами, а кони и вовсе обходились без них. С коньями они управлялись по-иному, нежели их тяжеловооруженные соратники. Они прижимали древко к плечу так, чтобы острие оказалось значительно выше коний первого ряда. Нередко они опирались на плечи впереди стоящих. Столь плотно опештившаяся шеренга доставляла немало хлопот атакующим ее. Наконец, средневооруженные воины третьего ряда обычно держали коня двумя руками, нанося удар

Рис. 12. Фрагмент согдийского щита с горы Муг. На его поверхности сохранилась великолепная роспись с изображением всадника в полном вооружении. Круглый щит (диаметром 61 см) собран из дощечек шириной около девяти сантиметров. Он слегка выгнут — его середина возвышается над краями на два сантиметра. По краю щита пропущена металлическая оковка, с обеих сторон он оклеен тонким пергаментом. С внутренней стороны металлическими заклепками прикреплена ручка с приделанной к ней ремешком сетлей — с ее помощью щит забрасывался за спину. VII- VIII вв. Средняя Азия. Санкт-Петербург. Эрмитаж

13

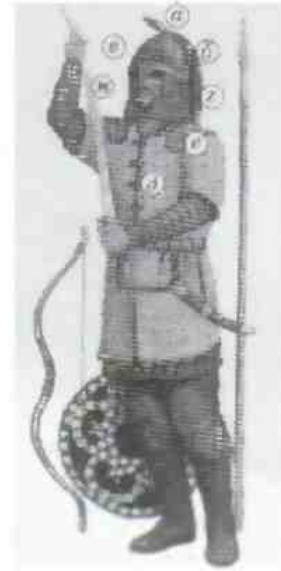

Рис. 13. Кыргызский воин XIII—XIV вв. На его голове кленанный шлем (а), стыки пластин которого закрыты металлическими накладками (б). Эта деталь — характерный признак эпохи развитого средневековья. Обруч тульи снабжен небольшим наносником (в). К нему прикреплена ламинарная бармица (г), собранная из толстых кожаных лент. Доспехи (д) представляют собой нанширь со скрытым бронированием (бригандину), надетый поверх толстой стеганой поддевки и усиленный на плечах наружными металлическими пластинами (е). В руках воина держит саблю (ж) — в отличие от образцов раннего средневековья, она имеет сильно искривленное лезвие. Реконструкция по материалам Минусинской котловины, Тывы и сопредельных районов Монголии.

сверху вниз, как это изображено на выразительных наскальных рисунках знаменитой Сулекской писаницы.

В ближнем бою кыргызы рубились мечами, палашами и слабоизогнутыми саблями. Если требовалось, в дело шли небольшие, тоже слегка изогнутые, узколезвийные топоры с небольшим молоточком на обухе. В специальной оружейведческой литературе закрепилось мнение о топоре, как о преимущественно вспомогательном оружии легкой конницы, действующей рассыпным строем. Наскальные рисунки это мнение опровергают — на них топор часто является атрибутом и тяжеловооруженных всадников (например, Сулекская писаница). Рукояти боевых топоров снабжались небольшими ремennыми петлями. В боевой обстановке при ударе копьём топор висел

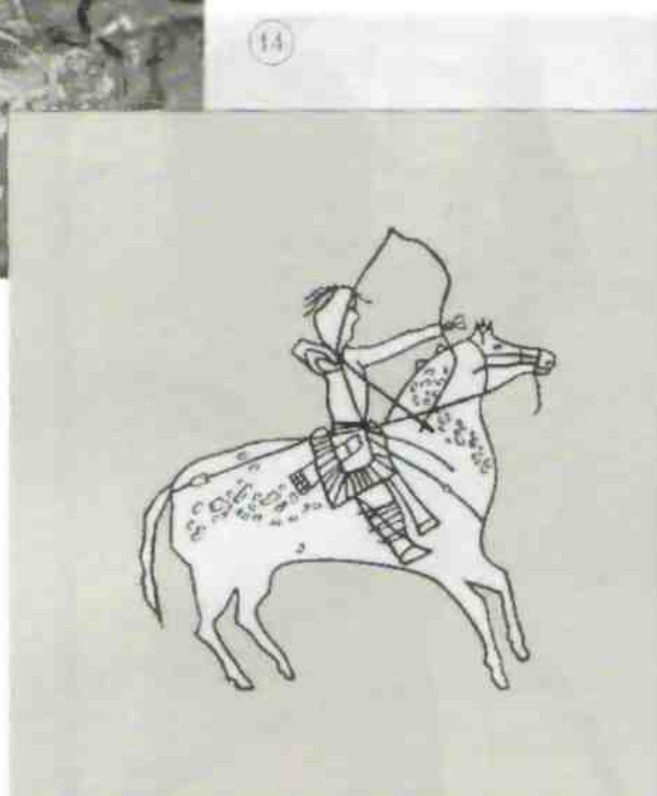
Рис. 14. Рисунок воина, найденный на одной из скал горы Сулек, - яркий образец творчества енисейских кыргызов

на ременной сетле в свободном состоянии на занятии руки, державшей древко коня. Его черед наступал после того, как конь застревало в доснеках врага.

И все-таки среди боевого оружия наибольшей популярностью у енисейских кыргызов пользовались луки со стрелами. Даже полностью закованные в доснехи коньеносцы становились при необходимости лучниками, не говоря уже об основной массе легких всадников.

Непременной деталью кыргызского защитного вооружения были щиты. По своему устройству и форме они практически тождественны тюркским. Такие щиты надежно защищали от вражеских стрел. Подтверждает это знаменитый согдийский щит, найденный на горе Муг в Средней Азии. На его поверхности отчетливо видны следы от ударов не менее десяти трехлопастных стрел, при этом ни одна из них не проникла в древесину более чем на полсантиметра. Все следы сосредоточены ближе к центру щита. Вывод очевиден - его владелец отличался удивительной реакцией, искусно закрываясь от летящих в него стрел.

Основу военной тактики у енисейских кыргызов составляла серия непрерывных нападений легковооруженных конных лучников, действующих в рассынном строю. Лучники пытались вывести из строя не столько защищенных латами ионном, сколько их лошадей. С кочевником, потерявшим своего скакуна, справиться было гораздо проще — на земле он чувствовал себя не слишком уверенно. Эти летучие отряды вели разведку боем и умело имитировали бегство, заманивая врага на коня конных латников. Временами они укрывались за утимым живым щитом, чтобы пополнить свой боезапас. В искусстве джигитовки стенная кавалерия не имела себе равных. Прекрасные наездники, на всем скаку и в любом направлении поражающие цель и бьющие из лука с обе-

их рук, — такие воины были опасны в атаке. В задачу легковооруженных отрядом входило также преследование бегущего противника, так как латники на своих бронированных лошадях заметно уступали им в подвижности.

Как мы уже упоминали, основываясь на китайских письменных источниках, в конце 1-го тысячелетия армия енисейских кыргызов набиралась из онолченцев, представлявших все подчиненные им племена. Более всего это онолчение напоминало ранние европейские армии эпохи феодальной раздробленности. Военные отряды родовой аристократии объединялись вокруг вождя, носившего титул «ажо». Часть легковооруженных подразделений формировалась только из зависимого населения — кыштымов. Естественно полагать, что уровень воинской дисциплины в таких объединениях оставал желать лучшего — наверное, в этом кроется одна из причин, по которым кыргызы нередко терпели поражения от соседей.

Осознав необходимость перемен, они приступили к реорганизации армии. После того, как в 820 году ажо присвоил себе титул кагана, провозгласив независимость

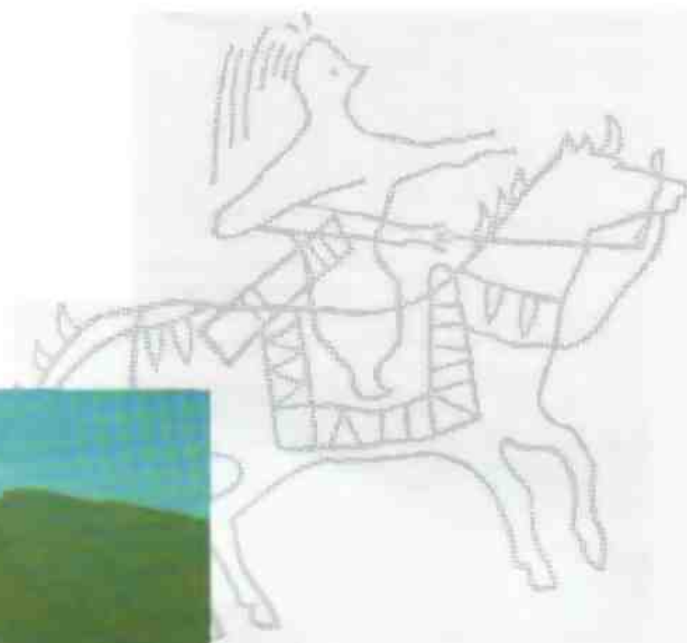
Кыргызского каганата от уйгуров, Войско кыргызоВ централизовалось. Оно было разбито на боевые единицы, количество людей в которых делилось на десять (тут, видимо, пригодился опыт хуннов и тюрков). Паиболее крупные формирования, численностью не менее 10 тысяч человек, возглавили члены правящей династии, родственники кагана. Что же касается легкой кавалерии кыштымов, то она осталась под началом родовой аристократии. В XI—XII веках, в связи с мощными центробежными тенденциями, разрывавшими каганат на части,

постепенно развалилась и армия. Вместо единой армии теперь было множество самостоятельных войск, подчинявшихся исключительно помещикам отдельных областей. Не было как такового государства — не стало и армии.

В XIII веке, после подчинения кыргызских княжеств нукерами Джучи-хана, кыргызское войско вошло в состав монгольских сил. Монголы не захотели даже менять десятичный принцип его организации, видимо, потому что он был близок собственно монгольской системе. Сохранили кыргызы и прежнюю схему управления. В период правления монгольской династии Юань кыргызские части несли охрану бывшей столицы чингисидов Каракорума, участвовали в междоусобных войнах потомков Чингисхана Хубилая и Хайду, а в 1293 году были окончательно разгромлены юаньским полководцем Тутухой.

Поселение Минусы за эти годы резко сократилось, здесь уже не насчитывалось и одного тумена (10 тысяч) полноценных воинов. Многие семьи (свыше 700) в качестве военных поселенцев были отправлены на территории Китая и Маньчжурии. Как показывают археологические источники, население Среднего Енисея в течение XIII века, в сущности, потеряло свою самобытность, растворившись в соседних средневековых культурах.

а

б

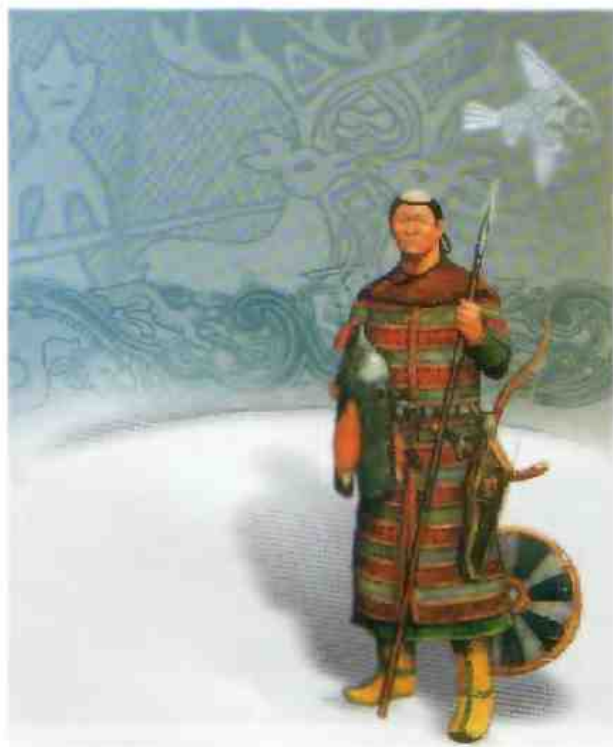

15

Рис. 15. Среднее течение реки Енисей. Холодные воды текут меж склонами гор Тепсей и Оглахты (а). Здесь, на маленьком прибрежном стениом нятачке (и) у подножья Тенсея, оставили свои намятники жители древней Минусы. Через реку они видели склон горы, в утреннем свете нохой на человеческое лицо. И может, неслучайно здесь расположены сооружения нохи всех известных в Минусинской котловине археологических культур - оградки эпохи бронзы, тагарские курганы, таштыкские склены, и одним из которых встречены обугленные плапки с батальными спенами, каменные кольца погребений енисейских кыргызов, наскальные рисунки

Глава 7

И сыпались стрелы дождем...

Нет, наверное, другого народа, который бы оставил столь глубокий след в истории кочевой и земледельческого населения Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, Восточной Европы; народа, о котором так много написано и так мало, в сущности, известно. Мы имеем в виду монголов. Может быть, и не стоило бы вслед за сотнями авторов повторять уже тысячу раз пересказанные и прокомментированные тексты Плано Карпини и Гильома де Рубрука¹, если бы не скудость археологических источников, порожденная страшным разорением тех территорий, где смерчем проходили монголы, и если бы не та выдающаяся роль, которую сыграли они в развитии кочевого военного дела. При беглом взгляде кажется, что они не принесли с собой ничего оригинального, что все методы военных действий и набор оружия, применявшиеся монголами, были известны степным воинствам задолго до появления этих завоевателей на исторической арене. Усовершенствовав оружие, монголы отточили эти приемы и, создав целую школу ведения войны, подняли военное искусство кочевых народов до вершинного уровня.

Зимой 1207 года войска Джучи, старшего сына Чингисхана, пройдя по крепкому льду замерзшего Енисея вдоль обрывистых утесов Саянских гор, вторглись в Южную Сибирь и подчинили енисейских кыргызов, равно как и все "лесные народы" Саяно-Алтая. С этого момента начинается монгольский этап в истории Сибири. Когда Чингисхан в 1224 году делил между сыновьями завоеванные земли, огромная территория, включавшая и юг Сибири - Тыву, Минусу, Горный Алтай, отошла в собственность улуса Джучи². Любопытно, что следы монголов археологами найдены на этих территориях пока не везде. Например, их нет в западно-сибирской лесостепи и к северу от нее. Но, конечно, и этот край не оставался в стороне от бурных событий тех лет. Грозное эхо кровавых столкновений, происходивших южнее, докатилось до самых глухих таежных закоулков, куда в страхе перед завоевателями хлынули массы кочевого тюркоязычного населения.

Триумф монгольского оружия заставил народы, на себе испытавшие его силу, относиться к нему, как к образцу для подражания. Именно это оружие во многом определяет облик описываемой эпохи.

Рис. 1. Монголия — страна гор и высоких равнин. Большая часть монгольских рек, являясь верховьями великих рек Сибири и Дальнего Востока, направляет свои воды к Северному Ледовитому и Тихому океанам. Западная Монголия. Сомол Мунх-Хайерхал

1

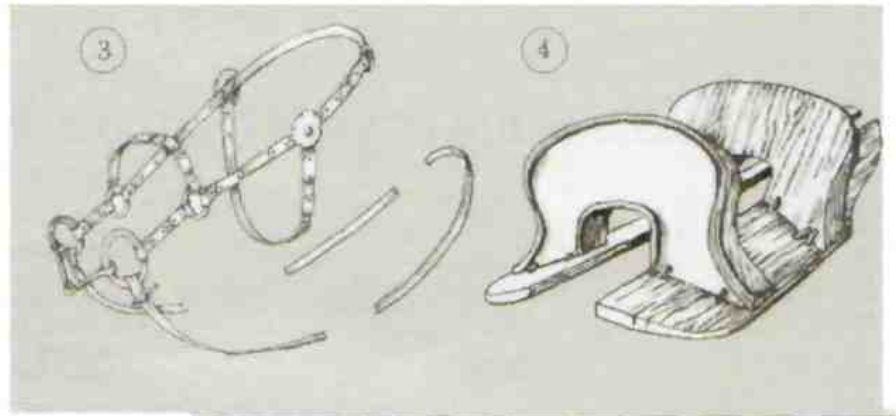

Рис. 2. Монголо-татарские шлемы («дудга»), продолжая традиции характерных для Центральной и Восточной Азии типов боевых паголовий, были весьма разнообразны по форме (от почти полушаровидной до сильно вытянутой сфероконической). XIII - XIV вв. Горный Алтай. БКМ

2

Рис. 3. Конструкция удил с плоскими круглыми кольцами и уздечки с ремнями, украшенными плоскими железными накладками. XII—XIII вв. Реконструкция по материалам ияматников эпохи раннего средневековья и этнографическим данным Западной Сибири и Саяно-Алтая

Рис. 4. Жесткий деревянный каркас и железная оковка верхнего края передней луки седла монгольской эпохи. Реконструкция по материалам средневекового могильника Сопка-2, западно-сибирская лесостепь, раскопки В. И. Молодина. XII—XIV вв., Красноярский край

Изменения в военной технике коснулись и устройства упряжи верхового коня. Вместо сложной в изготовлении системы управления лошадью с помощью удил с псалиями¹, повсеместно распространилась надежная и технологически простая конструкция с большими внешними кольцами — трензелями. Они свободно закреплялись на концах удил, а к ним уже приклепывались ремни оголовья и подвязывался повод. Удила и уздечки, таким образом, приобрели современный вид в монгольское время.

Заметно модифицировались, сравнительно с общепринятыми тюркскими, и жесткие деревянные каркасы седел. Теперь луки седел делались из массивных досок, необходимых для того, чтобы получилось более широкое основание. Такое устройство лук позволило сблизить между собой доски полок и уложить их на спину лошади, а главное — уменьшить давление всадника и его снаряжения на ребра животного. Это одна из причин стремительности монгольских атак.

Монгольское метательное оружие было почти идеальным. В это время появились луки с фронтальной роговой накладкой, по форме напоминающей широкое уплощенное весло байдарки. Подобные детали так и называют — «весловидными». Распространение этих луков в эпоху средневековья многие археологи напрямую связывают с монголами, нередко даже именуя их «монгольскими». У нового оружия но-иному работала кибить. Весловидная накладка, увеличивая сопротивление центральной части оружия на излом, в то же время не снижала ее относительной гибкости. Накладка часто врезалась в рукоять лука, что обеспечивало лучшее сцепление деталей и более высокую прочность самого оружия.

Кибить лука (ее длина у готового изделия достигала 150–160 см) собиралась из разных древесных пород. Изнутри она дополнительно усиливалась пластинами, вырезанными из отваренных до мягкого состояния полых рогов парнокопытных — козла, тура, быка. С внешней стороны лука, вдоль всей его длины, на деревянную основу приклеивались сухожилия, взятые со спины оленя, лося или быка, которые наподобие резины имели способность при приложении силы растягиваться, а потом вновь

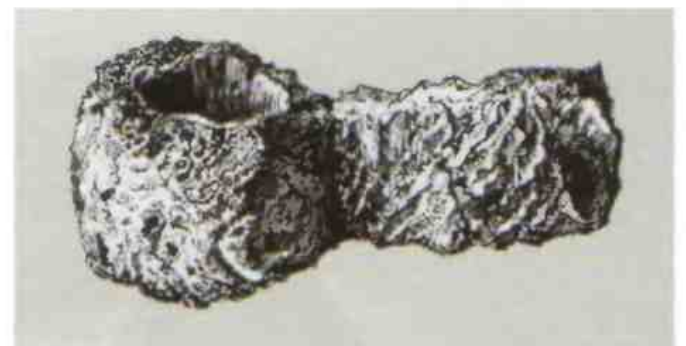
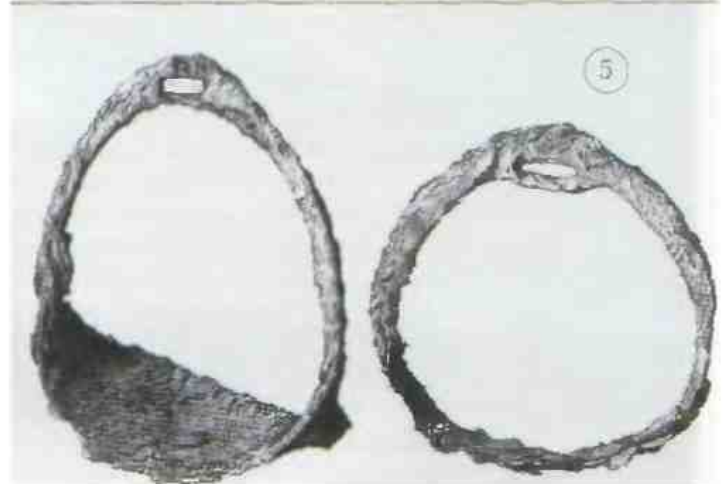
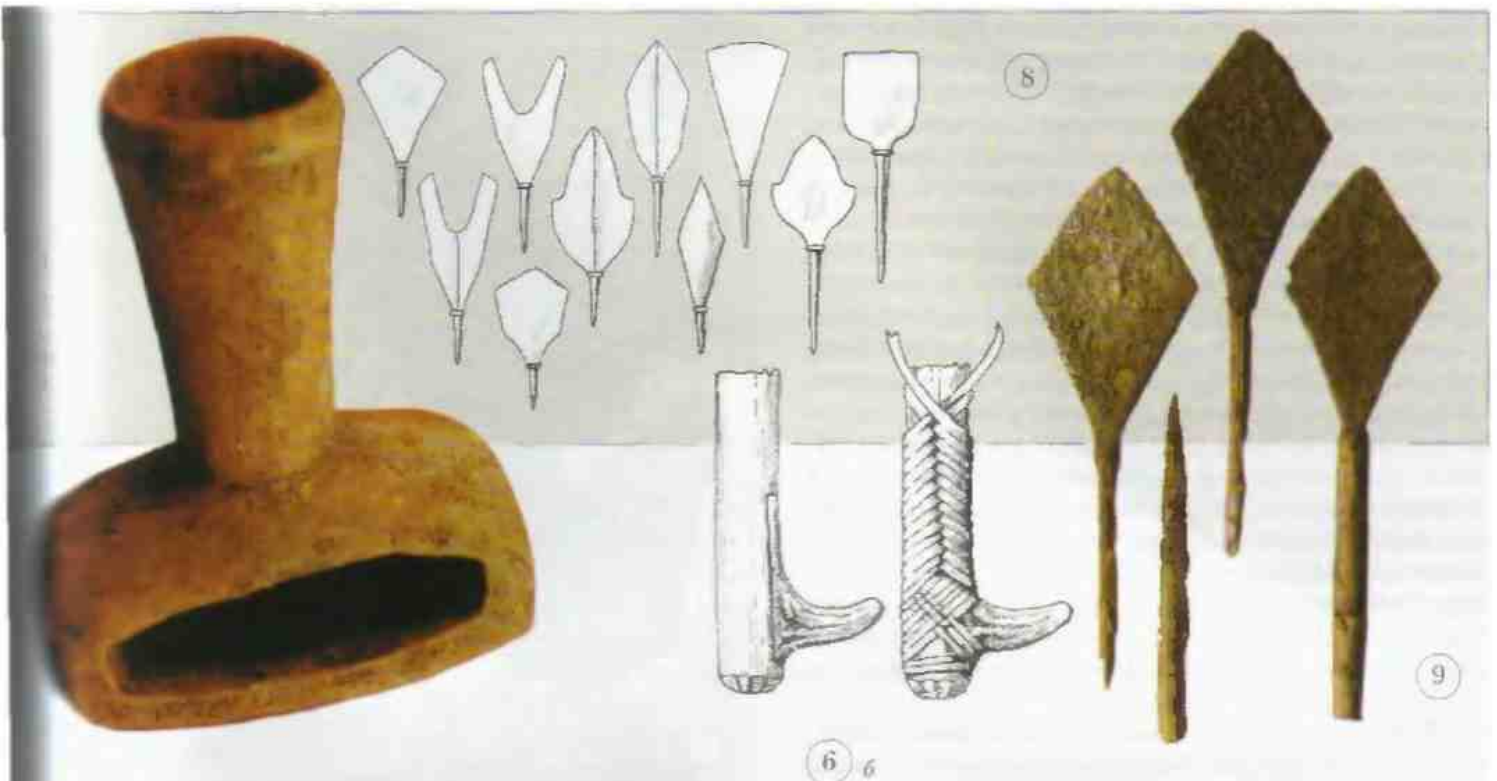

Рис. 5. Стремена. В первой четверти 2-го тыс. н. э. они широко распространяются среди кочевого населения Евразии. Вторая четверть 2-го тыс. н. э. Могильник Сопка-2, Повосибирская область. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 6, а, б. Крючки на рукояти плетки-камчи предназначены для того, чтобы она не выскальзывала из рук. Налетые на тыльный конец деревянной рукояти плетки, они превращали её в комбинированное оружие. Крючки делались из железа (а) и рога (б). XIII—XIV вв. Могильник Сопка-2, Повосибирская область. Раскопки В. И. Молодина

7

Рис. 7. Этот роговой держатель, в котором крепилась волосяная кисть, подвешивался под мордой лошади и служил знаком доблести, воинских заслуг и общественного положения хозяина. XIII—XIV вв. Могильник Сопка-2, Повосибирская область. Раскопки В. И. Молодша. МА ИАЭТ СО РАН

8

6

9

Рис. 8. По сообщению Плато Карпини: «Железные накопечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон подобие обоюдоострого меча», а те из них, что использовались «...для стрельбы птиц, зверей и безоружных людей, в три пальца ширины». Все накопечники - плоские в сечении. Их перо в большинстве своем асимметрично-ромбической формы с наибольшим расширением в верхней трети. Многие имеют прямую, тупоугольную или выпуклую полукруглую поражающую часть. За характерный абрис их называют срезни. Несколько реже встречаются накопечники, откованные в форме широкой развилки с остро отточенной внутренней вогнутой частью, — двурогие, или развилчатые, срезни. На охоте развилчатые срезни применялись для стрельбы по птице, а в бою, по некоторым сообщениям, ими метались в тетивы вражеских луков. Вообще же, все массивные накопечники предназначались для поражения лошадей и не защищенного доспехами противника. Они были устроены так, что даже при касательном попадании меняли направление движения, впаясь в тело. При этом травма наносилась чрезвычайно серьезная. Многие крупные монгольские накопечники имели зигзагообразное или, как его иногда называют, «молниеобразное» сечение. Плоскости их пера как бы смещены относительно друг друга по оси симметрии, и одна половинка пера чуть-чуть выступает над другой. Высказываюсь мнение, правда, ничем не подтвержденное, что такие накопечники вращались в полете. Москва, ГИМ

сокращаться. Процесс наклейки сухожилия имел особое значение, ибо от него в немалой степени зависели боевые возможности лука. У бурятских мастеров, луки которых более всего напоминают древнемонгольские, он занимал от нескольких дней до недели, так как каждый последующий слой наносился только после полного высыхания предыдущего. Работа завершалась, когда толщина сухожильного слоя достигала полутора сантиметров. Готовый лук после этого оклеивался берестой, стягивался в кольцо и сушился — сушка продолжалась не менее года. Вообще, для изготовления такого оружия, включая предварительную сушку заготовок для кибики, требовалось не менее двух лет. Учитывая высокую трудоемкость этого «производства», понятно, почему воины относились к своему оружию столь трепетно.

Тем не менее луки оставались довольно хрупкими и часто ломались. Монгольским воинам приходилось брать с собой, согласно свидетельству Плато Карпини, «два или три лука, или, но меньшей мере, один хороший».

Наверное, занасались они и дополнительными тетивами.

Дело том, что материалы, из которых они делались, по-разному вели себя в различных климатических условиях.

Так, тетива из скрученных бараньих кишок, прекрасно служившая в теплый летний день, не выносила осенней

Рис. 9. Массивные ромбические пропечники способны были нанести серьезное ранение. Узкие массивные накопечники пропечники сквозь плетение кольчуги, а на ближней дистанции, с силой выпущенные из монгольского лука, способны были пробить и другие типы панцирей. Эпоха развитого средневековья. Могильник Усть-Анга, Прибайкалье. Раскопки И. В. Асеева

слякоти и растягивалась, а вытянутая на сырой конской шкуры — сохраняла свою упругость во время мороза. То есть набор таких «запчастей» был необходим не только для замены пришедшей в негодность детали, но и для успешной стрельбы в любую погоду и в любое время года.

Луки натягивались способом, изобретенным задолго до появления монголов на исторической арене. Вот как описывает этот способ очевидец: «Собираясь натянуть лук, берут его несколько на откос в левую руку, кладут тетивуза агатовое кольцо на большой палец правой руки, которого передний сустав загибают вперед, сохраняют его в этом положении в помощью среднего сустава указательного пальца, прижатого к нему, и натягивают тетиву до тех пор, пока левая рука вытянется, а правая подойдет к уху; наметив свою цель, отнимают указательный палец от большого, и ту же минуту тетива соскальзывает с агатового кольца и кидает стрелу со значительной силой» (Иоанн Нейгофф). При этом использовался наперсток или чехольчик из шкуры, по это не было общим правилом. Ностоянные упражнения в стрельбе так огрубляли кожу, что многие лучники вполне обходились и без этого предохранительного элемента.

Носили луки в специальных чехлах из кожи - саадаках, имевших форму половинки натянутого лука. Чехлы иногда не имели наглухо зашитую дна, и рожок лука, как бы провалившись, торчал наружу. Логика такого устройства до конца не понятна, возможно, в этом случае натянутый лук дополнительно закреплялся в отверстии и уже не мог выпасть во время конного боя. Налучья носили как на левом, так и на правом боку, все зависело оттого, какой рукой воин предпочитал держать оружие.

Практически все письменные источники отмечают высокую технику стрельбы монгольских воинов. «С ними очень опасно начинать бой, так как даже в небольших стычках с ними так много убитых и раненых, как у других в больших сражениях. Это является следствием их ловкости в стрельбе из лука, так как их стрелы пробивают почти все виды защитных средств и панцири», — писал армянский царевич Гайтон в 1307 году. Столь успешная стрельба во многом обусловлена особыми свойствами наконечников монгольских стрел. Эти наконечники поражают своими исполинскими размерами: некоторые из них почти с ладонь взрослого человека. Их можно было бы принять за наконечники дротиков,

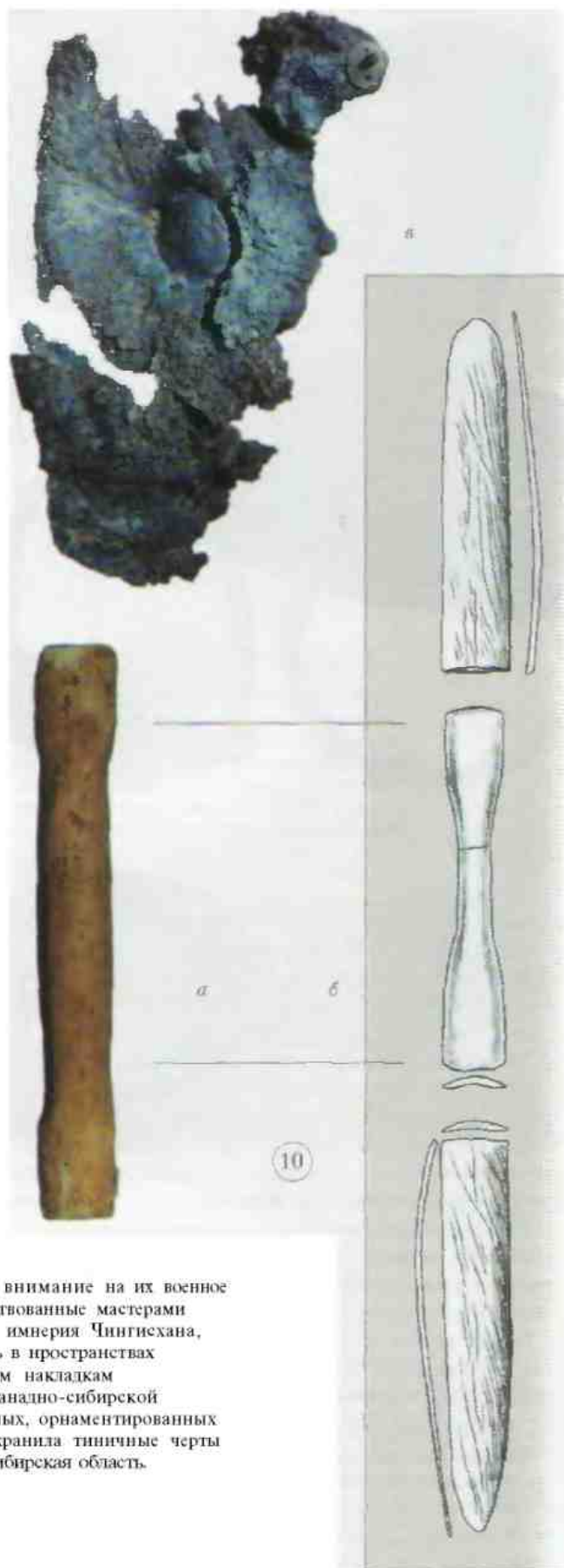
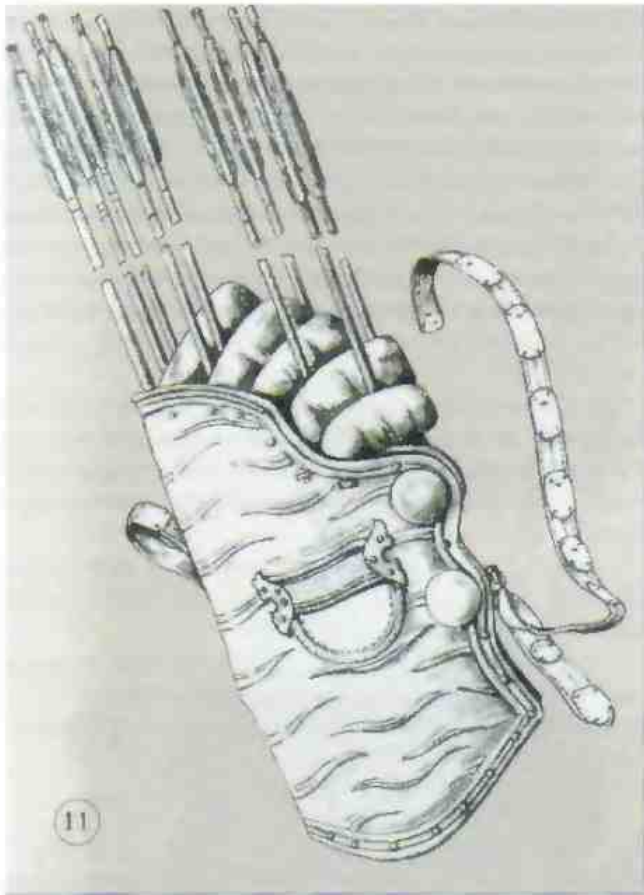

Рис. 10, а–е. Победы монгольских войск заставили обратить особое внимание на их военное искусство, оружие и костюм. Образцы, новаторские и усовершенствованные мастерами других народов, еще долго встречались даже тогда, когда распалась империя Чингисхана, исчезли его далекие потомки, а сами монголы растворились в пространствах подвластных земель. Луки монгольского типа, судя по фронтальным накладкам с характерными лопастями на концах, оставались в руках воинов западно-сибирской лесостепи в XVI–XVII вв. (а, б). Свои стрелы они носили в кожаных, орнаментированных тиснением и бронзовыми накладками колчанах, форма которых сохранила типичные черты монгольских образцов (в). а, б, в — могильник Абрамово-4, Поволжская область. МА ИАЭТ СО РАН, НГКМ

если бы не характерная форма и не то обстоятельство, что находят их в колчанах вместе с другими, «нормальными», наконечниками стрел. Древяно стрелы, оснащенной таким проникателем, достигало почти сантиметровой толщины.

Стрелы с массивными срезными целесообразнее было пускать в противника по навесной траектории. Такая манера стрельбы сохранялась до недавнего времени в культуре кочевого монгодоязычного населения. Вот как описывает ее Н. Витсен, побывавший у бурятов: «...на лошади сидят низко, что они делают для того, чтобы легче новорачивать лук в направлении от врага, затем резко новорачиваются к нему для выстрела, но всегда стреляют вверх так, что стрела надает прямо сверху вниз, когда имеет наибольшую силу, как он (бурят-кочевник — А. С.) мне наглядно показал и как это математически обосновывается. При снуске стрелы он держал оба глаза открытыми... и так умел рассчитывать время, что когда выстреливал вторую стрелу после первой, я видел несколько раз, как вторая почти касалась первой, и обе стрелы надали одновременно, очень близко друг от друга. Ноистине, я бы не поверил этому, если бы я этого не видел».

Указанная манера стрельбы позволяла поражать воинов, стоящих в глубине вражеской строя: они, в большинстве своем, латами не пользовались. Что касается нанцирных ратников, то против них монгольские батыры использовали массивные трех-, четырехгранные или круглые в сечении бронебойные наконечники. Некоторые четырехгранные наконечники ковались с широким прямым лезвием и скошенным на одну сторону острием.

В колчанах монгольских воинов встречались и небольшие ромбовидные наконечники, популярнее еще у тюрков. Знаменитые в прошлом трехлопастные проникатели в монгольское время были крайне редки. Железные наконечники стрел иногда снабжались костяными

Рис. 11. Кожаные колчаны такой сложной формы выкраивались из нескольких кусков толстой кожи. Крупные экземпляры дополнялись карманом, в котором хранились нож, запасные тетивы, и тель. Некоторые колчаны собирались на жестком деревянном каркасе и имели несколько отделений для удобного размещения стрел и защиты их оперения. Эпоха развитого средневековья. Монгольский исторический музей. г. Улаан-Батор

Рис. 12, а-в. Лицевая поверхность берестяных колчанов монгольского времени покрывалась орнаментированными рогами накладкими. Иногда она украшалась накладными фигурными бляшками, тисненым или процарапанным лезвием ножа орнаментом. XIV в. а — реконструкция по золотоордынским материалам Новолжья; б, в — по Н. В. Малиновской, Г. А. Федорову-Давыдову

"свистунками". Их изготавливали в форме совмещенных конусов. С трех сторон в них проделывались круглые, овальные и прямоугольные (ранее не встречавшиеся) отверстия. Последние были характерным признаком эпохи и просуществовали почти до наших дней — например, у бурятов. Легко представить себе впечатление от сынящихся с неба свистящих стрел.

Как нишет Плато Карнини, каждый монгольский лучник имел при себе «три больших колчана, полные стрелами». Колчаны по-прежнему делались из бересты и вмещали примерно 30 стрел. Некоторые снабжались «карманом» и были аналогичны тюркским и кыргызским. Другие изготавливались в форме цилиндра, слегка расширенного к краям. Стрелы в них закрывались от непогоды специальным чехлом — тохтумом. Встречались и традиционные традиционные футляры. Расположение стрел в колчане отличалось разнообразием — накопечниками вверх, вниз и даже в разные стороны. При этом стрелы с редкими трехлопастными проникателями всегда помещались острием вверх. Колчаны украшались роговыми накладками с геометрическим орнаментом и изображениями животного и растительного миров.

Рис. 13. В Монголии насчитывается свыше тысячи постоянных водоемов, 16 из которых имеют площадь более 100 кв. км, и бесчисленное количество временных, возникающих в период дождей. Самые крупные озера страны разместились в полосе равнин между хребтами Монгольского Алтая и горными районами Хангая в широких межгорных понижениях, которые получили названия Котловины Больших озер и Долины озер

13

Кроме описанных колчанов, стрелы хранились и в кожаных футлярах, но своей форме напоминающих налучья. Одна сторона у них была прямая, другая имела несколько выступов или полукруглых вырезов. Их образцы хорошо известны по многочисленным изображениям на китайских, персидских, японских миниатюрах. Их можно увидеть и в Оружейной палате Кремля в Москве среди этнографических материалов Забайкалья, Южной и Восточной Сибири. Дальнего Востока, западно-сибирской лесостепи, относящихся к эпохе позднего средневековья. Стрелы располагались и в них онерением вверх, нередко выступая наружу более чем на половину своей длины.

Колчаны со стрелами подвешивались на правом боку наклонно за колечки, расположенные по центру ребра (нижним концом вперед, чтобы не мешать при верховой езде). Иногда их с помощью длинного ремешка перекидывали через плечо.

В ближнем бою монгольские воины использовали древковое ударное и колющее оружие: легкие дротики, копья, нальмы, тоноры, булавы.

У дротиков были небольшие втульчатые и черешковые железные наконечники с шинами. Дротик, по сути, оставался вспомогательным оружием боя на средней дистанции.

Рис. 14. Каменный полупустынный пейзаж типичен для межгорных котловин и предгорий юго-востока Алтайского горного массива, постепенно переходящего в цепь низких разрозненных хребтов, получивших название Гобийского Алтая. Эти места с древнейших времен были обжиты человеком, который везде оставил следы своего пребывания. Негребальный комплекс раннего железного века. Монгольский Алтай

14

При той великолепной, отмечаемой практически всеми современниками, технике лучного боя в легких метательных копьях монгольская конница особенно не нуждалась. При этом наконечники монгольских копий, используемых при таранном ударе тяжелой кавалерии, отличались немалым разнообразием. Согласно сведениям Плано Карпини, некоторые воины «нашейке железа копыа имеют крюк, которым, еслимогут, стаскиваютчеловекаседла». Для монголов характерны «универсальные» копыа, которыми и панцирь пробивали, и легковооруженного противника с копыа сбрасывали. У их наконечников было длинное узкое перо в виде

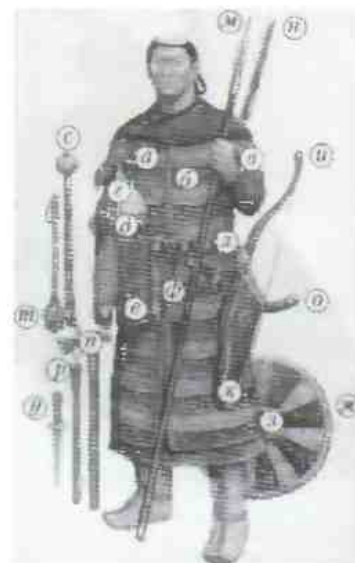

Рис. 15. Тяжеловооруженный монгольский воин. Он одет в комбинированный панцирь покроя «халат», сочетавший в себе ламеллярный и ламинарный принципы бронирования. Панцирь собран из чередующихся полос. Одна из них составлена из узких панцирных пластинок (а), другая состоит из склеенных в несколько слоев и прошитых широкими кожаными лентами (б). Кожаные детали покрыты лаком и расписаны красной краской, металлические — отполированы. Панцирь запахивается спереди. Руки по локти закрываются оплечьями (в). Шлем (с), который воин держит в руке, высокой сфероконической формы. Он украшен накладными боковыми пластинами (с фигурной вырезкой) (д). Бармица — кольчужного типа (е). Дополняет защитное вооружение щит (ж), сделанный из гибких прутьев, — они соединены сплошной обвязкой из нитей. В центре щита — металлический умбон (е). Оружие дальнего боя представлено луком (и) и стрелами с массивными наконечниками. Пижний конец налучья (к), слева прикрепленного к специальному поясу (л), направлен вперед, чтобы не создавать помех при верховой езде. Оружие среднего и ближнего боя включает в себя копые (м), пальму (н) (показан лишь наконечник без древка), кривую саблю (о), топор с молоточком на обуховой части (п), топор с круглым лезвием (р), булаву (с), шестопер (т), кинжал (у) и нож (ф). XIII—XIV вв. Реконструкция по материалам Монгольского исторического музея, Бийского исторического музея, тебризских миниатюр, МА ИАЭГ СО РАП

Рис. 16. Среди древностей юго-востока европейской части страны изредка встречаются сфероконические шлемы со шпилем и железными масками-личинами, изображающими горбоносые лица с каплевидными глазами, широкими бровями и загнутыми вверх усами. Относительно этих паходок высказывались разные мнения. Одни исследователи считают, что эти предметы носили бутафорский характер и не использовались в бою, другие связывают их с оружием традицией Древней Руси и кочевников Восточной Европы. В последние годы М. В. Горелику удалось доказать, что шлемы с железными личинами следует связывать с монголами. Антропологический тип, который передает металлическое лицо, отражает «древний алтайский идеал мужгероя», который «продержался в Азии, несмотря на смуту народов, языков и рас, без изменений с V в. до н. э. по XV в. н. э.». В бою, по его мнению, «эти шлемы производили исключительно неприятное впечатление на врага». И дело не только в «мертвом» металлическом лице, вззирающим на противника живыми глазами, но и в том, что чужой антропологический тип может выглядеть угрожающе. Античные писатели подчеркивали отталкивающее впечатление, которое производил на европейцев римляк монголоидный облик гуннов. У многих коренных народов Северной Азии, принадлежащих к монголоидной расе, такие же эмоции вызвали встречи с европейцами, которых они называли людьми с птичьими глазами и носами. Нарядные шлемы с масками не были рядовым оружием и принадлежали военным предводителям, которые должны были выделяться среди подчиненных, выглядеть в любой ситуации бесстрашно и уверенно. XIII—XIV вв.

ромба или треугольника. У треугольных — втулка как у пики, плавно переходила в острие. Различалось лишь сечение острия — у пики оно представляло собой многогранник. Наконечники копий с широким пером рассчитанные на бой с не прикрытым латами всадником встречаются сравнительно редко. В таком бою применяли, похоже, другую разновидность древкового оружия — пальму. Нальмой называют массивный нож, закрепленный на конце длинного, почти как у копья древка. Заимствованные у таяжных охотников, пальмы являлись одновременно колюще-рубящим оружием.

Топоры, по всей видимости, не пользовались у монголов большой популярностью, хотя Нлано Карпини помещает их в список обязательного для монгольского воина оружия. Они делятся на несколько типов. Одни очень напоминали современные плотницкие проушные топоры — только без бороздки и без вытянутого в сторону рукоятки обуха. Другие — с молоточком на обушной части — уже встречались нам в боевом арсенале кыргызов. Третьи крепились к рукоятки с помощью черешка и имели округлое, секторовидное лезвие. По мнению М. В. Горелика, такие топоры следует относить к мета-

тельному оружию. Вероятнее всего, они не были боевыми, а сообщали информацию о социальном статусе владельца - наподобие небольших секир, которые носили рынды - великокняжеские и царские телохранители-оруженосцы XIV - XVII веков. Наверное, именно поэтому находки подобных топоров единичны.

Древним, проверенным временем булавам тоже находилось применение на поле боя. Их изображения нередки среди персидских миниатюр, да и археологам попадаются в руки железные наконечники в форме уплощенного шара. Такой шар крепился на длинной рукояти, снабженной

Рис. 17. Примерно так мог выглядеть монгольский воин XV - XVI вв. Для защиты тела он использует бригандину (а), которая с XIV в. становится основным видом панцирной зашиты. Шлем (б), сохраняя сфероконическую форму, паликом откован из одного куска железа. Бармиша (в) сделана из толстой кожи, подбитой войлоком и простеганной прочной нитью. Из оружия ближнего боя изображены топор (з), сабля (д), рукоять которой продолжает линию лезвия. Такое устройство позволяло наносить удар двумя руками. Лук и стрелы, в соответствии с кочевнической традицией, носят в специальных чехлах (е), сшитых из кожи и украшенных накладными бляхами и тиснением. Набор вооружения завершают копьё (ж) с широким наконечником и песчанкой втулкой и короткий нож (з), по самую рукоять утопленный в деревянные ножны. Реконструкция по находкам в Ачинско-Маршанской котловине и северо-западной Монголии

ременной петлей, куда продевалась рука. В дальнейшем - в целях повышения эффективности - гладкая ударная часть дополняется гранями и специальными ребрами-лопастями. Такую многолопастную конструкцию в русских дружинах называли «шестопер», или «пернач».

Основным средством ведения ближнего боя у монгольских нукеров⁵ были кривые сабли. Холодное клинковое оружие, как наиболее ценное, бойцы очень берегли, оно не передавалось из рук в руки и по наследству - этим объясняется то, что археологи находят его нечасто. Даже чужое оружие тщательно собиралось и уносилось победителями. А на покоренных землях, как горестно замечает Нлано Карпини, оставались только "бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на полях". Собственно монгольские клинки были слабо изогнуты и снабжены пластинчатым перекрестием. Рукояти располагались под небольшим углом клезвию или, как у японских мечей, как бы продолжали его линию. Клинковым оружием, прежде всего, пользовались наиболее состоятельные воины.

Защитное вооружение у монголов получило широчайшее распространение. Высказано даже мнение, что все монгольские воины были тяжеловооруженными, ибо имели надежные металлические и кожаные доспехи. Но схеме изготовления они подразделяются на несколько видов. Это знакомые нам ламеллярные панцири, бригадины, крупнопластинчатые, ламинарные и комбинированные доспехи. Детали ламеллярных лат почти не отличались от тех, что защищали тела воинов Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху раннего средневековья. Крупнопластинчатые латы собирались из стальных прямоугольников и квадратов миллиметровой толщины, приклепанных горизонтальными рядами к ремням, которые потом связывались в единое полотно. "Армированные" ремни ярусами располагались друг над другом. В ином варианте панцирные пластины приклепывались к матерчатой или кожаной основе. При изготовлении бригадин, металлом подбивалась внутренняя сторона доспехов. Ламинарные латы делали из широких кожаных лент, склеенных, как правило, в несколько слоев и прошитых. Позднее, в XV веке, принцип соединения полос изменится: их перестанут привязывать

Рис. 18. Эта слабоизогнутая сабля, найденная в Кузнецкой котловине, имеет обоюдоострую колющую часть, специально сконструированную для эффективного пробивания мягких многослойных войлочных доспехов, которые невозможно было расечь рубящим ударом. Несмотря на распространенное мнение, что такие клинки предназначены для борьбы с противником в жестких, в том числе металлических доспехах, вряд ли им были возможно пробить ламеллярный нагрудник. Под перекрестием клинка видна металлическая обмотка с длинным концом, опущенным вдоль лезвия. Она предназначалась для плотной фиксации оружия в ножнах и защиты последних от повреждения режущей частью. XII-XIV вв. ПКМ

Рис. 19, а-в. Размеры этих трех наконечников - монгольского (а), кыргызского (б) и хуннского (в) показывают, насколько возросла мощь метательного оружия со времен Атиллы к эпохе Чингисхана. а - XIII-XIV вв. Горный Алтай, раскопки Н. В. Нолосьмак, МА ИАЭТ СО РАН; б - VIII-X вв. Минусинская котловина, находка в разрушенном погребении, МА ИАЭТ СО РАН; в - рубеж эр. Горный Алтай, раскопки Н. В. Нолосьмак, МА ИАЭТ СО РАН

друг к другу, а начнут ковать из железа и приклеивать к промежуточным соединительным ремням, расположенным с изнанки. Комбинированные панцири представляли собой последовательное чередование ламинарного и ламеллярного наборов. Кожаные панцири покрывали лаком и расписывали зеленой, розовой, красной, охристой красками, а также украшали декоративной вышивкой. Металлические же панцири либо чернились, либо, наоборот, полировались до блеска так, «что человек может видеть в них свое лицо». Надо отметить, что такая полировка сокращала срок службы доснехов, но эстетика брала верх над целесообразностью. Мягкий металл доснехов проковывали в собранном состоянии, края пластин плотно прижимались друг к другу, а поверхность становилась твердой из-за поверхностного наклепа.

Своим покроем монгольские панцири напоминали длинный кафтан с разрезом сзади до самого крестца и с лонастями-онлечьями до локтей. Были и такие, что походили на кирасу, соединенную ремнями с онлечьями и набедренниками, — тип, знакомый нам еще по гунно-сарматскому времени. Подобные доснехи, собранные из жестких материалов, назывались у монгольских воинов «хуяг» и «худесуту хуяг», что означало: пронизанный, прошитый ремнями панцирь.

Подробное описание такого рода монгольских ламеллярных доснехов XIII века оставил Плано Карпини.

Согласно этому описанию, монгольские латы состояли из четырех частей. Нагрудник защищал переднюю часть тела от шеи до бедер и был сконструирован с учетом анатомии человека («согласно расположению человеческого тела»). От плеча до подмышек он прямоугольной лонастью прикрывал грудь, а ниже, расширяясь в обе стороны, охватывал бока («облегает кругло вокруг тела»). На спине помещался кусок аналогичной формы, который соединялся с нагрудником на боках застежками. На плеч-

ках обе детали кренились друг к другу с помощью пряжек и железных дуг, огибающих корпус надобие лямок. На руки от плеча до кисти надевались длинные паплетки, прикрепленные к тем же дугам, а на погиреугольные набедренники, продолжавшие внизу нагрудник.

Варианты этого типа боевой одежды различались длиной и формой частей. Кроме того, составной характер доснехов позволял использовать его частично.

Доснехи, похожие на халат, тоже допускали отклонения от основного шаблона. Одни были длинноногие, но самую шиколотку, другие — короткие (нечто среднемежду низом куртки с короткими рукавами и тельняшкой — с длинными, до кистей рук, онлечьями. Обыкновенно онлечья, исполненные в прямоугольной или фигурной, похожей на древесный лист, форме, доходили только до локтей. С XIV века их конструкция меняется. Ламеллярные и ламинарные нагрудники остаются в прошлом. Теперь онлечья представляют собой узкие металлические полоски, горизонтальными мушкетерами наклепанные на несколько вертикальных ремней. Ремни же привязываются к выпуклым кованым пластинам, помещаемым на плечи воина.

Кроме жестких лат, монголы использовали и «мягкие» доснехи. Они кроились из простеганных конским волосом и подбитых войлоком и железными пластинами тканей (называли их «хатангу дегель», что значит — твердый, крепкий халат), часто надевались под жесткий нагрудник и были, вероятно, самой распространенной боевой одеждой. В XIII веке изнутри к ним стали подшивать крупные металлические пластины (в похожем варианте, под них помещали «бронезилеты», набранные из тех же крупных пластин). С внешней стороны, на груди и на спине, доснехи часто укреплялись металлическими накладными дисками — в русской оружейной

Рис. 20. В Заалтайском Гоби двугорбые верблюды до сих пор встречаются в диком виде. Местом разведения этих животных традиционно служат полупустыни. В империи монголов, по наблюдениям Гильома де Рубрука, верблюды использовались при форсировании рек. Они тянули высокие новозки со специальными сундуками, обернутыми черным войлоком, пронитанным салом, который делал их содержимое недоступным для влаги. Верблюды с нононами, транспортными и вьючными седлами признавались, по свидетельству Плано Карпини, достойным даром в ставке монгольских ханов. Монгольский Алтай

Рис. 21. Этот позднесредневековый шлем северокорейского происхождения сохранил многие черты монгольской эпохи - приотстрепную сфероконическую форму кунола, собранного из секторов, узкие металлические накладки с узорчатыми краями, закрывающие места их стыков, обруч у основания шлема с фигурным, резным верхним краем, узорчатую налобную пластину с вырезами для глаз, подвешенные на куноле шлема в форме перевернутой чаши с резными краями, длинный конический шпиль наверху с маковкой-шариком и конической трубкой для султана. Круглые прорезные розетки-«мишени» на куполе шлема - наследие центрально-азиатской домонгольской традиции, восходящей к китайским и тангутским шлемам X-XIII вв. Трехчастная бармица со скрытым бронированием высоко прикреплена к тулье. Её верхний край поднимается выше обреза шлема, и тулья получает дополнительное бронирование. Сам металлический купол шлема обтянут тканью. Династия Ли. Центральный исторический музей КНДР, г. Нхеньян

традиции их зовут зеркалами. В XIV Веке и позже крупнопластинчатые пагрудники и паснипки, соединенные на плечах и боках металлическими пряжками и дополненные тоже металлическими наплечниками и подолом, вместе с бригандиной, вытесняют почти все другие виды панцирной защиты. В это же время в комплект защитного вооружения все тире входит кольчуга, которая до того у монголов не была распространена.

Шлемы монгольского войска известны, и основным, по изображениям. Они имели знакомую нам по другим культурам сфероконическую форму, но с более низким, словно приземистым профилем. Ковались они, в большинстве своем, как и раньше, из нескольких (от двух до восьми) секторов, но стыковочные швы на куполе стали закрываться узкими пластинами с фигурно вырезанными краями. Песколько изменив технологию, монгольские мастера увеличили число ребер жесткости, попутно украсив свое изделие. Украшали его и резные фестончатые края металлическою кольца, скреплявшего основание тульи шлема. Если накладные пластины были изготовлены из черного металла, то купол часто полировался - это добавляло нарядности. Бармицы делались, скорее всего, из кожи: «Шлем же сверху железный или медный, - цитируем Плато Карпини, - а то, что прикрывает кругом шею и горло, - из кожи. И все эти куски кожи составлены указанным выше способом», - то есть связаны ремешками из многослойных клееных пластин. Впрочем, археологическая картина рисуется несколько иной. У очень немногих дошедших до нас шлемов вдоль нижней края пробиты отверстия. Это означает, что у этих шлемов бармицу составляли куски кольчуги, один из которых защищал затылок, а другой - лицо; для глаз в основании тульи прорезались специальные полукруглые вырезы. Встречались и войлочные бармицы со смешанными кожанометаллическими наушами.

«Щит у них, - говорится в том же тексте, - сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили их иначе, как в лагере для охраны императора и князей, да и то только ночью». Такие круглые щиты сильно пружинили, легко гася удары клинкового оружия. В центре щита размещался традиционный металлический умбон. Для изготовления щитов использовались дерево и многослойная кожа.

Чтобы получить сведения о монгольской «вооруженной лошади», снова обратимся к труду Плато Карпини. По его описанию, конские доспехи делались по ламинарному принципу и представляли собой несколько крупных кусков, которые последовательно закрывали корпус боевого коня с обоих боков «от хвоста до головы и связываются у седла... сзади седла на спине и... на шее». Грудь лошади охватывал пагрудник; поверх крупа, над связками боковин, помещалась другая часть панциря - «в этом куске они делают отверстие, через которое выставляют хвост», - отмечает папский легат. И далее указывает длину панциря: «Все части простираются до колен

или до связей голеней". Шею лошади тоже защищал панцирный кусок, а морду - железная маска. Конечно, есть все основания полагать, что, кроме этого, конскими доспехами могли быть и проверенные временем войлочная стеганая попона, и металлический ламеллярный панцирь тюркского или кыргызского покроя.

Монгольское войско было организовано по десятичному принципу. Читаем у Плано Карпини: «О разделении войск скажем таким образом: Чигисхап приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, но главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе тысячников был поставлен один, и это число у них называется тьма. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному». Десятитысячные отряды именовались туменами, а их начальники (в русских летописях) - темниками. Все мужское население Монгольской империи было разделено на десятки, каждый из которых "выставлял, смотря по наряду, по одному, по два и более воинов, снабжая их назначенным продовольствием и потребностями в походе" (М. И. Иванов — один из первых профессиональных исследователей монгольского военного искусства).

Войско состояло из трех частей — центра и двух крыльев. Помимо собственно «полевых» частей у монголов формировались вспомогательные подразделения: тыловое обеспечение (прообраз интендантских служб), отряды, занимавшиеся прокладкой дорог, и разведгруппы. Кроме этих групп, монголы имели целую «агентурную» разведывательную сеть, включавшую в себя и «легальных» разведчиков - купцов и послов. Уже тогда дипломатические и торговые связи служили надежными каналами сбора информации.

23

Рис. 22. Веками устоявшийся быт кочевников Центральной Азии меняется мало. Юрта, неприхотливая коренная лошадь монгольской породы, седло, уздечка и даже лук со стрелами, что и века назад, верно служат потомкам грозных завоевателей. Однако теперь стрелы свистят лишь на ирзидничных состязаниях, латы и сабли - атрибут костюмированных инсценировок, а традиционные предметы кочевого быта все чаще делаются из современных материалов

22

Рис. 23. Форма налучья в виде половинки натянутого лука возникла задолго до появления на исторической арене монгольских племен. Однако именно в монгольскую эпоху (вторая четверть 2-го тыс. н. э.) изделия данного типа получили повсеместное распространение. Это кожаное налучье, обтянутое дорогой синей тканью и украшенное металлическими чеканными накладками, несет в своем облике черты дизайнерских разработок монгольских мастеров. В подобных футлярах луки хранили в натянутом положении, что не переводит эти изделия к разряду боевых, т. к. долго держать напряженную кибить с наброшенной тетивой было нельзя, — терялась её упругие свойства. Династия Ли. Центральный исторический музей КНДР. г. Пхеньян

Рис. 24. Монголия - страна, где седая старина и последние древних культур мирно уживаются с традициями сегодняшнего дня. Пастухи с почтением относятся к древним святыням, передко сооружают около них культовые постройки и возносят моления духам своих предков. У древних паскальных рисунков сложен невысокий каменный столб — «обо». Около таких каменных кладок, обычно устраиваемых на перевалах, высоких и заметных издали местах, вблизи древних троп и дорог, пастухи и путники оставляют припошения местным духам. Время сооружения подобных «обо» пестро. Урочище Аптагол. Гобийский Алтай

24

Нравы и порядки монгольской армии были необыкновенно суровыми. Железная дисциплина, столь несвойственная кочевым отрядам, поддерживалась весьма жестокими мерами. Обратимся к свидетельствам Плано Карпини: «Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один или два или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их тоже умерщвляют, а если из десяти понадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они тоже умерщвляются». Комментарии излишни. Вместе с тем не чуждо кнут царствовал в монгольском войске. Заботу о воинах Чингисхан ставил очень высоко и того же требовал от своих командиров. «Подобает начальствовать войском тому, кто сам чувствует жажду и голод и соразмеряет с этим положением других, идет по дороге с расчетом и не допускает войско терпеть голод и жажду, а четвероногих отощать. На это смысл указывает: идите шагом слабейшего из нас».

Высокий профессионализм воинов достигался постоянными тренировками и их целенаправленной подготовкой, начиная с детского возраста. Дети в «два или три года от роду сразу же начинают ездить верхом, и управляют лошадьми, и скачут на них, и им дается лук согласно их возрасту, и они учатся нускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы». В немалой степени этому способствовал и сам военизированный кочевой быт. Это отмечали средневековые историки: «Родятся и вырастают на седле и на лошади, они сами собой научаются сражаться, потому что вся их жизнь круглый год проводится на охоте. Оттого у них нет нехоты, а все конница». Чингисхан любил повторять, что «зверовая охота — школа войны». На устраиваемые им облавы собирались участники со всей Монголии. Приехавшие на охоту считались на военном положении, когда всякая оплошность не говоря обслушании, строю наказывалась. Состав, численность и даже вооружение подразделения охотников-облавы были практически идентичны воинским.

Отряды участников делились на правое и левое крылья и центр, со своими начальниками во главе. Использовались одни и те же приемы — окружение, нагон на засаду и в назначенные места, отсечение путей

отхода. "Когда нет войны с врагами, — говорится в "Великой Ясе" Чингисхана, пусть... учат сыновей, как гнать диких зверей, чтобы они навыкли к бою и обрели силу и выносливость, и затем бросались на врага, как на диких животных, не шадя",

У монголов совершеннолетие наступало в 13 лет, и с этих пор юноши несли воинскую службу и участвовал в облавных охотах. Первая охота была чем-то вроде инициации — обряда воинского посвящения. Бытовал и обряд намазания (натирания мясом и жиром) пальца мальчика, впервые убившего зверя на охоте. Известно, что, когда Чингисхан смазал пальцы своим внукам Хулагу-хану и Хубилаю, впервые добывшим зверя, им было девять, соответственно, одиннадцать лет.

25

Рис. 25. Тяжеловооруженный монгольский всадник. Корпус его лошади закрыт двумя "броневыми" пластинами, собранными из длинных кожаных лент. На боках лошади они удерживаются переброшенными через спину ремнями, которые прикрываются сверху седлом и широкой армированной пластиной, помещенной поверх крупа животного (накрупник). На груди и под рясницей хвоста боковые пластины свободно соединены между собой ремнями так, что, образуя некое подобие короба вокруг туловища лошади, не мешают ей двигаться. Грудь животного дополнительно прикрыта «фартуком» нагрудника. Шею защищает двучастный панцирный кусок (нашейник), морду — металлическая маска. Реконструкция по изобразительным материалам монгольского исторического музея г. Улан-Батора и описанию Плато Карпини

В период облав много внимания уделялось играм и различным богатырским утехам. Папример, стрельбе из лука, борьбе, соревнованиям в физической силе (так, одно из них заключалось в том, что участники пытались голыми руками сломать берцовые кости животного). Сказители, как всегда, рассказывали предания и легенды, воспевали подвиги славных воинов.

Монголы серьезно готовились к войне и, прежде чем напасть, обстоятельно собирали о недруге все доступные сведения. Выявляли недовольных в рядах предполагаемого противника, не брезговали и подкупом, чтобы привлечь его на свою сторону. Вторжение начиналось глубокими рейдами по тылам врага нескольких отрядов, обходивших его города, укрепленные пункты и крупные скопления войск. Они разгоняли стада и истребляли жителей, при этом внимательно наблюдая за передвижением вражеских войск. «Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед нередовых застрельщиков, у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей, а только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в бегство; все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство», замечает Илано Карпини. Помимо таких «оперативных» частей, впереди основных сил монгольского войска двигался легкий мобильный авангард, решавший задачи ближней разведки (и разведки боем, в том числе). Эти отряды, постоянно тревожили врага: отступали, выпустив серию стрел, и нападали вновь, не ввязываясь в серьезную схватку. «Надо знать, что всякий раз, как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают опять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и если враги преследуют до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают».

За авангардом следовали главные силы монгольского войска, «которое, наоборот, забирает все, что находит; также и людей, если их могут найти, забирают в плен и убивают. Тем не менее, все же стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые должны находить людей и укрепления, и они очень искусны к розыскам». — сообщает Плато Карпини. Перед началом решающей битвы все подвижные монгольские отряды быстро собирались воедино и занимали свое место в общем строю. «Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться». Войско выстраивалось в несколько линий - передние состояли из легковооруженных воинов и союзнических отрядов, а задний эшелон включал в себя тяжелую конницу и резерв, который бросали и бой в решающий момент. Монгольские полководцы, в отличие от распространенной в древнем мире практики, личного участия в сражении не принимали и чудес доблести, как правило, не показывали. Паоборот: «Вожди или на-

Рис. 26. Монгол верхом на коне. Рисунок китайского художника XVII в. Па заднем плане персидская миниатюра 1315 года, изображающая торжественный выезд могольского хана. Видна походная юрта. В свое время такое сооружение немало удивило Плато Карпини, который сообщил, что подобные жилища устанавливались на большие повозки, которые могли тащить до 22 быков

27

Рис. 27. Байкал. Жемчужина Азии. Много видели эти воды. Берега священного озера хранят тайны степных владык и повелителей кочевых империй. Где-то здесь, по пародному поверью, пашел пристапнице и дух великого завоевателя Вселешпой - Чингисхана

начальники войска, — читаем мы далее, — не вступают в бой, но стоят вдали против поиска врагов и имеют рядом с собой на конях отроко, а также женщин и лошадей. Иногда они делают чучела людей и помещают их на лошадей; это они делают для того, чтобы заставить думать о большем количестве воюющих». Чтобы еще более усилить обманный эффект, монголы гнали перед собой плененных; именно пленные (вместе с союзниками и небольшими копейными группами) припимали па себя нервый, самый мощный, ударнейриятеля. Затем «другие отряды более храбрых людей они носоылают далеко справа и слева, чтобы их не видали их противники, и таким образом окружают протииникон и замыкают в середину; и таким образом они начинают сражаться со всех сторон.

И хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много. А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и чучел, которых, как сказано выше, они считают за воителей и вследствие этого приходят в страх и замешательство». Этот маневр напоминает один из приемов облавной охоты, когда стрелки, загонщики и следопыты двумя крыльями, расходясь далеко в стороны, согласованно и тихо окружают целый район, а потом, сжимаясь, избивают со всех сторон стрелами загнанных котелживотных.

Сражение начиналось по команде массированным обстрелом противника из луков. «Татары не смеют начать битвы, нока не забьет накар (большой барабан - Л. С.) их начальника; как только он забьет, тут они и начинают битву... — свидетельствует вепециапский купец и путешественник Марко Поло, прослуживший семнадцать лет у монгольского хана Хубилая, — нежде, нежели на-

кар забьет, ноют они и тихо играют на двуструнных инструментах; ноют, играют и тихо веселятся, ноджидая схватку... Забил накар, и люди, не медля, бросились друг на друга. Схватились за луки и стали нускать стрелы. Перенолнился весь воздух стрелами, словно дождем; много людей было смертельно норанено. За криками и вонлями и грома нельзя было расслышать; воистину, видно было, что сошлись враги смертельные. Метали стрелы, нока их хватало; и много было мертвых и насмерть раненных». По сведениям Марко Поло, «каждый воин в сражении имел 60 стрел, 30 маленьких — метать, и 30 больших с железным широким наконечником; их бросают вблизи в лицо, в руки, неререзывают ими тетивы и много вреда наносят ими».

Очень высокую частоту стрельбы монгольской конницы отмечали практически все очевидцы, неизменно сравнивая с дождем ту страшную картину, что открывалась их глазам. «И летели стрелы в город, словно дождь из бесчисленных туч», — восклицает русский летописец. «Стрелы у них... не летят, а как бы ливнем льются», — вторит ему венгерский миссионер. Средневековые лучники могли прицельно выпускать до 8—12 стрел в минуту. Если даже мы сократим частоту стрельбы до 5 выстрелов, то за минуту разные подразделения монгольского войска (десяток, сотня, тысяча и т. д.) вынусками по 50, 500, 5000 стрел, а при максимальной скорострельности в воздух возле каждой сотни воинов ежеминутно взмывало до 1200 стрел.

Проводить массированный обстрел — дело непростое. Оно требует (кроме индивидуальной выучки) организации стрелковой линии таким образом, чтобы лучники видели цель и не мешали друг другу. Эту задачу монголы решали двояко.

С одной стороны, для этого практиковалась истария известная в кочевой среде тактика рассынного строя, включавшая ложное отступление и обстрел влобоборота назад преследующего противника. Вот как это описывается у Марко Поло: "В битвах с врагом берут верх вот как: убегать от врага не стыдятся, убегая, новорачиваются и стреляют. Коней своих приучили, как собак, ворочать во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся, славно да сильно, так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит назад и новорачивается, стреляет метко, бьет и вражых коней, и людей; враг думает, что они расстроены и побеждены, а сам проигрывает от того, что кони у него нерестреляны, да и людей изрядно побито. Татары, как увидят, что перебили и вражых коней, и людей, новорачивают назад и бьются славно, храбро, разоряют и побеждают врага".

Существовал и другой прием. Суть его сводилась к следующему: отряды выстраивались друг за другом в кольцо и, проскакивая по очереди мимо неприятеля, нускали в него стрелы. Интенсивность обстрела при этом достигалась очень высокая. «Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, пишет Марко Поло, — то они... избегают войско и носятся по кругу, чтобы вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок. Правда, для этого у них есть опытные в сих делах вожатые, за которыми они следуют. Но если эти вожатые надут от вражеских стрел или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что они не в состоянии вернуться к порядку и стрелять во врага».

За соблюдением строя в этом случае следили чрезвычайно строго. Неслучайно сам Чингисхан грозил смертной казнью тому, кто немедленно «не вернется в строй и не займет своего первоначального места». Шквальный обстрел длился до тех пор, пока хватало стрел. Или же пока противник не расстраивал своих рядов и не обращался в бегство. Если и после столь убийственного обстрела противник продолжал сопротивляться, то на его обескровленные ряды лавой обрушивалась тяжелая конница монголов, которая таранным ударом в слабое место разрывала боевые порядки. Этим начиналась вторая фаза сражения — ближний бой. Еще раз обратимся к свидетельству Марко Поло: «Вышли все стрелы, неприятели свои луки в колчаны, схватились за мечи и налицы и бросились друг на друга. Стали они наносить сильные удары мечами и налицами; началась злая и жестокая битва; наносились и получались удары сильные; отсекались руки, и замертво надали люди на землю; знайте, по истинной правде, вскоре после того, как началась рукопашная битва, накрылась земля мертвыми да смертельно ранеными».

Задачей монгольской армии было тотальное истребление живой силы противника, что она всегда и пыталась сделать с особой жестокостью. очевидцы нередко сообщали о том, что после битвы монголы бесноводно предавали тонору всех без разбора, включая и славшихся в плен. Монгольские завоеватели впервые познакомили мир с тактикой массового уничтожения народов, когда вырезались старики, и женщины, и дети ростом выше оси тележного колеса.

Столкнувшись с очень сильным и стойким противником, монголы прибегали к различного рода хитростям и уловкам. О чучелах верхом на лошадях, о ложных отступлениях, о пленных на острие удара мы уже упоминали. Нередко монгольские полководцы сами моделировали схему вражеского отступления, оставляя для него лишь заранее определенные маршруты.

Рис. 28. Еще один рисунки китайского художника XVII в., изображающий спешного монгола. На заднем плане показан штурм крепостных сооружений монгольским войском с использованием китайских кампеметных машин. Иранская миниатюра начала XIV в.

29

Рис. 29. Белые стены буддийского монастыря Эрени-дзу с XVI в. расположились на вершине песчаного вала, некогда окружавшего Каракорум (по-монгольски Хара-Хорин) — столицу могущественной империи Чингизидов. Монастырь занимает лишь часть обширной территории города, основанного в 1220 г. в верхнем течении р. Орхон самим Чингисханом и простоявшего у подножья Хапгайских гор свыше 300 лет. Современная высота вала вокруг древних развалин местами достигает четырех метров, ширина — восьми метров, кое-где сохранились и остатки заплывшего рва. О былой роскоши города можно судить по сведениям китайских летописей, данным археологических раскопок и запискам европейских путешественников — Марко Поло, Плано Карпини, Гильома Рубрука. Последний, посетив Каракорум в 1253 году, оставил не только подробное описание многолюдного города и резиденции Мункэ-хапа, но и пейзажного по тем временам «чуда» — серебряного дерева, сотворенного французским мастером Гильомом Буше, с фигурами ангела, трубящего в горн, львов и змей, из пасти которых в пухлый момент текли вино, кумыс и прочие хмельные напитки

И только «те начнут бежать и отделяться друг от друга, их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне», — свидетельствует Плано Карпини. Впрочем, если «против них имеется большое войско, они иногда обходят его на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее, при этом они убивают людей, разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять или двенадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают землю. Ибо в войнах они весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более».

Ко всему сказанному следует добавить высокую скорость передвижения и маневренность монгольской кавалерии. В походе за каждым воином следовало налегке несколько лошадей. При всем своем неказистом виде

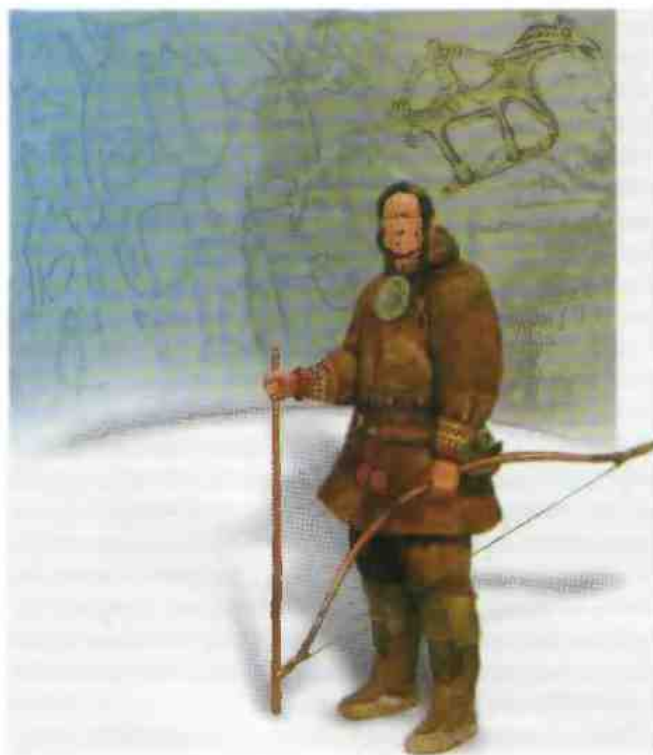
(столь удивлявшем европейцев), эти невысокие, коренастые и большеголовые лошади отличались необыкновенной резвостью и выносливостью. Говорят, что приученные животные новсюду, как собачонки, трусили за хозяевами. Они были непритворливы в нише и могли в голодное время довольствоваться нучком жестких ветвей. Сами монголы, по словам Марко Поло, «когда отправляются в долгий путь, на войну, сбруи с собой не берут, а возьмут два кожаных меха с молоком для нитя, да глиняный горшок варить мясо. Везут также маленькую налатку укрываться на случай дождя. Случится надобность, так скачут... дней десять без нищи, не разводя огня, и нитаются кровью своих коней; проткнут жилу коня, да и нют кровь». Монгольские воины не гнушались в трудную минуту собирать насекомых со своего тела и нитаться ими. «Голодая один день или два, — замечает Плано Карпини, — и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения, но ноют и играют, как будто хорошо ноели. Во время верховой езды они сносят великую стужу, иногда терпят также и чрезмерный зной». Все вышперечисленное позволяло монгольским авангардам совершать беспримерные для своего времени переходы. Так, тумены Субедея-багатура, по данным Ю. С. Худякова, во время венгерского похода за три дня прошли 290 километров (обычные переходы не превышали 50-ти километров в день).

Помимо мужчин-воинов, в обстреле неприятеля принимали участие и монгольские «амазонки». В целом, монгольское войско старалось решить исход сражения именно на этой нервной, наименее опасной для него, стадии боя, дабы избежать кровопролитной рукопашной схватки.

Широкие реки не были проблемой для монгольской армии, в совершенстве освоившей снособы преодоления водных преград. Были знакомы монголы и с китайской осадной техникой — с ее помощью они неоднократно брали даже сильно укрепленные центры.

Глава 8

«Железные волки» с таежных протоков

Если от алтайских предгорий двигаться на север, куда стремятся воды всех великих сибирских рек, оставив позади стенную Кудунду и Барабинскую лесостепь с ее болотами и озерами, то очень скоро все чаще встречающиеся густые колки сольются в сплошную стену знаменитой сибирской тайги, уходящую почти на тысячу километров к студеному океану. Мощный подлесок здесь тесно онлетает стволы берез, все ближе подступают болота, оставляя сухие места лишь на крутых останцах, островах да вдоль русел рек. Участки чахлой растительности перемежаются с массивами хвойного леса. Высокий кочкарник нружинит иод ногами, нуть неререзают глухие промоины, зятянутые ржавой водой, и замшелые завалы. Внереди Васюганье — крупнейшая в Евразии болотная система. Дальше нуть нет, только на лодке по извилистым таежным речкам, либо, когда вынадет снег, по зимнику — узенькой дорожке, пробитой санями. В этих местах в густом кустарнике можно увидеть заблудившуюся ноярную сову, а на нолосе влажной береговой глины — следы бобра, выдры, северного оленя или глубокий отпечаток нятки бурого медведя.

В тайге очень много болот и густая речная сеть. Ширина междуречий обычно не достигает и 12-ти километров, а местами они гораздо меньше (не более 5 -6-ти километров). Реки медленно текут в просторных ноймах, образуя причудливые орнаменты и норой почти замыкая нолные кольца.

Паводки здесь столь обильны, что на главных реках возникает даже встречное течение. Вода таежных рек затоняет окрестности, иногда (например, в бассейне реки Васюган) позволяя свободно переезжать на лодках через водоразделы. Широкие ноймы почти полностью скрываются под водой. Спокойное прежде течение становится быстрым и бурным, забивая русла «заломами» унавших деревьев. Эти естественные баррикады иногда наноминают рукотворную плотину, но которой свободно можно пройти с одного берега на другой.

Сюда, на историческую родину, к своим кумирам, канищам и замшелым бревенчатым стенам городков, разбросанных на узких речных протоках, стали возвращаться из долгих нолходов в «нолуенные страны» нотомки мигрантов, некогда ушедшие отсюда в нолсках лучшей жизни. Они несли с собой многочисленные трофеи и новые знания, почерпнутые в общении с южными культурами. Конечно, не все кулайцы нод нажимом грозных нолчищ хуннского союза вернулись назад. Кто-то закрепился на обжитые

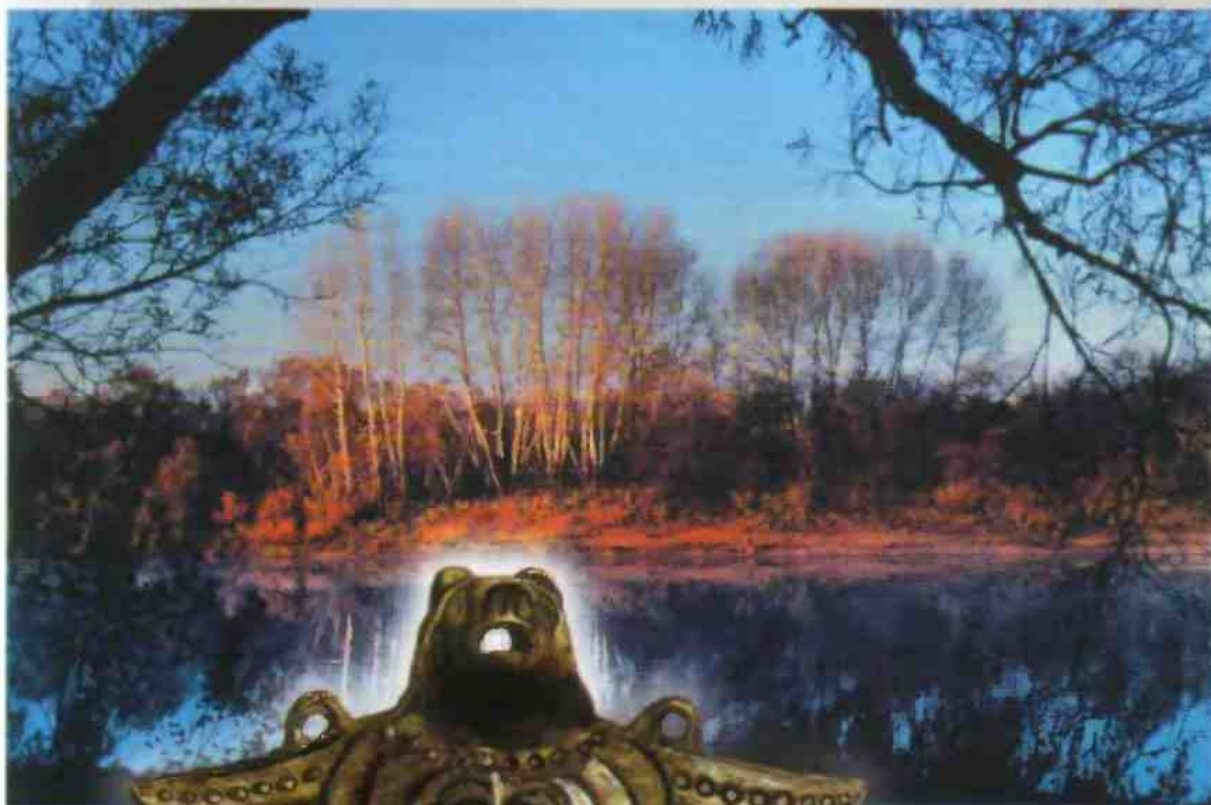

Рис. 1. Один из малых нритоков Оби

Рис. 2. Шелаб (крылатый медведь) — злой дух таежного нантеона. МАЭС ТГУ

местах Верхнего Приобья. На какое-то время обезлюдела лесостепь. Ушли на запад вместе с хуннскими полчищами саргатские всадники. Переждав грозу, сюда вновь выдвинулись предприимчивые племена лесного Прииртышья. С ослаблением внешней военной угрозы военно-политический союз кулайских племен распался — распалась и некогда единая общность. И когда на границах леса замелькали тюркоязычные всадники, они имели дело с населением уже трех новых археологических культур — *верхнеобской*, *релкинской* в Среднем Приобье и *потчевашской* в Прииртышье. Их объединяли общие таежные корни, во многом схожая среда обитания и близкий круг основных занятий. Тем не менее, это были уже разные племена, отличавшиеся даже наречием. Хотя исследователи определяют языковую принадлежность этих культурных образований неоднозначно (угорская, самодийская, угро-самодийская), для нас это уже не столь важно, ибо, как показывают работы этнографов, у народов, даже не связанных между собой исторически и относящихся к разным языковым группам, но живущих в одних природных условиях, возникает больше сходства друг с другом, чем у отдаленных групп одного и того же этноса. Это означает, что в военной сфере культурные различия у релкинцев, потчевашцев и некоторых групп верхнеобцев, населявших глубины ленточных боров, не играли определяющей роли. Все они внесли свой вклад в копилку боевого опыта таежных воинств.

Лук был основным оружием населения таежной полосы. В отличие от образцов, распространенных в кочевой среде, таежники метательное оружие целиком делали из дерева. Местные луки были значительных размеров. Длина кибиты со снятой тетивой достигала 2 метров. Встречались изделия и меньших размеров — в пределах 140 сантиметров.

Процесс изготовления подобного оружия подробно описан этнографами в конце XIX — начале XX века. Согласно этим описаниям, на нижнюю планку шла специально подобранная древесина тонкоствольной сосны или ели, а на верхнюю — береза. Вся древесина подбиралась исключительно прямослойная и без сучков. Особые требования предъявлялись сосне — использовали только дерево, выросшее на опушке леса или на склоне оврага, обращенном к югу. Древесина такого дерева, постоянно находившегося на солнце, называлась «кленевой» (или «кремлевой»). Она отличалась повышенной прочностью, потому что под теплыми солнечными лучами хорошо пропитывалась смолой. Это имело большое значение. Внешняя и внутренняя стороны лука испытывают разные нагрузки. На внешнюю действуют силы растяжения, на внутреннюю — сжатия. Береза, как очень пластичный материал, лучше работает снаружи, жесткая и хрупкая сосна прекрасно сопротивляется сжатию.

Из подходящего дерева вырубались заготовки до 2 метров длиной и 2–5 сантиметров толщиной. Концы лука делались из черемухи. После просушки (в течение

Рис. 3. Бронзовое изображение Мир-сусне-хума — популярного божества обских угров. Он сидит, положив одну руку на гриву лошади, другую на ее крупу, в ноге, обычной для отдыхающего кочевника. Пешеходный всадник словно только что выиграл состязание со своими братьями, которое дало ему право на управление льдами. В эпоху средневековья облик божества приобретает воинственные черты. У бронзовых фигурок появляется оружие (наша с кольцевым навершием), которое становится обычным атрибутом изображений Мир-сусне-хума. VI–VIII вв. Среднее Приобье. ПГКМ

2—3 дней) из болванки выстругивались основные детали. Особо тщательно обрабатывались плоскости будущей склейки. Той части черемухового конца, которую предполагалось поместить между планками кибити, придавалась форма клина. После этого на специальном гибале (гибало называлась доска с рядами просверленных дырок, куда вставлялось несколько небольших деревянных стержней) выгибалась кремлевая часть будущего тука.

Клеем, сваренным из щешуи, жаберных крышек, плавников, кишок и воздушных пузырей рыб, все детали лука скреплялись между собой и стягивались саргой — тонким кедровым корнем. Для оклейки лука использовались вываренные внутренние слои бересты; в мокром состоянии их наклеивали на кибить со стороны спинки, образуя многослойное покрытие. Все стыковочные швы располагались изнутри, со стороны тетивы. Такая обработка была вызвана необходимостью защитить оружие

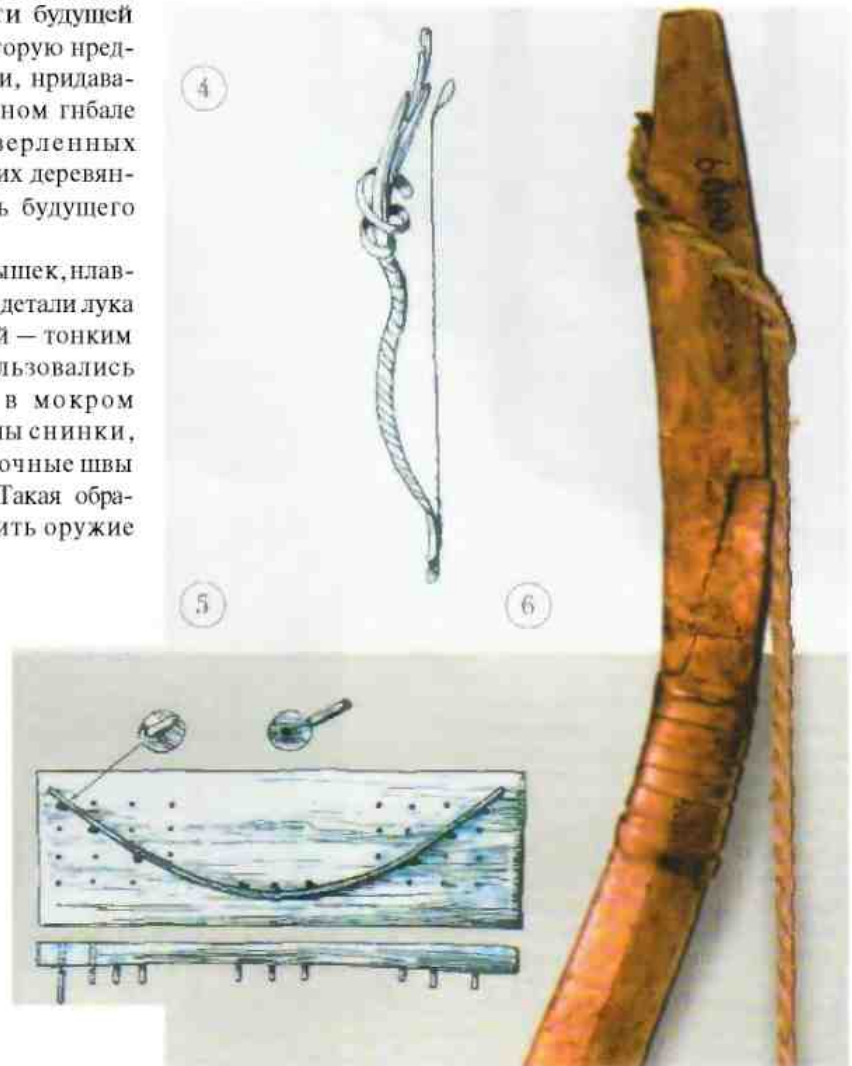
Рис. 4. Луки собирались из нескольких, тщательно подогнанных друг к другу, деревянных частей. Как правило, кибить состояла из двух склеенных между собой плашек — шириной в районе плеч примерно 4 сантиметра. Верхняя плашка представляла собой сильно уплощенный сегмент, нижняя была слегка выпуклой. Между собой они склеивались таким образом, что в сечении плечи лука выглядели как асимметричный эллипс или полуовал. В центральной части кибити выстругивался перехват под руку. В отдельных случаях там же фиксировалась усиливающая деревянная подставка. Концы лука вырезались из отдельных кусочков дерева (длиной примерно 20 сантиметров) и вклеивались между планками кибити под некоторым углом к ней. Древесина подбиралась так, чтобы годовые кольца соответствовали внешнему округленному профилю выстругиваемой планки

Рис. 5. Гибало для обработки кибити лука.

Это приспособление применялось так: на стержни, помещенные внизу, опиралась центральная часть заготовки кибити (будущая рукоять). Концы ее отжимались вверх, и под них в соответствующие отверстия вставлялись другие стержни. Через некоторое время планку снимали, разогревали над огнем, прошивали смолами и вновь изгибали — на этот раз концы ей приподнимали чуть выше и опирали на колышки, вставленные в следующие отверстия. И так до тех пор, пока основа лука не приобретала необходимую форму. Выгиб делался в противоположную от тетивы сторону

Рис. 6. Деревянный врезной конец лука.

Прежде места соединения таких деталей с кибитью укреплялись с боков роговыми фиксирующими накладками. Теперь рационально продуманное ступенчатое сочленение позволяет избежать столь громоздкой конструкции. Дополнительная обмотка приостренного окончания не дает самому концу лука повернуться и отделиться от кибити при натяжении тетивы. МАЭС ТГУ

от воздействия атмосферной влаги, при неправильном изготовлении способной существенно снизить (вплоть до полной потери) упругость лука. С другой стороны, берестяное покрытие предотвращало и чрезмерное высыхание древесины, делающее ее хрупкой. Наконец, еще влажный лук заворачивали в тонкие деревянные стружки и сушили. Цельнодеревянный лук был достаточно мощным оружием, и стрелой, вынутой из него, можно было, по свидетельству Григория Новицкого (автора «Краткого описания о народе остяцком...» начала XVIII века, первого этнографического исследования культуры и быта обских угров), «...и наикренчайших зверев: медведя, лосей, оленей убивать».

Тетива слеталась из кранивного волокна и была на 25—30 см короче кибити. Несколько раз вымоченную в воде и вытянутую тетиву после сушки промазывали рыбьим клеем. Делали ее также из жильных нитей: их сначала попарно слетали в шнуры, а затем скручивали. Тетиву тщательно полировали и уплотняли, несколько раз протягивая сквозь маленькое отверстие

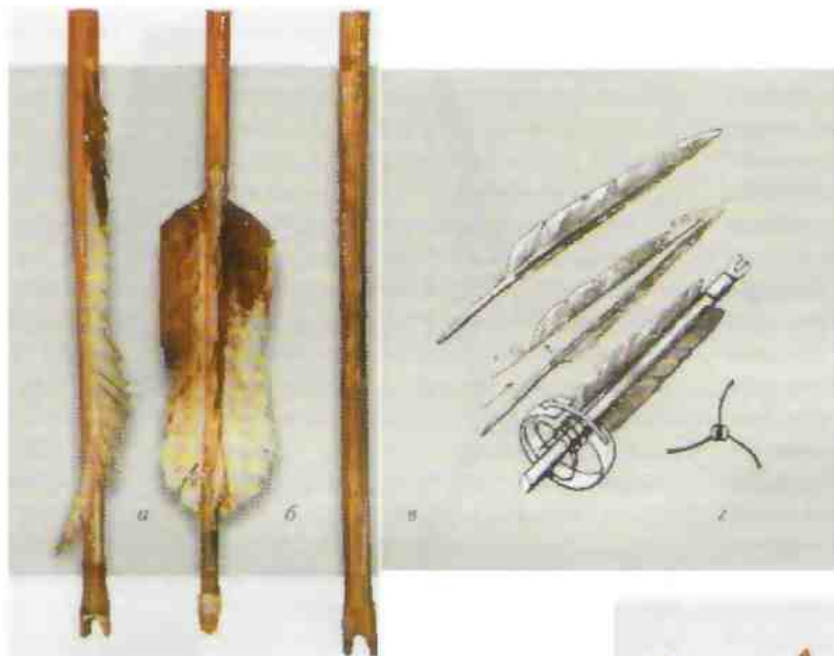

Рис. 7. а - г. Изготовление оперения начиналось с того, что стержень пера разделялся на части. Затем с них сдиралось опахало вместе с тонкой полоской корешка. Полученные «флажки» наклеивались на древко так, чтобы изгиб пера был направлен в одну сторону (г). Древко стрелы над самым ушком плотно обматывалось тонкой шпилью, которая не только зажимала кончики «флажки», но и предохраняла древко от разрушения ударами тетивы (а, б). Трещина от таких ударов хорошо заметна у древка без оперения и обмотки (в), а, б, в - МА ИАЭТ СО РАН; г - схема изготовления оперения

к деревянной чурке, потом на ее концах завязывали ушки и набрасывали на концы лука. Иногда готовую тетиву обматывали тонким ремешком или оклеивали берестой.

Остяцкий героический эпос, зарождение которого исследователи относят к концу 1-го тысячелетия, донес до нас живое и образное описание такого лука, последовательно перечисляя его составляющие: кремлевое дерево, «дубравные» березы, береста, клей, крапивная и шелковая нить для тетивы. Как видно, здесь ни о каких костяных усиливающих деталях, подобных тем, что были у луков ственных народов, речь не идет. И не потому, что таяжные аборигены не знали подобных конструкций. В археологических памятниках, относящихся к их культуре, изредка встречаются роговые концевые и срединные накладки. Просто местные изделия больше соответствовали таяжному климату².

Длина стрел колебалась в пределах 60–70 сантиметров. Изготавливались они из тщательно просушенных планок прямой древесины, от которых откалывались длинные чурки, своим диаметром несколько

Рис. 8. Во второй половине 1-го тыс. у таяжиков (как и во всем тюркском мире) были популярны трехлопастные пропикатели, среди которых все еще встречаются ярусные. По сравнению с образцами гунно-сарматского времени, они гораздо больших размеров. Ближе к концу 1-го тыс. распространяются трехгранно-трехлопастные пакопечники с массивным острием и маленькими лопастями - в первые века 2-го тыс. они быстро вытесняются плоскими апалогами. В монгольские время пакопечники с лопастями — скорее, редкое исключение, нежели черта эпохи. Елыкаевский клад. Кемеровская область. МАЭС ТГУ

7

8

превосходящие диаметр будущей стрелы. Чурки выравнивались вчерне остругивались ножом. В торце заготовки намечалось небольшое углубление, куда легким постукиванием забивался черешок наконечника Любопытно, что некоторые черешки были витлообразно перекручены, то есть входили в древесину по принципу штопора. После этого древко доводилось до нужных размеров и формы. Почти готовую стрелу аккуратно скоблили, а потом выглаживали специальным маленьким ножевым стругом — такие струги бытуют в тайге по сей день.

Форма древка стрелы долгое время была цилиндрической. Однако где-то в середине 2-го тысячелетия появились стрелы вытянутой сигарообразной формы с небольшим утолщением по середине. Эти изменения понадобились для того, чтобы гасить вредные последствия сильных продольных колебаний, которые приобретает стрела в момент снука тетивы. Такие стрелы использовались до недавних пор многими народами лесной полосы, в том числе селькунами. После оконча-

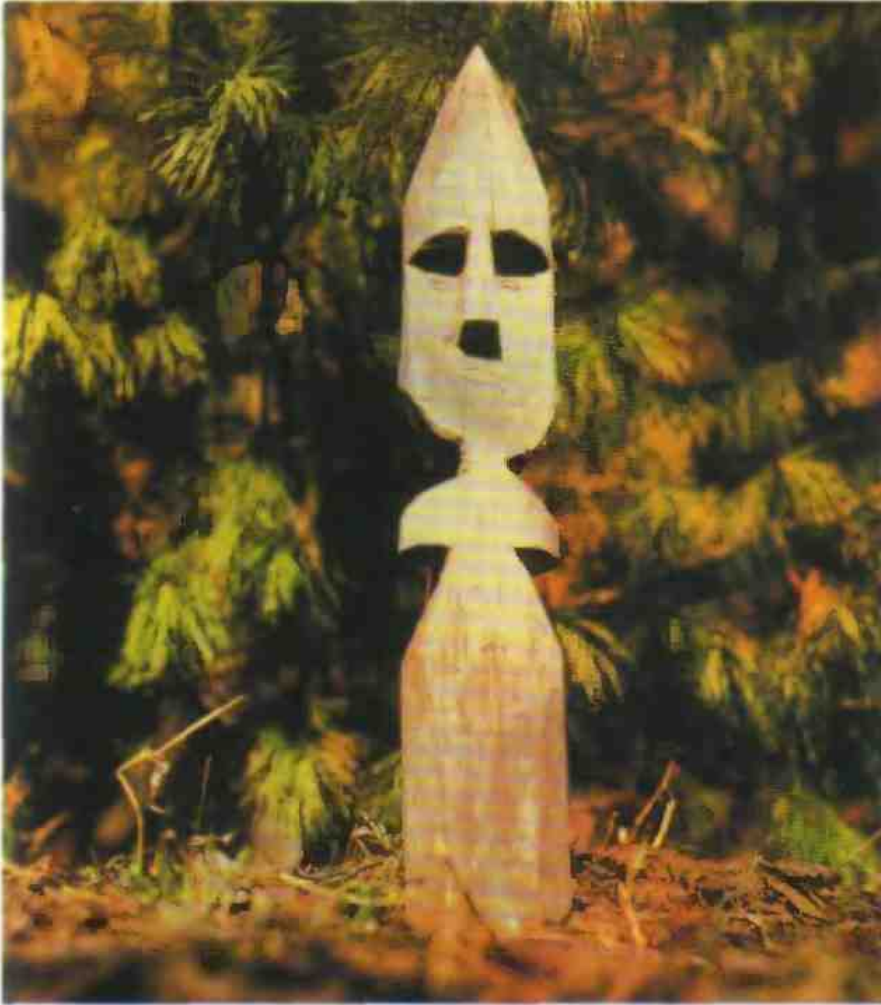

Рис. 9- Деревянное изваяние духа-покровителя. Раги подобных божеств мог колебаться от семейных духов до покровителей крупного территориального объединения - княжества. По истечении семи лет деревянные изваяния менялись: отслужившие свой срок фигуры складывались неподалеку, а на новые изваяния переносились все металлические атрибуты старых божков. Некоторые идолы облекались в кольчуги, получали в руки сабли, луки, стрелы. Последние занимали особое место в верованиях коренного населения Сибири. Им часто приписывалась способность видеть, слышать, мыслить, самостоятельно передвигаться, находить врага, доставлять послания и т. д. До недавнего времени изображение почитаемого идола могло представлять собой куклу, собранную из пучка стрел, обмотанного тряпками. Стрела в обско-угорской и селькупской традиции могла выступать символом воина. Нижнее Приобье. Материалы И. Н. Гемуева и А. М. Сагалаева. МАИАЭТ СО РАН

тельной обработки древка место крепления наконечника усиливали, обматывая сухожилиями и оклеивая сверху полосками бересты.

Довершало оформление стрелы оперение. На него шли только маховые перья птиц. На одной стреле перья должны быть одной твердости и обязательно с одного крыла. Считалось, что только шесть перьев из него пригодны для оперения. Хорошие перья высоко ценились, и, согласно героическим былинам, часто собирались с населения в качестве дани. Обские угры предпочитали перья орла или ястреба, самодийцы — перья орла или филина, ибо, по поверью, они не боятся сырой погоды. Впрочем, выбор «породы» перьев обуславливался и верой в то, что летное мастерство и хищная сущность их бывшего «хозяина» непосредственно воплощаются в точность и смертоносность удара метательного снаряда.

Стрелы издревле имели сакральное значение. Они нередко использовались в различных культовых церемониях и шаманской практике. Отточенным наконечником стрелы селькуны перерезали пуповины новорожденных,

при этом каждый раз к древцу привязывалась тряпочка-приклад. Но легенде, при первом вывозе новорожденного мальчика на родовое озеро они бросали в воду лук и стрелу. Да и сами воины назывались у них «лака», что означало военную стрелу. У васюганско-ваховских хантов при рождении мальчика лук и три стрелы вешали на ель или сосну. Салымские же ханты помещали лук и стрелы в священный амбарчик, подобным образом поступали и манси. Но целому ряду этнографических свидетельств, лук и стрелы в отдельных случаях заменяли шаманский бубен — неременный атрибут камлания и главное «транспортное» средство шамана, посредством которого он совершает свои путешествия в иные миры. Все это, вероятно, связано со свойством стрелы целенаправленно перемещаться в пространстве. Посещая культовые места, обские угры еще недавно жертвовали духу стрелу.

Среди таежных стрел следует особо отметить так называемые томары — стрелы с тунными деревянными (реже костяными) наконечниками. С ними ходили на нушного зверя, потому что они не портили ценный мех. Делались

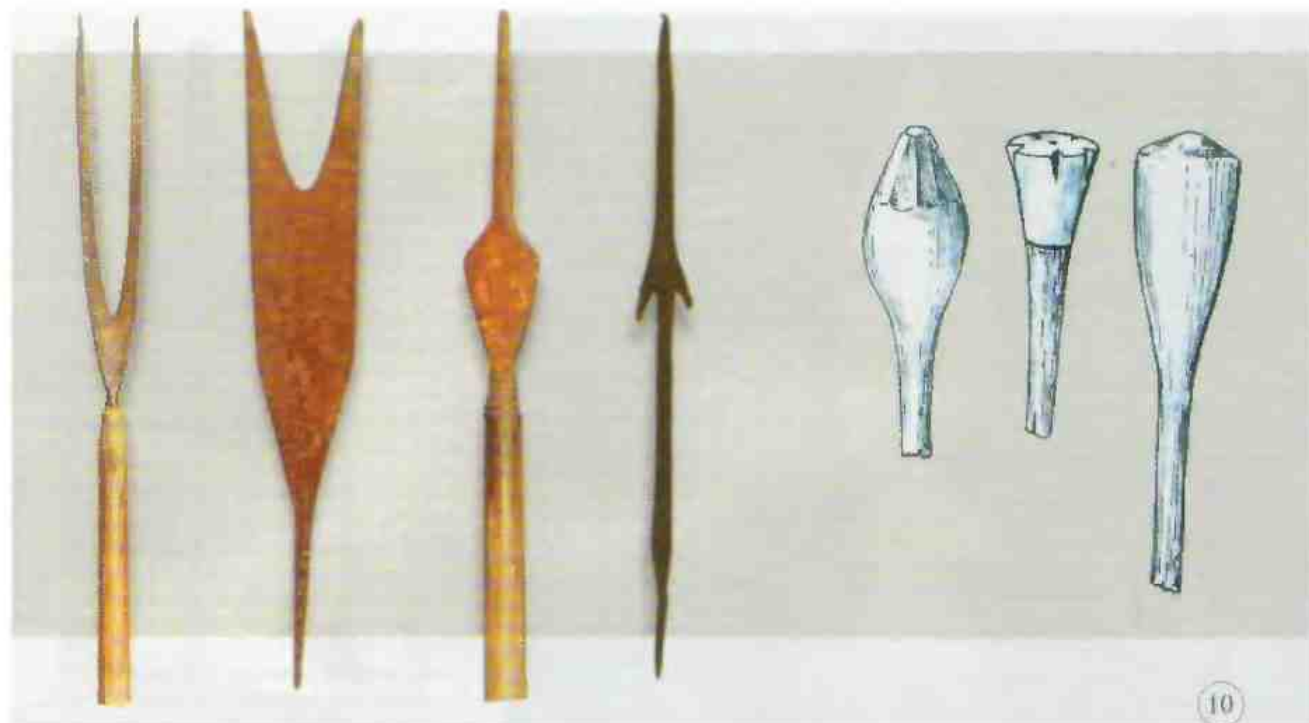

Рис. 10. Различные типы таежных наконечников стрел. Нижнее Приобье. Этнографическая коллекция. МА ИАЭТ СО РАН

томары, как правило, из березы (заодно с древком) и имели коническое или яйцевидное расширение на конце.

Для предохранения занятия левой руки от ударом тетивой использовались металлические и роговые наборные браслеты и щитки. Последние всегда были овальной или эллипсовидной формы, выгнутой в продольном сечении. С вытянутых сторон через пару отверстий пропускались ремни для крепления. Такие приспособления встречались вплоть до недавнего времени.

Нанцири лесного населения по устройству защитной поверхности были практически тождественны доснехам тюркоязычного населения. Таежники, как и их южные соседи, тоже носили наборные пластинчатые латы, соединенные ремнями по ламеллярному принципу.

Пластинки сшивались в ленты, скреплявшиеся между собой. Самым простым креплением представляется стяжка лент ремнями. В этом случае получается плотная и жесткая конструкция, удобно облегающая корпус по кругу, но создающая немало помех наклонным движениям тела. Проблема эта решается просто — нижний обрез подобных лат не должен опускаться ниже талии. Отсюда и его название — нагрудник. Всю остальную броню, закрывающую руки и бедра, следовало делать подвижной. В соответствии с этими принципами и создавались таежные нанцири. Плотные связанные участки плетения закрывали верхнюю часть груди, а ниже, начиная с живота, наборные ленты соединялись друг с другом по ламинарному принципу, то есть свободно подвешивались ярусами на шнурах. Кстати, таежным воинам подоб-

ные доснехи были даже более необходимы, нежели стеннякам. Ведь таежники сражались в нешем строю — от степени гибкости и подвижности зависело многое.

Через каждую грунну отверстий в пластинах протягивался свой шнур. Для шнуровки использовались не все дырочки. Некоторые так и оставались «невыставленными». Они были слишком малы, чтобы пропустить случайно попавшее сюда острие вражеского оружия зато обеспечивали хорошую вентиляцию. С помощью свободных отверстий закрепляли и «ослабшую» пластину если один из крепежных ремней перетерся.

Чтобы острые металлические края связанных в ленту пластин нанциря не травмировали тело, их по периметру часто обшивали полосками кожи. Изнутри к латам шнуром подвязывалась шерстяная прокладка. В героическом эносе угорского населения Приобья нереданы ощущения человека, надевающего кольчугу: он будто опрокинул на себя три ковша ледяной воды. Очевидно и в жаркое время раскаленный металл доставлял мало удовольствия.

Способ ременного сочленения звеньев доснехов был самым популярным и доступным, но не единственным. Некоторые наборные нанцири соединялись между собой круглыми, проволочными, слегка раскленанными кольцами.

К концу 1-го тысячелетия появляются нанцири с замысловатым контуром звеньев. У пластин плавно скругляются углы, вдоль краев чеканятся бороздки по периметру устраиваются бортики: пластины куются

одной зубчатой стороной или в форме вытянутой восьмерки,

В первой половине 2-го тысячелетия на смену наборным ламеллярным и чешуйчатым доспехам приходят панцири со скрытым бронированием — бригадины и комбинированные кольчато-пластинчатые латы. Это, пожалуй, наиболее совершенный вид защиты эпохи сибирского средневековья.

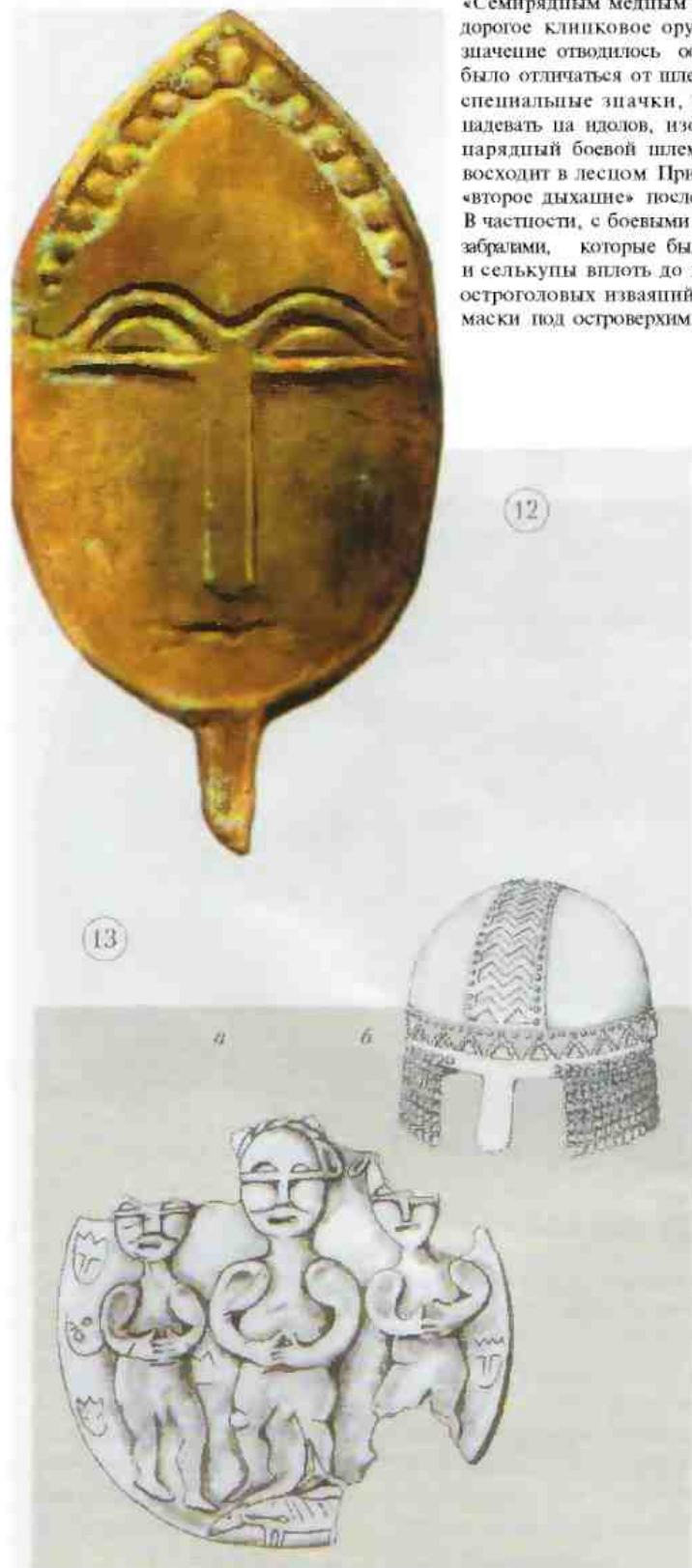
Но самым популярным доспехом в это время становится кольчуга. С кольчугами таяжные воины познакомились еще в VI-VII веках, а по некоторым данным, едва ли не в эпоху Великого переселения народов. Однако небольшое число привозных (скорее

11

Рис. 11. Прорисовка серебряного с позолотой щитка для предохранения запястья левой руки от ударов тетивой XII- XIII вв. Сайгатинское святилище. Нижнее Приобье. Екатеринбург. Уральский государственный университет

Рис. 12. Бронзовая личица в боевом шлеме. Отчетливо заметны высокая палочная бляха, украшение по контуру круглыми выпуклостями, и боевая полумаска с папосником и накладными металлическими бровями. Боевые островерхие сферокопические шлемы, очертания которых допесла до нас изобразительная традиция, были принадлежностью профессиональных воинов. Согласно преданиям, богатыри-предки отличались от простых людей не только физической силой и вооружением, но и головным убором. Это отразилось в былинных прозвищах. Так, одного из легендарных богатырей называли (в переводе) «Семирядным медным шлемом». В дружинной среде головной убор, пояс, шейные гривны, дорогое клинковое оружие представляли своего рода "социальный паспорт". Особое значение отводилось оформлению головного убора военачальника — его шлему положено было отличаться от шлема простого воина. Для этого применялись различные украшения, специальные значки, яркая позолота. У обских угров до сих пор сохранилась традиция надевать на идолов, изображающих богатырей-предков, головной убор, имитирующий парадный боевой шлем. Традиция отливать из бронзы личицы в головных уборах-шлемах восходит в лесном Приюбье к рубежу эр. Однако, в начале 2-го тыс. н. э. она получает здесь «второе дыхание» после знакомства таяжских воинов с боевой техникой кочевых народов. В частности, с боевыми шлемами с железными посеребренными и позолоченными масками-забрамами, которые были у командующих отрядами монгольских войск. Обские угры и селькупы вплоть до начала прошлого века стремились покрыть деревянные лица остроголовых изваяний серебром или иным светлым металлом, имитируя металлические маски под островерхим шлемом. Книгусовский могильник. X—XII вв.

всего, среднеазиатских) нанцирей из-за сложности их изготовления не оказало в то время существенного влияния на местную оружейную традицию. Кольчуги nonадали в тайгу и с северных окраин, где местные владыки выменивали их на драгоценные меха у заезжих новгородских торговцев, проторивших свой нуть в Югру еще в X веке. Кольчатые доснехи долгое время оставались собственностью только небольшого числа таяжских «князей» и профессиональных воинов. И лишь массовый исход в начале 2-го тысячелетия центрально-и среднеазиатского населения, вызванный монгольской экспансией, привел ко все большему распространению здесь этой, но легендам, «удлиняющей жизнь» боевой одежды. Местные кольчуги 1-го тысячелетия являлись полностью из кленаных колец, а с XIII—XIV веков кольца начинают плющить и украшать концентрическими кругами — это примерно в 1.5–2 раза увеличивало размеры железного поля без существенного утяжеления доспехов. В преданиях подобные доснехи называли «кольчугой с сотней торчащих рожков», «звенящей кольчугой из блестящих колец». «Когда богатырь надевает ее, по лесу идет такой звон, что звери со страха режут».

В районах Центральной и Восточной Азии использовались нанцири из двух-, трехслойных кожаных

Рис. 13, а, б. Серебряная бляха (а), на которой изображены персонажи с боевыми шлемами на головах. В таяжской воинской среде эпохи раннего средневековья использовались защитные головные уборы с круглым кунолом, напоминающие современные каски. С начала 2-го тыс. они становятся более «приземлистыми». Так (б) выглядел боевой сферический цельнокованный железный шлем с серебряными накладками и кольчужной бармишей, подбитой изнутри кожей, а - VIII—IX вв. Паходка у пос. Ямгорт. Нижнее Приюбье. Ямало-Ненецкий окружной музей. Салехард: б — начало V в. Тураевский могильник. Прикамье. По В. Ф. Гевингу

Рис. 11. Воин Усть-Ишимской культуры таежного Прииртышья. Поверх кольчуги (а) он одет в защитный жилет (б), армированный вынуклыми бляшками-пуговинами (а). Это архаический тип бронирования, но в лесу, где всегда требовалась очень высокая подвижность, он оставался востребованным еще долгое время. Голову воина закрывает шлем (г) с налобной накладкой (д) и полумаской. К поясу воина крепится колчан открытого типа (е). Лук со снятой тетивой (в налучье) брошен за спину (ж). На груди поверх доспехов - металлический диск зеркала с сакральным изображением (з). Воин вооружен саблей (и) и узколезвийным шпеньковым топором (к). VIII—XII вв. Реконструкция по материалам намятников Омского Прииртышья и Нижнего Иртышья

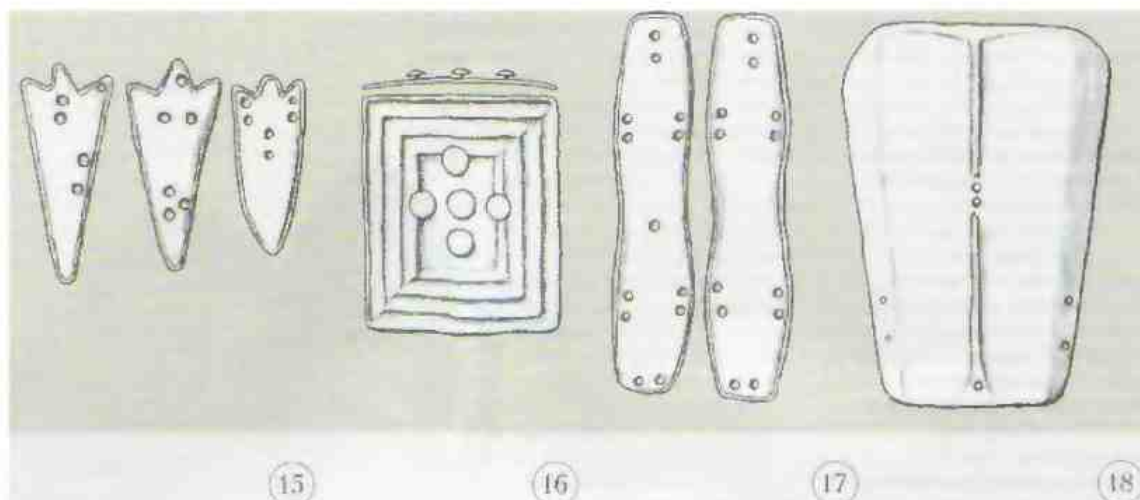

Рис. 15. Металлические звенья чешуйчатых панцирей. Средневековые таежные дизайнеры придали им форму шпастых наконечников стрел с коротким треугольным черешком. Подобный тип панциря описан в героических преданиях, как «богатырская одежда вроде рыбьей чешуи», которую «надевали, когда шли воевать, чтобы стрела не пробивала». Паходка при строительстве Обь-Енисейского канала

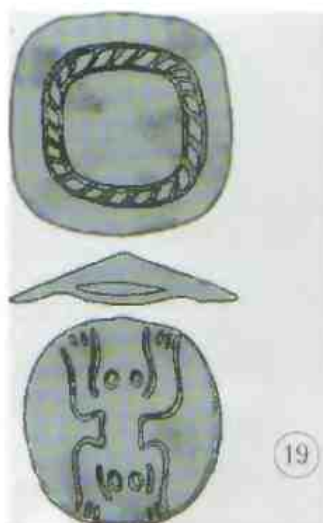

Рис. 16. Железная пластина панциря со скрытым брошированием. С помощью заклепок, крестообразно расположенных в центре, эти элементы крепились изнутри халатов. Этот тип защитного вооружения был заимствован у кочевого населения. VII -IX вв. Раскопки В. Радлова. Москва, ГИМ

Рис. 17. Восьмеркообразные панцирные пластины. В воицкой среде латы, собранные из таких деталей, очень ценились. Вырезы с обеих сторон пластины делали доспехи легче и шарящие, а бортик по периметру увеличивал их жесткость. Нагрудник, составленный из подобных звеньев, труднее было смять булавой, кистенем или косым ударом клинка. VII—IX вв. Могильник Релка. Томское Приобье. По Л. А. Чицдиной. МАЭС ТГУ

пластинок, покрытых укрепляющим и декоративным лаком. Эти пластинки по форме в точности совпадали с металлическими частями наборных лат. Слой лакового покрытия скрывал кожаную основу, и поэтому такие доспехи часто называют лаковыми. Аналогичными панцирями изкожаных пластин, залитых смолой, носведениям Плано Карини защищали себя монголы. Доступность материала и очевидная простота изготовления делали их популярными в воинской среде. Вероятно, и легендарный панцирь из рыбьего клея, известный

но таежному фольклору, был изготовлен по этому же принципу. Только вместо лака и смолы пластины пронитывали самым распространенным и доступным сырьем — рыбьим клеем. Воины, облаченные в такие доспехи, как сказано в одном из селькунских сказаний, выглядели так, будто «все тело у них твердым и блестящим, вроде ногтей, было покрыто».

Судя по изображениям воинов, найденным среди предметов мелкой таежной бронзовой пластики, большинство лат представляло собой короткий наборный

Рис. 18. В качестве защитного средства заанодно-сибирские воины вплоть до позднего средневековья использовали массивные траншеевидные пластины из лосиного рога со скругленными углами и тщательно вытощенной поверхностью. Они были выгнуты во внешнюю сторону, некоторые из них имели четко смоделированные продольные ребра и служили для защиты руки. Аналогичные пластины, но без ребра жесткости, закрывали спину. XVI—XVII вв. Мангазея, Обская губа. По М. П. Белову, О. В. Овсянникову, В. Ф. Старкову

Рис. 19. Бляшки-пуговицы, сделанные из белой бронзы. Археологи находят целые куски кожи с нашитыми на них выточенную подобными образцами. Изображения медведя, исполненные на некоторых таких бляшках, магически усиливали защитные свойства лат. Их владелец находился как бы под двойной защитой — непосредственно на шире и духа-хранителя. МА ОМГУ

Рис. 20. Узорчатые доспехи из резных (зубчатых) пластин. VII—IX вв. Могильник Релка, Томское Приобье. Расконки Л. А. Чицовой, МАЭС ТГУ

Рис. 21. Релкинский таежный воин эпохи раннего средневековья. Воин одет в кольчугу (а), поверх кольчуги его защищает металлический нагрудник, собранный из зубчатых пластин (б) и соединенный с наплечником плечевыми ремнями (в). Голову венчает сфероконический шлем с напояником, скеланный из железных пластин (г). Шлем дополнен кольчужным бармицей (д). Вооружение воина состоит из коня с пятиугольным наконечником (е) (явно заимствованный на Востоке тип), кавалерийского налеса (ж), кривого ножа (а) и лука (и) со стрелами. Стрелы помещены в цилиндрический колчан открытого типа (к) (изображен со снятой крышкой). Лук в боевом положении с прикрепленной тетивой надевался через плечо, а без тетивы носился в кожаном, спитом в виде трубки, налучье. Паборный пояс (л) (тоже заимствованный тип) и бронзовая птица на груди (м) (наследие таежных предков) — знаки высокого общественного положения бойца. VI—IX вв. Томское Приобье

Рис. 22. Бронзовая личина из Елыкаевского культового места. Хорошо распознаются обруч, надвинутый почти до самых глаз, и уходящие от него к темени металлические пластины. Венчает шлем, снабженный «теменной тарелкой» - мисюркой, - шишка, усиливающая его защитные свойства. Середина 1-го тыс. н. э. Кемеровская область. ТОКМ

Рис. 23. а - в. На культовых местах обских ургов до сих пор встречаются матерчатые имитации древних боевых шлемов (а, в). Из ткани шились и другие элементы воинской экипировки — например, колчаны (б). Все они украшались вышитыми сакральными фигурами - в том числе и Мир-сусне-хума. В их форме и четкой зональности декора сохранились традиции монгольского времени. а — нос. Верхне-Нильдино; б - нос: Тугияны, р. Обь. Сборы А. В. Бауло. МА ИАЭТ СО РАН; в- нос. Хулмисунд, р. Северная Сосьва. Сборы И. Н. Гемужева. А. В. Бауло, МИКНС

нагрудник. В усиленном варианте под такой нагрудник надевалась кольчуга. Это делало амуницию непроницаемой для стрел. В героических преданиях повествуется о боевых построениях, когда тяжелооруженный воин, отбивая вражеские стрелы, прикрывал собой, как живым щитом, лучников. Те, в свою очередь, под этим надежным прикрытием осыпали противника стрелами.

Шлемы таежных воинов, исполненные в привычной сфероконической форме, склеивались из крупных пластин. Подобные шлемы в эпоху средневековья распространились на огромных территориях от Дальнего Востока до Киевской Руси. Они были двух типов - с высоким и низким кунодом. Последние, появившись в VI—VII веках, наибольшую популярность получили лишь во 2-м тысячелетии. В VIII—X веках лобную часть шлема стали дополнительно укреплять крупной декоративной металлической накладкой.

В конце 1-го - начале 2-го тысячелетия у боевых наголовий полукруглые вырезы по линии бровей с обеих сторон нанесения начинают замыкаться снизу железной дужкой и вскоре превращаются в кованую боевую полумаску с узкими прорезями для глаз. Тульи шлемов украшаются накладными косами, хвостами пушных зверей, фигурками зверей и птиц, скроенными из многослойной бересты и кожи. Примерно с монгольского времени в таежной полосе появляются цельнокованные железные шлемы.

Еще один тип средневековых таежных шлемов реконструируется, в основном, по изобразительным материалам. Его основу составлял металлический обруч, к которому крест-накрест приклеивались металлические ленты, пересекавшиеся на темени. «Двойники» таких шлемов есть в средневековой Европе. Они были одним из знаков власти у некоторых удельных правителей европейского средневековья. До XVII века подобные наголовья использовались в легкой кавалерии. В боевом

Рис. 24. Тяжеловооруженный воин. Каждая из лент его напсиря (а) состоит из восьмиугольных пластин (б) и обшита с одной стороны тонкой холмокой кожей. Латы включают в себя нагрудник и наспинник, связанные на боках реемнями и соединенные на плечах лямками; ошлечья еобрапы из широких многослойных пластин отформованной кожи (и); набедренники (г) сделаны их таких же, как и нагрудник, железных пластин. Голову защищает высокий сфероконический шлем (д), скленанный из фигурных пластин и снабженный широкой бармицей (е). Вооружение воина составляют копье (ж), лук (з) со стрелами (и), налаш (к), нож (л) и шпеньковый тонор (м). VIII—XII вв. Реконструкция по материалам Среднего Приобья

Рис. 25. Сабля и налши энохи раннего средневековья. VI–VIII вв. Елыкьевская коллекция. МАЭС ТГУ

Рис. 26. а, б. Тажные мастера продолжали развивать художественные традиции украшения оружия в зверином стиле. Они отливали из светлой бронзы нольые рукояти, украшенные различными комбинациями горизонтальных поясков и вертикальных валиков. Все это сочеталось с выгнутыми «жемчужинами» и ажурными навершиями в виде птиц и зверей. Такие рукояти были самых различных размеров и годились как для ножей (а), так и для рубящего клинкового оружия (б). Нольые рукояти встречаются на огромной территории западно-сибирской тайги — от самых южных её границ до низовьев Оби. IX–XII вв. а — нижнее Приобье. Материалы А. В. Бауло. МА ИАЭТ СО РАН; б — Омское Прииртышье. Расконки Л. С. Чагаевой. МА ОмГПУ

Рис. 27. Бронзовая фигурка человека, выточенная в традициях таежного литья, изображает облаченного в нольный доспех богатыря. К сожалению, она дошла до нас не полностью, но и то, что сохранилось, позволяет заметить некоторые детали — выгнутую серьгу в правом ухе, закрученные вверх усы, нанширный нагрудник с ондечьями, переданный поперечными кольцевыми линиями на руках, несколько поперечных валиков в районе талии, обозначающих пояс, кромки нагрудника и набедренников. Последние, расширяясь внизу, закрывают ноги воина до середины голени. Поверхность набедренника имеет рубчатую поверхность, передающую фактуру ламеллярной брони. Продольными и поперечными канавками обозначены границы наборных лент и нанширных пластин, из которых составлены латы. В облике богатыря чувствуется влияние тюркских изобразительных канонов, известных по каменным изваяниям (серьга в ухе, усы, выделенный пояс и рука на нем, покрой одежды). В то же время в ряде деталей отчетливо ощущается влияние таежного колорита (вторая рука тоже на поясе, нанширь вместо простой матерчатой одежды, пропорции фигуры и т. д.). Случайная находка в Васюганье. X–XII вв. НКМ

варианте к металлическим латам крепились плоский или слегка выгнутый железный диск, защищавший от прямого удара. Падетый шлем как бы упиал голову поэтому некоторые кулайские и елицины кажутся «отпленными» по теменю.

В ближнем бою таежники пользовались известным нам оружием — мечами, налшами, саблями, ножами, кинжалами, тонорами, коньями.

Некоторые мечи еще снабжались прямым перекрестием и коньевидным навершием. Правда, если в тунно-сарматское время кольца навершия делали из отдельного железного прута, а затем приваривали к рукояти, то в средневековье прут, из которого формировали кольцо, сам являлся продолжением плоского рукоятного стержня.

По, в большинстве своем, мечи делали без перекрестья и наверхия. В нижней части рукояточного стержня у них сверлилось отверстие для шпифта, которым крепились боковые обкладки рукояти. Вероятно, наверхие в этом случае вырезались заодно с ними. У основания лезвия обе половинки рукояти стягивались металлической скобой — она и выполняла функцию съемного перекрестья.

Палашки в эпоху раннего средневековья имели у противоположного от рукояти конца односторонне срезанное к спинке лезвие. Такие клинки со скошенным острием предназначались преимущественно для рубящего удара. Ими серьезно ранили бездоспешного противника, но для воина в наборном панцире они никакой опасности не представляли. Подобные клинки постоянно совершенствовались. Появляются различные варианты черенка рукояти, облегчающие маневрирование оружием, образцы с искривленным лезвием и даже наклонной к лезвию рукоятью, то есть классические сабли.

Ковались однолезвийные клинки обычно из двух носов: твердой стали и мягкого железа. В производстве оружия по-прежнему использовали и «накетную» (до нити носов разносортного металла) технологию. При этом получалась слоистая структура, хорошо противостоящая внешнему механическому воздействию. В середине такого накета помещалась пластина особо твердой стали, образующая режущую кромку лезвия. Очень распространена былаковка цельностального оружия, которое отличалось высоким качеством металла. Его закалка

Рис. 28. Съемное сабельное перекрестье. ромбическая форма с расширениями на концах лучше защищает руку и не позволяет вражескому клинку соскользнуть на пальцы. Стержни, отходящие вниз от середины перекрестья, помещаются в специальные вырезы в боковых накладках несущей части оружия и жестко фиксируют перекрестье, не давая ему расшатываться. XVI–XVII вв. Пижное Приобье. МА ИАЭТ СОРАН

Рис. 29, а - в. Рукояти оружия делались несколькими способами. Боковые накладки применялись тогда, когда рукояточный стержень снабжался несъемным кольцевым наверхием (а). В других случаях, деревянный брусок насаживался на тонкий приостренный черен, который, пройдя насквозь, загибался с обратной стороны (б). Далее брусок обструивался, и ему придавалась нужная форма. Рукоять могла набираться из кусочков вываренной бересты или толстой кожи, насаженных на черешок носовой (в). Через отверстие на самом конце стержня пропускалась заклепка, фиксирующая всю конструкцию.

Рис. 30. Бронзовое наверхие железного стремена. Даже в таких лаконичных предметах, как железные стремена, нетля под ремень оформлялась в виде головы ушастого филина, отлитого из бронзы. X–XII вв. Могильник Усть-Ишим, Омское Приобье. Расконки Д. Конилова. МА ОмГНУ

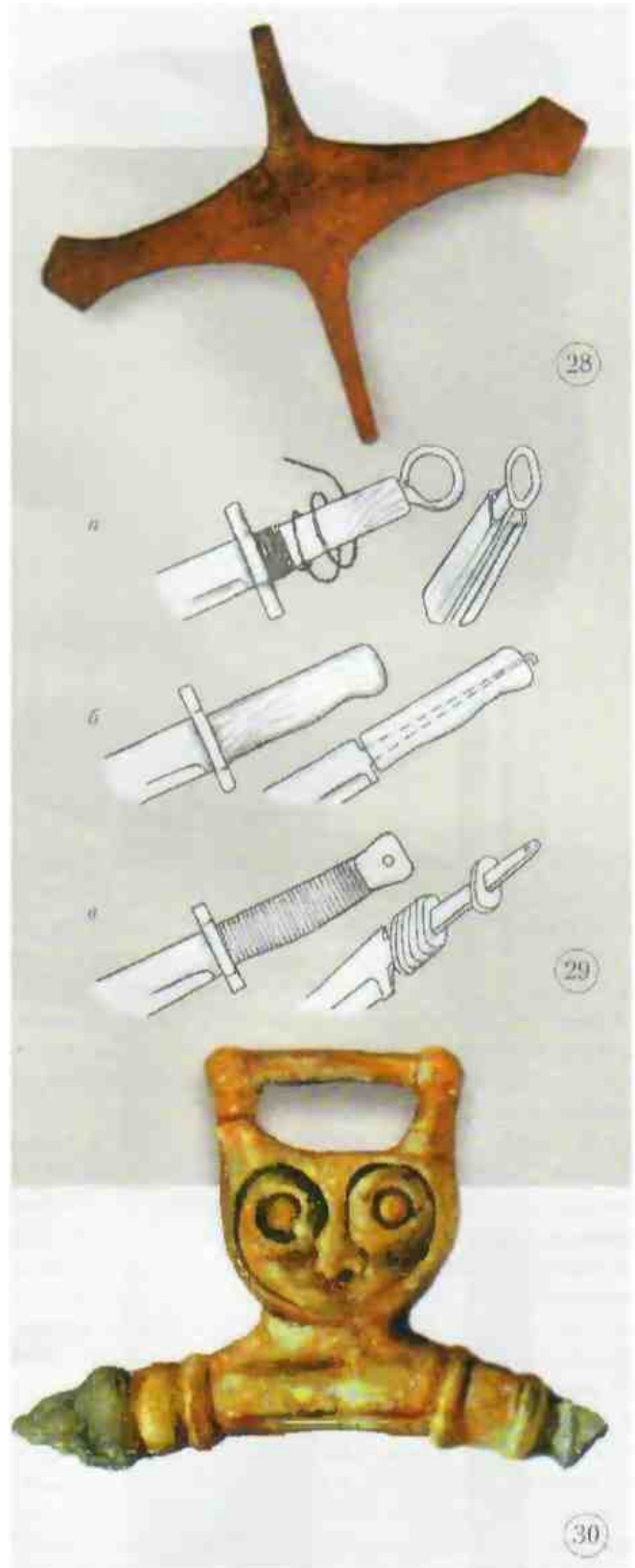

Рис. 31. Серебряное блюдо с позолотой — характерный образец восточного экспорта, обнаруженный в Нижнем Приобье близ поселка Верхне-Нильдино. На его поверхности рельефо отлита башня, окруженная десятью тяжеловооруженными всадниками на закрытых напщирями лошадях. По мнению специалистов, изображение на поверхности блюда представляет собой серию сюжетов, которые можно трактовать как иллюстрацию к некоторым эпизодам из книги Иисуса Навина. Это изделие является двойником знаменитого аниковского блюда, найденного в 1909 г. в Приуралье вблизи деревни Больше-Аниковская Чердынского уезда Пермской губернии и хранящегося ныне в Эрмитаже. Однако при полном тождестве композиции, сюжета, контуров башни, абриса фигур людей и лошадей, между блюдами существует несколько десятков различий в деталях архитектуры, экипировки и вооружения всадников. Отлито верхне-нильдинское блюдо в IX—X вв. по оригиналу VIII в. Сборы И. Н. Гемужева и А. В. Бауло, МА ИАЭГ СО РАН

производилась по-разному: в одних случаях закаляли весь клинок, в других только край лезвия. Последний вариант был более предпочтительным — режущая часть становилась достаточно жесткой, а тело клинка сохраняло относительную пластичность. Излишняя твердость сделала бы его хрупким. С хрупкостью боролись, внедряя «медленный» способ охлаждения. Таежные мастера всегда изобретовали принцип — даже затупленное оружие лучше сломанного.

В обмен на пушнину, столь ценную в странах Востока и Европы, в тайгу буквально потоком шли все мыслимые и немыслимые к транспортировке предметы цивилизации. В том числе и лучшие образцы современного оружия. Абу Хамид ал-Гарнати (исламский автор XII века, посетивший Великий Болгар) описывал со слов местных кушцов торгошца с остяками, одним из предметов обмена на которых были восточные клинки: «У него (Булгара А. С.) есть область, называют ее Вису. А за Вису на Море Мрака есть область, известная под названием Йура. Как говорят кушцы, солнце там не заходит сорок дней, а зимой ночь бывает такой же длинной. И привозят люди мечи из стран ислама, которые делают в Зенджане, Абхаре, Тевризе и Исфахане в виде клинков, не приделывая рукоять и без украшений, одно только железо, как оно выходит из огня. И закалывают эти мечи кренкой закалкой. И мечи эти как раз те, которые годятся, чтобы везти их в Йуру. Булгары возят их в Вису, где водятся бобры, затем Вису везут их в Йуру (и её жители) покупают их за соболиные шкурки

и за невольников и невольниц... говорят, что если иура не бросает в воду мечи, то он не поймает никакой рыбы и будет страдать от голода».

Трудно сказать, какова на самом деле была судьба привозных клинков, но остяки действительно не очень интересовались готовыми привозными рукоятями, в эпоху средневековья кушцы предпочитали торговать одними полосами-полуфабрикатами. Их и доставить было легче, и потребитель мог оформить оружие по своему вкусу. Таежные мастера, продолжая традиции предков, отливали из светлой бронзы великолепные полые рукоятки с ажурными навершиями в виде птиц, медведей и других реальных и сказочных существ. Оружие, снабженное такими рукоятями, не только было очень нарядным, но и обладало, в представлениях местных жителей, особой силой, воспринятой и от священного металла, и от изображений животных.

Способы ношения клинкового оружия у таежников ничем не отличались от уже разобранных нами в предыдущих главах. Одна манера копировала кочевую, другая — гунно-сарматскую.

Особенностью таежных воинств было то, что на протяжении всего средневековья самым массовым оружием ближнего боя оставался тонор, так как в условиях ближнего боя на ограниченном пространстве он гораздо удобнее меча.

По своему устройству тоноры делились на шпеньковые и плоскообушковые. Первые имели на обушке специальный молоточек-шпенек.

32

Рис. 32. Этолитнозолоченное изделие с утолщенным внешним краем на кольцевой ножке и изображением царя, скачущего на диком быке, - еще одно яркое свидетельство обменных связей западно-сибирских таежников с цивилизациями Востока. Вероятно, на блюде изображен шах Ирана Ездигерд I (399 - 421 гг.). Конь с наконечником особой формы в виде упора-отростка на древке он норажает быка. К поясу шаха специальными ремнями прикреплены меч с прямым перекрестием и колчан, поверхность которого разбита на несколько орнаментальных зон. На обратной стороне блюда вырезана пятиконечная звезда и процарапана арабская надпись в переводе - "чаша из серебра"), выполненная курсивом IX-X вв. Это указывает на то, что блюдо могло оказаться в Сибири не ранее X в. Находка на р. Сыне, притоке Малой Оби. IV-V вв. Иран. Сборы Л. В. Бауло

33

Рис. 33. В Сибирь неадало и дорогостоящее оружие христианских стран Запада. Один из таких мечей XII-XIII вв. был найден летом 1975 г. при раскопках близ села Старые Карачи в Новосибирской области. Это дорогое, некогда богато украшенное оружие с широким лезвием, трехчастным навершием с выделенной центральной частью брусковидным перекрестием. Общая длина оружия 96 сантиметров. Рукоять, навершие и перекрестие носят следы серебряной насечки, образующей плетеный орнамент с восьмерковидными петлями. В верхней трети клинка с обеих сторон серебром выложены сокращенные почитательные надписи Деве Марии. На одной половине меча - «N/omine/ M/artris/ S/alva/ t/ oris/ Et/ erni/ D/ omini/ S/alvatoris/ Eternis» и «C/hris/ t/ us/ Ih/tsus/ C/hris/ t/ us» - Во имя Матери нашего Спасителя вечного, Господа Спасителя вечного. Христос Иисус Христос; на другой - «N/omine/ O/ mnipotenti/ M/ater/ E/terni N/omin/e» - "Во имя Всемогушего. Богоматерь. Во имя Вечного". Такие надписи на клинках характерны для эпохи крестовых походов. Оружие относится к группе каролингского происхождения мечей. Клинок западноевропейского происхождения, но рукоять его была смонтирована где-то в Северной Европе - в материковой Швеции или на острове Готланд. Этот меч мог попасть в Сибирь с новгородскими или ладожскими купцами; новгородцы, начиная с XI века, были главными посредниками в меховой торговле между Европой и уграми (и самоедами). Проторенные пути, которые назывались - "зырянской дорогой" или "русским тесом", вели севером предприимчивых торговых людей в Зауралье и Приобье, к местам так называемого «немного торгова». Впрочем, не исключено, что меч и меч и более богатую событиями историю она на берегах реки Омис отрядами Ермака. XII-XIII вв. Раскопки В. И. Молодина. МА ИАЭТ СО РАН

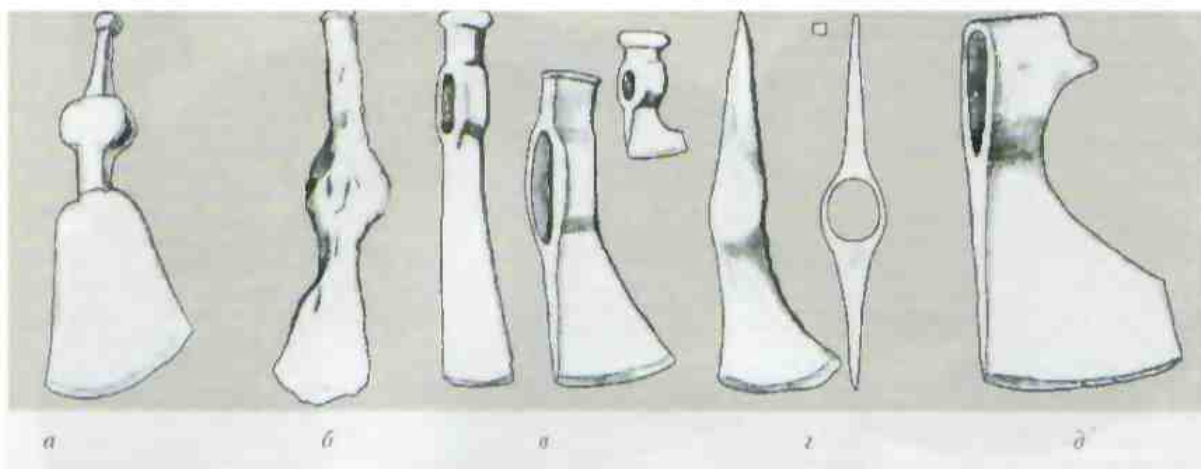

Рис. 34, а—д. Комбинированные топоры в тайге отличались большим разнообразием. Кроме кочевнических образцов Саяно-Алтая сюда попадали и восточно-европейские изделия (а, б, д). С узколезвийным бойком на длинной рукояти легковооруженный нехотинец вполне мог противостоять даже противнику в доспехах. Молоточки со шляпкой на охуе (а) позволяли сокрушать нанширную зашиву. Граненое острие (с) предназначалось для поражения противника в кольчатых доспехах. Реконструкции по материалам VIII- XII вв.

34

Пик распространения комбинированного бойкового оружия пришелся на последнюю четверть 1-го тысячелетия — время господства прочных ламеллярных доспехов. В эпоху развитого средневековья такое оружие встречалось уже достаточно редко. Топоры этого времени снабжались широким лезвием, были крупнее в размерах, а шпеньки у некоторых экземпляров приобрели вид граненого острия. Это явилось, с одной стороны, следствием некоторой политической стабилизации в тайге — в такие периоды всякое исключительно боевое оружие модернизируют, приспособлявая его к "мирной" работе (широкое лезвие топоров). А с другой, — связано с выросшей популярностью кольчуги, которую намного легче пробить граненым острием. Именно тогда пошли в обиход плоскообушные бойки, совершившие стремительную эволюцию от весьма архаичных клиновидных форм, известных еще с гунно-сарматского времени, до аналогичных современным плотничьим топорам с бордочкой.

Плоскообушные топоры ковались двумя способами. В одном случае, заготовка из мягкого металла перегибалась на вкладыше посередине, и концы ее, сложенные вместе, расковывались. Предварительно между ними помещалась полоса твердой стали. Так получалось «самозатачивающееся» лезвие. При работе таким бойком мягкий металл боковин постепенно изнашивался, обнажая твердое стальное острие. В ином варианте, на одном конце пластины делался петлеобразный загиб, образующий проух; из другого же формировалось лезвие, на кромку которого наваривалась стальная полоса.

Копья в тайге тоже были универсальны. Древки у них, сравнительно со степными образцами, лишь ненамного превышали рост человека. Колющую часть делали ромбовидной или вытянутой треугольной формы, а в сечении — линзовидной или ромбической. Такое оружие характерно для эпохи раннего средневековья. Позже популярность копья пошла на убыль. Оно оказалось вытеснено пальмой или, как ее еще иногда называют, рубильным ножом. Сибирское население владело этим оружием с удивительным мастерством⁴.

Вспомогательным оружием ближнего боя служили разнообразнейшие кинжалы и ножи, просуществовавшие (в качестве боевого оружия) вплоть до XVII века, когда, судя по документам Сибирского приказа, они использовались в междоусобной войне "ясачных" и в схватках со «служилыми людьми».

Развитие боевых средств в эпоху позднего средневековья определялось поисками универсальных форм, которые отвечали бы как военным, так и хозяйственным нуждам. Клинковое оружие, с этой точки зрения, не вызывало большого интереса: эффективность его применения в условиях тайги была не столь уж высокой, а производство — дорогостоящим и трудоемким. Неслучайно в фольклоре наличие клинкового оружия отмечается лишь у отдельных князей и богатырей. Основным оружием ближнего боя (подходившем и для мирных трудов) становятся пальма, топор и нож; в списке защитного вооружения первой стоит кольчуга, иногда дополнявшаяся панцирем с внутренним бронированием.

Рис. 35. а-в. Таяжное рубяще-колошное оружие эпохи средневековья. Железные наконечники коний (а). Широкие наконечники коний имели двустороннюю заточку, позволявшую наносить режущие удары, граненые острия пробивали доспехи. Наконечники коний иногда использовались для создания кукол, изображающих ночтасемого духа предка, что позволяет говорить о символической связи наконечника конья и духа умершего. Такие наконечники еще в начале прошлого века обматывались многочисленными тряпочками, пока не получалось антропоморфное изображение, которое помещалось в священный амбарчик. Древки коний (б) плотно обматывались сыромятной кожей для защиты его от рубящих ударов меча, сабли или нальмы. Нальма – большой, тяжелый нож (в), как правило, с односторонней заточкой на деревянной рукояти, мало уступающей по длине коню. В эпоху позднего средневековья нальма, как универсальное дреквое рубяще-колошное оружие, стала наряду с тонором популярным средством ведения ближнего боя и, превосходя конье по своим фехтовальным возможностям, фактически вытеснила его с полей сражений. Среднее Приобье- а - VI–VIII вв. Елыкаевская коллекция. МАЭС ТГУ; б, в - конец XIX в. Этнографическая коллекция. Нижнее Приобье

Рис. 36. Средневековые тоноры имели скос лезвия к рукояти, что позволяло делать ее прямой и достаточно длинной (свыше 50 сантиметров) и использовать оружие в ближнем бою. Вырез с тыльной стороны лезвия и оттянутая вверх к рукояти нятка бойка защищали руку воина от вражеского оружия при широком хвате тонора, когда одна рука находилась под самым бойком оружия

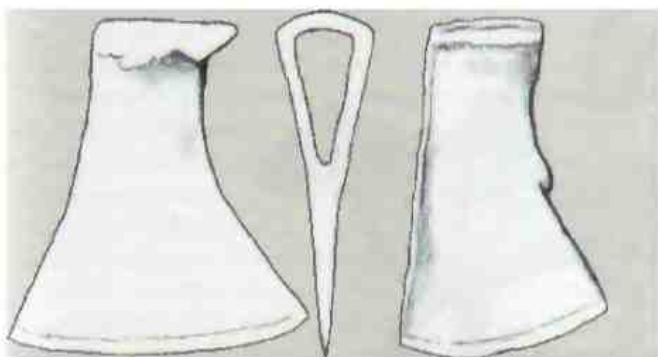

Рис. 37. Ножи таяжных воинов в VI- VIII вв. (как и у тюрков) имели наклонную к лезвию рукоять. VI–VIII вв. Могильник Релка. Томское Приобье. По Л. А. Чиндиной. МАЭС ТГУ

Рис.38. Железный кинжал. Елыкаевская коллекция. МАЭС ТГУ

Князья и дружина (VII-XII вв.)

С высоты сегодняшнего дня таежный мир выглядит очагом стабильности. В том огненном «котле», что бурлил на открытых просторах Северной Азии в эпоху бронзы, раннего железа и раннего средневековья. Лесной край остался в стороне от могучих миграционных волн на его южной периферии, которые катились дальше по стенам Евразии, смывая одни археологические культуры и порождая другие. «Большой лес» поглощал без остатка попадавшие туда племена скотоводов — они растворялись среди его обитателей, перенимая их навыки ведения традиционного хозяйства и, в свою очередь, делясь технологическими достижениями и духовными ценностями собственной культуры. Высокая степень консервативности и стабильности таежной экономики, непрерывность в развитии местных культур (как минимум, с эпохи бронзы) позволяют без труда перебросить мостик в далекое прошлое. Пыльные абorigены региона (ханты и манси, селькуны и лесные ненцы) являются прямыми потомками кулайцев эпохи раннего железа, нотчевашцев, устьишимцев, релкинцев эпохи средневековья.

Еще недавно эти народы имели свои военно-политические объединения, именовавшиеся «княжествами»: Кодское у хантов, Пельмское у манси, Пегая орда у селькунов... В глубинах тайги по-прежнему спрятаны

культовые места с священными амбарчиками — такими же или почти такими, как столетия назад. Старики, хранители этих мест, в своем далеком детстве слушали у костров былинные песни о героических делах предков, о божествах своего народа. Они — живые носители вековой традиции, которую вряд ли можно назвать окончательно изжитой.

В Западной Сибири героический эпос столь географически конкретен, что невольно провоцирует проверить степень его правдивости. Конечно, героические предания не тождественны исторической хронике, но фольклор аккумулировал в себе память о событиях важных, с точки зрения средневекового человека. Многие из них попадали в легенды не как тиничные, а, скорее, как выдающиеся. Внедрившись, таким образом, в сознание людей, они сами теперь диктовали норму поведения, рождали образцы для подражания. Так формировалась народная этика.

Рис. 40. Мир-сусне-хум в виде всадника-богатая. Это изображение вполне реалистично. Перед нами всадник с непокрытой головой и распушенными волосами. В руке у него налаш. У лошади расчесана грива. Эта деталь отличает убранство коней лесного населения от принятых в тюркском мире обычаев выстригать гривы животных треугольными языками, вертикально стоящими над шеей. VII—VIII вв. Шутовское культовое место. Томское Приобье. ТОКМ

Рис. 39. Бронзовая фигурка Мир-сусне-хума с Шутовского культового места. Всадник восседает на мифическом животном с туловищем лошади и головой лоса. Животное напоминает назырыкского коня с маской оленя. Облик лошади соответствует древнейшим мифам о «небесных коньтнях — лосях-оленях». Томское Приобье. ТОКМ

Рис. 41. Бронзовая птица - средневековый потомок кулайских воинских значков. Такие изображения во второй половине 1-го тыс. н.э. становятся популярным сюжетом таежного искусства. Скульптурка отражает обычные представления, по которым богатырские шанки живут самостоятельной жизнью, обращаясь в птиц и выполняя приказы хозяина. Однако, образ самой птицы никогда не был однозначным. Раннее средневековье.
ТОКМ

Угорские княжества часто дробились между членами княжеской семьи: в одном и том же «государстве» княжили одновременно несколько князей — два или три брата или дядя и племянник. Каждый имел своих людей, свое войско, но один из них при этом признавался главным князем. Центрами маленьких княжеств были городки, укрепленные валами и налсадами. В них обитали княжеский род, простые люди и немногочисленные рабы, преимущественно, княжеские.

Очень похожими на угорские княжества выглядели и объединения селькунов. Они тоже состояли из князей, воинов, рядовых общинников, рабов. У князей существовала собственная иерархия. Паряду с «большими князьями» — марг-коками были и мелкие, так называемые мюты-коки («военные князья»). Отличались они лишь объемом власти. Мюты-коки имели с подвластными им населением и территорией («маленькими княжествами») входили в большое объединение, возглавляемое «большим» князем. Совпадает даже такая деталь: нередко княжеством управляет не один князь, а братья. Это явление, кстати, характерно и для других средневековых народов (вспомним хотя бы первых легендарных киевских князей-братьев Кия, Щека и Хорива).

«Большому князю» подчинялись и «богатыри»⁶⁷ главы родовых онолчений, собиравшихся при появлении врага или при подготовке собственного похода на соседей. Ограниченный по численности коллектив выставлял, соответственно, небольшой отряд. Богатыри вынужденно мирились с властью «большого» князя, вместе с мюты-коками соглашаясь быть его «вассалами». Подобные объединения распадались сразу же после того, как опасность миновала.

В случае особо грозной опасности на борьбу поднималось все население княжества. О селькунах, например, известно, что в старину, при крайней необходимости, в онолчение включались женщины и подростки.

Помимо родовых военных отрядов, в таежное войско входили и собственные дружины князя. Правда, его воины не были еще профессионалами в полном смысле этого слова, так как в мирное время вели собственное хозяйство — охотились и ловили рыбу. В русских летописях они называются «служилыми остяками», а в устной традиции — «ляками» (что значит «воин», «стрелок»). Во время походов и набегов ляки обязывались нести военную службу. В серьезных военных акциях они часто возглавляли небольшие отряды онолчения. Пабирались

41

они, как правило, исключительно из племени, которое объединяло в «княжество» различные родонемные группы.

Все колские ханты, жители первоначальной «вотчины» князей Алачевых, были «служилыми» — в отличие от населения впоследствии присоединенных территорий. Подобная картина наблюдалась и в селькунских княжествах. По стать воином князя мог не каждый. Желающий, кроме физического здоровья, проверялся на соответствие целому ряду требований. Строжайшим образом следили за тем, чтобы у претендента на воинское звание были личные духи-покровители, культ которых устойчиво связывался с родовой территорией. Лица, в силу каких-то причин утратившие связь с землей предков и вошедшие в состав любого соседнего образования, в дружину князя не принимались.

Ловкость, физическая сила, выносливость, совершенное владение оружием, столь необходимые воину и охотнику, формировались у средневековых таежников с самого раннего возраста. Г. Повицкий в «Кратком описании о народе остяком» писал, что у мальчиков в тайге только «едино рукоделие — стрельбание». Взрослые своих детей «...от молодых ногтей принаравливают к стрельбанию из лука...». При этом подростки «...ничем бо иным через все жите свое не унаражаются, яко сим единым промыслом, и таково хитростно в своем рукоделии изучены, яко всяк в младости своей изумился... и наикренчайшего зверя: медведя, лосей, оленя убивают, и даже... птиц всяких не только но воде нлавающих, но и но воздуху летающих в самом летании стрелами улучают».

Среди многочисленных игр-тренировок была и такая: необходимо было сбить шесть налочек, воткнутых

Рис. 42. Комбинированные кольчато-пластинчатые нанцири были, но всей видимости, вешном развитии защитного вооружения в эпоху позднего средневековья. Их полностью металллическая конструкция позволяла использовать для создания защитного покрытия твердую, закаленную сталь. Форма и гофрированная поверхность пластин таких лат аналогична той, что была распространена в послемонгольское время у нанцирей со скрытым бронированием, найденных в лесах Западной и Восточном Сибири. Скорее всего, подобные нанцири ковались где-то в Южной Сибири для кочевой конницы XVI—XVII вв. и в ходе обмена могли попасть к населению южной тайги. Из коллекции Кузнецова-Красноярского. МАЭС ТГУ

Рис. 43. Три князя. Фигуры братьев-правителей — популярный сюжет таежного искусства. На этой серебряной блюхе обращает на себя внимание необычная форма головных уборов, которые напоминают трехлучевые короны, снабженные подумаской боевого шлема. Рельефно отлитые на ее поверхности персонажи выделяются и другими регалиями высшей власти: поясами, шейными гривнами и дорогим клинковым оружием. В традиционных обществах с их достаточно простой иконографией образа огромное значение играл не сам портрет человека, а регалии, проясняющие его положение в обществе. В этих коронованных особах узнаются «большие» князья. Персонажи различаются между собой только шейными гривнами, указывающими на их социальное положение. Самая солидная гривна у центральной фигуры, чуть поменьше у фигуры слева. Лидер у таежников определялся не возрастом, а своим опытом и способностями. Занимая лидирующее положение, он был не господином, а «первым среди равных». 1-я половина 2-го тыс. Шайтанский мыс. Тобольск. ГИАМЗ

Рис. 44. Персоны в коронах. Исследователи часто видят здесь воинственные таманские ильяски. Но за фигур позволяет идентифицировать эту композицию как коллективный танец. Известно, что шаманы при камлании использовали особые сабли, помогавшие им бороться с враждебными духами. Тогда следует признать, что здесь изображено несколько шаманов. Но сведениями о коллективных камланиях мы не располагаем. Изображенные регалии свойственны «большим» князьям. Позы их, возможно, навеяны изображениями на иранских и византийских серебряных блюдах. В фольклоре обских угров эпизоды с ильясками отсутствуют. У кулайских художников - предшественников угорских мастеров - их также нет. Кулайцы изображали только личину, корону, гривну и оружие. VIII—X вв. Кошкин городок. Нижнее Приобье

Рис. 45. Коронованная особа. На этот раз таежный владыка стоит. Постоянное изображение сабель в обеих руках как будто указывает на то, что угорские князья владели искусством одновременного боя двумя клинками. Белая бронза. VII—IX вв. Могильник Барсовский I. Таежное Приобье. Екатеринбург. Уральский государственный университет

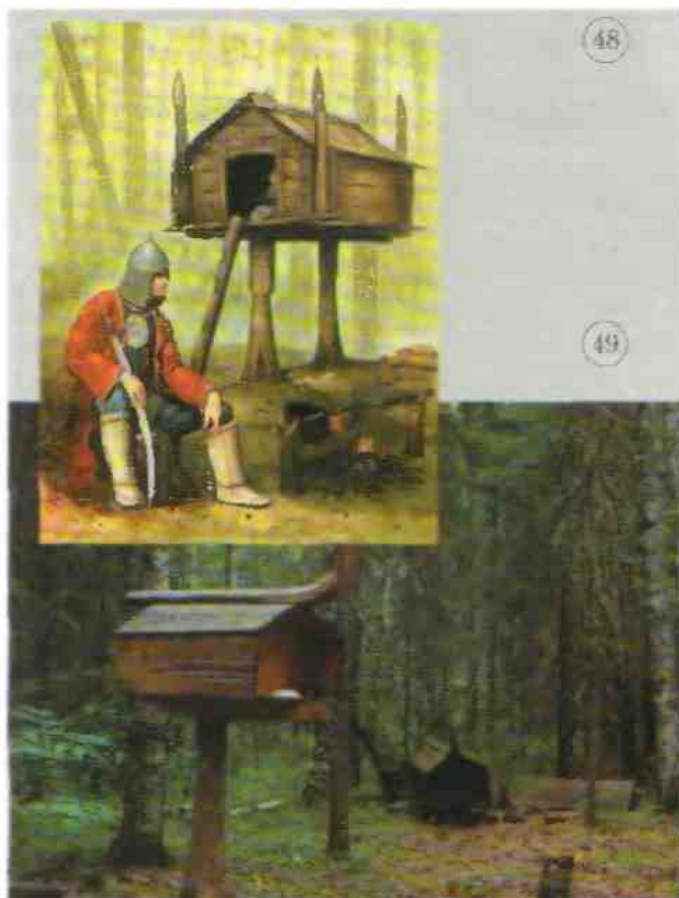

Рис. 46. «Трехглавая» фигурка изображает остяцкого князя. Некоторые детали позволяют объяснить странное устройство головных уборов таежных владык. Здесь «корона» представляет собой цепочку небольших головок, похожих на те, что вырезались у многочисленных деревянных идолов-духов. Подобные металлические изображения духов-помощников, расположенных по кругу, нередко встречаются на обручах шаманских «корон». Перед нами пример совмещения атрибутов светской и духовной власти. В данном случае, поверх боевого шлема одета шаманская - «корона». Среди последних попадаются изделия с «ненормально» большими обручами, значительно превосходящими размеры человеческой головы. Эпоха развитого средневековья. Находка у нос. Верхне-Нильдино. Нижнее Приобье. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 47. Остяцкий князь в позе «священного танца». Паряд «большого» князя отражает всю полноту его духовной и светской власти. На голове — металлический шлем с подумаской (а) и обручем в форме короны. К нему приклеены священные изображения духов-предков (б) — их фигуры как бы образуют вторую корону и означают сакральную мощь правителя. В руках у него две сабли (в, г), которые вместе с шейной гривной (д) и ноесом (е) символизируют полноту светской власти. К ноесу прикреплен нож предков со священной бронзовой рукоятью (ж). Князь одет в кольчато-пластинчатый панцирь (з). Верхнюю часть груди закрывает металлическое зеркало со священным изображением (и). Роскошный халат из «полотна многих земель» завершает облик владыки (к). Середина 2-го тыс. Реконструкция по материалам Нижнего Приобья из музеев Тобольска, Екатеринбург, Томска, Новосибирска

Рис. 48. В таких культовых амбарчиках обские угры поносили изображения божеств и духов-покровителей. Здесь совершались жертвоприношения, разыгрывались, священные церемонии. «Большие» князья, подчеркивая свою «связь с великим духом», переносили его изображение в свое жилище или городок-крепость и становились его «верховными жрецами». Наверное, многие из них действительно обладали шаманским даром, с успехом используя это на войне. Вожди же родо-племенных ополчений вместе со своими людьми продолжали поклоняться старым святыням, скрытым в местах родового культа. Сюда несли оружие и подарки: бронзовые зооморфные фигурки, подвески, серебряную посуду. Культовые места становились арсеналами, оружие из которых при необходимости использовалось по своему прямому назначению. Сам идол часто выступал в роли боевого фетиша, укреплявшего дух своих подопечных. Вокруг изображенного амбарчика установлены деревянные фигуры менквов, призванных защищать жилище главного бога. Менквами назывались лесные духи. По некоторым представлениям, они высоки как дерево (часто выглядят как ель), у них огромная физическая сила. Менквы без труда меняют свой облик, превращаясь, помимо дерева, в насекомых, земноводных или пресмыкающихся. Менквам, как и другим духам, приносили жертвы, лучшей из которых считался конь черной масти

на ковше (Большом Медведицы - А. С.) в середине видит звезду значит, хорошее зрение». Заевавшего ребенка могли бестрепетно обжечь раскаленным железом, добиваясь, чтобы он при малейшем шорохе или прикосновении мгновенно отскакивал в сторону. Мальчиков носылали рубить дрова тунным топором. Падо было ударить снерва одной рукой, нотом небросить топор в другую руку - и так без устали, нока не нерерубишь большое бревно. Старики следили, чтобы не было простоя. Ручка топора стирала в кровь руки, зато нотом ладонь «разительно наноминала черенаший нанцирь Кожу на ладони было невозможно нромять. Па ребре ладони белели мозоли. Ороговевшие бугры покрывали всю ладонь, которая при этом гнулась, и все пальцы выг-лядели нормально».

Большое внимание уделяли бегу, бегу с грузом, прыжкам, метанию камней, коний, ношению тяжестей (камней, бревен), многочасовым нляскам под ритмичные удары бубна — все это приучало к выносливости, вырабатывало особую манеру двигаться, что было важно и руконашных схватках. Порой для поддержания «спортивной формы» мужчины ходили на охоту в нанцирях. В фольклоре есть сведения о состязаниях и военных играх на особых площадках возле городищ и поселений — в таких «забавах» иногда участвовали и чужеземные богатыри, нрисматриваясь к возможному ненприятелю.

Взрослые мужчины любили соревноваться в стрельбе, и прыжках в высоту через ремни, натянутые между столбов, в борьбе, в беге на лыжах, в толкании ногой каменных глыб или в сталкивании друг друга с места, вломании голыми руками крупных костей животных. «Богатырь, особенно отличившийся в каком-нибудь из этих воинских упражнений, — писал собиратель эпоса остяков Прииртышья С. К. Патканов, - нередко получал особое прозвище; оно, таким образом, увековечивало его подвиги». К примеру, один из эмдерских богатырей назывался — «Богатырь, разломавший долго сушеное конское бедро».

Боевому воспитанию воинов в немалой степени способствовали героизация подвигов легендарных воинов и многочисленные военизированные культы и обряды, посвященные духам-охранителям и божествам высшего ранга.

Лошади в лесу были редкими, преимущественно транспортными животными. За этими «славными крылоногими животными» совершались дальние экспедиции в полуденные страны. Так, например, делали богатыри

Рис. 49. Таяжное святилище Мис-хум-ойки в верховьях северной Сосьвы. Мис-хум «лесной человек». Отличить лесных людей можно по высокому росту и семи пальцам на руках. Обитали они в труднодоступных таяжных местах и были доброжелательны к людям. Основным занятием мифических лесных людей была охота на зверей, а вместо собаки, но представлениям манен, им служил соболь с шелковым шнурком на шее

"Города на Стерляжьей протоке" — Кары носнат-урдат-Вош. Лошадей, особенно светлой масти, приносили в жертву Мир-сусне-хуму.

Лучшим средством передвижения мобильных военных отрядов в таежных условиях были лыжи (зимой) и юркие лодки (летом). Именно эти средства обеспечивали внезапность атаки, гарантирующую ее успех.

Чтобы уберечься от таких нападений, аборигены тайги всячески маскировали свои жилища. Понасть в некоторые из них, по преданиям, можно было только по подземному ходу. Весь строительный и бытовой мусор прятался или уничтожался. Таежники создали даже целую систему оповещения и сигнализации. Например, натягивали низко над водой, поперек реки или протоки, веревки с шумящими подвесками. Палетевшая на них лодка поднимала звон, обнаруживая себя. Подобные преграды устраивались вокруг городков и на суше. На тайных тронах устанавливались настороженные самострелы. Тишина ассоциировалась с безопасностью: резкие крики ворон или стрекотание сорок, шумные взлеты куликов, гнездившихся у берегов речных протоков и озер, были для чутких таежников сигналом тревоги.

С массивной системой оповещения и охраны совмещались активная и визуальная. Предания новествуют о «дальнозорких и чутких ухом» сторожевых, выставляемых на дальних подступах к населению. Караульные, по материалам сказаний, иногда находились в самом городке — на номостах, поднятых на высокие столбы. В том случае, когда между несколькими городками заключался военный союз, жители подвергнувшегося нападению поселения сигнализировали о беде красными флажками — для этого служили специальные высокие шесты. «Сообщение» быстро передавалось по "беспроблочному телеграфу" — рыболовами и охотниками — и доходило до союзников.

Залогом успешного похода против неприятеля были скрытное и быстрое передвижение, которое осуществлялось даже ночью, тихое и незаметное выслеживание противника. Так, один из военных предводителей давал следующие наставления своему отряду: «Когда вы, мои триста мужей, пойдете, пусть не шевелится соринка, пусть не шевелится былинка! Не делайте столько шума, сколько комар (делает)!» При несоблюдении этих

50

Рис. 50, а, б. Изображения братьев-хозяев. На одном из них (б) у «старшего» (в центре) видны в руках отрубленные вражеские головы. Из героических преданий средневекового Обь-Иртышья следует, что техника снятия скальпа включала отделение головы, точно так же, как это практиковалось столетиями раньше у жителей Верхнего Приобья. Вероятно, головы врагов считались почетными трофеями. Во всяком случае, среди граффити на серебряной посуде и мелкой бронзовой пластике нередко подобные изображения «старшего» князя с жуткими знаками победы в руках (б) или у пояса (а). Чем больше набиралось такого рода военных «триумфов», тем выше был статус победителя. а — рисунок на дне серебряной чаши. Приуралье, По Даркеничу; б — УН-УШ вв. Васюганский клад. Бассейн р. Васюган. МАЭС ТГУ

Рис. 51, а, б. Шаманские сабли снабжены шумящими подвесками — витыми кольцами, надетыми на гарду, также изготовленную из нераскрученного нута. Витые элементы — характерная черта шаманской атрибутики. Эти сабли созданы уже под влиянием русского оружия и ножи на армейские шашки, а — общий вид; б — эфес. Этнографическая коллекция. Селькуны. Сборы И. Н. Гемуева. МА ИАЭТ СО РАН

условий отряд рисковал остаться ни с чем или попасть в засаду. На марше отряды старательно избегали встреч с рассеянными по тайге промысловиками, захватывая, впрочем, по мере необходимости, языков.

Устраиваясь на ночлег, вокруг лагеря выставляли караульных. Атмосфера такого ночлега оживает в сказании «Про двоих сыновей мужа с размахистой рукой и тянарской женщины»: «Всякий раз на одной стороне (один) муж ложится, на другой стороне (один) муж бодрствует, как только снявший муж пробуждается.

бодрствующий муж ложится. На чужой стороне, на чужих водах ими вследствие неизвестности овладевает страх». В ноходах немногочисленные тяжеловооруженные воины и во сне не расставались со своими доснехами.

Даже если предварительно посылался вызов на войну, таежники всегда стремились нанять внезапно. При этом не считалось великим грехом перебить снящих. Вообще, умение перехитрить противника и нанять врасплох превозносилось как доблесть. Яркий образец такой тактики дает летописец, новоствующий о посягательстве вогуличей на енискона Питирима Пермского. Получив необходимую информацию о планах владыки, вогульский князец Асыка «велел набросать на плоты множество срубленных елей, которых густые ветви скрывали его войско, так что вооруженные смертью плоты... издали имели вид напавших деревьев, будто подмытых напором воды», что часто, добавим от себя, встречалось в еще девственной природе Пермского края. Когда же груды деревьев наплыли к мысу, внезапно из-под них «толпы вогуличей выскочили на берег и яростно устремились на Питирима».

Сильного врага заманивали в засады, которые были очень эффективны даже при борьбе с технически превосходящим противником. Вот один из случаев нападения верхотазовских самоедов на служилых людей. «Во время сбора ясака, заряжая ружья», служилые люди ехали дорогою, «а по той же дороге с обе стороны кусты». Внезапно из них с обеих сторон носылались стрелы. Захваченные врасплох и окруженные многочисленными врагами, служилые люди не смогли оказать сопротивления и были перебиты. Только один из них, «ухвати нищаль свою стрелял по юракам однажды и ранил-де одного юрак<; в руку».

Таежники умели ввести в заблуждение по поводу численности своих отрядов. Они ставили позади себя снопы травы, выдавая их за войско (селькуны) Использовали для таких целей и тела убитых, как это сделал один из героев вогульского предания. Берегаевский богатырь Чулым, спасаясь от преследования рассадил у костра чучела и спрятал свой отряд в кустах. Когда обманутые враги подкрались и нанали на «лагерь», воины из засады расстреляли чужаков. В иных случаях противника хитростью выманивали из укрытия, заставляя приблизиться на расстояние верного выстрела.

Применялись хитрости и психологического плана. Например, на ноюса нередко привязывалась различная лязгающая снедь «вместо кольчуги, чтоб вид сделать что... в кольчуге, чтоб брэнчало». Учитывая традиционно ночтительное отношение к нанцирю как «внушающем страх одеянию из нолотна многих земель», эффективность такой «обманки» была весьма значительна.

Нанадающие отличались свиреной жестокостью и беснощадностью. Предания рисуют тотальное уничтожение населения носелков. Не щадили при этом даже детей. Победители сдирали скальные, увечили тела. Правда, эти действия во многом были ритуальными

В представлениях обских угров волосы человека связаны с одной из его душ. Человек, лишенный волос, теряет так называемую «маленькую душу». Он становится слабым и робким. Кстати, неизменным атрибутом богатырей и героических преданий обских угров являются косы.

В этом кроется и причина того, что обычай скальнирования у обских угров был столь распространен еще в недавнем прошлом. Стремление уничтожить душу врага, а следовательно, не дать ему возродиться, побуждало победителей «сдирать радужно отливающую головную кожу», а побежденных — из последних сил ее снать. Сохранить волосы считалось гораздо важнее, чем спасти жизнь.

Аналогичное отношение к волосам прослеживается и в селькунском обществе. Человек, лишившийся волос,

Рис. 52. С вхождением Сибири в состав Русского государства военная напряженность в таяжном Приобье быстро снижается, однако оружие по-прежнему высоко ценится. Несмотря на строгие запреты, торговые люди с выгодой для себя контрабандными путями поставляют сюда дорогие клинки, снабжая ими, в обмен на пушнину, местное население. Вместо обычных для прежних времен восточных клинков, в Приобье все чаще появляется продукция западных оружейных мастеров, которая быстро вытесняет изделия местного оружейного ремесла. Она оседает, в основном, на культовых местах, используется в священных церемониях и лишь иногда в таяжных сечах. Эта широкая короткая польская сабля XVII века — «карабела»² — с навершием в виде стилизованной головы орла на рукояти открытого типа и характерным перекрестием, происходящая от восточных (турецко-персидских) клинков, проделала неблизкий путь от Польши до мансийского святилища на берегах таяжного Лянина. XVII в. Домашнее святилище у с. Ломбовож. Сборы И. Н. Гемуева. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 53, а, б. Еще один образец западноевропейской клинковой продукции, обнаруженный в низовьях Оби, — кавалерийская сабля с надписью FRINGIA, звездами, кабалистическими знаками солнца и луны на лезвии, которыми некогда метил свои изделия Петр Миних (а). Лезвия с такой надписью производились в Северной Италии и предназначались для стран Востока. Знак FRINGIA также встречается на польских сабельных клинках XVI—XVII вв., многие из которых были хорошей местной подделкой. Со временем такой знак стал здесь синонимом лезвия хорошего качества. Сабли этого типа не редкость и среди находок в таяжном Приобье. До сих пор их можно встретить среди культовых предметов местного населения. XVIII в. Нольша. а — домашнее святилище у с. Ломбовож на р. Лянин; б — домашнее святилище у с. Яны-Науль. Верховья Северной Сосьвы. Сборы И. Н. Гемуева. Л. В. Баудо. МИКНС ТГУ

52

53

Рис. 54. Средневековая серебряная чаша из святилища Торум-ойки (Мир-суенехума) на Северной Сосьве. Когда-то серебряные сосуды и большое количество привозились в Нижнее Приобье из Византии и стран Средней Азии. Они оседали в амбарчиках князей и жертвенных местах. Постепенно из предметов роскоши и желанных военных трофеев они превратились в культовые атрибуты. Два столетия назад обские угры (манси), обращаясь к Мир-суенехуму, ставили на землю четыре серебряных блюда, чтобы конята коня небесного всадника не касались земли. Материалы И. П. Гемуева. А. В. Бауло. МА ИАЭТ СО РАН

но представлениям селькунов, терял волю. Поэтому у обращаемых в рабство людей обрезали косу.

Кроме голов, объектом особого внимания были и другие части тела. Селькуны верили, что вместилищем другой души и физической силы служат пальцы рук. Отсеченные руки и пальцы, таким образом, превращались в фетиш. На культовых местах найдены даже бронзовые отливки человеческих кистей. По селькунским преданиям, богатыри отрезали у мертвого врага пальцы, чтобы душа врага не причинила им вреда. Документальные подтверждения такого ритуала, совершаемого после стычек остяков и самоедов, содержатся в документах XVII века. Чтобы забрать силу поверженных врагов, остяцкие воины ноedали их сердца. Не менее жуткий обычай был у селькунских бойцов, которые, по некоторым свидетельствам, кроме сердца, съедали еще и мозг убитого противника.

Бой начинался с нерестрелки из луков¹⁰. Это была первая (и часто единственная) стадия сражения — в случае неудачи слабая сторона, бывало, сразу же отступала.

Рукопашная схватка имела всеномгательное значение. Порой перед строем воинов или под стенами осажденного города устраивалось единоборство военачальников, этим тоже могло ограничиться столкновение сторон. Смерть или поражение одного из вождей автоматически означало победу над всеми его воинами. Победители расправлялись с врагами, забирали добычу и уходили.

Перед началом поединка участники договаривались о том, как они будут сражаться. Обычно поединок начинался с состязания в стрельбе. Если нерестрелка не приносила удачи ни одному из них, соперники переходили к более решительным действиям, постепенно используя все имеющееся у них оружие. Если же и тогда победитель не выявлялся, то начинался рукопашный бой. Таким образом, схема поединка соответствовала практически по всем пунктам той схемы, по которой разворачивались большие сражения.

Описанные поединки не всегда заканчивались гибелью одного из участников. Если ни одной из сторон не удавалось в течение длительного времени одержать победу, противники нередко расходились, давая взаимную клятву «не идти сражаться друг с другом на женский век, не идти сражаться друг с другом на мужской век. Кто из (нас) богатырей сделается нарушителем клятвы, у того пусть будет содрана его отливающаяся головная кожа».

Сведения о боевых порядках таежных войск крайне скудны. Судя по некоторым фольклорным данным, во время боя наряду с рассыпной стрелковой цепью использовались и более сложные построения.

Зачастую воины отправлялись в поход на лодках, лишь изредка высаживаясь на берег. Извилистые реки, многочисленные укромные протоки, обширные заводи и тихие плесы, крутые, поросшие густым лесом берега — все это давало преимущества и при нападении, и при обороне. Лодочные «флотилии» на небольших речках из засад осыпались тучами стрел. Прежде всего, старались поразить живую силу. Впрочем, если лодки были берестяные, то основная стрельба сосредоточивалась на них.

В нужных местах устраивали заторы, не позволявшие пристать к берегу. С той стороны, откуда ожидалось нападение неприятеля, устанавливали своеобразные «мины»: на относительно мелководье с быстрым течением в дно «нодобные журавлиным ногам» забивали колья — их острия направлялись туда, откуда должен был появиться враг. Колья забивались до тех пор, пока вода не скрывала эти острия. Лодки неприятеля, налетая на преграду, получали повреждения, а люди — увечья.

Некоторые городища таежного средневековья выглядят как временное укрытие, где окрестное население не ожидало опасности, — небольшие по площади, без видимых следов каких-либо «капитальных» жилищ, но зато с кренкими оборонительными сооружениями.

В целом же, внешний облик укреплений хорошо реконструируется по археологическим данным и фольклорным сведениям. Городища, как и в прежние эпохи.

строили на господствующих высотах, выдающихся мысах или коренных террасах вблизи оврагов, а также на островах. Во всех случаях укрепленные естественные позиции усиливали строительством защитных конструкций.

Склон оканывали почти до отвесного состояния. Вынутой землей часто подсыпали площадку, использовали ее и для создания напов. В зависимости от обстановки, рвы и валы устраивали либо с наименее защищенной ногой стороны, либо по всему периметру. Подход к городищу, таким образом, максимально сужался.

Удачное расположение подобной крепости позволяло защитникам отражать нападения, концентрируя всю огневую мощь на достаточно небольшом участке атаки.

Рис. 55. Этот таежный воин середины 2-го тыс. облачен и привозную кольчугу (а). Нверху нее туловище закрывает нагрудник и нашинник, собранные из крупных пластин, которые приклеены изнутри к матерчатому покрытию (б). Нагрудник с нашинником соединен на плечах и боках металлическими пряжками (в). Плечи защищены вынуемыми коваными щитками, от которых до самых локтей спускаются металлические полоски (г), наклеенные на несколько вертикальных ремней. Широкие металлические пластины, связанные между собой с изнанки ремнями, закрывают бедра (д). В таежной среде подобное бронирование было, в общем-то, венцом развития средств телесной защиты. На голове воина - цельнокованый железный шлем с кольчужной бармицей (е). Оружие нападения составляют нальма (ж), сабля (з) и лук со стрелами (и, к). В качестве вспомогательных средств ведения ближнего боя представлены тонор (л) и нож (м). Такие «витязи» выходили на поединки, предшествующие сражению; они же прорубали бреши во вражеских нальсадах. Реконструкция по материалам Среднего Приобья

Многорядная система обороны и заливные рвы делали крепости действительно крепким орешком — и не только для средневекового таежного воинства. Так, в 1194 году осада Югорского городка новгородской ратью воеводы Ядрея закончилась полным провалом, а в 1581 юлу опытный соратник Ермака Богдан Брязга три дня не мог взять остяцкий городок близ Демьянского.

Зимой, согласно легендам, валы городков и крутые склоны обрывов обливали водой. С внешним миром их жители общались с помощью деревянных мостков, поднимавшихся в случае нападения на вал, или же своеобразных лестниц, опускавшихся на берег. Такую лестницу в минуту опасности жители немедленно подтягивали вверх.

В богатырских былинах содержатся довольно реалистичные описания укреплений. Вокруг городища плотно стоят налесады «высокою в 7 лиственниц»; конечно, такая высота нереальна, это гипербола, однако длина частоты 3–6 метров представляется вполне допустимой. Бревна стоят настолько плотно, «что ящере негде пролезть». Они высятся норой в несколько рядов. Снизу проделаны бойницы, через которые простреливаются близлежащее пространство и, но всей вероятности, ров. Стоящие возле бойниц воины в паузах между выстрелами закрывают их тором так, что вражеские «стрелы обратно улетают». На стенах устроены площадки для верхнего боя — оттуда сбрасывают специально заготовленные бревна на головы осаждающих.

Археологические материалы помогают сделать ряд дополнений к подобному рода свидетельствам. В ряде случаев валы имели в основании забутованный и засыпанный землей каркас из выложенных клетью бревен.

Рис. 56. Серебряная птица — украшение колчана. В такую фигуру превратилась к XVII веку птица кулайского времени. Это изделие — типичный пример трансформации многовековой традиции. О былом образе напоминает лишь птицевидный силуэт и крупный кабан, расположенный на том месте, где некогда отливались личины. Два кабана на крыльях помещены там, где у трехголовых средневековых птиц располагались две другие головы. Очерчения уже нет, ноле фигурки заново декоративными элементами. XVII в. Могильник Абрамово-10. Новосибирская область. МА ИАЭТ СО РАН

К ним для уплотнения засыпки добавляли носеленческий мусор (в основном, расколотые кости, черенки глиняной посуды). Иногда строился своеобразный фундамент из крупных камней, перекрытых бревнами. Дополнительные меры по укреплению рва сводились к облицовке его стенок деревом, которое покрывали слоем обожженной глиняной обкладки. Обнаружены и уноминаемые в фольклоре налесады, замыкавшие линию обороны. Строительство укреплений сопровождалось магическими обрядами и жертвоприношениями, в том числе и человека, — их следы нередко обнаруживаются в основании вала.

Наиболее распространенным способом взятия городища было нападение врасплох — атакующие нытались незаметно подкрасться к входу и, пользуясь нерасторопностью защитников, ворваться в укрепление. С этого начиналась (а норой этим и заканчивалась) осада.

В другом случае, нападшие отваживались на открытый штурм. Под прикрытием латниковлучники, обстреливая неприятеля, подбирались к самым укреплениям. Пока они засыпали защитников градом стрел, тяжеловооруженные воины рубили стену, пробивая в ней брешь для решительной атаки. Противник, разумеется, предпринимал активные ответные действия — стараясь или поразить стрелой агрессора, или же придавить его бревном. Иногда осажденные делали попытку проткнуть назойливого пришельца сквозь прорубаемое отверстие, нока оно еще было слишком мало, чтобы он мог что-нибудь заметить.

Успех мог принести и ложный отход, когда осаждавшие, якобы отступив, а через какое-то время незаметно возвратившись на свои позиции, внезапно напали на вышедших из укреплений и праздновавших победу защитников городка. Результативным этот прием был после продолжительной (но местным масштабам) осады — осажденные, томимые голодом, после «исчезновения» противника открывали ворота. Очевидно, брали укрепления и измором, хотя это было, скорее, исключением, чем правилом.

Обороняющиеся в удобные моменты предпринимали вылазки и наносили осаждающим ощутимый урон, норой вообще вынуждая их к бегству — как повествует легенда о Салхане, герое Демьянской области, и как случилось с новгородской ратью воеводы Ядрея.

В итоге таежному населению удалось создать многоплановую систему ведения войны, удивительно приспособленную к условиям нересеченной, заболоченной, изрезанной реками и протоками местности. Она удачно сочетала в себе тактику ведения военных действий малыми маневренными группами с созданием опорных точек долговременной обороны в виде крестов и городков.

«Bella omni contra omnes» (война всех против всех) в западно-сибирской тайге была истари нормой жизни, являясь нитательной средой для возникновения воинских культов и воспитания отличных воинов. Именно таежикам удалось создать целостную систему боя на ограни-

чеином пространстве. Их боевая школа основывалась на использовании ряда уникальных приемов, развивавших реакцию и концентрировавших внимание и внутреннюю энергетику человека до уровня, сопоставимого с тем, который был свойствен шаманским действиям. Из этой школы выходили замечательные следопыты, неутомимые и выносливые охотники, «чуткие ухом» и «зоркие глазами» бойцы.

Однако настоящие войны несли серьезную угрозу самому существованию народа. Потери и без того немногочисленного населения таежных княжеств, понесенные в ходе непрерывных боевых стычек, оказывались невосполнимы. С вхождением Сибири в состав Российского государства насущной задачей метрополии стала беспощадная борьба с междоусобицами, грабежами, разбоями

и «войной всех против всех». Результаты этой последовательной борьбы не замедлили сказаться. Постепенно исчезли таежные дружины, а князья и богатыри принялись на вверенных им территориях развивать промыслы. Боевое оружие, воинские регалии и экипировка превратились в безобидные предметы культового поклонения. На культовых местах теперь хранились и нагаши со шпагами, которыми награждала потомков местной аристократии русская администрация. Так на века занедалась память о боевом прошлом народа.

По-разному можно оценивать последствия вхождения Сибири в состав Российского государства. Однако стоит отметить тот несомненный факт, что именно протекторат России спас сибирские народы от неминуемого самоистребления.

Рис. 57. Воин эпохи позднего средневековья. Это время отличается в тайге постепенным сокращением числа военных столкновений - поэтому экипировка становится все более универсальной, приспособленной и к хозяйственной, и к военной деятельности. К специфическим боевым средствам относится лишь кистень (а). Долбленный деревянный колчан (б), который носили за спиной, вполне можно назвать охотничьим. Он надежно защищает стрелы от случайных поломок. От панциря осталась лишь тарелка зеркала (в) на груди, которая служит магическим оберегом и социальным знаком. Реконструкция по этнографическим материалам Нижнего и Среднего Приобья

Заключение

Прошли века. Закончились войны. Поросли травой курганы степных батыров. Весной к провалинам на их макушках взбираются чуткие сайгаки, а летом сурки да суслики обозревают отсюда окрестности и с резким сиистом, учув опасность, ныряют в провалы грабительских ям. Не курятся у подножий каменных изваяний жертвенные дымки. На верхушки стел близ забытых поминальников садятся отдохнуть степные орлы. Обрушились в глубинах тайги стены княжеских городков. Затянулись землей рвы у их подножья. Толстый слой листвы и хвои укрыл котлованы жилищ и площадки воинских ристалищ. Ушли в века богатыри и их дружины. Но славу о них бережно хранит народная память. А вырезанные из дерева священные изваяния воителей напоминают о временах, когда все они были живы и воевали друг с другом. И война была нормой жизни в тайге и степи.

Мы заканчиваем книгу, на страницах которой перед нашими глазами промелькнули семь тысячелетий, полных побед и поражений, триумфа и отчаяния. Многие остались за пределами повествования, и многое еще только предстоит выяснить ученым. Наука находится в постоянном движении, и то, о чем сегодня мы говорили лишь предположительно, ужезавтра, быть может, раскроет свои секреты. Вероятно, навсегда останутся тайной какие-то существенные особенности воинских ритуалов, то сокровенное, что не оставило после себя материальных следов.

Судить о культуре военного дела и о нормах ведения войны с позиций наших дней вряд ли верно. Конечно, война — несомненное зло. Но зло это всегда конкретно и адресно. Если что-то из прошлого кажется нам сегодня излишне жестоким и кровавым, то оценивать эту жестокость нужно, отталкиваясь от системы народного мировоззрения, но никак не от представлений современного человека. Понять и почувствовать прошлое можно, лишь поместив себя в декорации ушедшего времени.

Древний мир в каждую эпоху был внутренне взаимосвязан, и нормы боевого поведения, присущие разным культурам, перекликались между собой. Так, обряд скальпирования, распространенный практически повсеместно, представлял собой мистическое уничтожение врага. В сознании людей одновременно с земной войной шла война сакральная. Победенный не ждал пощады, ибо на месте врага он в точности повторил бы его действия. При этом можно было проявить милосердие, сохранив противнику жизнь. Правда, не физическую жизнь, а сакральную, не подвергая тело воина операциям, призванным уничтожить его душу.

В других случаях жестокость была вынужденной и, с культовых позиций, неизбежной. В таежных преданиях победители истребляют практически всех жителей захваченных селений. Согласно мистическим представлениям, у каждой территории существовал свой дух-хозяин (родовой или семейный предок), оберегавший ее и доставлявший немало бед захватчикам. Его жизнь продолжалась до тех пор, пока на земле был жив хоть кто-нибудь из его потомков по мужской линии. Поэтому, чтобы умертвить духа-хозяина, следовало расправиться не только со взрослыми, но и с детьми. Вот и пытались осажденные, в предвидении скорой гибели, спасти хотя бы одну будущую мать в надежде, что у нее родится сын-мститель, который продолжит род. Впрочем, нападавшие иногда убивали не всех, делая исключение для младенцев. Считалось, что младенческая намять чиста, как белый лист, — это позволяло воспитать их уже как своих собственных соплеменников. Человек без памяти, без связи с предками — не человек.

И так было не только в тайге. Подобные примеры можно привести из практики и степных завоевателей. Чингисхан, например, аналогичным образом поступил с «провинившимся» племенем меркитов. Другим верным способом борьбы с духами-предками чужих территорий являлось разорение могил. Именно так, судя по материа-

лам могильника Ростовка, ностунили с захоронениями чужих воинов местные жители — разбросали кости и не тронули драгоценные бронзовые изделия. Проникновение в могилу в эпохи раннего железного века и средневековья осуществлялось не ради корысти, а с единственной целью мистического уничтожения духов. Падо нологать, этот процесс сопровождался различными обрядовыми действиями, совершаемыми "священниками" самого высокого ранга. Это была страховка — но мысли древних (к которой стоит внимательно прислушаться и современным исследователям) даже простейшая могильная вещь без специальной церемонии "очистения" наносила ненонравимый ущерб прикоснувшемуся к ней. Все это касается не только Сибири, но и всего древнего мира. Вот как, но Геродоту, ответил скифский царь Иданфирс персидскому царю Дарию: «Мое положение таково, царь! Я и прежде не бежал из страха перед кем-либо и теперь не убегаю от тебя. И сейчас я ностунаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тотчас же не вступил и сражение с тобой — это я тоже объясню. У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и онустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Пайдите их и нонробуйте разрушить, тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет». То есть эти могилы охранялись с особой тщательностью. Ассирийский царь Ашшурбанинал перевез кости царей Элама и тем самым «вселил беснокойство в их души и лишил их заупокойных жертв и возлияний», а в Пиневии нобежденных царей "заставляли крошить и толочь в порошок кости своих нредков, как самое ужасное наказание для потомков".

Война, вызывающая самые глубокие человеческие эмоции, всегда была связана с многочисленными ритуалами и табу.

Военная магия сонуствовала экинировке и облачению воина. Особые рисунки и знаки-обереги наносились

не только на тело бойца, но и (как свидетельствует военная практика североамериканских индейских племен) на туловище лошади. К сожалению, мы немного знаем о древних лошадях — верных товарищах воителей Сибири в изнурительных походах и кровонролитных сражениях. В отличие от вошедших в анналы античной истории Буцефала и Инцитатуса — коней Александра Македонского и Калипулы, мы не знаем, как называли своих любимцев всадники и колесничие огромного «варварского» мира, которым нростирался за Уральскими горами. Особенности их экинировки и убранства сейчас являются предметом многих серьезных научных исследований. Далеко неслучайна была нонпулярность в воинской среде образов других коньных — клыкастых кабанов, козлов и оленей с могучими рогами. Думается, облик этих «боевых» животных, вооруженных самой природой и снособных отразить нанадение хищника, был особенно близок и нонятен каждому воину.

Мы надеемся, что этот рассказ о доснехах и оружии древних сибиряков поможет читателю погрузиться в бурную жизнь наших нредков и оживить ее.

Что же нам осталось от тех далеких времен? Пеужели лишь торжественные курганы, разбросанные в долинах Алтая, стенах Кулунды, на берегах Оби и Енисея? Время не повредило их сурового величия. Ветер носвистывает среди щербатых камней, шевелит ковыль над крутыми склонами. Тишина залегла у глубоких нровалов грабительских лазов. Разграбленные курганы нечальят глаз. Кажется, что целый мир мифоритуальных действий навсегда исчез в нучине времени.

Однако осколки древней магии и этика войны сохранились в героических нреданиях и богатырских былинах различных народов Занадной и Восточной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Приметы боевого нрошлого можно обнаружить и в традиционной системе воснитания, одежде, нраздничных обрядах и соревнованиях коренного населения Сибири.

Примечания

Глава 1. ОТ КАМЕННОГО ВЕКА К ЭПОХЕ БРОНЗЫ

1. *Комель* — прикорневая часть ствола дерева.

2. Этот наиболее продолжительный период в истории человечества подразделялся на ранний или нижний (2500–80 тыс. лет назад) и поздний или верхний (80–12 тыс. лет назад) палеолит. Некоторые специалисты выделяют еще и средний палеолит.

3. Эта цифра, впрочем, признается далеко не во всем учебном мире.

4. *Ретушь* — метод, позволявший подправлять рабочую часть всю поверхность каменных орудий. При этом мелкие чешуйки последовательно отделялись частыми и сильными ударами по плоскому твердому предмету (посредником). В другом случае эти чешуйки «посредником» выдавливались. Такая ретушь называется отжимной.

5. Технология шлифования была весьма проста: на плоский камень сыпался сырой песок и терли об этот своеобразный наждак обрабатываемую поверхность. Сверление каменного изделия производилось с помощью трубчатой кости или прочной палочки и все того же сырого песка, насыпанного на место будущего отверстия. Крупные песчинки вдавливались в такое «сверло» и, вращаясь вместе с ним, вгрызались в камень.

6. *Мезолит* — переходная историческая эпоха между палеолитом и неолитом, выделяемая последователями для некоторых регионов.

7. Эта задача оказалась непосильна для знаменитого револьвера системы Кольта.

8. В литературе описан ставший почти эталонным случай демонстрации стрелкового мастерства, который имел место в бассейне реки Ангары. Здесь один из тулусских охотников, желая продемонстрировать перед зрителями свое умение, пускал вверх стрелу и, пока она падала вниз, сбивал ее другой. Из 10 выстрелов он попадал в цель до 8 раз.

9. *Окладников А. П.* — выдающийся советский археолог, первооткрыватель и последователь многочисленных памятни-

ков самых разных эпох — от каменного века до позднего средневековья на территории Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Монголии. Основатель школы изучения сибирских древностей, Института истории, филологии и философии Сибирского отделения СО АН СССР в Новосибирске.

10. В основе всех предложенных реконструкций лежат подлинные археологические материалы, происходящие с разных памятников, но имеющих одну и ту же культурную и хронологическую принадлежность. В тех случаях, когда имелись выполненные антропологами портреты людей интересующих нас археологических культур, они использовались для воссоздания облика воинов. Разумеется, все представленное в данной книге реконструкции облика воинов все же остаются условными образами, а не портретами некогда существовавших воителей.

Глава 2. В ЭПОХУ ЗВОНКОГО МЕТАЛЛА

1. *Чайню-тенеси (тене, тенеси - холм)* — поселение докерамического неолита, расположенное в юго-восточной части Малой Азии на территории современной Турции, в верховьях Тигра. Оно выросло близ древнего рудника Арга и Маден, позднее использовавшегося ассирийцами. Здесь впервые встречаются самые древние изделия из самородной меди. Выделяется 5 периодов существования поселка. Начиная со второго периода, его обитатели возводят каменные дома с фундаментами окрашенными в оранжево-желтый цвет полами. Основные орудия делались из кремневых пластин. Керамика отсутствует. Не имея более точных данных, большинство исследователей считает наиболее достоверной областью возникновения ранней металлургии горные районы у северных и северо-западных границ Месопотамии, где уже с 4-го тыс. до н. э. возникают древнейшие цивилизации.

2. *Бронзовый век* — период в истории человечества, когда бронза стала основным производственным материалом (хронологически, примерно с конца 4-го до начала 1-го тысячелетия до н. э., в отдельных регионах позднее). Бронзой называется сплав металлов, состоящий из 9-ти частей меди и 1-ой части олова. Температура плавления бронзы 700 градусов, а ее твердость ближе к железу, чем к меди. Для того чтобы получить

в руки этот материал, человеку потребовалась тысяча лет. Это время называется энеолитом (медно-каменный век).

3. *Открытые бои* - бои на открытой местности с изготовившимся к сражению противником. В то время нападения на большей части осуществлялись внезапно. Это было залогом удачи и гарантировало меньшие потери. Но ход таких действий партизанско-диверсионного типа во многом зависел от конкретной обстановки и трудно восстановить.

4. Памятники этой культуры, поразившие ученый мир и ценителей древности разнообразием и изобилием высококачественных оловянистых бронз, ставят больше вопросов, чем дают ответов. Раскопанные некрополи не имеют рельефных наземных сооружений, а в могилах в громадном большинстве случаев отсутствуют человеческие останки. Информация о творцах бронзового оружия, нередко воткнутого в стенки и пол погребальных ям, остается ничтожной.

5. Подавляющее число ныне известных вещей сейминско-турбинского типа найдено в некрополях, расположенных по обеим сторонам Уральских гор. Три некрополя, в том числе Сейма и Турбино, давшие имя племенам, расположены в европейской части страны, и два в Сибири. Некоторые предметы характерных форм разбросаны среди отдельных могильников многочисленных культур эпохи развитой бронзы.

6. Согласно этнографическим данным прошлого века, эфронские щиты, сделанные из твердой кожи буйволов, невозможно было пробить свинцовой пулей из имевшегося тогда на вооружении гладкоствольного ружья. Для этого приходилось рубить специальные нули из железных трутьев. Нанцири индейцев Северо-Запада Америки, выполненные в виде куртки из двух или нескольких слоев спрессованной оленьей кожи, также снисали от ружейных нулей.

7. Роговое и костяное защитное вооружение прослужило человеку в различных регионах планеты очень долгий срок и использовалось, например, у народов Северо-Востока Сибири (чукчей, эскимосов, юкагиров) наряду с железным вплоть до XIX века. Благодаря тому, что доспехи из органических материалов дожили до наших дней, специалистам удалось выяснить их боевые возможности. Как оказалось, роговые и костяные изделия обладали очень высокими защитными свойствами и лишь немногим уступали металлическим образцам.

8. В 390 году до н. э. афинский полководец Ификрат с помощью отряда воннов, вооруженных легким щитом (нельтой) и метательными дротиками, наголову разгромил спартанскую фалангу.

9. От лат. *militia* (войско) — самодействующая и самовооруженная военная организация населения.

10. Умение уходить от ударов коний и летящих стрел было распространенным искусством в воинских формированиях древности. В многочисленных героических сказаниях самых

различных народов (в том числе и сибирских) говорится о богатырях, ловко ускользящих от нущенных в них стрел, — то быстро нрисядающих, то высоко подпрыгивающих, отбивающихся от них веслами, налкой и другими подручными средствами. Несмотря на кажущуюся фантастичность, все эти сведения отражают реальность. Согласно документально зафиксированным опытам пашпх дпей, с помощью определенного комплекса урражений психологического плана можно развить собственную реакцию настолько, что она позволяет даже ловить стрелу руками, а не только уклоняться от нее.

11. Рисунки на одежде и щитах южно-сибирских воинов эпохи бронзы воссозданы по разверткам орнаментальных поясов сосудов этой проекции, в какой они видятся со стороны его дна. Невозможно доказать, что форма щитов в Сибири в эпоху бронзы была именно круглая. В данном случае мы преследовали цель воссоздания колорита исторической эпохи. Поэтому все элементы, заключая в себе подлинный смысл орнаментальной композиции, не противоречат колориту культуры. Магическое¹ значение круга для намятников эпохи развитой и поздней бронзы у специалистов также не вызывает сомнения. Разумеется, щиты могли быть и иной, близкой к нрямоугольной и пятиугольной формам, как это изображено на оленных камнях. Такие изделия также представлены в реконструкциях. Для воссоздания цветовой гаммы в случаях, когда мы не располагали дополнительными данными, были использованы только оттенки естественных, натуральных материалов, которые могли предоставить человеку растительный и животный мир.

12. По этому поводу Санкт-Петербургским археологом и этнографом Л. Г. Савиновым высказана гипотеза. Он полагает, что косые линии — знак смерти, и вооруженные фигуры изображают богатырей, ушедших в иной мир и утративших плотский облик. Именно поэтому рисовка элементов экипировки оказывается более значимой для создания образа воителя.

13. Раскопки «мерзлотных» курганов Алтая доказывают, что татуировки зверей на руках и плечах воинов были обычным явлением. На теле вождя из Назырыкского кургана, раскопанного С. И. Руденко, они расположены столь же плотно, как и на оленных камнях, и напоминают при беге взгляде неструю шаль, накинутую на тело. В другом алтайском кургане, исследованном В. И. Молодиным на плато Укок, было обнаружено тело воина с изображенной на плече фигурой оленя. напоминающей рисунки на оленных камнях.

Глава 3. ПАЗЫРЫКЦЫ, ТАГАРЦЫ И ДРУГИЕ

1. Кочевой способ ведения хозяйства в то время не был единственным. В таких промежуточных зонах, как лесостепь, серьезным подспорьем оставались охота, рыболовство, земледелие. В тайге развивался нрисяивающий охотничье-рыболовческий тип экономики.

2. *Грифон* – фантастическое животное с туловищем льва, орлиными крыльями и головой орла или льва. Необыкновенно популярный персонаж у сибиряков раннего железного века. Изображался чаще всего в виде орла с ушами и гривой, стоящей зубцами.

3. Нить в экипировке всадника указывает на восточную манеру езды, которой присущи мягкое седло без заметной выраженной задней луки, отсутствие шпор и управление колем при помощи нити. Такая манера управления верховым животным начала складываться уже в эпоху раннего железного века. Плетки, бичи и нагайки сохранили свои функции управления верховым животным и норажения противника вплоть до этнографической современности. У киргизов, по наблюдениям Г. П. Симакова, всадник не выходил на неединок без нескольких нагаек. Одну он вешал на наружную луку седла, другую брал в руку, а третью зажимал в зубах за кожаную петельку — дрему. В неединке необходимы были занасные нагайки, так как без них киргизская лошадь плохо управлялась.

4. *Берсерки* (*бер* — медведь, *серк* — одевать) — в литературе: воины в медвежьих шкурах. Шли в бой в одних рубахах без лат, их состояние боевого безумия начиналось с того, что воин начинал грызть зубами край своего щита. Чтобы стать таким бойцом, мало было личной храбрости, надо было преобразить свою человеческую сущность и войти в состояние истинного боевого восторга, экстаза, рвущегося из самых глубин существа. «Они шли без лат, дикие как собаки или волки. Они вбивались зубами в свои щиты и были сильны как медведи и быки. Они убивали людей, и все, даже железо и сталь, были бессильны перед ними. Это называлось ярость берсерков», — так говорится о подобных воевателях в скандинавском эпосе (*Инглингсага*).

5. Оружие, украшенное звериными образами, было особенным и "живым". Подобно тому, как «живыми» были в представлениях сибирских аборигенов и шаманский бубен, и подвески на шаманском костюме, и вещь, изображающая животное, и вообще необычной формы предметы, особенно папирусные людей и зверей. В представлениях аборигенного населения Сибири такие «живые» предметы — могучие фетиши. Они сами выбирают себе нового хозяина и заставляют его принять их. Они не теряются, а уходят сами. Известны факты таинственных, нередко кровавых, ритуалов, которые совершались, чтобы оживить оружие (вдохнуть в него душу), наделить его особой волшебной силой. Определенным указанием на то, что в эпоху раннего железного века существовало «живое», одушевленное оружие, может служить свидетельство Геродота о том, что военное божество скифов имело форму меча, и скифы поклонялись ему. То есть это оружие само было вместилищем сверхъестественных сил. Конечно же, на роль такого вместилища претендуют не рядовые клинки, а, надо полагать, особым образом оформленные. Этим, видимо, объясняется то, что настоящие боевые клинки, выполненные из звериного шкура, за исключением небольших моделей, известны в Сибири в числе случайных находок. Они не встречаются в погребениях, куда их, вероятно, нельзя было класть. Они жили вечно, меняя хозяина. Их можно

было потерять, оставить на святилище, спрятать, но никак не похоронить с владельцем, ведь в таком случае они становились смертельно опасными для живых. Далеким отзвуком тех представлений и мистических ритуалов оживления оружия, некогда совершенных глубокими ночами в таинственных и жутких местах, стали легенды самых разных народов Европы и Азии о заклятых мечах-кладенцах, которые по руке лишь избранным героям, и волшебным клинком которых можно было одолеть любого врага.

6. В основной своей массе назырьские воины не использовали доспехи. Во всяком случае, надежных свидетельств массового применения защитного вооружения у населения Горного Алтая пока не обнаружено. Впрочем, мы вполне допускаем мысль, что оно все же могло делаться из самых доступных органических, но недолговечных материалов — илотного войлока и очень жесткой лиственничной древесины. На это указывает блестящее мастерство деревообработки и катания различных разносортных войлоков, которые демонстрируют нам материалы "замерзших" курганов. Также говорят об этом находки реальных деревянных ножей и старинная традиция эффективно защищать свое тело специальными доспехами, изготовленными из многослойных войлочных холстинок, которая сохранилась у кочевников Центральной Азии вплоть до этнографической современности. Впрочем, учитывая развитие обменных и торговых отношений с населением древнейших очагов культуры Центральной, Средней Азии и Китая, мы не вправе отрицать, что наряду с прочими товарами к верхушке назырьского общества могли попадать металлические доспехи, особенно из такого развитого района культуры оружейного производства, каковым являлся в те времена Китай.

7. Для воссоздания облика горно-алтайского вождя эпохи раннего железного века были использованы материалы «царских» курганов назырьской культуры. Судя по находкам, сделанным в мерзлотных курганах илато Укок, штаны и головные уборы у местного населения были красного цвета. На нашей реконструкции они синие. Дело в том, что на шубе назырьца из могильника Верх-Кальджин ярко выделяются синяя окантовка подола, рукавов и круглые пушистые "мишени" синего цвета, к которым крепились нучки окрашенных волос. Синего цвета и костюм у всадника перед божеством со знаменитого назырьского ковра. Можно предположить, что этот цвет в убранстве воинских костюмов с выраженной птичьей символикой ассоциировался с небом и мог считаться принадлежностью представителей высшей знати. Погребенные на илато Укок назырьцы являлись знатью среднего звена, которой позволялось использование такой цветовой гаммы только в небольшом количестве как знака, указующего на родство с главным домом. Разумеется, это не более, чем предположение, но исторические параллели статусного использования цветовой символики в соответствии с социальным положением можно найти среди материалов Китая и античного мира. Среди материалов назырьской культуры известно использование золотых лент — накладок на штаны, которые делали их полосатыми. Надо полагать, что такая одежда была исключительно церемониальной. В повседневной реальности подобные

штаны могли быть сшиты из простых чередующихся полос ткани.

8. *Саки* - кочевое скотоводческое население Средней и Центральной Азии эпохи раннего железного века.

9. *Темляк* — петля на конце рукояти холодного оружия, в которую продевалась кисть руки.

10. В 1715 году по случаю рождения наследника уральский заводчик Никита Демидов преподнес российской императрице собрание золотых вещей, приобретенных в Сибири у профессиональных грабителей курганов, так называемых «буровщиков». Подарок состоял из литых блях со сценами борьбы животных и шейных гривен с фигурками зверей на концах. Пётр I по достоинству оценил подношение и распорядился о дальнейшем приобретении подобных изделий. Вскоре стараниями сибирского губернатора князя Гагарина в Петербург принесли еще 10 золотых предметов, а чуть позже — уже более ста. Эти изделия и составляют хранящуюся ныне в Эрмитаже Сибирскую коллекцию Петра I.

11. *Гарда* — устройство, предохраняющее руку от встречного удара: то же, что и нерекрестие.

12. *Камус* - шкура, снятая с голени конных животных — оленей, лошадей, лосей. Короткая шерсть на этих местах держится особенно прочно и практически не вытирается. Её приклеивают к лыжам шерстью по направлению скольжения. Она не мешает движению вперед, но совершенно не дает лыжам скользить назад,

13. *Тын* — защитная стена вокруг поселения из врытых в землю и заостренных сверху бревен.

14. *Сарматы* — кочевые ираноязычные племена, занимавшие степи от Приуралья до Дона. На раннем этапе (VII—IV вв. до н. э.) близки скифской культуре по формам оружия, конским уборам, «звериному стилю» в искусстве. Намятники этого времени носят название сарматских. В III веке до н. э. в античной письменной традиции распространяется новое название — «сарматы», вытесняющее прежнее. Сарматская культура формируется сначала в Приуралье и распространяется через Новороссию на запад вплоть до Северного Кавказа (сарматы, аланы) и Северного Причерноморья (языги, роксоланы). Вооруженные длинными мечами и конями, закованные в латы сарматские воины наносят поражение скифам и вытесняют их с политической арены. Их господство сокрушено гуннами, которые в 375 году перенесли значительную часть сарматского населения. Уцелевшие сарматы частично вместе с победителями и готами продвинулись в Западную Европу вплоть до Испании, частично же осели в горах Северного Кавказа, где вошли в состав некоторых современных народов — например, осетин и кабардинцев.

15. Благодаря очень малой изменчивости форм таежной материальной культуры, сохранению старых форм хозяйства,

бытового уклада и верований на большом историческом отрезке от раннего железного века до средневековья, здесь, с большим основанием, чем где-либо ещё, можно привлекать данные этнографии и фольклора, возмещая пробелы в источниках. Поэтому, воссоздавая облик воинов распространенной здесь в эпоху раннего железного века кулайской историко-культурной общности, мы использовали этнографические материалы, касающиеся кройки одежды, обуви, фасона причёсок аборигенного населения Нижнего Приобья. Для декора одежды и предметов воинской экипировки из органических материалов были использованы орнаментальные мотивы глиняной посуды кулайского населения.

16. Шпиринка илоского кожаного ремешка, которым связывали сквозь отверстия пластины напоя, была больше величины их диаметра. Пропуская ремешок в такие дырочки, его сжимали, скручивали и смачивали, скорее всего, слюной, для лучшего скольжения. Протянутый сквозь отверстие кончик распрямляли. Крепкие ремешки сжимались (стискивались) отверстиями. И даже если врагу удавалось ударом расщепить их, доспехи не разваливались, ибо сорвать пластину с ремня, опять не скрутив его, было невозможно.

Глава 4. ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

1. Имеется в виду сражение между войсками Римской империи под предводительством Аэция и гуннского племенного союза, возглавляемого Атиллой. Оно получило у современников название «битвы народов». В этой битве римлянам, некогда грозным вершителям судеб античного мира, в последний раз удалось отстоять свою независимость.

2. Этот титул, согласно объяснению китайского историка I века Бань Гу, означает «обширный» и показывает, что его носитель, обширен, подобно Небу, т.е. под его властью, словно под небом, находится вся земля. Ранее он принадлежал военному предводителю, позже главе государства, сохранившему за собой права верховного главнокомандующего.

3. Вот как описываются эти события в китайском письменном памятнике «Шицзин». После того как Маолунь (Модэ) получил от своего отца отряд конных телохранителей, «он сделал свистунку и начал угрожать своим людям в конном стрельбе из лука с таким приказом: всем, кто пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, отрубят голову. Модэ сам пустил свистунку в своего армага. Некоторые из приближенных не смели стрелять, и Модэ немедленно не стрелявшим в армага отрубил головы. Спустя несколько времени Модэ опять пустил свистунку в любимую жену свою, некоторые из приближенных ужаснулись и не смели стрелять. Модэ и сам отрубил голову. Ещё по прошествии некоторого времени Модэ выехал на охоту и пустил свистунку в шаньюево армага. Все приближенные тоже выпустили стрелы. Из сего Модэ увидел, что он может употреблять своих приближенных. Следуя за отцом своим шаньюем Туманем на охоту, он пустил свистунку».

ку в Тумапя; приближенные также пустили стрелы в шапью Тумапя. Таким образом, Модэ, убив Тумапя... объявил себя шапьюем».

4. Именно так, по наблюдениям Н. Витсена - голландского ученого и писателя, посетившего Россию с посольством в XVII в., применяли свистящие стрелы тысячу лет спустя потомки монголов. Эти стрелы «были с утолщенным передним кончиком, сделанным из кости, на них три или четыре свистульки (отверстия — Л. С), которые в воздухе очень громко свистят, что забавно слышать... У них сначала при военных отрядах выстреливают такие свистящие стрелы через головы своих отрядов, чтобы возбудить в них храбрость, а также для того, чтобы этим звуком в зависимость от направления, в котором они стреляют, отдавать приказы».

5. Зверовая охота в Северной. Центральной и Юго-Западной Азии всегда была школой войны. Боевое и охотничье оружие здесь не всегда можно различить. На працеских минациях XVI в. можно увидеть, что даже такое **сугобо** боевое оружие, как сабля, используется на охоте, а в Бурятии еще в начале XIX в. выходили на загонную охоту в латах. История оружия, которое составляло гордость воинов, начинается в каменном веке, когда охота на крупных животных была основным занятием немногочисленных человеческих племен коллективов.

6. *Кабошон* - выпуклая овальная или прямая вставка из камня или цветного стекла. Как правило, помещалась в специальное гнездо -- оправу, края которой обжимались.

7. Для воссоздания одежды воинов эпохи Великого переселения народов использовался покрой одежды из глубоких штотел могольщика Нош-Ула в Северной Монголии. Китайские каша и шелка, судя по материалам гораздо более поздних находок на Алтае и в Западной Сибири, имели здесь хождение вплоть до позднего средневековья.

8. В этой связи обращает на себя внимание цикл героических преданий обских угров, записанный в начале XIX века С. К. Наткаповым в лесной полосе Обь-Иртышского бассейна. Согласно им, древние богатыри отличались от всех остальных смертных особой прозрачностью тела. Не исключено, что речь идет именно об анатомической боевой раскраске. Поверхность тела при этом становится как бы «прозрачной» для наблюдателя, замечаящего лишь анатомические подробности.

9. *Чаа-мас* - "камень войны" — по народному хакасскому преданию, места сражений древних богатырей, швырявших друг в друга обломки скал. Представляют собой наземные погребальные сооружения, стены которых сложены из плашмя уложенных каменных плит. Изнутри эти и сооружения завалены плитняком. Ограды по периметру состоят из вертикальных стел, расположенных с большими промежутками друг от друга. Все это имитирует форму реального жилища.

10. *Истяцкий клад* — два железных позолоченных шлема, обнаруженные в 1886 году в 10 км от юрт Истяцких. на почто-

вой дорой- «Тобольск - Омск». Вот как это произошло: «Крестыяпп... патолкнулся на медную большую кастрюлю (вероятно, скифский котел), возле которого стояли два железных колпака (шлемы), а в них лежали кружки (бронзовые диски). В одном колпаке лежал «ангел» (серебряная фигурка Артемиды, изготовленная в Бактрии во II веке до н. э.). Возле кастрюли было старое железное копьё, которое он бросил... Местность, где найдены эти вещи, представляет густой сосновый бор. Грунт земли чистый песчаный. Никаких курганов или городков нет». Среди находок имелось 75 плосковыпуклых блях из белой бронзы, два китайских зеркала, пять изображений птиц, пять фигурок всадников, двенадцать волчьих фигур и одна ажурная подвеска с изображением рогатого хщипка.

11. Подобная подпитка была довольно распространённой. Историческим примером такого рода связей могут служить взаимоотношения тюркоязычного кочевого объединения Черных Клобуков и Киевской Руси. Этих кочевников, осевших на лесостепных рубежах древнерусского государства, в просторечии называли даже «своими погаными». Они охраняли его южные границы, участвовали в походах киевских князей против внешних (половцы) и внутренних врагов. Данный пример, несмотря на то, что относится к несравненно более позднему времени и потому, во всяком случае, для Киевской Руси, уровню экономическому и политическому развития общества, интересен, прежде всего, как документально зафиксированный образец взаимовыгодных действий сторон с разной направленностью хозяйственной деятельности.

12. *Селькуны (остяки, остяко-самоеды)* - народ таяжской подосысевера Западной Сибири, говорящий на языке самодийской группы. Живут в Томской, Тюменской областях, Красноярском крае. Выделяются северные и южные группы. Формирование селькунов связывают с пропковешем в среду абригелов средней Иртышья самодийских племен из района Саяно-Алтая на рубеже эр. Основные занятия — охота, рыболовство. В прошлом селькуны неоднократно создавали различные территориально-политические объединения, известные, по русским летописям как "княжества", которые объединяли несколько различных родо-племенных групп. Самым крупным из них на рубеже XVI в. была Негай орда. После основания Нарыма (1569 г.) это межплеменное объединение селькунов вошло в состав Русского государства.

13. В это самое время у обских угров расцветает культ Мир-суспе-хума. Мир-суспе-хум — это мир обезжающий человек. Буквальная калька восточнославянского божества Митры. Культ Небесного всадника, обезжающего на белом коне верхний и средний миры и скачущего через небесный огонь, сложился в тайге после контактов с южным населением на **рубеже** эр и имел ярко выраженный вошский характер. С тех пор его изображение становится одним из самых почитаемых образов на Иртышских святилищах.

14. *Медвежий праздник* - обряды и церемонии, которыми сопровождалось убийство медведя, свежевавшие туши, поедание мяса и забота о его останках в традиционных культурах абриг-

генов Северной Азии, Дальнего Востока и Северной Америки. У народов Сибири и Америки этот праздник приурочивался к удачной охоте на медведя. У обских угров известны также периодические праздники в честь медведя – предка одной из дуально-экзогамных половин общества – фратрии Нор. Считалось, что после своего возрождения медведь покровительствует членам рода или фратрии, и после принятия ритуальной транезы люди становились храбрее. Медведь незримо присутствует на празднике, и одной из задач обряда было отвести от себя вину за убийство животного, свалив ее на чужаков. Содержанием праздника в честь медведя были извинения перед убитым животным, чествование его миром, неснями жертвоприношениями, ритуальное поедание его мяса и торжественные похороны останков. Ритуальное шествие сопровождалось обрядами и плясками. У некоторых народов существовала традиция обрядиться в шкуру медведя и, надев маску из кожи, снятой с лобно-носовой части и губ зверя, изображать его на празднике. После еды плясали, исполняя танцы предков, зверей, сценки встречи охотников с духами гор, леса, воды, которые относятся к наиболее древним элементам медвежьего праздника, различные драматические и юмористические бытовые сценки, состязались в прыжках с шестом в высоту, через аркан, в стрельбе из лука. Считается, что в прошлом некоторые танцы-пантомимы были ритуальными тотемическими плясками, связанными с древнейшим обрядом умножения тотема. Традиция же изображения зоантропоморфных предков сложилась позднее. Кости медведя нельзя было ломать, рубить – во время транезы их собирали в мешок и вместе с черенком относили на священное место, в специальный амбар, где хранились и другие атрибуты праздника. Иногда черен медведя вешали на дерево. На р. Казыме местные жители хранили его надетым на высокий нень.

15. Образ миролюбивой водоолавающей пернатой птицы сочетался в древности с воинской символикой. На плато Укок назырыкские воины носили головные уборы, украшенные сверху гусиными головами.

16. Единорост на пространстве, ограниченном размерами брошенной на землю шкуры, практиковались у потомков кулайцев еще в начале прошлого века.

Глава 5. ПОТОМКИ СЕРОЙ ВОЛЧИЦЫ

1. *Кидани (китай)* монголоязычные племена охотников и скотоводов, кочевавшие на территории современной юго-восточной части Внутренней Монголии. Известны по китайским летописям с IV века. Непрерывно воевали с соседними племенами, тюрками, Китаем. В VI–VII веках консолидация киданских племен привела к созданию государственного образования – союза племен с выборным правителем во главе. В X веке у киданей складывается империя. Кунюрюдочению государственно-аннарата привлекаются выходцы из Китая. строятся города, крепости, дороги, развиваются ремесла, торговля. С 947 года вводится новое летоисчисление, и государство получает название Великое Ляо. У киданей развиваются исто-

рия, литература, медицина, архитектура, искусства, и письменность. С распространением буддизма является книгопечатание (ксилография). Империя киданей после серии победоносных войн раскинулась на территории от берегов Японского моря до Восточного Туркестана и от Желтого моря до Забайкалья и была самой могущественной в Восточной Азии. Сунский Китай, проиграв войну, платил ей ежегодную дань. С конца XI века начался упадок империи киданей. В 1120 году тунгусоязычные племена чжурчженей уничтожили государство Ляо. Часть киданей ушла на запад в Среднюю Азию.

2. В XIII–XIX веках и позже очень уязвимые подмышечные впадины стали защищать специальными небольшими дисками, которые крепились к плечевым ремням. Иногда их могло быть несколько, и они, гибко соединяясь между собой, располагались попарно с правой и левой стороны.

3. Существовала определенная цветная символика флажка, связанная с возрастом умершего. Так, белый указывал на молодого, красный – на молодого, черный – на человека средних лет. Представители знати водружали флаг в соответствии со знаменем, под которым ходил покойный при жизни. Впрочем, под кончиком такого коня мог вывешиваться хвост яка или жеребенка.

Глава 6. ВСАДНИКИ С БЕРЕГОВ ЕНИСЕЯ

1. *Уйгуры* – древний тюркоязычный народ Центральной Азии, коренное население современного Синцзян-Уйгурского автономного округа Китая. Предками уйгуров были кочевые племена, жившие в древности в монгольских степях и упоминавшиеся в китайских летописях с IV века. В V–VIII веках уйгуры входили в состав Жужаньского, а затем и Тюркского каганатов. После падения последнего в середине VIII века уйгуры в долинах рек Селенга, Орхон и Тола основали свое собственное государство – Уйгурский каганат. В 840 году он был разгромлен енисейскими кыргызами. Уйгуры переселились в Восточный Туркестан и в западную часть Ганьсу, где создали независимые государства с центрами в Турфанском оазисе (847–1369 гг.) и Ганьсу (847–1036 гг.). Государство в Ганьсу было уничтожено тангутами, а население восточно-туркестанского государства уйгуров в XIV веке подчинено монголами и вошло в улус Джучи.

2. Вопрос о вкладе енисейских кыргызов в становление современной киргизской народности еще далек от окончательного разрешения. Несмотря на созвучие самоназваний, прямое отождествление здесь вряд ли уместно. Специалисты, правда, не отрицают самого факта участия енисейских кыргызов в формировании практически одноименной народности. Речь идет только о доле этого участия.

3. Эпоха Сууктэр позаимствовала свое название у погребальных памятников («хыргысгыр сууктэр», что значит «киргизские могилы»). Такой памятник представляет собой

кольцевую насыпь со стенкой в основании. Иногда близ насыпи стоит вертикальная стена. Над насыпью археологи обычно находят остатки погребального костра и сожженных человеческих костей, железные детали конской сбруи, оружие, украшения, остатки погребальной тризны (кости лошадей и овец). Здесь же встречаются и погребения собак. Некоторые исследователи считают рослые породы кыргызских собак боевыми.

4. Монгольская династия, правившая в Китае и Монголии в XIII–XIV веках. Внук Чингисхана, нятый монгольский великий хан Хубилай в 1260 году перенес столицу из Каракорума на территорию Китая, сначала в Кайнин, а через четыре года в Чжунду — современный Пекин. В 1271 году он дал монгольской династии чингизидов китайское название Юань. В 1279 году войска Хубилая завершили завоевание Китая, уничтожив китайскую династию Южная Сун.

Глава 7. И СЫНАЛИСЬ СТРЕЛЫ ДОЖДЕМ...

1. Когда реальная угроза монгольского вторжения в Западную Европу миновала, у католической церкви возникла идея обратить монголов в христианство и сделать их союзниками в борьбе против ислама. Для сбора сведений и установления дипломатических отношений в Монголию по поручению римского папы в 1246 году ездил францисканский монах итальянец Плано Карпини, а в 1253–1255 годах по поручению французского короля Людовика IX — фламандец, тоже монах-францисканец, Гильом де Рубрук. Плано Карпини впоследствии написал книгу «История Монголов» (впервые изданную в переводе на русский язык в 1911 году).

2. После смерти Джучи в 1227 году территории Южной Сибири стали собственностью великого хана Тулуя. На юге улус Джучи граничил с Джагатайским улусом в Хорезме. В результате походов хана Батгя, сына Джучи, границы владений значительно продвинулись на запад. В XIII веке улус отделился от Монгольского государства, явившись тем ядром, из которого выросла Золотая Орда.

3. Монгольское войско не было мононациональным. Оно формировалось из представителей многочисленных монгольских, а также и тюркоязычных, кочевых племен, сформированных жесткой дисциплиной, единой административной системой и общностью целей. Поэтому понятие «монгольский» здесь и далее несет в большей мере собирательный, нежели этнический смысл.

4. *Псалии* — вертикальные стержни, прикреплявшиеся перпендикулярно к концам удила. Псалии, известные с эпохи раннего железа, удерживали удила во рту лошади, не давая им смешаться вбок. При натягивании поводьев они сдавливали губы лошади, причиняя ей боль и тем самым заставляя подчиняться седоку.

5. Считается, что они без труда рассекали кольчугу. Вряд ли это так. Рассечь отдельное кольцо было очень непросто,

ибо оно сцеплено с несколькими другими, и наконечник с плоским острием встречает сопротивление сразу нескольких звеньев. Логичнее допустить, что стрелы со стамесковидным наконечником нускались так, чтобы сбоку проскользнуть над чешуйку пластинчатых доспехов и порвать ремни вязки.

6. *Нукер* (в переводе с монгольского, друг) — дружинник на службе феодализовавшейся знати в XII–XIII веках в Монголии; позже вассалы крупных феодалов. В XIV–XX веках этот термин стал употребляться у народов Передней и Средней Азии в значении «слуга».

7. «*Великая Яса*» Чингисхана — основной кодекс права монгольского средневековья, обнародованный Чингисханом при избрании его великим ханом на курултае (съезде) в 1206 году.

Глава 8. «ЖЕЛЕЗНЫЕ ВОЛКИ» С ТАЕЖНЫХ ПРОТОК

1. *Остяки* — старое название обских угров — хантов и манси. Происходит от самоназвания Ас-ях — «человек с Большой реки». Ас-ях — так называли угры реку Обь. Самоедами называли самодийские племена — например, ненцев. Остяко-самоеды — селькупы.

2. Согласно сведениям средневековых арабских трактатов о лучной стрельбе, в районах с резкими температурными колебаниями получили распространение луки с широкими плечами и минимумом накладок, то есть практически цельнодеревянные. Таежная полоса Сибири с ее ярко выраженным континентальным климатом была таким районом. Ведь прочно склеить детали из разнородных материалов (даже особо качественным рыбьим клеем) всегда было делом нелегким: дерево и рог по-разному реагируют на перепады температуры и влажности, по-разному меняются и их размеры под воздействием этих факторов.

3. Перед нами не просто боевой бык с двумя быками, подтверждающий права шаха на престол, а борьба с зооморфной иносатсью божества, в которой победитель-шах наследует силу и мощь быка и получает божественный дар, дающий право на престол. Известно, что дикий бык был иносатсью «невозданного быка», зороастрийского божества, а зримое воплощение божества нужно было «добыть», чтобы обрести его свойства — силу, мощь, непобедимость.

4. По свидетельству охотника и путешественника А. Черкалова (60-е годы XIX в.), одним ударом нальмы срубалось дерево толщиной с руку, а другим рассекалось оно пополам, прежде чем его ствол успеет коснуться земли.

5. Екатеринбургские археологи, основываясь на фольклорных данных, обнаружили и начали исследовать легендарный город Эмдер.

6. Сибирские народы общинных вождей называли по-разному: селькупы — «сенгира», ханты — «урт», манси — «отер», однако, смысл этих слов был один — «богатыри».

7. Например, пляски г оружием. Вот как выглядит этот обряд в описании очевидца (конец XIX века). Церемония, которую В. Шавров видел в остяцком (хантыйском) селении, длилась с вечера до глубокой ночи. В жилище, где находилось изображение духа, постепенно сходились жители деревни. Каждый, войдя в дом, трижды поворачивался перед «кумиром». " Наконец, как все собрались, шаман загремел саблями и копьями железными... лежавшими над кумиром на мостках, каждому из предстоящих... дал или саблю, или копье, а сам, взяв по сабле в ту и другую руку, стал спиной к кумиру. Но получении означенных сабель и копий остяки стали вдоль юрты рядами... повернулись все вдруг по три раза, держа перед собою сабли и копья. Шаман ударил своими саблями одна о другую, и тогда, по команде его, разными голосами вдруг заголосили, кланяясь из стороны в сторону. Гайкали то редко, то вдруг очень часто, то оиять редко, не отставая один от другого, и при каждом повторении «гай» переваливались то направо, то налево, осаживая копья и сабли несколько книзу и подымая вверх... Остяки чем более кричали и качались, тем более, казалось, приходил в некоторый род иступления и, наконец, так, что я без ужаса не мог глядеть на лица их, кои весьма много сначала заняли». Подобный акт военной магии предпринимался, очевидно, накануне военных действий. Впрочем, и в мирное время такая церемония оказывала сильнейшее эмоциональное воздействие на ее участников. К сожалению, в письменных свидетельствах не расшифровывается собственно воинский смысл движений. Их авторы просто не обращали на это внимание. Ясно лишь, что аборигены активно применяли раскачку корнуса, вращательные движения и различные способы владения оружием на разных уровнях и в разных илоскостях.

8. Исторический пример - когда глубокой осенью 1585 года на землях остяков появился отряд воеводы Ивана Мансурова, к недостроенному Обскому городку, чтобы разгромить иришельцев, стянулись многочисленные отряды аборигенов с берегов Оби и Иртыша. Под стены осажденного городка был доставлен и сам Белогорский «шайтан» (главный фетиш Белогорского княжества), которому остяки приносили многие жертвы, «чаяюще себе помощи от него». Умелым выстрелом из нушки казаки разбили его в щенки. Как только наседавшие увидели, как "норазен и сокрушен бе идол", боевой дух покинул войско, и толпы остяков рассеялись, ибо «ни на кого больше не могли надеяться».

9. *Карабела* — одна из распространенных и популярнейших нольских сабель восточного происхождения, характерных для нольской культуры второй половины XVII—XVIII вв. Боевые карабелы, в отличие от нарядных сабель этого же типа, имели простую отделку ножен, роговые, из дуба или полированного ореха боковые накладки на рукоять и более длинный клинок. Лезвие для такого оружия использовалось привозное из Персии или Турции. Вероятно, это и породило не вполне

обоснованное мнение, что название этой сабли связано с иракским городом Кербеда. Клинки же для богато украшенных карабел продолжали выпускаться в Нольше до конца XIX в., постепенно приобретая особый смысл, напоминающий об утере национальной независимости

10. Самые яркие страницы сказаний, воспевающих богатырскую силу, посвящены стрельбе из лука. Например: «Виш-Отыра костью лук взял, другую стрелу из колчана вынимает. Древко ее длиной четыре четверти, наконечник железный — три четверти. Наконечник змеиной кожей закален. На середине лука стрелу наложил, лук натягивать стал. Четырехчетвертное древко все кончилось, дальше оттягивает. На весь трехчетвертной наконечник оттянул, тогда пустил... стрела зазвенела... Лесного духа стрелой с ног сшибло, на три сажени отбросило. Стрела дальше полетела, позади войска по самые перья в землю ушла. У Виш-Отыра тетивой кожу с пальцев пощипало...». Или еще: "Кровавый богатырь... вышел со своим сыном на улицу... его сын положил стрелу на тетиву лука, натянул тетиву и спустил... (Произведенным ветром) был сметен в кучу изобильный мусор всего селения..."

Библиографический список

- Амброз А. К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. — 1973. № 4. — С. 81–98.
- Антропова В. В.* Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири // Сибирский этнографический сборник II. — М.—Л., 1957. — Т. 35. — С. 99–245.
- Бауло А. В.* Серебряное блюдо с Малой Оби // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2000. — № 4. — С. 143–153.
- Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. — М.—Л., 1935.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.—Л.: Наука, 1950. — Ч. 1.
- Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. — Л.: Наука, 1986.
- Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.
- Варенов А. В.* О функциональном предназначении "модели ярма" эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. — Новосибирск: Наука, 1984. — С. 42–51.
- Васильев В. Н.* Стрелы сарматов Южного Урала. Вопросы баллистики и производства // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. — С. 19–23.
- Винклер фон Н.* Оружие. — М.: Софт-Мастер, 1992.
- Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как памятник истории алтайских илемен. — М.—Л.: Наука, 1965.
- Гемуев И. Н.* Еще одно серебряное блюдо из Северного Приобья // Изв. СО АН СССР (сер. истории, филологии и философии). Новосибирск, 1988. — № 3. Вып. 1. — С. 39–48.
- Гемуев И. Н., Бауло А. В.* Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. — Новосибирск: ИЛЭТ СО РАН, 1999.
- Гемуев И. Н., Сагалаев А. С.* Религия народа манси. — Новосибирск: Наука, 1986.
- Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьев А. И.* Легенды и были таежного края. — Новосибирск: Наука, 1989.
- Гемуев И. Н., Соловьев А. И.* Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. — Новосибирск: Наука, 1984. — С. 39–55.
- Генинг В. Ф.* Тураевский могильник V в. п. э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. — Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1978. — С. 55–108.
- Гондатти Н. Л.* Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. — М., 1888.
- Горбунов В. В.* Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. — Барнаул: АГУ, 1999. — С. 47–55.
- Горелик М. В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. — М.: МГУ, 1983. — С. 211–269.
- Горелик М. В.* Ранний монгольской доспех (IX — первая половина XVI вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 163–208.
- Горелик М. В.* Сакский доспех // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. — М.: Наука, 1987. — С. 110–133.
- Горелик М. В.* Армии монголо-татар X–XIV вв.: Военное искусство, оружие, снаряжение. — М.: Восточный горизонт, 2002.
- Горелик М. В.* Оружие Древнего Востока. — М.: Наука, 1993.
- Горелик М. В.* Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. — С. 155–160.
- Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1950.
- Дьяконов М. М.* Очерк истории Древнего Ирана. — М.: Наука, 1961.
- Дэвлет М. А.* Нетроглифы Мугур Саргола. — М.: Наука, 1980.
- Дэвлет М. А.* Нетроглифы на кочевой тропе. — М.: Наука, 1982.
- Жамбалова С. Г.* Традиционная охота бурят. — Новосибирск: Наука, 1991.
- Зиняков Н. М.* Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. — Кемерово: КГУ, 1997.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова П. В.* Угорское наследие. — Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994.

- Пванин М. П.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. — СПб., 1875.
- Пванов Г. Е.* Новые находки оружия раннего железного века в стенном Алтае // Военное дело населения Юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск Наука, 1993. — Г. 95 - 106.
- Пинфантьев П. П.* Путешествие в страну вогулов. — СПб., 1910.
- Кирпичников Л. П.* Древнерусское оружие IX - XIII вв. - Л.: Наука. 1971. Вып. 3.
- Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А.* Скифская эпоха горного Алтая. Барнаул, 1997. - Ч. 1.
- Киселев С. П.* Древняя история Южной Сибири, — М.: Изд-во Академии наук, 1951.
- Кожин П.М.* Сибирская фаланга эпохи бронзы. // Военное дело населения юга Сибири к Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1991. - С. 16-41.
- Комплекс археологических памятников у горы Тенсен на Енисее.* — Новосибирск: Наука. 1980.
- Конилов Б. А.* Тажное Прииртыше в X—XIII вв. Омск: ОмГНИ. 1993.
- Конюлли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. Эволюция военного искусства на протяжении 12 веков. — М: Эксмо-пресс, 2001.
- Косарев М. Ф.* Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991.
- Котенко Ю. В.* Индейцы Великих Равнин. — М.: Техника - молодежи. 1997.
- Кубарев В. Д.* Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. - С. 29-54.
- Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка. — Новосибирск: Наука. 1987.
- Кубарев В. Д.* Камешные изделия Алтая. — Новосибирск—Горно-Алтайск, 1997.
- Кулемзин А. М.* Об эволюции татарских кинжалов. Известия лаборатории археологических исследований. — Вып. 1. Кемерово: КРУ, 1974. С. 27-36.
- Кулемзин А. М.* Татарские костяные наконечники стрел // Известия лаборатории археологических исследований. - Вып. 7. - Кемерово: КГУ. 1976. С. 30-41.
- Кулемзин А. М.* Татарские бронзовые наконечники стрел. Археология Южной Сибири. — Кемерово: КГУ, 1976. - С. 43-56.
- Кулемзин А. М., Горский М. Р.* Развитие татарских бронзовых кинжалов и изменение механических свойств их наконечников // Известия лаборатории археологических исследований. — Вып. 9. - Кемерово: КГУ, 1977. - С. 50-53.
- Кулемзин А. М., Пасонов М. Ю.* Исследование механических свойств клинков тагарских бронзовых кинжалов // Военное дело населения Юга Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1993.
- Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. — М.: Искусство, 1977.
- Макиавелли П.* О военном искусстве. - СПб.: Амфора. 1999.
- Малиновская П. В.* Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья и средние века. М.: Наука. 1974. — С. 132 - 175
- Мартынов Л. П.* Лесостепная тагарская культура. — Новосибирск: Наука. 1979.
- Матющенко В. И., Синецкая Г. В.* Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. - Томск: ТГУ, 1988.
- Матющенко В. П., Татаурова Л. В.* Могильник Сидоровка в Омском Прииртыше. — Новосибирск: Наука, 1997.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. — М.: Восточная литература, 1999. - Т. 1.
- Мифология манси.* Энциклопедия уральских мифологий. - Новосибирск: ИАЭТ, 2001. - Т. 2.
- Могильников В. А.* Население Верхнего Приобья в середине второй половины I тысячелетия до н.э. — М.: ИА РАН, 1997.
- Молодин В. П.* Бараба в эпоху бронзы, — Новосибирск: Наука, 1985,
- Молодин В. П.* Новый вид бронзовых кинжалов и погребениях кротовкой культуры // Военное дело населения Юга Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1993. - С. 4 - 16.
- Молодин В. П.* Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия. — Новосибирск: ИПФОЛИО-пресс, 2000.
- Молодин В. П., Соболев А. П., Соловьев А. П.* Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск: Наука. 1990.
- Молодин В. П., Чикишева Т. А.* Погребение воина IV—V вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР. 1990. - С. 161-179.
- Пиканоров В. П., Худяков Ю. С.* Изображение воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. — Новосибирск, 1999. Вып. 2. — С. 141-154.
- Повгородова Э. А.* Мир петроглифов Монголии. — М: Наука. 1984.
- Ожередов Ю. П.* Сакральные стрелы южных селькунов // Приобье глазами археологов и этнографов. - Томск: ТГУ. 1999. — С. 77 - 119.
- Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - Ч. 1, 2.
- Окладников А. П.* Неолит и бронзовые век Прибайкалья. — М-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. - Ч. 3.
- Овчинников А. П.* Древнее искусство Приамурья. Л.: Аврора, 1981.
- Окладников А. П., Мартынов А. П.* Сокровища Томских нисаши. Наскальные рисунки неолита и бронзы. — М: Искусство, 1972.
- Патканов С. К.* Тин остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. — СПб., 1891.
- Пелих Г. П.* Селькуны XVII века. Очерки социально-экономической истории. — Новосибирск: Наука, 1981.

- Петрин В. Т.* Налеволитические памятники Западно-Сибирской равнины. - Новосибирск: Наука, 1986.
- Плано Карпини Дж. Дель.* История Монгалов /./Дж. Дель Нлапо Карпини. История Монгалов / Г. до Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Книга Марко Поло. - М.; Мысль, 1997.
- Плетнева Л. М., Мец Ф. П.* Ритуальный комплекс эпохи раннего железа в Томском Ирпобье // Ирпобье глазами археологов и этнографов. - Томск: ТГУ, 1999. - С. 10- 23.
- Плотников Ю. А.* О пазначенных отверстиях в лопастях стрел // Вопросы военного дела и демографии Сибиря в эпоху средневековья. - Новосибирск: НГУ, 2001, - С. 79- 95.
- Погодин Л. П.* Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. - Омск: ОмГУ, 1998.
- Полосьмак Я. В.* Бараба в эпоху раннего железа. - Новосибирск: Наука. 1987.
- Полосьмак П. В.* Стерегище золото группы. Новосибирск: Наука. 199-1
- Полосьмак П. В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001.
- Полосьмак П. В., Молодин В. П.* Новые находки предметов вооружения раннего железного века из Барабинской лесостепи. Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск: Наука, 1981. - С. 74-86.
- Прокофьева Е. Д.* Материалы по шаманству селькупов // Проблемы общественного сознания абортенов Сибири. - Л.: Наука, 1981. С. 42-68.
- Пятышева П. К.* Железная маска из Херсонеса. - М.: ГИМ, 1964.
- Рец К. П., Юй Су-Хуа.* К вопросу о защитном вооружении хупцов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. - Вып. 2. - С. 42-55.
- Руденко С. М.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. - М.-Л.: Наука, 1953.
- Руденко С. П.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. - М. Л.: Наука. 1960.
- Руденко С. П.* Культура хупцов и Нопулшские курганы. - М.-Л.: Изд-во АП СССР, 1962.
- Руденко С. П.* Сибирская коллекция Нетра 1. - М. Л.: Изд-во АИ СССР, 1962.
- Савинов Д. Г.* Народы Восточной Сибири к древнетюркскую эпоху. - Л.: ЛГУ, 1974.
- Савинов Д. Г.* Из истории упряжи верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н. э.) // СЭ. - 1977. - № 1. - С.31-48.
- Савинов Д. Г.* Древнетюркские курганы Узунгала // Археология Северной Азии. - Новосибирск: Наука, 1982. - С. 102- 122.
- Савинов Д. Г.* Олениные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та. 1994.
- Симаков Г. П.* Общественные функции кыргызовских пародных развлечений в конце XIX - начале XX вв. - Л.: Наука, 1984.
- Смирнов Я. П.* Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. - СПб., 1909.
- Соколова З. П.* Нерезищенные религиозных верований у обских укров // СМАЭ. - 1971. - Т. 27. - С. 211- 238
- Соколова З. П.* Медвежий праздник // Археология, этнография и антропология Евразии. - Новосибирск: ИАЭТ, 2000. № 2.- С. 121 - 130
- Сокровища Ирпобья.* - СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996.
- Степи Евразии в эпоху средневековья.* Археология СССР. - М.: Наука. 1981.
- Степная волна Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* Археология СССР. - М.: Наука. 1992.
- Тревер К. В., Луконин В. Г.* Саянское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирапа III - VIII вв. - М.: Искусство, 1987.
- Троицкая Т. П.* Кулайская культура в Новосибирском Ирпобье. - Новосибирск: Наука, 1979.
- Троицкая Т. П., Бородовский Л. Н.* Больпереченская культура лесостепного Ирпобья. - Новосибирск: Наука, 1994.
- Уманский А. П.* Ногребение эпохи «Великого переселения народов», на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск: Наука. 1978. - С. 129- 163.
- Феномен алтайских мумий.* - Новосибирск: ИАЭТ, 2000.
- Фиельструп Ф. А.* Из обрядовой жизни кыргызов начала XX в. - М.: Наука. 2002.
- Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
- Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов. - Новосибирск: Наука. 1980.
- Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск: Наука, 1986.
- Худяков Ю. С.* Вооружение кочевников Южком Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. - Новосибирск: ИАЭТ, 1997.
- Худяков Ю. С., Плотников Ю. Л.* Рубяше-колющее оружие кымаков // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. - Кемерово: КГУ-НГУ. 1991 - С. 92-107.
- Черемисин Д. В.* Исследование петроглифов на юге Горного Алтая в 2001 году. Наскальные изображения Чаганки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. - Новосибирск: ИАЭТ, 2001. - Т. 7. - С. 480-485.
- Черемисин Д. В.* Петроглифы бассейна р. Чаган: результаты исследования 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: ИАЭТ. 2002. - Т. 8. - С. 191 -496.
- Черненко Е. В.* Скифские лучники. - Киев: Наукова Думка, 1981.
- Чернецов В. П.* К вопросу о происхождении восточного серебра в Ирпобье ТИЭ. - 1947. - Т. 1. С. 113-134.
- Чернецов В. П.* Древняя история Нижнего Ирпобья // МИА. М.-Л., 1953. - № 35. - С. 7-71.

- Чернецов В. Н.* Пижпе Приобье в I тыс. п. э. // МИА. - М-Л., 1957. № 58. - С. 136-246.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский фепомеп). — М: Паука, 1989.
- Чиндина Л. А.* История Средне Приобья в эпоху раннего средневековья. — Томск: ТГУ. 1991.
- Чиндина Л. А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. -Томск: ТГУ, 1984.
- Чиндина Л. А.* О войне и мире у охотников и рыболовов южной тайги Западной Сибири // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. - Томск: ТГУ, 1996. - С. 86-116.
- Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. - М.: Паука, 1967.
- Членова П. Л.* Карасукские кипжалы. — М: Наука, 1976.
- Членова Н. Л.* Олешные камни как исторический источник. - Новосибирск: Наука, 1981.
- Юнусов А. С.* Военное дело тюрок в VII - X вв. (по арабским источникам) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск: ИИФиФСО АН СССР 1990. - С. 97-105.
- Ян Хун.* Очерки по истории древнекитайского оружия. Пекин: Вэнь. 1980.
- Ernest S. Burch Jr.* War and trade // Crossroads of continents. Cultural of Siberia and Alaska. Smithsonian Institution press. - 1988. - P 227-240.
- Kwasniewicz W.* 1000 slyw j broni bialej i uzbrojeniu ochronnym. — Warszawa: Wydawnicywo ministerswa o orony narodnej, 1981.
- Novgorodova E.* Alte Kunst der Mongolei. - Leipzig:E.A. Seeman Verlag. 1980.
- Wagner E.* Peib und Stichwaffen. — Praha: Artia. 1966.

Список сокращений музеев

БКМ	Бийский краеведческий музей
ГИАМЗ	Государственный историко-археологический музей-заповедник «Тобольский Кремль»
ГИМ	Государственный исторический музей
ККМ	Кемеровский краеведческий музей
МА АГПУ	Музей археологии Алтайского государственного педагогического университета
МА БГУ	Музей археологии Благовещенского государственного университета
МА ИАЭТ СО РАН	Музей археологии Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
МА ПГПУ	Музей археологии Поволжского государственного педагогического университета
МА ОмГУ	Музей археологии Омского государственного университета
МА ОмГПУ	Музей археологии Омского государственного педагогического университета
МАЭС ТГУ	Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
МИКПС ТГУ	Музей истории культуры народов Сибири Томского государственного университета
МКМ	Минусинский краеведческий музей
НГКМ	Поволжский государственный краеведческий музей
НКМ	Повокузнецкий краеведческий музей
ООКМ	Омский областной краеведческий музей
ПОКМ	Пермский областной краеведческий музей
ТОКМ	Томский областной краеведческий музей

Для подготовки иллюстраций использованы изобразительные материалы, опубликованные в разные годы в работах:

<i>Амброза А. К.</i>	<i>Дроздова Н. И.</i>	<i>Матюшина Г. Н.</i>	<i>Савинова Д. Г.</i>
<i>Абдулганеева М. Т.</i>	<i>Дэвлет М. А.</i>	<i>Матющенко В. И.</i>	<i>Сагалаева А. М.</i>
<i>Асеева И. В.</i>	<i>Евтюховой Л. А.</i>	<i>Меняева С. С.</i>	<i>Сапунова Д. Н.</i>
<i>Бауло А. В.</i>	<i>Завитухиной М. Н.</i>	<i>Могильникова В. А.</i>	<i>Семенова А. И.</i>
<i>Болотина Б. С.</i>	<i>Зыкова А. Н.</i>	<i>Молодина В. И.</i>	<i>Смирнова Я. И.</i>
<i>Бородаева В. Б.</i>	<i>Иванова Г. Е.</i>	<i>Нестерова С. Н.</i>	<i>Старкова В. Ф.</i>
<i>Бородовского А. И.</i>	<i>Кирпичникова А. П.</i>	<i>Новгородовой Э. А.</i>	<i>Троицкой Т. П.</i>
<i>Задецкой Э. И.</i>	<i>Кирюшина Ю. Ф.</i>	<i>Овсянникова О. В.</i>	<i>Худякова Ю. С.</i>
<i>Варенова А. В.</i>	<i>Коникова Б. А.</i>	<i>Окладникова А. Н.</i>	<i>Чернецова В. Н.</i>
<i>Волкова В. В.</i>	<i>Конопацкого А. К.</i>	<i>Нетрина В. Т.</i>	<i>Чиндиной Л. А.</i>
<i>Гавриловой А. А.</i>	<i>Косарева М. Ф.</i>	<i>Нлетневой Л. М.</i>	<i>Уманского А. Н.</i>
<i>Гемуева И. Н.</i>	<i>Кубарева В. Д.</i>	<i>Нлетневой С. А.</i>	<i>Федорова-Давыдова А. Г.</i>
<i>Генинга В. Ф.</i>	<i>Кубарева Г. В.</i>	<i>Плотникова Ю. А.</i>	<i>Федоровой Н. В.</i>
<i>Герасимова М. М.</i>	<i>Кулемзина А. М.</i>	<i>Ногодина Л. И.</i>	<i>Цыба С. В.</i>
<i>Горбунова В. В.</i>	<i>Кызласова И. Л.</i>	<i>Нолосьмак Н. В.</i>	<i>Чагаевой А. С.</i>
<i>Горелика М. В.</i>	<i>Кшиасова Л. Р.</i>	<i>Няткина Б. Н.</i>	<i>Черемисина Д. В.</i>
<i>Гракова Б. Н.</i>	<i>Ларичева В. Е.</i>	<i>Пятьшева П. В.</i>	<i>Членовой Н. Л.</i>
<i>Гришина Ю. С.</i>	<i>Леонтьева И. В.</i>	<i>Радлова В. В.</i>	<i>Шилина Ю. В.</i>
<i>Грязнова М. Н.</i>	<i>Малиновской Н. В.</i>	<i>Распоповой В. И.</i>	
<i>Давыдовой А. В.</i>	<i>Мартынова А. И.</i>	<i>Руденко С. И.</i>	
<i>Даркевич В. П.</i>	<i>Матвеевой Н. Н.</i>	<i>Савина А. М.</i>	

УДК 902 (623)
ББК 63.4 (68.9)
С56

Соловьев А. И.

С56 Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. - 224 с.: ил.

ISBN 5-89590-035-6

Главный герой этой книги — вооружение народов, живших на территории Сибири. Рассказ об оружии охватывает огромный временной интервал — от каменного века до средневековья. Комплексный подход к проблеме позволил автору услышать диалог различных культур, проследить преемственность в развитии оружия и дать объемную картину жизни сибиряков, включающую в себя их быт, искусство, систему религиозных представлений и культовую практику. Сделать эту картину более зримой помогают подробные реконструкции древних воинов, выполненные на основе богатейшего археологического материала.

УДК 902 (623)
ББК 63.4 (68.9)

Научно-популярное издание

Директор *Л. М. Ианфилова*

Редакторы *Т. И. Вишневская, А. Г. Киселева, А. М. Ианфилов*

Оформление и макет *И. В. Волгина, Р. Г. Камшия*

Художники *М. А. Лобырев, В. П. Мочалов*

Корректор *А. Г. Киселева*

ЛР № 065057 от 21.03.97.

Подписано в печать 1.09.2003. Формат 60х90 1/8.
Гарнитура Петербург. Печать офсетная. Бумага мелованная
Усл. печ. л. 28. Уч.-изд. л. 22.9. Заказ № 4676

Издательство «ИНФОЛИО-пресс»
630090, Новосибирск, проспект Академика Коптюга, 4.
Тел./факс: (3832) 33-26-98. 39-63-61

ОАО «Экспериментальная типография»
103051, Москва, Цветной бульвар, 30

ISBN 5-89590-035-6

9 785895 900352

